

**Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»**

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина)

Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, Университет Лейдена)

Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)

Войтак М., д-р, проф. (Польша, Университет Марии Склодовской-Кюри)

Джусмайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Южный Федеральный университет)

Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)

Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)

Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина)

Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, Университет Тампере)

Саксена Р., д-р, проф. (Индия, Университет Дели)

Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)

Фээр-Дюпэрг А., д-р, доц. (Франция, Университет Пуатье)

Черняевская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещеных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, СПбГУ)

Абаев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Абаева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Арутюмова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литературы, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

- Olga Aleksandrova* (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupâigre (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

- Irina Novokreshchennykh* – *Editor-in-Chief*
(Perm State University)
Irina Rusinova – *Associate Editor*
(Perm State University)
Natalya Shutemova – *Associate Editor*
(Saint Petersburg State University)
Vladimir Abashev (Perm State University)
Marina Abasheva (Perm State
Humanitarian-Pedagogical University)
Larissa Alekseeva (Perm State University)
Anna Arustamova (Perm State University)
Elena Bazhenova (Perm State University)
Natalya Boronnikova (Perm State University)
Alexandr Bratukhin (Perm State University)
Svetlana Burdina (Perm State University)
Natalya Danilevskaya (Perm State University)
Liliya Duskaeva (Saint Petersburg State University)
Elena Erofeeva (Perm State University)
Boris Kondakov (Perm State University)

- Irina Kochkareva* (Perm State University)
Ludmila Kushnina (Perm National Research
Polytechnic University)
Valeriy Mishlanov (Perm State University)
Svetlana Mishlanova (Perm State University)
Natalya Nesterova (Perm National Research
Polytechnic University)
Ivan Podyukov (Perm State Humanitarian-
Pedagogical University)
Oleg Pohalenkov (Kaluga State University
named after K. E. Tsiolkovski)
Boris Proskurnin (Perm State University)
Tamara Serova (Perm National Research
Polytechnic University)
Olga Sidorova (Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Svetlana Shlyakhova (Perm National Research
Polytechnic University)

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>
Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Боброва М. В. Вклад Г. Н. Чагина в лингвистическое изучение Пермского края.....	5
Ван Цзюаньцзюань, Ерофеева Е. В. Образ Москвы в медиатекстах туристических агентств и в языковом сознании россиян.....	17
Данилина Н. И. Из истории жанра «описание клинического случая»	27
Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. «Царь-рыба» В. Астафьева: публицистичность как жанровый формат.....	37
Катермина В. В., Логутенкова О. Н. Сравнительный анализ употребления феминитивов в речи билингвов и монолингвов (на материале русского и греческого языков).....	47
Мальцева М. В. Классификация песенного дискурса в формальной, функциональной и когнитивной лингвистике.....	59
Пантиухина Т. В. Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина	69
Попова Н. А. Без-префиксальные дериваты корней <i>-голос-</i> / <i>-глас-</i> и <i>-молв-</i> в истории русского литературного языка и в говорах: семантико-мотивационный аспект.....	78
Пустовалов А. В. Пермские «Подслушано»: роль в городском информационном пространстве.....	90
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	108
Лю Сяоя. Редкие цвета в прозе А. П. Чехова: символика и спектр (1886–1903).....	108
Матвеенко И. А. Сюжет о смертной казни в творчестве У. М. Теккерея и И. С. Тургенева: «Как из казни устраивают зрелице» и «Казнь Тропмана»	117
Османова К. П. Мотив сна в пьесах Артура Адамова «Какими мы были» и «Обретения»	125
Погадаева Е. В. O restless restless race: пионерство как единица идеологической системы Уолта Уитмена (на примере стихотворения “Pioneers! O Pioneers!”)	135
Семьян Т. Ф., Клопотюк Д. И. Особенности нарративной организации в мини-романе Генриха Сапгира «Сингапур»	146
Сыромятников О. И. «Слово Даниила Заточника» – первое произведение духовной сатиры в русской литературе	154

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY.....	5
Bobrova M. V. Georgy Chagin's Contribution to the Linguistic Study of Perm Krai.....	5
Wang Juanjuan, Erofeeva E. V. The Image of Moscow in Tourist Agencies' Media Texts and in the Linguistic Consciousness of Russians.....	17
Danilina N. I. From the History of the 'Clinical Case Report' Genre.....	27
Duskaeva L. R., Tsvetova N. S. 'The Tsar Fish' by Viktor Astafyev: Publicism as a Genre Format.....	37
Katermina V. V., Logutenkova O. N. Comparative Analysis of the Use of Feminatives in the Speech of Bilinguals and Monolinguals (on the Material of Russian and Greek).....	47
Maltseva M. V. Classification of Song Discourse in Formal, Functional, and Cognitive Linguistics.....	59
Pantyukhina T. V. Morphology of Personal Pronouns of the Udmurt Language in M. A. Myshkin's Grammar.....	69
Popova N. A. Derivatives from the Stems -golos-/glas- and -molv- with the Prefix bez- in the History of the Russian Standard Language and in Dialects.....	78
Pustovalov A. V. Perm 'Overheard' Communities: The Role in the Urban Information Space.....	90
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	108
Liu Xiaoya. Rare Colors in Anton Chekhov's Prose: The Symbolism and Spectrum (1886-1903).....	108
Matveenko I. A. The Plot of Death Penalty in William Thackeray's and Ivan Turgenev's Writings: 'Going to See a Man Hanged' and 'The Execution of Tropmann'	117
Osmanova K. P. The Dream Motif in the Plays 'As We Were' and 'Gatherings' by Arthur Adamov.....	125
Pogadaeva E. V. O Resistless Restless Race: Pioneering as a Central Ideological Concept in Walt Whitman's Poetic World (Based on the Poem 'Pioneers! O Pioneers!').....	135
Semyan T. F., Klopotyuk D. I. The Narrative Organization in the Mini Novel 'Singapore' by Genrikh Sapir.....	146
Syromyatnikov O. I. 'The Word of Daniil Zatochnik' as the First Work of Spiritual Satire in Russian Literature.....	154

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК [81'28:39.01:94](470,53)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-5-16
<https://elibrary.ru/udkggu>

EDN UDKGGU

Вклад Г. Н. Чагина в лингвистическое изучение Пермского края

Боброва Мария Владимировна

к. филол. н., доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9. bomaripgu@yandex.ru

SPIN-код: 5931-0438

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

ResearcherID: Z-1779-2018

Статья поступила в редакцию 21.10.2024

Одобрена после рецензирования 26.11.2024

Принята к публикации 20.01.2025

Информация для цитирования

Боброва М. В. Вклад Г. Н. Чагина в лингвистическое изучение Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-5-16.
EDN UDKGGU

Аннотация. Проанализирован вклад историка, этнографа, этнолога, краеведа Георгия Николаевича Чагина в лингвистическое изучение Пермского края. Статья рассчитана не только на узких специалистов-лингвистов, но и исследователей в иных гуманитарных сферах. Среди научных интересов Г. Н. Чагина обнаружаются две основные лингвистические области. Во-первых, ученый выстраивал межпредметные связи, обращаясь к языковым данным с целью изучения этногенеза и миграционных процессов в Пермском регионе. На примере одного из наиболее значимых трудов ученого (монографии «Пермь Великая в топонимических доказательствах») рассмотрены принципиальные подходы историка к изучению ономастики (топонимов, фамилий местных жителей, этнонимов). Подчеркнута особая значимость приложения к монографии – «Материалов к словарю географических названий Северного Прикамья», которые нуждаются в полноценном исследовании филологами, историками, географами. Оговаривается общность методологических подходов Г. Н. Чагина и лингвистов: с опорой на этимологию имен собственных, ономастические изоглоссы, количественные данные и др. Подчеркивается, что, несмотря на отдельные ошибки и неточности, вклад историка-этнографа в пермскую лингвистику неоспорим. Во-вторых, крайне значима деятельность Г. Н. Чагина по возрождению языка и культуры коми-язывинцев, имевшая конечной целью утвердить и закрепить этническую идентичность этой группы жителей Красновишерского района Пермского края как отдельного народа. Вопреки всем усилиям ученого, вопрос об этом не решен окончательно, однако именно Г. Н. Чагин его актуализировал. В итоге исследователем введены в научный оборот новые языковые материалы, обозначены отдельные перспективные задачи по изучению лингвистических данных язывинского варианта коми языка, использован прикладной потенциал лингвистических ресурсов как источника неязыковой информации, актуализирован социально-политический потенциал конкретного языка как одного из факторов национального самосознания и самоопределения.

Ключевые слова: Г. Н. Чагин; история науки; межпредметные связи; этнография; ономастика; коми-язывинский язык; Пермский край.

Введение

24 апреля 2024 г. отмечалось 80 лет со дня рождения Георгия Николаевича Чагина. Имя этого пермского историка, этнографа, этнолога, краеведа хорошо известно и филологам. Как истинный ученый, он отличался широтой интересов и объемностью видения исторических процессов и этнических явлений, пониманием того, насколько тесно взаимосвязаны различные стороны жизни человеческого сообщества.

Занимаясь вопросами истории и краеведения, Г. Н. Чагин неизбежно сталкивался с необходимостью обращаться в своих изысканиях к фактам языка. В соответствии с общей антропоцентрической направленностью развития современного научного знания «постепенно этнографическая наука отходит от понимания этнических культурных систем как неподвижных и замкнутых. Поэтому все большее место в научных изысканиях Георгия Николаевича начинают занимать лингвистические и фольклорные источники, факты устной истории, добытые им в многочисленных полевых выездах» [Белавин, Подюков, Черных 2019: 198]. В научной деятельности этого исследователя можно выделить два основных лингвистических направления: одно связано с изучением имен собственных Пермского края в качестве источника исторических сведений, другое – с интересом к истории, культуре, а вслед за этим и к языку коми-язывинцев.

Научный вклад Г. Н. Чагина настолько велик, что необходимо говорить о большом влиянии этнографа на общую проблематику разрабатываемых пермскими исследователями научных тем и специально рассмотреть его труды филологической направленности¹.

Историко-ономастические изыскания ученого

Известна длительная дискуссия представителей разных отраслей науки о статусе ономастики: ученые довольно долго вели спор о том, кому направлению знания принадлежит топонимики. Географы правомерно утверждали, что географические названия, которые изучает топонимики, должны собирать и изучать именно они. Историки резонно возражали, отмечая, что топонимы отражают исторические процессы и потому принадлежат области исторических наук. Интересно, что за рубежом долгое время сохранялся именно такой взгляд на топонимику – как на «служанку истории». В отечественном научном знании звучало и компромиссное решение о пограничном положении ономастики между лингвистикой, географией и историей, но достаточно быстро утвердился современный взгляд: имена собственные – это прежде всего слова, а значит, мы должны понимать, что онимы – объект изу-

чения в языкознании, «вместе с тем не исключая существования топонимики как вспомогательной исторической или географической науки» [Матвеев 1974: 11].

Кроме прочего, и лингвистика давно ушла от устаревшего взгляда на язык как на явление самодостаточное и замкнутое на себе, что также способствовало примирению сторон. Как известно, современное языкознание опирается на такие постулаты: язык исторически изменчив (это продукт общественного развития), язык социален (это средство общения появляется только в обществе и развивается вместе с ним), язык есть отражение культуры. А потому значимо не просто инвентаризовать, буквально составить списки имен собственных и разложить их на части (звуки, морфемы, семы) или определить их грамматические особенности. В силу таких общеязыковых признаков, как сравнительность, дифференциальность, рядность (системность), онимы – это в том числе географические метки и источник сведений об истории и этнографии народов, давших объектам названия, это также знаки социальной и культурной жизни, проявляющейся только в динамике и в большом многообразии. Иными словами, имена собственные – это явление не чисто языковое, а геокультурное, историко-культурное и лингвокультурное.

Закономерно поэтому, что Г. Н. Чагин-историк, исследуя археологические находки и памятники письменности, обратился к данным ономастики – еще одному источнику сведений о миграционных процессах. Историки и этнографы нередко опираются на имена собственные в своих изысканиях (см., например, труды В. А. Оборина, А. В. Черных, Е. Н. Шумилова и др.), но, считаем, одна из наиболее значимых обобщающих работ в этом направлении – «Пермь Великая² в топонимических доказательствах» Г. Н. Чагина [Чагин 2004]. Достоинства данного труда определяет, в частности, то, что Г. Н. Чагин продемонстрировал информативные и объяснительные возможности не только топонимики, но и других значительных разделов ономастики – антропонимики (науки об именованиях людей) и этнонимики (науки о наименованиях народов). Образец работы с фамилиями как источником исторических сведений о миграционных и этногенетических процессах мы обнаруживаем и ранее: например, финно-угровед В. И. Лыткин привлек современные фамилии местных жителей для изучения особенностей заселения и освоения части Красновишерского района Пермского края коми-язывинцами [Лыткин 1961]; вопрос о таких процессах рассматривался известным пермским лингвистом Е. Н. Поляковой на основе исторической антро-

понимии (календарных и некалендарных имен, фамилий) [Полякова 2005, 2010]. Г. Н. Чагин обратился к материалам памятников письменности.

Данная книга дает наибольшие лингвистические перспективы, поэтому остановимся на ней подробнее.

Исследователь Северного Прикамья в трех главах книги рассмотрел на материале имен собственных три основных этапа колонизации севера Пермского края – территории, на которой переплелись судьбы нескольких народов, прежде всего русских, коми-пермяков и vogulов (манси). Как историк, он опирался на многочисленные памятники – рукописные, хранящиеся в российских архивах и музеях, или уже опубликованные, а кроме того, на списки населенных пунктов, на данные словарей и справочников, на материалы полевых экспедиций. Но выводы Г. Н. Чагин делал на основе извлеченных оттуда имен собственных: топонимов (главным образом названий поселений) и связанных с ними антропонимов (имен, фамилий, прозвищ местных жителей). Из-за скучности сведений начального периода колонизации этой территории (XI–XV вв.), отраженных лишь отрывочно в древнерусских летописях, Г. Н. Чагин начинает с XVI в. и первого дошедшего до нас реестра поселений, а также их жителей – с переписи Ивана Яхонтова 1579 г. Затем исследователь обращается к данным первой (1624 г., 1648 г.), затем второй половины (1678 г.) XVII в., а также (в сравнительно-сопоставительном аспекте) XVIII–XIX вв. Большой наглядности и достоверности выводов служат составленные Г. Н. Чагиным карты и таблицы.

Опора на ономастические данные, на их количественные показатели позволила историку проследить, как возрастило количество русских в регионе и как постепенно вытеснялись всё дальше на северо-запад коми-пермяки, на север – манси. Интересно при этом, что места первых поселений русских совпадали с точками древних поселений коми-пермяков, о чем свидетельствует совместное картографирование лингвистических и археологических данных. Колонизация осуществлялась в первую очередь крестьянами (об этом говорит характер поселений), которые активно использовали приемы подсечно-огневого земледелия, помогавшего обеспечить более высокие урожаи в местных суровых климатических условиях – в зоне рискованного земледелия (об этом свидетельствуют названия мест поселений и микротопонимы³, возникшие на основе соответствующих географических терминов, например выселок *Чертеж*, название которого восходит к диалектному слову *чертеж* ‘место в лесу, где кора деревьев подсечена с целью высушить эти деревья на корню и сжечь их перед вспашкой такого участка’).

Топонимические, антропонимические и этнические данные в их сочетании позволили автору проследить смену этнического состава в поселениях, а шире – миграционные потоки в регионе, всё более активное освоение ранее не заселенных земель преимущественно в южном, северном и северо-западном направлении. Задокументированные в памятниках письменности фамилии и прозвища говорят о том, что названия населенным пунктам обычно давались по имени-награде первопоселенца, в результате чего наблюдаются пересечения топонимов и антропонимов (ср.: д. *Захарово* – жители *Митя да Панко Захаровы*, поч. *Нечаев* – житель *Нечайко Яковлев*). Судя по антропонимам, население было преимущественно пришлым, а основным регионом «донором» для Пермского края был Русский Север, особенно Вычегодский и Печорский бассейны (ср.: *Лобанко Приходец*, *Иванко Новоселов*, *Васко Верхокамец*, *Угличенин*, *Савка Федотов сын Дулин Сысолец*). Зафиксированные прозвища и фамилии рассказывают нам также о хозяйственной деятельности жителей Перми Великой (ср.: *Дениско Кузнец*, *Митка Хомутник*, *Панко Гончар*, *Харя Ладейщиков*, *Истомка Плотник*; *Кожевников*, *Коновалов*, *Овчинников*, *Сапожник*), о местной флоре и фауне (ср.: *Иванко Жаворонок*, *Васка Ежов*, *Барсук Михайлов*, *Трех Черемхин*, урочище *Березово*, *Красная Слуда*; *Тарко* из коми-пермяцкого ‘тетерев’, *Ширка* из коми-пермяцкого *шир* ‘мышь’). Интересны данные об этническом составе населения. Ср., например, в XVI в. фиксации *Юшко Зырян*, р. *Чудовка*, д. *Остяцково*, д. *Чувашево* и под. из этнонимов *зырян* ‘коми-зырянин’, чудь ‘неизвестное древнее племя’, *остяк* ‘хантыец’, *чуваш*. Фиксируется *пермяк*, *vogul*, *остяк*, *югин* и наиболее частотное *зырян*. Этнонимы *черемис*, *башкир*, деревня *Вотская* (из *вотяк* ‘удмурт’), *Татарское* селище говорят о том, что и эти народы (удмурты, татары) присоединились к процессам освоения Чердынской земли. Несмотря на то что русские постепенно вытесняли исконное финно-угорское население, а другие народы были немногочисленны, антропонимы свидетельствуют о тесных бытовых, культурных, языковых контактах представителей разных этносов.

Важно подчеркнуть, что выводы историка соотносятся с наблюдениями филологов (см. работы Е. Н. Поляковой, например [Полякова 2002, 2006, 2009]). Более того, сам Г. Н. Чагин подчеркивал значимость такого межпредметного диалога с опорой на результаты в разных гуманитарных направлениях. Не смущала его возможность опереться на имеющие историческую глубину выводы лингвистов, опередивших историков в своих заключениях (ср., в частности, при реше-

нии вопроса о загадочной чуди в статье об «угорской» концепции [Мельничук, Чагин 2010: 148]).

На основе лингвистических данных в трех главах книги Г. Н. Чагину удалось: проследить историю заселения и освоения Чердынского уезда Пермской губернии; определить регионы «доноры» этой территории позднего заселения; выявить районы расселения в нем русских в разные исторические периоды; определить степень освоения новых территорий в свете этнического взаимодействия народов и использования природной среды; установить последовательность трансформаций названий поселений.

Огромный интерес для филологов представляют «Материалы к словарю географических названий Северного Прикамья» – современные топонимические данные, предъявленные в виде приложения, но занимающие около трети всей книги. Сведения эти обладают колоссальной ценностью, собраны они в 1965–2003 гг. самим Г. Н. Чагиным, который не был «кабинетным» ученым и основным источником истинных научных знаний считал «полевые» материалы: археологические находки, записи, полученные при непосредственном общении с людьми. «Материалы...» включают тысячи топонимов, разбитых по участкам бассейна основных рек: ойконимы (названия поселений), гидронимы (названия водных объектов и их частей: рек, их притоков, озер, ручьев и т. д.), оронимы (названия рельефа – возвышенностей и низменностей), спелеонимы (названия пещер) и др.

Часть данных была позднее представлена Г. Н. Чагиным более подробно в статье «Билингвизм коми-язывинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язьва» [Чагин 2012а]. Если в приложении к монографии помещен реестр топонимов, то в статье этот список, относящийся к указанной территории, сопровождается переводом с языка-источника, предложенным информантами – местными жителями, носителями коми-язывинского языка. Кроме того, автором сделаны наблюдения, свидетельствующие о значительном влиянии русского языка на речь местных жителей и отражающие особенности взаимодействия русского и коми-язывинского языков. В этой же статье была сформулирована идея о создании полного словаря географических названий бассейна р. Язьвы. Идея этнографа до сих пор не реализована, хотя первые шаги в этом направлении уже были предприняты: помимо статьи Г. Н. Чагина топонимия данной территории характеризуется в лингвистических статьях М. В. Бобровой и Ю. В. Зверевой [Боброва 2018; Зверева 2019; Боброва, Зверева 2021] по результатам экспедиций 2017–2018 гг. В целом же бес-

ценные сведения еще должны быть изучены, описаны, проанализированы филологами, историками, географами во всей их полноте.

В целом Г. Н. Чагин широко использовал возможности ономастики и регулярно прибегал к антропонимическим, топонимическим и этнографическим материалам при анализе исторических процессов в регионе. См., в частности, публикации, в которых методология работы с ономастическими данными оказывается определяющей [Мельничук, Чагин 2010; Чагин 2011а: 193–216; Чагин 2011б; Чагин 2017: 85–88, 510–520], нередко методологические приемы анализа материала непосредственно соотносятся с принципами и подходами лингвиста Е. Н. Поляковой.

Анализ имен собственных в историческом ключе, осуществляемый Г. Н. Чагиным с учетом статистических и количественных показателей в топонимии, а также изоглосс распространения фамилий по территории Пермского края в процессе его освоения, убедителен. Однако собственно лингвистические изыскания (главным образом этимологические) заставляют иногда усомниться в полноте исходных данных и достоверности выводов историка (ср. в [Чагин 2017: 510–520]). В ономастических работах и частях работ допускаются терминологические ошибки и неточности. Но и в этом случае неоспорим вклад в языкознание этнографа, который вводит в научный оборот материалы, полученные им непосредственно на местности во время экспедиций.

Вклад Г. Н. Чагина в изучение коми-язывинского языка и культуры

С именем Г. Н. Чагина-этнографа связан особый интерес современных исследователей к коми-язывинскому народу. В наши дни (еще в 1980-х гг.) именно он обратил к коми-язывинцам свой пристальный взгляд ученого, а затем вдохновил на новые поиски других исследователей и, что важно, пробудил интерес к языку у самих коми-язывинцев, культуру которых длительное время стремились нивелировать, растворить в русской. Такая политика была свойственна советской эпохе, когда всеми средствами стремились избегать межнациональных конфликтов в многонациональных регионах и поддерживали идею интернационализма, несмотря на ее некорректность в отношении не титульных народов в государстве.

Проявлявший особый интерес к истории коми-пермяцкого народа, Г. Н. Чагин во имя исторической справедливости и с опорой на объективные предпосылки доказывал в своих работах необходимость считать коми-язывинцев носителями не просто одного из диалектов коми-

пермяцкого языка, но особого языка и самобытной культуры. Тому есть свои основания, в частности территориальные и исторические: на протяжении веков коми-язывинцы замкнуто проживают в верховьях реки Язьвы, в нескольких компактных очагах на территории Верх-Язьвинского сельского поселения Красновишерского района, отдаленно от близкородственных им коми-пермяков и коми-зырян, других финно-угорских народностей в Пермском крае. Формированию этнической идентичности этого народа, специфичной культуры и длительной ее сохранности в значительной степени способствовали также факторы экономические и конфессиональные: «отсутствие развития товарно-денежных отношений, втянутость населения в православие оппозиционно настроенных направлений – официального и старообрядческого» [Чагин 2012а: 13].

Эта народность уникальна и своеобразна, что настойчиво подчеркивалось Г. Н. Чагиным. Однако тщательному изучению ее язык подвергался лишь двумя исследователями: Арвидом Генетцем в конце XIX в. и В. И. Лыткиным в середине XX в. [Чагин 2015а]. Первый в своей публикации на немецком языке [Genetz 1897] представил словарь на 1667 слов, фольклорные тексты, описал грамматику⁴. Второй создал фундаментальный труд «Коми-язывинский диалект» [Лыткин 1961], в котором был помещен очерк истории этого народа и его языка, особенно подробно рассмотрены вопросы взаимодействия языка коми-язывинцев и русскоязычного окружения, выводы делались с опорой на данные археологии и ономастики (названия поселений и фамилии местных жителей). Особенно ценно системное изложение фонетики, морфологии и словаобразования коми-язывинского языка, словарь, включающий 4469 слов, сборник фольклорных текстов.

После этого интерес к коми-язывинскому языку проявлялся лишь спорадически, в разрозненных работах отдельных исследователей. Так, в 1981–1982 гг. в Антипинском, Бычинском и Верх-Язьвинском сельсоветах работала Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета; результатом обследования послужила, в частности, статья Л. С. Смолиной, посвященная этимологии зафиксированных здесь гидронимов [Смолина 1984]. В 1980–1990-х гг. Е. М. Сморгуновой проводились исследования на стыке этнографии и лингвистики, их результаты отражены в статьях [Сморгунова 1992, 1995]. Помимо Г. Н. Чагина и Л. С. Смолиной к коми-язывинским языковым материалам обращался А. Г. Мусанов [Мусанов 2008] в связи с вопросом об этимологии местных наименований водных объектов.

В работе В. И. Лыткина прозвучала крайне важная мысль об автономности коми-язывинского языка (хотя сам исследователь осторожно называл его диалектом), которую в настоящее время поддерживают не все исследователи, но настойчиво утверждал в своих работах лингвистической направленности Г. Н. Чагин. Эту идею ученый обосновывал с учетом лингвосоциокультурной ситуации и ономастических данных (главным образом топонимов) [Чагин 1993б, 2012а, 2012б, 2013, 2015б].

Без преувеличений можно сказать, что благодаря Г. Н. Чагину оказавшиеся на грани исчезновения культура и язык коми-язывинского народа получили второе рождение. Роль ученого в новых процессах невозможно переоценить. Результатом деятельности Г. Н. Чагина стало то, что в местных школах начали вестись факультативные занятия на родном языке. Был издан букварь и хрестоматия для чтения на коми-язывинском языке [Паршакова 2003, 2008], «Русско-коми-язывинский словарь» [Лобанова, Кичигина 2012]. С 1993 г. ежегодно здесь организуется национальный праздник с проведением традиционных обрядов «Сарчик приносит весну». Г. Н. Чагиным был организован местный краеведческий музей – «Музей коми-язывинской истории». Была увековечена память А. Генетца и В. И. Лыткина, в честь которых были установлены мемориальные доски. Имя Арвида Генетца теперь носит одна из улиц д. Паршаковой. Г. Н. Чагиным были организованы научно-практические конференции: «Коми-язывинцы и историко-культурное наследие Урала», посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина (г. Красновишерск, 1996), и «Коми-язывинцы и историко-культурное наследие Прикамья», посвященная десятилетию общественного движения коми-язывинцев по возрождению и сохранению родного языка и культуры (д. Паршакова Красновишерского района, 2002). В районной газете «Красная Вишера» печатались материалы о коми-язывинцах, частично – на коми-язывинском языке. На сайте Пермского государственного архива социально-политической истории открыт портал «Коми-язывинский народ»⁵. Нельзя не констатировать, что всё это способствовало возрождению не только языка, обрядов, но и национального самосознания, укреплению национальной самоидентичности коми-язывинцев.

Сотрудниками Пермского педагогического университета (ныне это Пермский гуманитарно-педагогический университет) издано 9 учебных и учебно-методических пособий. Были опубликованы отдельные научные работы, посвященные коми-язывинскому языку (см., например: [Баталова 2002; Лобанова, Пономарева 1997; Пономарева 2005; Норманская 2020; Коньшин 2021]).

По подсчетам Г. Н. Чагина [Чагин 2002: 4], к 2002 г. существовало не менее 120 публикаций, связанных с коми-язывинцами и их языком. Очевидно, что их количество с того времени только увеличилось, причем значительно. Наиболее полный список научной и научно-популярной литературы, касающейся культуры и языка коми-язывинцев, содержится в монографии «На земле то было той, да на язывинской...» [Чагин 1997]; более поздние публикации см. также в статьях последних лет [Гайдамашко, Шкураток 2019: 586–587; и др.].

Сам Г. Н. Чагин настаивал на сугубой положительности произведенных им сдвигов в этнокультурной политике, каждую публикацию сопровождал исключительно одобрительными отзывами самих коми-язывинцев. Необходимо отметить, однако, что ни среди этнографов, ни среди лингвистов, ни среди носителей коми-язывинского языка и культуры не наблюдается однозначно позитивной оценки инициированных им изменений. Более того, существует и диаметрально противоположное мнение о том, что возрождение коми-язывинской культуры – искусственный процесс, а коми-язывинский народ не более чем «результат искусственной деятельности интеллектуальных элит». Язык рассматривается если не как «мертвый», то как «умирающий» (по шкале ЮНЕСКО – на грани исчезновения). Много критических замечаний вызвали учебно-методические издания для школьников, отражающие особенности преподавания родного языка в школе. (Подробнее об этом см.: [Кельмаков 2004; Гайдамашко, Шкураток 2019; Боброва, Зверева 2021 и др.].) И естественно желание Г. Н. Чагина отстоять жизнеспособность своего детища, но приходится отметить некоторую предвзятость ученого, лишь частичное соответствие желаемого действительности, что усиливается противоречиями в констатации статуса коми-язывинцев даже самым ярым сторонником их уникальности: «По происхождению, культурным традициям, языку коми-язывинцы – *те же коми-пермяки*, но в своей культурной традиции и более всего в языке они обнаруживают много самобытных черт и *считают себя самостоятельным народом*» [Чагин 2012а: 14] (курсив наш. – М. Б.).

В итоге нельзя говорить об окончательном решении «коми-язывинского вопроса», но еще раз подчеркнем роль Г. Н. Чагина в его актуализации в современной исследовательской повестке этнографов и филологов.

Роль Г. Н. Чагина в развитии филологии в Пермском крае

Как истинный ученый, Г. Н. Чагин не только сам разрабатывал научные идеи, но и служил

вдохновителем новых направлений исследования для других ученых. В частности, и после его смерти продолжается разработка лингвистических тем, прежде всего связанных с изучением коми-язывинского языка и культуры. Под влиянием Г. Н. Чагина в лингвистике и фольклористике наблюдался всплеск интереса к коми-язывинскому языку, речи, традициям. Есть опыт изучения коми-язывинского языка (но в качестве диалекта коми-пермяцкого) сотрудниками Научно-исследовательского института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа (рук. доцент А. С. Лобанова), на Коми-пермяцком отделении (ныне кафедра общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков) Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

В 2017–2018 гг. в Верх-Язывинский куст деревень были осуществлены филологические экспедиции. Результатом плодотворной работы ученых Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь), Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) стала серия публикаций. В частности, это анализ современного состояния коми-язывинского языка [Gaidamashko 2018; Гайдамашко, Шкураток 2019], ономастические извлечения из печатных источников XIX – начала XX в. [Гайдамашко 2019], исследование наименований частей населенных пунктов Верх-Язывинского сельского поселения Пермского края [Боброва 2018], микротопонимии верховьев Язывы [Зверева 2019], комплексный анализ топонимии этого лингвокультурного микроузла [Боброва, Зверева 2021]. С. Ю. Королевой проанализированы предания, в которых рассказывается об Антипе и Паршаке, сохранившихся в памяти местных жителей в качестве первооснователей поселений: деревень Антипиной и Паршаковой [Королева 2022].

Большой интерес представляют результаты работы Г. Н. Чагина-этнографа в связи с пограничными проблемами фольклористики, чemu посвящены десятки его публикаций (см., например: [Чагин 1993а, 1999; Климов, Чагин 2005]).

Заключение

Вклад Г. Н. Чагина в развитие филологической науки в Пермском крае несомненен, а в случае с коми-язывинским народом, его культурой и языком фигура этого ученого оказывается ключевой. Его работы ярко демонстрируют возможности ономастики как вспомогательной

для этнографии и истории науки, способной служить неоценимым источником сведений о региональном этногенезе и миграционных процессах. Как итог, исследователем введены в научный оборот новые языковые материалы, обозначены отдельные перспективные задачи по изучению лингвистических данных, использован прикладной потенциал лингвистических ресурсов как источника неязыковой информации, актуализирован социально-политический потенциал конкретного языка как одного из факторов национального самосознания и самоопределения.

Деятельность ученого – «полевика» и теоретика – была очень плодотворна. В 2018 г. Георгий Николаевич Чагин ушел из жизни, но он навсегда занял место одного из наиболее видных исследователей Пермского края.

Примечания

¹Подробнее об историческом и этнографическом наследии Г. Н. Чагина см.: [Шилов 2022]. Настоящая статья рассчитана не только на узких специалистов-лингвистов, интересующихся историей и культурой Пермского края, но и исследователей в иных гуманитарных сферах.

²Пермь Великая (а также Чердынская земля, Чердынь, позднее Чердынский уезд Пермской губернии) – историческое название территории в северной части бассейна р. Камы, в междуречье Камы, Вишеры, Колвы и Язвы, с которой началось освоение Пермского края в современных его границах русскими.

³Микротопонимы – наименования небольших географических объектов, обычно известные только местному населению.

⁴Небезынтересны также с этнографической точки зрения путевые письма спутника А. Генетца – Севери Нюмана [Лаллукка, Чагин 2002].

⁵Коми-язывинский народ: портал. URL: <https://www.permgaspi.ru/komi-yazvinskij-narod.html> (дата обращения: 14.10.2024).

Список литературы

Баталова Р. М. О месте языка коми-язывинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2002. С. 131–139.

Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В. Георгий Николаевич Чагин (24.04.1944–10.11.2018) // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 198–199.

Боброва М. В. Наименования частей населенных пунктов Верх-Язывинского сельского поселения Пермского края // Вопросы географии. 2018. Вып. 146. С. 154–159.

Боброва М. В., Зверева Ю. В. Современная топонимия Верх-Язывинского сельского поселения Красновишерского района Пермского края // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 99–120. doi 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021.

Гайдамашко Р. В. Коми-язывинская ономастика (бассейн Вишеры, левого притока Камы) в трудах конца XIX – начала XX веков // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. (17–20 сентября 2019 г.) / ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород: Печатный двор, 2019. С. 132–137. doi 10.34680/2019.onomastics.132

Гайдамашко Р. В., Шкураток Ю. А. Современное состояние коми-язывинского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, вып. 4. С. 576–590. doi 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590.

Зверева Ю. В. Микротопонимы пермского происхождения на территории Красновишерского и Юрлинского районов Пермского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 133–136.

Кельмаков В. К. Опыт создания письменности для коми-язывинцев (А. Л. Паршакова, Коми-язывинский букварь. Учебное издание, Пермское книжное издательство, 2003. 135 с.) // *Linguistica Uralica*. 2004. Т. XL, вып. 2. С. 135–147.

Климов В. В., Чагин Г. Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаяв коми-пермяков / ред. Л. Ратегова. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2005. 255 с.

Коньшин А. Е. Язывинские пермяки: «особая языковая ситуация» // Взаимодействие этносов и культур в евразийском межцивилизационном пространстве: к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН: сб. ст. Ижевск: Изд-во УФИЦ УО РАН, 2021. С. 265–272.

Королева С. Ю. Антропонимы в фольклорных преданиях о первопоселенцах (на материале Северного Прикамья) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 134–140.

Лаллукка С., Чагин Г. Н. Чердынско-язывинский край в конце XIX в. глазами финского студента Севери Нюмана // Коми-язывинцы и историко-культурное наследие Прикамья: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь: [б.и.], 2002. С. 61–73.

Лобанова А. С., Кичигина К. С. Русско-коми-язывинский словарь. Пермь: ПГПУ, 2012. 244 с.

Лобанова А. С., Пономарева Л. Г. О некоторых особенностях языка коми-язывинцев в сравнении с родственными диалектами коми-пермяцкого языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: материалы междунар. науч. конф. Глазов: Изд-во Глазов. гос. пед. ин-та, 1997. Ч. 1. С. 38–41.

Лыткин В. И. Коми-язывинский диалект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Матвеев А. К. Тезисы о топономастике // Вопросы ономастики. 1974. № 7. С. 5–18.

Мельничук А. Ф., Чагин Г. Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 2(14). С. 140–153.

Мусанов А. Г. Гидронимия Средней Язвы // Onomastica Uralica. 2008. № 7. С. 37–50.

Норманская Ю. В. Коми-язывинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 4. С. 630–643. doi 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641.

Паршакова А. Л. Коми-язывинский букварь. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. 135 с.

Паршакова А. Л. Ләдъютан книга = Книга для чтения: хрестоматия на коми-язывинском языке. Пермь: ПГПУ, 2008. 203 с.

Полякова Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. 280 с.

Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: Избр. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 296 с.

Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. 259 с.

Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь, 2006. 255 с.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 264 с.

Пономарева Л. Г. О некоторых особенностях в области консонантизма языка язывинских коми // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 1. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. С. 45–62.

Смолина Л. С. К этимологическому изучению коми-язывинских субстратных топонимов // Этимологические исследования. Вып. 3 / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 119–124.

Сморгунова Е. М. Старообрядцы Верхней Язвы: особая языковая ситуация // Традицион-

ная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки / отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск: Наука, 1992. С. 157–162.

Сморгунова Е. М. Языковые проблемы язывинских пермяков-староверов и методика картографирования диалектных данных // Коми-пермяки и финно-угорский мир / отв. ред. А. Д. Напалков. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 456–458.

Чагин Г. Н. Билингвизм коми-язывинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язва // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012а. № 16. С. 13–24.

Чагин Г. Н. Вклад Арвида Генетца и Василия Лыткина в изучение коми-язывинского языка // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Прикам. соц. ин-т, 2015а. С. 335–343.

Чагин Г. Н. Дружка Верхокамья // Живая старина. 1999. № 3. С. 8–10.

Чагин Г. Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011а. 256 с.

Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года. Пермь: Пушка, 2017. 672 с.

Чагин Г. Н. Коми-язывинские пермяки – древний народ Северного Урала. Красновишерск; Соликамск: Соликамск. тип., 2002. 16 с.

Чагин Г. Н. Коми-язывинцы Пермского края. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2012б. 126 с.

Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века / науч. ред. В. А. Оборин. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993а. 183 с.

Чагин Г. Н. На земле-то было той, да на язывинской... Пермь: [б. и.], 1997. 65 с.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала. XIX–XXI век. Екатеринбург: Сократ, 2015б. 320 с.

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 102 с.

Чагин Г. Н. Роль ономастики в формировании идентичности коми-язывинцев // Генеалогия и поиск идентичности в истории Урала / ред. Е. Н. Ефремова, Э. А. Калистратова. Екатеринбург: Библиотека им. В. Г. Белинского, 2013. URL: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/171> (дата обращения: 24.12.2021).

Чагин Г. Н. Топонимия села Искор Чердынского района: материалы и их этноязыковая интерпретация // Вестник некоммерческого партнерства высшего профессионального образования «Прикамский социальный институт». Евразийский

вестник философии, истории и лингвистики. Пермь: [б. и.], 2011б. № 1(44). С. 10–18.

Чагин Г. Н. Язьвинские пермяки: история и традиции. Пермь: Перм. обл. творч. центр, 1993б. 26 с.

Шилов В. В. Научное наследие и мир личности профессора Г. Н. Чагина // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 359–377. doi 10.33876/2311-0546/2022-3/359-377.

Gaidamashko R. The Komi-Yazva Idiom: Some Preliminary Observations on Sociolinguistic Situation in 2018 // Uralo-indogermanica – III: abstracts / ed. by S. T. Tóth. Narva: University of Tartu, 2018. P. 33–34.

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1897. 57 s.

References

Batalova R. M. O meste yazyka komi-yaz'vintsev v strukture permskikh yazykov [About the Place of the Komi-Yazva Language in the Structure of the Permic Languages]. *Permistika 9: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii* [Permistics 9: Problems of Permic and Finno-Ugric Philology]: an interuniversity collection of scientific works. Izhevsk, Udmurt State University Press, 2002, pp. 131–139. (In Russ.)

Belavin A. M., Podyukov I. A., Chernykh A. V. Georgiy Nikolaevich Chagin (24.04.1944—10.11.2018). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2019, issue 4, pp. 198–199. (In Russ.)

Bobrova M. V. Naimenovaniya chastej naseleynykh punktov Verkh-Yaz'vinskogo sel'skogo poseleniya Permskogo kraja [The Proper Names of Parts of Settlements of Verkh-Yazvinskoe Rural Settlement of Perm Krai]. *Voprosy geografii* [Problems of Geography], 2018, issue 146, pp. 154–159. (In Russ.)

Bobrova M. V., Zvereva Yu. V. Sovremennaya toponimiya Verkh-Yaz'vinskogo sel'skogo poseleniya Krasnovisherskogo rayona Permskogo kraja [Modern Toponymy of the Verkh-Yazva Rural Settlement (Krasnovishersk District, Perm Region)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2021, vol. 18, issue 2, pp. 99–120. doi 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021. (In Russ.)

Gaydamashko R. V. Komi-yaz'vinskaya onomastika (basseyn Vishery, levogo pritoka Kamy) v trudakh kontsa XIX – nachala XX vekov [Komi-Yazvian onomastics (basin of the Vishera, left tributary of the Kama) in the works of the late 19th – early 20th centuries]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]: Proceedings of XVII International Scientific Conference (September 17–20, 2019). Ed. by V. L. Vasil'ev. Veliky Novgorod,

Pechatnyy dvor Publ., 2019, pp. 132–137. doi 10.34680/2019.onomastics.132. (In Russ.)

Gaydamashko R. V., Shkuratok Yu. A. Sovremennoe sostoyanie komi-yaz'vinskogo yazyka [The current state of the Komi-Yazva language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, vol. 13, issue 4, pp. 576–590. doi 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Mikrotoponimy permskogo proiskhozhdeniya na territorii Krasnovisherskogo i Yurlynskogo rayonov Permskogo kraja [Microtoponyms of the Permic Origin in the Krasnovishersky and Yurlynsky Districts of the Perm Region]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]: Proceedings of IV International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 9–13, 2019)]. Ed. by E. L. Berezovich. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2019, pp. 133–136. (In Russ.)

Kel'makov V. K. Opyt sozdaniya pis'mennosti dlya komi-yaz'vintsev (A. L. Parshakova, Komi-yaz'vinskiy bukvar'. Uchebnoe izdanie, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 135 s.) [The Experience of Creating the Writing System for the Komi-Yazva people (A. L. Parshakova, Komi-Yazva Primer. An educational publication, Permskoe nnizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003. 135 p.)]. *Linguistica Uralica*, 2004, vol. XL, issue 2, pp. 135–147. (In Russ.)

Klimov V. V., Chagin G. N. Kruglyy god prazdnikov, obryadov i obychaev komi-permyakov [All Year Round Holidays, Rituals and Customs of the Komi-Permyaks]. Ed. by L. Rategova. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005. 255 p. (In Russ.)

Kon'shin A. E. Yaz'vinskie permyaki: 'osobaya yazykovaya situatsiya' [The Yazva Permyaks: 'a special linguistic situation']. *Vzaimodeystvie etnosov i kul'tur v evraziyskom mezhtsivilizatsionnom protanstve* [Interaction of Ethnic Groups and Cultures in the Eurasian Inter-Civilizational Space]: a collection of articles. Izhevsk, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS Publ., 2021, pp. 265–272. (In Russ.)

Koroleva S. Yu. Antroponimy v fol'klornykh predaniyakh o pervoposelentsakh (na materiale Severnogo Prikam'ya) [Anthroponyms in folklore legends about the first settlers (based on the material of the northern Kama region)]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]: Proceedings of V International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 7–11, 2022)]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2022, pp. 134–140. (In Russ.)

Lallukka S., Chagin G. N. Cherdynsko-yaz'vinskiy kray v kontse XIX v. glazami finskogo studenta

Severi Nyumana [The Cherdyn-Yazva territory at the end of the 19th century through the eyes of the Finnish student Severi Nyman]. *Komi-yaz'vintsy i istoriko-kul'turnoe nasledie Prikam'ya* [The Komi-Yazva People and the Historico-Cultural Heritage of the Kama Region]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Perm, 2002, pp. 61-73. (In Russ.).

Lobanova A. S., Kichigina K. S. *Russko-komi-yaz'vinskiy slovar'* [Russian-Komi-Yazva Dictionary]. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2012. 244 p. (In Russ., Komi-Yazv.)

Lobanova A. S., Ponomareva L. G. O nekotorykh osobennostyakh yazyka komi-yaz'vintsev v srovnennii s rodstvennymi dialektami komi-permyatskogo yazyka [About some features of the Komi-Yazva language in comparison with related dialects of the Komi-Permyak language]. *Dukhovnaya kul'tura finno-ugorskikh narodov: Iстория и проблемы развития* [Spiritual Culture of the Finno-Ugric Peoples: The History and Problems of Development]: Proceedings of the International Scientific Conference. Glazov, Glazov State Pedagogical University Press, 1997, pt. 1, pp. 38-41. (In Russ.)

Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [The Komi-Yazva Dialect]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Press, 1961. 228 p. (In Russ.)

Matveev A. K. Tezisy o toponomastike [Theses on Toponomastics]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1974, issue 7, pp. 5-18. (In Russ.)

Mel'nichuk A. F., Chagin G. N. Sovremennoe sostoyanie 'ugorskoy' kontseptsii v svete pis'mennykh i onomasticheskikh istochnikov Permskogo kraya [The current state of the 'Ugric' concept in the light of written and onomastic sources of the Perm region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iстория* [Perm University Herald. History], 2010, issue 2 (14), pp. 140-153. (In Russ.)

Musanov A. G. Gidronimiya Sredney Yaz'vy [The hydronymy of the Middle Yazva Region]. *Onomastica Uralica*, 2008, issue 7, pp. 37-50. (In Russ.)

Normanskaya Yu. V. Komi-yaz'vinskiy – dialekt komi-permyatskogo ili otdel'nyy yazyk? [Is Komi-Yazvan language separate one or Komi-Permian dialect?]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, vol. 14, issue 4, pp. 630-643. doi 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641. (In Russ.)

Parshakova A. L. *Komi-yaz'vinskiy bukvar'* [Komi-Yazva Primer]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003. 135 p. (In Komi-Yazv.)

Parshakova A. L. *Ledd'otan kniga = Kniga dlya chteniya: khrestomatiya na komi-yaz'vinskoy yazyke* [A Book to Read: A Reader in the Komi-Yazva Language]. Perm, Perm State Humanitarian

Pedagogical University Press, 2008. 203 p. (In Komi-Yazv.)

Polyakova E. N. *Istoriya imen zhiteley Permskogo kraja v XVI–XVIII vv.* [The History of the Names of the Perm Region's Inhabitants in the 16th – 18th Centuries]. Perm, Perm State University Press, 2010. 280 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Leksika i onomastika v pamyatnikakh pis'mennosti i v zhivoy rechi Prikam'ya* [Vocabulary and Onomastics in the Monuments of Writing and in the Speech of the Kama Region]. Perm, Perm State University Press, 2002. 296 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Lingvokul'turnoe prostranstvo Verkhnego i Srednego Prikam'ya* [The Linguocultural Space of the Upper and Middle Kama Region]: materials for students' independent work: a textbook. Perm, Perm State University Press, 2009. 259 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Regional'naya leksikologiya i onomastika* [Regional Lexicology and Onomastics]: materials for students' independent work: a textbook. Perm, Perm State University Press, 2006. 255 p. (In Russ.).

Polyakova E. N. *Slovar' permskikh familiy* [Dictionary of Perm Surnames]. Perm, Knizhnnyy mir Publ. 264 p. (In Russ.)

Ponomareva L. G. O nekotorykh osobennostyakh v oblasti konsonantizma yazyka yaz'vinskikh komi [About some features in the field of consonantism of the language of the Yazva Komi]. *Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoy kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Proceedings of the Institute of Language, History, and Traditional Culture of the Komi-Permyak People]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Press, 2005, issue 1, pp. 45-62. (In Russ.)

Smolina L. S. K etimologicheskemu izucheniyu komi-yaz'vinskikh substratnykh toponimov [On the etymological study of Komi-Yazva substrate toponyms]. *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological Research]. Ed. by A. K. Matveev. Sverdlovsk, Ural Federal University Press, 1984, issue 3, pp. 119-124. (In Russ.)

Smorgunova E. M. Staroobryadtsy Verkhney Yaz'vy: osobaya yazykovaya situatsiya [The Old Believers of the Upper Yazva: A special linguistic situation]. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believers' Settlements in Europe, Asia, and America]. Ed. by N. N. Pokrovskiy, R. Morris. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, pp. 157-162. (In Russ.)

Smorgunova E. M. Yazykovye problemy yaz'vinskikh permyakov-staroverov i metodika kar-

tografirovaniya dialektnykh dannykh [Linguistic problems of the Yazva Permyak Old Believers and the methods of mapping dialect data]. *Komi-permyaki i finno-ugorskiy mir* [The Komi-Permyaks and the Finno-Ugric World]. Ed. by A. D. Napalkov. Syktyvkar, Komi Ural Branch of the RAS, 1995, pp. 456-458. (In Russ.)

Chagin G. N. Bilingvism komi-yaz'vintsev i ego otrazhenie v toponimii basseyna reki Yaz'va [The Komi-Yazva bilingualism and its reflection in the toponymy of the Yazva River Basin]. *Problemy sotsio-i psichologivistiki* [Problems of Socio- and Psycholinguistics], 2012a, issue 16, pp. 13-24. (In Russ.)

Chagin G. N. Vklad Arvida Genettsa i Vasiliya Lytkina v izuchenie komi-yaz'vinskogo yazyka [The contribution of Arvid Genetz and Vasily Lytkin to the study of the Komi-Yazva language]. *Yazykovaya tolerantnost' kak faktor effektivnosti yazykovoy politiki* [Language Tolerance as a Factor of the Effectiveness of Language Policy]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Perm, Prikamye Social Institute Press, 2015a, pp. 335-343. (In Russ.)

Chagin G. N. Druzhka Verkhokam'ya [Groomsmen of the Upper Kama Basin]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1999, issue 3, pp. 8-10. (In Russ.)

Chagin G. N. *Istoricheskie znaniya narodov Urala v XIX – nachale XXI veka* [Historical Knowledge of the Peoples of the Urals in the 19th – early 21th Centuries]. Yekaterinburg, Sokrat Publ., 2011a. 256 p. (In Russ.)

Chagin G. N. *Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura, byt ot drevnosti do 1917 goda* [Kolva, Chusovskoye, Pechora: History, Culture, Everyday Life from Antiquity to 1917]. Perm, Pushka Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)

Chagin G. N. *Komi-yaz'vinskie permyaki – drevniy narod Severnogo Urala* [The Komi-Yazva Permyaks as an Ancient People of the Northern Urals]. Krasnovishersk, Solikamsk, Solikamskaya tipografiya Publ., 2002. 16 p. (In Russ.)

Chagin G. N. *Komi-yaz'vintsy Permskogo kraja* [The Komi-Yazva People of the Perm Region]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2012b. 126 p. (In Russ.)

Chagin G. N. *Mirovozzrenie i traditsionnaya obryadnost' russkikh krest'yan Srednego Urala v seredine XIX – nachale XX veka* [The Worldview and Traditional Rituals of the Russian Peasants of the Middle Urals in the Middle of the 19th – Early 20th Centuries]. Ed. by V. A. Obozin. Perm, Perm State University Press, 1993a. 183 p. (In Russ.)

Chagin G. N. *Na zemle-to bylo toy, da na yaz'vinskoy...* [It Was on the Yazvian Land]. Perm, 1997. 65 p. (In Russ.).

Chagin G. N. *Narody i kul'tury Urala. XIX–XXI vek* [Peoples and Cultures of the Urals. The 19th – 21th Centuries]. Yekaterinburg, Sokrat Publ., 2015b. 320 p. (In Russ.).

Chagin G. N. *Perm' Velikaya v toponimicheskikh dokazatel'stakh* [Perm the Great Trough Toponymic Evidence]. Perm, Perm State University Press, 2004. 102 p. (In Russ.).

Chagin G. N. Rol' onomastiki v formirovaniy identichnosti komi-yaz'vintsev [The role of onomastics in the formation of the Komi-Yazvian identity]. *Genealogiya i poisk identichnosti v istorii Urala* [Genealogy and the Search for Identity in the History of the Urals]. Ed. by E. N. Efremova, E. A. Kalistratova. Yekaterinburg, V. G. Belinsky Library Press, 2013. Available at: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/171> (accessed 24 Dec 2021). (In Russ.)

Chagin G. N. Toponimiya sela Iskor Cherdynskogo rayona: materialy i ikh etnoyazykovaya interpretatsiya [Toponymy of the village of Iskor in the Cherdynsky District: Materials and their ethnolinguistic interpretation]. *Vestnik nekommercheskogo partnerstva vysshego professional'nogo obrazovaniya 'Prikamskiy sotsial'nyy institut': Evraziyskiy vestnik filosofii, istorii i lingvistiki* [Bulletin of the Non-Profit Partnership of Higher Professional Education 'Prikamye Social Institute': Eurasian Bulletin of Philosophy, History and Linguistics]. Perm, 2011b, issue 1 (44), pp. 10-18. (In Russ.)

Chagin G. N. *Yaz'vinskie permyaki: istoriya i traditsii* [The Yazva Permyaks: History and Traditions]. Perm, Permskiy Oblastnoy Tvorcheskiy Tsentr Publ., 1993b. 26 p. (In Russ.)

Shilov V. V. Nauchnoe nasledie i mir lichnosti professora G. N. Chagina [Scientific legacy and personality of Professor G. N. Chagin]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2022, issue 3, pp. 359-377. doi 10.33876/2311-0546/2022-3/359-377. (In Russ.)

Gaidamashko R. The Komi-Yazva idiom: Some preliminary observations on sociolinguistic situation in 2018. *Uralo-indogermanica – III*. Narva, University of Tartu Press, 2018, pp. 33-34. (In Eng.)

Genetz A. *Ost-permische Sprachstudien* [Studies of the East-Perm Language]. Helsingfors, Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft Publ., 1897. 57 p. (In Ger.)

Georgy Chagin's Contribution to the Linguistic Study of Perm Krai

Maria V. Bobrova

Senior Researcher in the Department of Dialect Lexicography
and Linguistic Geography of the Russian Language
Institute for Linguistic Studies of the RAS
9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russia. bomaripgu@yandex.ru

SPIN-code: 5931-0438
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>
ResearcherID: Z-1779-2018

Submitted 21 Oct 2024

Revised 26 Nov 2024

Accepted 20 Jan 2025

For citation

Bobrova M. V. Vklad G. N. Chagina v lingvisticheskoe izuchenie Permskogo kraya [Georgy Chagin's Contribution to the Linguistic Study of Perm Krai]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-5-16. EDN UDKGGU (In Russ.)

Abstract. The research work analyzes the contribution that Georgy Nikolaevich Chagin, a historian, ethnographer, ethnologist, specialist in local history, made to the linguistic study of Perm Krai. The article is intended not only for narrow specialists in linguistics but also for researchers from other humanities fields. Among the scientific interests of Georgy Chagin, two main linguistic areas can be distinguished. First, the scientist built interdisciplinary connections as he referred to linguistic data in order to study ethnogenesis and migration processes in the Perm region. Using the example of one of the most significant works written by the scientist (the monograph *Perm the Great Through Toponymic Evidence*), the paper discusses his fundamental approaches to the study of onomastics (toponyms, surnames of local residents, ethnonyms). Particularly interesting is the appendix to the monograph – *Materials for the dictionary of geographical names of the Northern Kama region*, requiring a full-fledged study by philologists, historians, geographers. The commonality of methodological approaches employed by Georgy Chagin and linguists is noted, these based on the etymology of proper names, onomastic isoglosses, quantitative data, etc. Despite some errors and inaccuracies, the contribution of the historian-ethnographer to linguistics of Perm Krai appears to be undeniable. As to the other major area of his linguistic interest, of particular significance are Chagin's activities aimed at the revival of the Komi-Yazva language and culture, with the ultimate goal of establishing and consolidating the ethnic identity of this group, residing in the Krasnovishersky district of Perm Krai, as a separate people. Despite all the efforts made by the scientist, the issue has not been resolved definitively, but Chagin's great role was in drawing attention to it. The researcher introduced new language materials into scientific circulation, outlined certain tasks for further studies on linguistic data of the Yazva variant of the Komi language, used the applied potential of linguistic resources as a source of non-linguistic information, highlighted the socio-political potential of the language as one of the factors in national identity and self-determination.

Key words: Georgy Chagin; history of science; interdisciplinary relations; ethnography; onomastics; Komi-Yazva language; Perm Krai.

УДК 81'23

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-17-26

<https://elibrary.ru/vdcitt>

EDN VDCITT

Образ Москвы в медиатекстах туристических агентств и в языковом сознании россиян

Ван Цзюаньцзюань

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. 1395487147@qq.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4892-0538>

Ерофеева Елена Валентиновна

д. филол. н., зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elenerofee@gmail.com

SPIN-код: 4653-7454

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Статья поступила в редакцию 02.04.2025

Одобрена после рецензирования 30.04.2025

Принята к публикации 05.05.2025

Информация для цитирования

Ван Цзюаньцзюань, Ерофеева Е. В. Образ Москвы в медиатекстах туристических агентств и в языковом сознании россиян // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 17–26. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-17-26. EDN VDCITT

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ образов Москвы, один из которых сформирован в медиатекстах туристических агентств, а второй существует в языковом сознании россиян. Актуальность исследования обусловлена важной ролью Москвы как туристического центра и необходимостью изучения механизмов языкового конструирования городского образа. Цель работы – установить сходства и различия в структуре образа Москвы в медиатекстах и в восприятии россиян, а также определить причины выявленных расхождений. Модели образа Москвы, включающие ядерные, предъядерные и периферийные компоненты, построены на основе анализа медиатекстов и реакций информантов, полученных в лингвистическом эксперименте. Объем материала исследования составили 223 словоупотребления в медиатекстах, взятых с официальных сайтов туристических агентств, и 217 реакций информантов из разных регионов России. Результаты показали, что медиатексты формируют идеализированный образ Москвы, акцентируя историко-культурные особенности, уникальность и привлекательность города для туристов, и избегают обсуждения бытовых аспектов городской жизни. В языковом сознании россиян преобладают характеристики, связанные с личным опытом повседневной жизни (размер, настроение, шум, комфорт, чистота и др.). Ядерные и предъядерные компоненты медийного образа Москвы и образа, закрепленного в языковом сознании Россиян, почти не пересекаются. Сделан вывод о необходимости при разработке маркетинговых стратегий продвижения как туристического бренда Москвы учитывать реальное восприятие столицы россиянами. Представленные результаты могут быть полезны специалистам в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, а также маркетинга и рекламы.

Ключевые слова: образ города; структура образа; компоненты образа; Москва; медиатексты; языковое сознание.

Введение

Исследования городской идентичности и образов городов в языковом сознании приобретают актуальность в условиях интенсификации внутреннего и международного туризма [Скалкин 2018]. Языковое сознание отражает как объективные характеристики города, так и субъективные эмоциональные оценки жителей и туристов, формируя уникальный городской образ.

Москва, как столица России, является важным объектом изучения в контексте развития российского туризма. С одной стороны, образ Москвы активно транслируется туристическими агентствами, формируя коммерчески привлекательный и узнаваемый образ столицы. С другой стороны, восприятие Москвы самими россиянами может существенно отличаться, так как формируется не только на основе обучения, информации из книг, фильмов, СМИ, интернета, но и на основе личного опыта.

Цель настоящей статьи – провести сравнительный анализ образа Москвы, существующего в языковом сознании россиян, и того образа столицы, который формируется в медиатекстах туристических агентств, установить сходства и различия между этими образами, а также определить причины выявленных расхождений. Полученные результаты могут быть полезны в практике городского брендинга и туристического маркетинга.

Образ и его структура

Понятие «образ» в современной психолингвистике и когнитивной лингвистике рассматривается как многомерная когнитивная конструкция, отражающая индивидуальный и коллективный опыт восприятия объектов реальности, закрепленный в сознании говорящих на определенном языке [Караулов 2010; Ярыгина, Михеев, Фёдорова 2022; Гао Цин 2024]. Образ выступает формой ментальной репрезентации, состоящей из нескольких компонентов, среди которых выделяются когнитивные (признаковые), эмоциональные и оценочные элементы [Федорова 2014; Fan et al. 2020].

Важность изучения структуры образа подчеркивается в работах по психологии восприятия и когнитивной психологии, где показано, что образы формируются и удерживаются в сознании не только под влиянием прямого опыта, но и под воздействием различных социальных и медиальных факторов [Скребцова 2011; Журавлёв, Холонович 2022]. Образ города, по мнению современных исследователей, формируется под воздействием множества факторов: непосредственного личного опыта, историко-культурных

традиций и стереотипов, а также медийных представлений. Особое место среди указанных факторов занимают медиатексты, которые активно влияют на современное восприятие и оценку среды массовым сознанием, формируя своеобразные «медиаобразы» городов [Добросклонская 2008].

Современные исследования подчеркивают, что вербализация образа выступает эффективным методом его изучения, так как компоненты образов выявляются посредством анализа языковых средств, используемых носителями языка при описании объектов [Каримова 2011; Сухова 2022]. В данной работе образ моделируется на основе анализа его верbalного описания как полевая структура [Сидорская 2021], в которой компоненты имеют разную частоту актуализации и, соответственно, различны по уровню значимости. Ядро образа составляют компоненты с наибольшей частотой упоминания, отражающие центральные, устойчивые и наиболее типичные характеристики объекта [Ерофеева, Жданова 2022]. Предъядерная и периферийная зоны включают менее частотно выраженные элементы, которые раскрывают вариативность восприятия и его субъективные особенности [там же].

Материал и методы исследования

Предметом исследования в работе является изучение образа Москвы, который представлен в медиатекстах о столице, и образа Москвы в языковом сознании россиян, а также сопоставление этих образов.

Материалом для изучения образа Москвы в медиатекстах стал рекламный материал с сайтов «Туристер» (<https://www.tourister.ru>) и “Rus-China Travel” (<http://rus-chinatravel.com>). «Туристер» позиционирует себя как туристическая социальная сеть и включает информацию о различных туристических объектах, наиболее посещаемых и интересных местах в этих объектах, гидах, работающих на данном направлении, а также сервисы по составлению маршрутов, бронированию билетов, отелей, туроператоров и т. п. Это русскоязычный сайт, целевой аудиторией которого являются российские туристы, то есть он обслуживает внутренний туризм. На этом сайте были выбран текст о Москве (https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/moscow#_block_11), объем которого составил 260 словоупотреблений. Целевой аудиторией сайта “Rus-China Travel” являются китайские туристы, которые хотели бы посетить Россию, то есть он направлен на внешний туризм. На платформе представлены детальные описания туристических объектов, рекомендации по отдыху в раз-

ных регионах России, советы по визовым вопросам и особенностям поездок между двумя странами. На этом сайте также был выбран текст о Москве (<http://rus-chinatravel.com/moscow.php>), объем которого составил 299 словоупотреблений. Таким образом, общий объем текстов – 559 словоупотреблений.

В данных текстах выделялась актуализация тех признаков, которые подчеркиваются в образе данного объекта. Именно эти признаки рассматривались как компоненты образа, формируемого в медиатекстах. Приведем отрывок текста о Москве с размеченными признаками:

Пожалуй, лучшие всего Москву характеризует прилагательное «самый» (УНИКАЛЬНОСТЬ). Действительно, это самый (УНИКАЛЬНОСТЬ) крупный (РАЗМЕР) мегаполис (РАЗМЕР) России (ГОСУДАРСТВО), население (ЛЮДИ) на 2019 год составляет 12 630 289 жителей (ЛЮДИ), но на самом деле живет в ней порядка 25 миллионов человек (ЛЮДИ), самый (УНИКАЛЬНОСТЬ) экономически (ДЕНЬГИ) развитый (ВОЗМОЖНОСТИ) среди российских городов (ГОРОДА И РАЙОНЫ), а также один из самых (УНИКАЛЬНОСТЬ) больших (РАЗМЕР) городов мира (ГОРОДА И РАЙОНЫ). Вряд ли кто станет оспаривать статус столицы (ЦЕНТР) как важнейшего (УНИКАЛЬНОСТЬ) культурного (КУЛЬТУРА) центра (ЦЕНТР) страны (ГОСУДАРСТВО), туристического (ОТДЫХ) и спортивного (СПОРТ) лидера (СИЛА) России (ГОСУДАРСТВО).

В двух анализируемых текстах было выделено 223 упоминания различных признаков Москвы.

Изучение образа в языковом сознании проводилось путем психолингвистического эксперимента. Информантов, проживающих в разных городах России (всего 60 человек), просили написать 3–5 слов или словосочетаний, которые

характеризуют Москву. Всего в данном эксперименте было получено 217 реакций.

Признаки, указанные в текстах, и реакции, данные информантами в эксперименте, на основе семантического анализа объединялись в группы. Например, в текстах часто встречается упоминание особенностей населения, что выражается словами и словосочетаниями *население, 12 630 289 жителей, 25 миллионов человек, миллионы туристов, москвичи* – все эти признаки объединяются в группу ЛЮДИ; в ответах информантов тоже встречаем несколько реакций, которые объединяются в группу ЛЮДИ: *Шум, многогрудность, имперский, контрасты, расстояния; Слишком много людей, дышать нечем; Красивый большой муравейник; Шумно, много людей, дорого, история, столица*. Группы формировались единообразно, чтобы их можно было сравнивать в дальнейшем. При объединении один признак мог попасть сразу в несколько групп, например, слово *туристы* – одновременно попадает и в группу ЛЮДИ, и в группу ОТДЫХ.

Каждая полученная группа рассматривалась как компонент образа; каждый компонент образа характеризуется весом (частотой упоминаний в текстах или в реакциях информантов), который позволяет выстроить иерархию компонентов и построить модели образа Москвы в медиатекстах и в языковом сознании россиян.

Образ Москвы в медиатекстах туристических агентств

Анализ медиатекстов показал, что их авторы оперируют 23 компонентами, из которых они формируют образ столицы. Эти компоненты актуализируются в текстах с разной частотой, что позволяет оценить вес компонента в структуре образа (табл. 1).

Таблица 1

Компоненты образа Москвы в медиатекстах, %

Components of the image of Moscow in media texts, %

Компоненты	Вес		Компоненты	Вес	
	абс.	%		абс.	%
ИСТОРИЯ	29	13.00	УДОБСТВО	6	2.69
КУЛЬТУРА	29	13.00	РАЗМЕР	5	2.24
ЛЮДИ	27	12.11	ОТДЫХ	5	2.24
ЦЕНТР	19	8.52	НАСТРОЕНИЕ	3	1.35
ГОСУДАРСТВО	15	6.73	СКОРОСТЬ	3	1.35
ВОЗМОЖНОСТИ	15	6.73	ДЕНЬГИ	2	0.90
УНИКАЛЬНОСТЬ	13	5.83	КРАСОТА	2	0.90
ПРИРОДА	11	4.93	СПОРТ	2	0.90
ГОРОДА И РАЙОНЫ	11	4.93	ЕДА И НАПИТКИ	1	0.45
СИЛА	9	4.04	РАЗНООБРАЗИЕ	1	0.45
ЧУВСТВА	8	3.59	ЭКОЛОГИЯ	1	0.45
НАСЛЕДИЕ	6	2.69			

Как видно из табл. 1, наиболее часто в текстах используются слова и выражения, которые можно объединить в компоненты ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА и ЛЮДИ. Компонент ИСТОРИЯ формируется следующими словами и выражениями: *А в недалеком прошлом, с 1922 по 1991 годы, – столица Союза Советских Социалистических Республик; Однако, согласно преданиям, первые жители этого места появились ещё 5000 лет назад. В XIII–XIV веках*, благодаря политике московских князей, влияние Москвы начало стремительно расти, а в XV веке город стал столицей государства; *Москва пережила жестокое монголо-татарское иго, польско-литовскую интервенцию, войну с Наполеоном*, который стал последним незваным гостем в городе и т. п. В компонент КУЛЬТУРА вошли следующие слова и выражения: Такого количества музеев, театров, концертных залов, спортивных площадок, парков, магазинов и ресторанов нет ни в одном другом городе России; Здесь родилось книгопечатание, появился первый русский театр, была основана первая российская университетская школа и напечатана первая газета и др. Примеры, включенные в компонент ЛЮДИ, были приведены выше. Именно данные компоненты – ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА и ЛЮДИ – образуют ядро образа Москвы, которое формируется в медиатекстах, направленных на развитие туризма.

К ядру образа примыкает предъядерная зона, которая в медиатекстах образуется компонентами ЦЕНТР, ГОСУДАРСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ, УНИКАЛЬНОСТЬ. Приведем примеры слов и словосочетаний, формирующих компонент ЦЕНТР: *Москва – сердце России, и этим всё сказано! Это не только столица Российской Федерации, но также административный центр Центрального федерального округа, город федерального значения, областной центр Московской области и др.* Компонент ГОСУДАРСТВО формируется следующими словами и выражениями: Среди самых известных – Государственная Третьяковская галерея, Государственный исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина. В компонент ВОЗМОЖНОСТИ были включены все слова текста, содержание которых относится к развитию, привлекательности, науке, технике, производству: учёных, фотогалереи и выставочные центры, музеи искусства, истории, науки и техники, музеи народного хозяйства. В компонент УНИКАЛЬНОСТЬ были включены слова и выражения, которые указывают на те черты, которые выделяют Москву среди других россий-

ских городов и городов мира: *Москва – один из десяти самых населённых городов мира; Пожалуй, лучше всего Москву характеризует прилагательное «самый»; Такой формат ей по статусу положен!*

Кроме того, в текстах актуализируются следующие компоненты, которые можно отнести к средней зоне образа: ПРИРОДА (*Город стоит на обоих берегах Москвы-реки*, которая пересекает всю его территорию, образуя несколько излучин. По имени этой реки город и получил своё название в стародавние времена и др.), ГОРОДА И РАЙОНЫ (*Центрального федерального округа*, город федерального значения, областной центр *Московской области* и др.), СИЛА (Однако Москва превратилась в *неприступную крепость* – её жители, плечом к плечу с бойцами Красной армии и народного ополчения, героически защищали свой город и др.), ЧУВСТВА (*Быть может, сейчас Первопрестольная выглядит чересчур гламурно, несколько броско, чуть-чуть вычурно*, но по сути так и должна выглядеть столица и др.), НАСЛЕДИЕ (*музей-заповедник «Московский Кремль», музей-усадьба «Царицыно» и др.*), УДОБСТВО (*Большое значение уделяется благоустройству городских пространств* и др.), РАЗМЕР (*это самый крупный мегаполис России, а также один из самых больших городов мира* и др.), ОТДЫХ (сразу станет понятно, зачем и почему сюда устремляются нескончаемые потоки *туристов* и др.).

Периферию образа Москвы в медиатекстах составляют компоненты НАСТРОЕНИЕ (*И хотя москвичи подчас жалуются, что Москва, которую они знали и любили, безвозвратно уходит* и др.), СКОРОСТЬ (*Несмотря на стремительное развитие и постоянные перемены, столица сохраняет свою уникальную самобытность* и др.), ДЕНЬГИ (*самый экономически развитый среди российских городов* и др.), КРАСОТА (*Москва с каждым годом хорошеет* и др.), СПОРТ (*спортивных площадок*), ЕДА И НАПИТКИ (*ресторанов*), РАЗНООБРАЗИЕ (*нет ни в одном другом городе России*), ЭКОЛОГИЯ (*обширные зелёные зоны*).

Образ Москвы в языковом сознании россиян

Анализ результатов психолингвистического эксперимента показал, что в языковом сознании россиян образ Москвы представлен 23 компонентами, которые актуализируются в реакциях информантов с различной частотой (табл. 2). Как видим, состав компонентов в языковом сознании немного отличается от состава компонентов в медиатекстах.

Таблица 2

Компоненты образа Москвы в языковом сознании россиян, %
Components of the image of Moscow in the linguistic consciousness of Russians, %

Компоненты	Объем		Компоненты	Объем	
	абс.	%		абс.	%
РАЗМЕР	33	15.21	НАСЛЕДИЕ	7	3.23
НАСТРОЕНИЕ	21	9.68	ЧИСТОТА	7	3.23
ШУМ	20	9.22	СКОРОСТЬ	6	2.76
КРАСОТА	17	7.83	СИЛА	5	2.30
ВОЗМОЖНОСТИ	14	6.45	ГОРОДА И РАЙОНЫ	5	2.30
ЛЮДИ	13	5.99	РАЗНООБРАЗИЕ	5	2.30
КУЛЬТУРА	10	4.61	ПРИРОДА	3	1.38
ЧУВСТВА	9	4.15	ОТДЫХ	3	1.38
ЦЕНТР	9	4.15	ГОСУДАРСТВО	3	1.38
ДЕНЬГИ	9	4.15	РЕЛИГИЯ	1	0.46
ИСТОРИЯ	8	3.69	РАССТОЯНИЕ	1	0.46
УДОБСТВО	8	3.69			

Как видно из табл. 2, наиболее значимым компонентом, формирующим ядро образа, стал РАЗМЕР. Компонент РАЗМЕР определяется следующими словами и выражениями: *Шумная, большая, постоянно в стройке; Большой, многоязычный, громкий; Большой мегаполис*. Компонент РАЗМЕР формирует ядро образа Москвы в сознании россиян.

В предъядерной зоне расположились компоненты НАСТРОЕНИЕ, ШУМ КРАСОТА, ВОЗМОЖНОСТИ, ЛЮДИ. В компонент НАСТРОЕНИЕ вошли следующие слова и выражения: *большая, торопливая, высокая, интенсивная, сложная; толпы народа с бессмысленным пафосом; Суета, наглость, возможность* и др. Компонент ШУМ формируется следующими словами и выражениями: *шумный, тесный город, гигантский пылесос; Дорого, шумно, чисто; Шумный, резкий, динамичный* и др. Данные компоненты чаще других упоминались респондентами и характеризуют Москву как крупный, эмоционально насыщенный и шумный мегаполис. Именно эти признаки наиболее ярко отражают повседневные впечатления жителей России о столице. Компонент КРАСОТА составили следующие слова и словосочетания: *Очень красивый, комфортный и дорогой город; Шумно, красиво, современно; Большая, разная, красивая*. Компонент ВОЗМОЖНОСТИ формируется следующими словами и выражениями: *шум, много людей, много возможностей; красивый, просторный, очень живой, город с сильным размеренным пульсом; Суета, наглость, возможность*. Примеры, включенные в компонент ЛЮДИ, были приведены в методическом разделе.

К средней зоне относятся компоненты, имеющие умеренную степень актуализации:

КУЛЬТУРА (*Исторические места, многомиллионник, музеи и архитектура; Шум, гам, транспорт, Красная площадь, Кремль, Третьяковская галерея*), ЧУВСТВА (*Большая, грязная, шумная, спесивая; Очень большой, незнакомый, комфортный*), ЦЕНТР (*Столица, красота, роскошь; Столичный, населенный и оживленный*), ДЕНЬГИ (*Суета, красота, возможность немногого заработать; красивый город, все деньги там, мегаполис*), ИСТОРИЯ (*Исторические места, многомиллионник, музеи и архитектура; Шумно, много людей, дорого, история, столица*), УДОБСТВО (*Столица, метро, движение, возможности; огромный, пробки, люди, работа; Очень большой, незнакомый, комфортный*), НАСЛЕДИЕ (*Величие, Красная площадь, ВДНХ; мегаполис, столица России, Красная площадь, Кремль*), ЧИСТОТА (*Дорого, шумно, чисто; Большая, грязная, шумная, спесивая*), СКОРОСТЬ (*быстрый, просторный, высокий, свободный; Шум, скорость, перемены*), СИЛА (*Величавая, разнообразная, красивая, очень чистый город, много музеев и церквей, восхищение*), ГОРОДА И РАЙОНЫ (*Сорок сороков. Вторая столица (первая – Киев, третья – Петербург). Большая деревня*), РАЗНООБРАЗИЕ (*Большая, разная, красивая; Сорок сороков. Вторая столица...*). Эти компоненты дополняют и обогащают образ Москвы, отражая разнообразие аспектов восприятия города.

В периферийной зоне оказались компоненты с наименьшей степенью актуализации: ПРИРОДА (*Столица, русский город, простор, Кремль, бульвары*), ОТДЫХ (*Большой мегаполис. Город возможностей. Есть где учиться, отдохнуть*), ГОСУДАРСТВО (*Шум, суета, кремль, президент*), РЕЛИГИЯ (*Величавая, разнообразная, красивая,*

очень чистый город, много музеев и церквей, восхищение) и РАССТОЯНИЕ (Суматошный, большие расстояния, интересный). Их низкая частота упоминания говорит о том, что эти признаки оказывают минимальное влияние на формирование образа Москвы в языковом сознании россиян.

Сопоставление образов Москвы в медиатекстах и языковом сознании

Анализ моделирования образов Москвы – транслируемого в медиатекстах туристических агентств и сформированного в языковом сознании россиян – позволяет выявить различия и сходства между этими образами, что, в свою очередь, поможет более глубоко понять механизмы языкового конструирования образа.

Как видно из приведенных выше табл. 1, 2, состав выделяемых компонентов не совсем совпадает. Так, в образе, формируемом медиатекстами, присутствуют компоненты УНИКАЛЬНОСТЬ, СПОРТ, ЕДА и НАПИТКИ и ЭКОЛОГИЯ, которые не актуализируются в языковом сознании; в то время как образе, зафиксированном в языковом сознании россиян, есть компоненты ШУМ, ЧИСТОТА, РЕЛИГИЯ и РАССТОЯНИЕ, не отраженные в туристических медиатекстах.

Хотя большинство данных компонентов находятся на периферии структуры образа, некоторые из них, например УНИКАЛЬНОСТЬ в медиатекстах и ШУМ и ЧИСТОТА в языковом сознании, довольно частотны. Медиатексты туристических агентств через исторические и культурные особенности города подчеркивают УНИКАЛЬНОСТЬ Москвы, создавая впечатле-

ние исключительности столицы как туристического объекта, тогда как в языковом сознании россиян данный аспект практически не актуализирован. Напротив, медиатексты игнорируют негативные или неоднозначные характеристики Москвы, которые объединяются в компоненты ШУМ и ЧИСТОТА, занимающие значимое место в сознании россиян. Это указывает на стремление медиатекстов представить идеализированный и лишенный противоречий образ Москвы, направленный на формирование положительного восприятия у потенциальных туристов. В противоположность этому образ Москвы в сознании россиян является более комплексным, включает в себя как позитивные, так и негативные стороны повседневной жизни и отражает реальный опыт взаимодействия жителей с городской средой.

Тем не менее большинство компонентов является общим для обоих образов столицы, что их объединяет. Однако более глубокий анализ выявляет существенные различия в образах, обусловленные особенностями их формирования и целями. На рисунке представлены веса компонентов в рассматриваемых структурах образов Москвы, и можно видеть, что роль одних и тех же компонентов в образах неодинакова. Так, наиболее частотные в медиатекстах компоненты ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЛЮДИ, ЦЕНТР, ГОСУДАРСТВО являются далеко не самыми частотными в структуре образа в языковом сознании. И напротив, наиболее частотные компоненты образа языкового сознания РАЗМЕР, НАСТРОЕНИЕ, КРАСОТА, ШУМ довольно редки в медиатекстах.

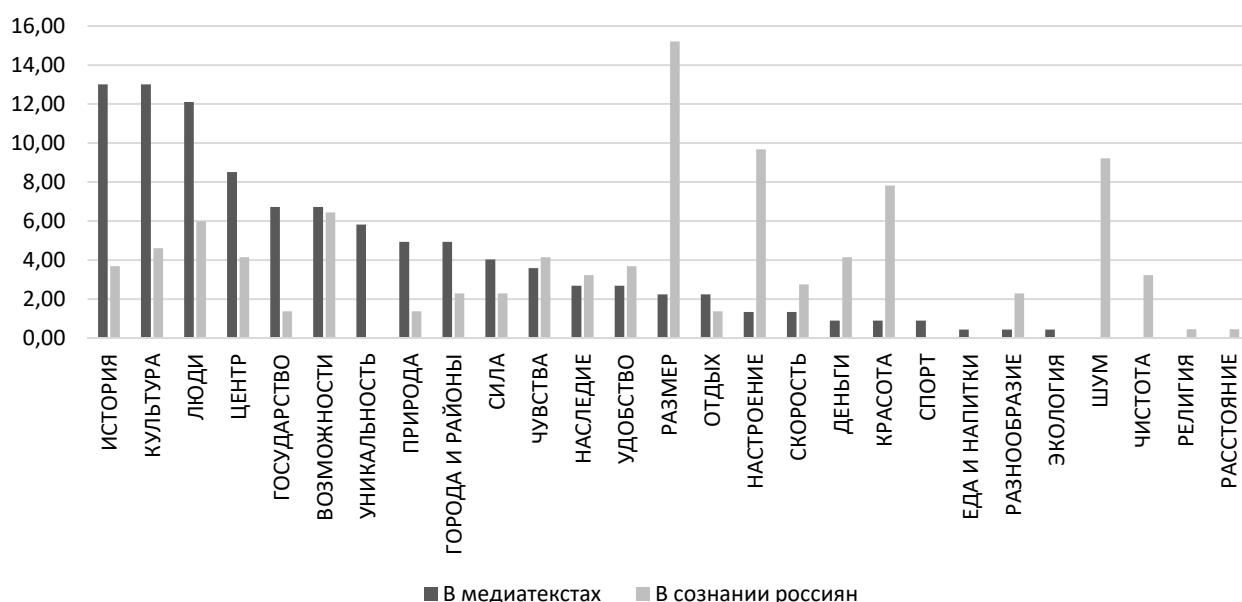

Рис. Вес компонентов образов Москвы в медиатекстах и языковом сознании, %

Fig. Weight of components of Moscow images in media texts and linguistic consciousness, %

В табл. 3 представлены ядерная, предъядерная и средняя зона полевой структуры образа Москвы, транслируемая медиатекстами и зафиксированная в языковом сознании, в сопоставлении. Можно видеть, что ядерная и предъядерная части практически не пересекаются. Общими в этих зонах для обоих образов являются только компоненты ВОЗМОЖНО-

СТИ и ЛЮДИ: образ Москвы ассоциируется с высокой концентрацией людей, многочисленными возможностями для личного и профессионального развития. Данные наблюдения свидетельствуют о восприятии столицы как центра социальной активности и города, предлагающего разнообразные жизненные и карьерные перспективы.

Таблица 3

Полевая структура образа Москвы в медиатекстах и языковом сознании россиян, %**Field structure of the image of Moscow in media texts and linguistic consciousness of Russians, %**

ЗОНА ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ	МЕДИАТЕКСТЫ	ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ
Ядерная зона	ИСТОРИЯ КУЛЬТУРА ЛЮДИ	РАЗМЕР
Предъядерная зона	ЦЕНТР ГОСУДАРСТВО ВОЗМОЖНОСТИ УНИКАЛЬНОСТЬ	НАСТРОЕНИЕ ШУМ КРАСОТА ВОЗМОЖНОСТИ ЛЮДИ
Средняя зона	ПРИРОДА ГОРОДА И РАЙОНЫ СИЛА ЧУВСТВА НАСЛЕДИЕ УДОБСТВО РАЗМЕР ОТДЫХ	КУЛЬТУРА ЧУВСТВА ЦЕНТР ДЕНЬГИ ИСТОРИЯ УДОБСТВО НАСЛЕДИЕ ЧИСТОТА СИЛА ГОРОДА И РАЙОНЫ РАЗНООБРАЗИЕ

В медиатекстах туристических агентств делается акцент на историко-культурной значимости Москвы (ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЦЕНТР, ГОСУДАРСТВО), что соответствует задачам привлечения туристов. Эти тексты стремятся подчеркнуть уникальные достопримечательности, богатое культурно-историческое наследие и центральный статус города, формируя позитивный и привлекательный образ столицы. В то же время в языковом сознании россиян на первый план выходят характеристики, связанные с реальной повседневной жизнью в мегаполисе (РАЗМЕР, НАСТРОЕНИЕ, ШУМ, КРАСОТА). Эти компоненты отражают восприятие Москвы как крупного города, наполненного эмоциями и жизненной энергией, но одновременно и как города, сопряженного с ежедневными трудностями, стрессами и дискомфортом городской среды. Отметим, что компонент РАЗМЕР – ядро образа Москвы в языковом сознании россиян – косвенно передается в медиатекстах через компонент ЛЮДИ, поскольку в данном случае подчеркивается количество жителей столицы.

Кроме того, в образе, зафиксированном в языковом сознании, значимое место занимают различные компоненты, так или иначе связанные с эмоциональным восприятием города (ЧУВСТВА, НАСТРОЕНИЕ) и его оценкой (КРАСОТА, ШУМ, ЧИСТОТА, УДОБСТВО).

Выводы

Проведенное исследование образа Москвы вносит вклад в изучение языковой презентации городских образов, а также раскрывает важные аспекты взаимодействия медиареальности и языкового сознания. Можно видеть, что в целом образ Москвы в обоих случаях содержит общие компоненты, но их аранжировка в медиатекстах существенно отличается от языкового сознания россиян. В целом медиатексты туристических агентств формируют стратегически идеализированный образ столицы, в то время как в языковом сознании россиян представлен более многосторонний и эмоционально насыщенный образ Москвы, отражающий широкий спектр жизненных реалий и опыта жителей. Возможно,

большая ориентация туристических агентств на реальные образы туристических объектов, включение большего количества личностно эмоционально окрашенных компонентов в рисуемый в медиатекстах образ позволит им приблизиться к потребителю их услуг.

Список литературы

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.

Ерофеева Т. И., Жданова Ю. В. Лексема «ПОЛИТИКА»: семантический анализ словарных дефиниций в русском языке // Политическая лингвистика. 2022. № 4(94). С. 109–114.

Журавлев А. Л., Холонович Е. Н. Основные направления научно-исследовательской работы лаборатории Истории психологии и исторической психологии ИП РАН в 2017–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 4. С. 5–14. doi 10.31857/S020595920021473-6.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Каримова Р. А. Вербализация визуальных образов в устном дискурсе // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы Междунар. школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып. 18. М.: ИИОН РАН, АСОУ, 2011. С. 79–82.

Москва // Туристер. URL: https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/moscow#_block_11 (дата обращения: 30.03.2025)

Сидорская И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Журналистика. 2021. № 3. С. 173–197. doi 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197.

Скалкин А. А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // Architecture and Modern Information Technologies. 2018. № 2(43). С. 87–97.

Скrebцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / ред. В. С. Волкова. Филол. фак-т СПбГУ, 2011. 256 с.

Сухова К. И. Вербализация образа малой родины в поэзии В. А. Соловухина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2022. 195 с.

Федорова О. В. Психолингвистика vs. когнитивная лингвистика на карте современной когнитивной науки // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 7–20.

Ярыгина Е. С., Мухеев А. А., Фёдорова С. Н. Языковая личность и языковая общность: к вопросу о взаимообусловленности частного и об-

щего в языке и лингвистике // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16, № 3(47). С. 423–429. doi 10.30914/2072-6783-2022-16-3-423-429.

Fan S. et al. A Deeper Look at Human Visual Perception of Images / B. L. Koenig, Q. Zhao, M. S. Kankanhalli // SN Computer Science. 2020. Vol. 1. № 58. doi 10.1007/s42979-019-0061-5.

Гао Цин. Соотношение языка и когнитивных процессов в психолингвистике // Психологические исследования. 2024. №14(9). С. 210–217.

高庆. 心理语言学视域下的语言与认知关系 // 心理学进展. 2024(14). P. 210–217. doi 10.12677/ap.2024.149638.

Москва – сердце России. Москва—俄罗斯的心脏 // Rus-Chinatravel. URL: <http://ruschinatravel.com/moscow.php> (дата обращения: 30.03.2025).

References

Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemyyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremenennaya angliyskaya mediarech'* [Media Linguistics: A Systematic Approach to Studying the Language of the Media: Modern English Media Speech]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 263 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I., Zhdanova Yu. V. Leksema 'POLITIKA': semanticheskiy analiz slovarnykh definitsiy v russkom yazyke [The lexeme 'politics': Semantic analysis of dictionary definitions in the Russian language]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2022, issue 4 (94), pp. 109-114. (In Russ.)

Zhuravlev A. L., Kholondovich E. N. Osnovnye napravleniya nauchno-issledovatel'skoy raboty laboratorii istorii psikhologii i istoricheskoy psikhologii IP RAN v 2017–2021 gg. [The main directions of the research work at the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology 2017-2021]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2022, vol. 43, issue 4, pp. 5-14. doi 10.31857/S020595920021473-6. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Ed. by D. N. Shmelev. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)

Karimova R. A. Verbalizatsiya vizual'nykh obrazov v ustnom diskurse [Verbalization of visual images in oral discourse]. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: kognitivnyy i psikholingvisticheskiy aspekty* [Linguistic Existence of Man and an Ethnic Group: The Cognitive and Psycholinguistic Aspects]: Proceedings of the International School-Seminar (VII Berezin Readings)]. Moscow, INION RAN, ASOU Publ., 2011, vol. 18, pp. 79-82. (In Russ.)

- Moskva [Moscow]. Available at: https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/moscow#_block_11 (accessed 30 Mar 2025). (In Russ.)
- Sidorskaya I. V. Ob upotreblenii terminov 'obraz' i 'imidzh' v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediareprezentatsii territoriy [On using the term 'image' in Russian-language studies into the problem of media representation of territories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2021, issue 3, pp. 173-197. doi 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197. (In Russ.)
- Skalkin A. A. Arkhitekturnaya identichnost' goroda: ponyatie i metodologiya issledovaniya [The architectural identity of the city: The concept and research methodology]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2018, issue 2(43), pp. 87-97. (In Russ.)
- Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]: a lecture course. Ed. by V. S. Volkova. St. Petersburg, 2011. 256 p. (In Russ.)
- Sukhova K. I. *Verbalizatsiya obraza maloy rodiny v poezii V. A. Soloukhina* [Verbalization of the image of a small homeland in the poetry of V. A. Soloukhin]: Cand. filol. sci. diss. Elets, 2022. 195 p. (In Russ.)
- Fedorova O. V. Psikholingvistika vs. kognitivnaya lingvistika na karte sovremennoy kognitivnoy nauki [Psycholinguistics vs. cognitive linguistics on the map of modern cognitive science]. *Sotsio-psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Research], 2014, issue 2, pp. 7-20. (In Russ.)
- Yarygina E. S., Mikheev A. A., Fedorova S. N. Yazykovaya lichnost' i yazykovaya obshchnost': k voprosu o vzaimoobuslovnosti chastnogo i obshchego v yazyke i lingvistike [Linguistic personality and linguistic community: on the question of the interdependence of the particular and the general in language and linguistics]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2022, vol. 16, issue 3(47), pp. 423-429. doi 10.30914/2072-6783-2022-16-3-423-429. (In Russ.)
- Fan S., Koenig B. L., Zhao Q., Kankanhalli M. S. A deeper look at human visual perception of images. *SN Computer Science*, 2020, vol. 1, issue 58. doi 10.1007/s42979-019-0061-5. (In Eng.)
- Gao Qing. Xinliuyuanxue shiyu xia de yuyan yu renzhi guanxi [The relationship between language and cognition in a psycholinguistic perspective]. *Xinlixuejinzhan* [Advances in Psychology], 2024, issue 14(9), pp. 210-217. doi 10.12677/ap.2024.149638. (In Ch.)
- Mosike – Eluosi de xinzang [Moscow as the heart of Russia]. Available at: <http://ruschinatravel.com/moscow.php> (accessed 30 Mar 2025). (In Ch.)

The Image of Moscow in Tourist Agencies' Media Texts and in the Linguistic Consciousness of Russians

Wang Juanjuan

Postgraduate Student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. 1395487147@qq.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4892-0538>

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. elenerofee@gmail.com

SPIN-code: 4653-7454

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Submitted 02 Apr 2025

Revised 30 Apr 2025

Accepted 05 May 2025

For citation

Wang Juanjuan, Erofeeva E. V. *Obraz Moskvy v mediatekstakh turisticheskikh agentstv i v yazykovom soznanii rosiyan* [The Image of Moscow in Tourist Agencies' Media Texts and in the Linguistic Consciousness of Russians]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 17–26. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-17-26. EDN VDCITT (In Russ.)

Abstract. The article presents a comparative analysis of the images of Moscow, one constructed by media texts of tourist agencies and the other existing in the linguistic consciousness of Russians. The relevance of this research is determined by Moscow's significant role as a tourist center and the need to investigate mechanisms of linguistic construction of urban images. The study aims to identify similarities and differences in the structural elements of Moscow's image as represented in media texts and as perceived by Russians and to establish the reasons for the identified discrepancies. The models of Moscow's image, comprising core, near-core, and peripheral components, were constructed based on an analysis of media texts and informants' responses obtained through a linguistic experiment. The study material included 223 lexical items used in media texts sourced from official websites of tourist agencies and 217 responses from informants residing in various Russian regions. The findings have revealed that media texts construct an idealized image of Moscow, emphasizing its historical-cultural features, uniqueness, and attractiveness for tourists while avoiding the everyday aspects of urban life. Conversely, the linguistic consciousness of Russians predominantly includes characteristics related to personal everyday experiences (the city size, mood, noise, comfort, cleanliness, etc.). The core and near-core components of Moscow's media image and those entrenched in the linguistic consciousness of Russians barely overlap. The paper concludes that when developing marketing strategies for promoting Moscow as a tourism brand it is essential to incorporate Russians' authentic perceptions of the capital. The presented results can be valuable to specialists in psycholinguistics, cognitive linguistics, marketing, and advertising.

Key words: city image; image structure; image components; Moscow; media texts; linguistic consciousness.

УДК 81'42; 811'124; 82-83
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-27-36
<https://elibrary.ru/eshviz>

EDN ESHVIZ

Из истории жанра «описание клинического случая»

Данилина Наталия Ивановна

д. филол. н., профессор кафедры русского и латинского языков

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского
410012, Россия, г. Саратов, Б. Казачья, 112. danilina_ni@mail.ru

SPIN-код: 8581-4560

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

ResearcherID: W-4916-2017

Статья поступила в редакцию 21.09.2024

Одобрена после рецензирования 11.12.2024

Принята к публикации 18.01.2025

Информация для цитирования

Данилина Н. И. Из истории жанра «описание клинического случая» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 27–36. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-27-36.
EDN ESHVIZ

Аннотация. Описание клинического случая – один из важнейших жанров письменного медицинского дискурса, однако он еще не получил достаточного освещения в исторической перспективе, что обуславливает актуальность исследования. Материалом работы служит труд португальского врача XVI в. Амато Лузитано «Центурии», содержащий 700 текстов названного жанра. Не являясь создателем жанра, Лузитано вносит существенный вклад в его популяризацию и развитие, что побуждает изучить особенности реализации этого жанра именно в его работе. Цель статьи – анализ композиционной схемы описаний клинического случая и языковых средств ее презентации для периода XVI в., а также сопоставление с современным жанровым каноном. В результате установлено, что обязательными композиционными элементами жанра у Лузитано являются заглавие с обозначением диагноза или кратким изложением содержания, основная часть с описанием клинической картины и способа лечения и заключение с констатацией исхода лечения. В основную часть обязательно включается жанр «рецепт». Данная схема в целом идентична современной, однако ее языковое наполнение, за исключением жанра «рецепт», еще не стандартизовано. Композиционные элементы, эквивалентные введению и обсуждению, обязательные для современных статей, у Лузитано факультативны. Они вводятся тремя способами: ссылками непосредственно в тексте, вынесением в затекстовые схолии, диалогизацией. Характерной чертой «Центурий» выступает наличие информации, избыточной с точки зрения конкретных случаев или медицины как таковой. Выявлено, что при соответствии жанра описания клинического случая в XVI в. современному жанровому канону в целом эпоха Ренессанса допускает большую свободу его как композиционного, так и содержательного и собственно языкового выражения.

Ключевые слова: Амато Лузитано; медицина эпохи Возрождения; описание клинического случая; медицинский дискурс; жанры медицинского дискурса.

Введение

История научного дискурса, в отличие от истории отраслевых терминологий, – малоизученная лингвистами область. В особенности этот тезис следует отнести к периоду до XVIII в., то

есть к дискурсу латиноязычному. В отечественной науке существует не так много статей, рассматривающих отдельные аспекты средневекового и ренессансного медицинского дискурса [Данилина, Разумовская 2021; Данилина 2021;

Данилина 2023], из зарубежных исследований упомянем монографию, дающую обзор жанровой палитры тестов более раннего периода без анализа языковых особенностей отдельных произведений [Cartelle 2010]. Таким образом, анализ значимых текстов, отражающих отдельные этапы эволюции профессиональных языков, представляет собой, по нашему мнению, актуальную задачу, которая в перспективе позволит создать целостное представление об эволюции отдельных жанров научного дискурса.

Объектом изучения в данной статье выступает труд знаменитого португальского врача Амато Лузитано (1511–1568) «Центурии», который испанские ученые называют бестселлером своей эпохи [eHumanista 2019: ii]. В целом произведение издавалось 59 раз, было переведено на многие языки [Родригеш, Карнейру де Карвалю 2017], исключая русский и испанский. Значение работы Лузитано трудно переоценить. Это своеобразный справочник практического врача. Он содержит 700 клинических случаев (7 томов по 100 случаев) по разным отраслям медицины: гинекологии (53), гастроэнтерологии (52), хирургии (32), инфекционным заболеваниям (29), неврологии (18), дерматологии (17), психиатрии (14), оториноларингологии (13), нефрологии (12), офтальмологии (11), неврологии (9), урологии (8), проктологии (6), кардиологии (4), фтизиатрии (3). Существенная часть глав посвящена заболеваниям, которые сейчас лечат врачи общей практики (терапевты): пневмонии, лихорадкам, плевриту и др. Сам автор не группировал случаи по тематике, а издавал их по мере накопления; приведенные данные вычислены нами по указателю, представленному в издании 1620 г. [Amati Lusitani... 1620].

Значимость данного труда подтверждает наличие специального сайта, посвященного Лузитано и содержащего обширную библиографию [Proyecto Amato]. Современные ученые (преимущественно испанские), обращавшиеся к данному произведению, проводили текстологическое сопоставление разных изданий книги, изучали диалоги как жанр, нехарактерный для научной литературы, поэтому привлекающий внимание на фоне типичных текстов, анализировали взгляды Лузитано по отдельным вопросам, подробно рассматривали конкретные главы труда (либо совокупности глав, представляющих одну отрасль медицины), прослеживали влияние его на медиков следующего поколения (см.: [Данилина 2023; eHumanista 2019; Сугробова и др. 2021]. Удивительно при этом, что жанровый аспект произведения, точнее, абсолютного большинства его глав (исключая диалоги), исследователями не анализировался. Между тем данный

жанр – описание клинического случая – является в медицине одним из важнейших. Несмотря на то что Лузитано не является создателем этого жанра, он вносит существенный вклад в его популяризацию и развитие, что делает актуальным изучение особенностей реализации жанра именно в его труде.

Целью нашей статьи является анализ композиционной схемы описаний клинического случая и языковых средств ее презентации для периода XVI в., а также сопоставление с современным жанровым каноном. В соответствии с этой целью статья содержит два теоретических раздела: один посвящен современному жанровому канону, второй – средневековому (в той мере, в какой оба получили отражение в исследованиях современных ученых). В практическом разделе рассмотрен материал «Центурий». Источником текстовых примеров служат 5-я и 6-я книги «Центурий»; все цитаты даются в нашем переводе; ссылки приводятся в круглых скобках, номер книги дается римской цифрой, номер случая – арабской (за исключением словесных клише, встречающихся во многих местах). В заключении проведено сопоставление особенностей презентации исследуемого жанра в разные эпохи.

Описание клинического случая в системе жанров современного медицинского дискурса

Описание клинического случая как жанра письменного медицинского дискурса малоизучено, хотя многие медицинские журналы содержат рубрику «Клинический случай» и предъявляют определенные требования к структуре соответствующих статей. Зарубежные работы о данном жанре появляются только в XXI в. (см. обзор: [Желязовска-Собчик 2019]), преимущественно на польском и английском языковом материале (в частности, [Zabielska, Żelazowska 2016; Żelazowska-Sobczyk, Zabielska 2017]), где анализируется языковое воплощение жанра в соответствующих журнальных статьях. Впрочем, определения названного жанра и его сущностных отличий от других жанров медицинского дискурса в рассмотренных нами работах обнаружено не было. В исследованиях отечественных ученых, характеризующих жанровую палитру письменного медицинского дискурса, описания клинических случаев либо упоминаются в перечислительном порядке [Торубарова 2020: 39], либо не упоминаются вообще [Косицкая, Матюхина 2017: 46; Бирюкова 2018: 50–51].

Такая ситуация обусловлена, вероятно, промежуточным положением описания клинического случая между двумя другими жанрами: оригинальной статьей по медицине и историей болезни. В частности, М. Желязовска ссылается в

качестве своих предшественников на исследователей жанра «История болезни», а Ю. Н. Бирюкова пишет только о статьях, подразумевая, вероятно, любые журнальные публикации независимо от рубрики. Действительно, три названных жанра имеют ряд общих характеристик: принадлежат к числу информативных, предполагают участие статусно равных коммуникантов (врач – врач) и имеют предметом обсуждения болезнь и ее лечение. Вместе с тем можно выделить также попарные пересечения и расхождения жанров. Конкретизация образа адресата позволяет объединить описание клинического случая с оригинальной статьей (неопределенный круг лиц, публичное представление информации) и ограничить от истории болезни (ограниченный круг лиц, непубличная информация). По языковому воплощению описание клинического случая также сходно с оригинальной статьей (в том числе композиционно) и отличается от истории болезни меньшей языковой клишированностью. Кроме того, описание клинического случая, в отличие от истории болезни, по своему юридическому статусу не является документом, а содержащаяся в нем информация деперсонализована. Вместе с тем презентация конкретного заболевания конкретного пациента и способа его лечения сближает описание клинического случая с историей болезни, но противопоставляет оригинальной статье, где сообщаемая информация предполагает обобщение данных о многих случаях. Таким образом, разграничение всех трех названных жанров может быть достигнуто на уровне конкретизации авторской интенции: для оригинальной статьи это сообщение нового теоретического знания или практического метода, для истории болезни – информирование коллеги о течении болезни конкретного пациента для учета этой информации при последующем лечении данного пациента, для описания клинического случая – анализ течения заболевания и лечения конкретного больного для использования полученного коллегами опыта при лечении других пациентов с аналогичным заболеванием. Последнюю формулировку (за исключением других) примем как определение жанра «описание клинического случая».

Изложим теперь, как видится современным ученым структура текстов рассматриваемого жанра. Польские лингвисты представляют композиционную схему следующим образом.

1. Введение: краткая история возникновения заболевания и его значение, определение заболевания, постановка проблемы.

2. Описание случая: сведения о пациенте, анамнез болезни, семейный анамнез, состояние на приеме, диагностические исследования, по-

становка диагноза, примененное лечение и реабилитация, дальнейшие врачебные рекомендации.

3. Дискуссия: повторение значимости проблемы, обзор литературы, ссылки на другие исследования, перспективы исследования, рекомендации.

4. Точка зрения пациента (в англоязычных статьях) [Żelazowska-Sobczyk, Zabielska 2016b: 172, 178; Żelazowska-Sobczyk, Zabielska 2017: 184].

Сходную схему находим и в методических рекомендациях, составленных отечественными медиками.

1. Введение: общая информация о заболевании и обоснование анализа именно данного случая; обзор литературы; цель исследования.

2. Описание случая: этико-юридическая информация (наличие информированного согласия пациента на публикацию случая; указание лечебного учреждения); временной период, деперсонализованная социально-демографическая информация о пациенте, жалобы на приеме, анамнез болезни, история жизни и образ жизни пациента; результаты диагностических обследований; постановка диагноза; проведенное лечение; дальнейшее развитие изучаемого состояния, выполнение/невыполнение больным врачебных рекомендаций.

3. Дискуссия: обоснование выбранных методов диагностики и тактики лечения, сопоставление с данными других исследований.

4. Заключение: новизна случая, его значимость для практикующих врачей.

5. Точка зрения пациента (факультативный элемент) [Подготовка описания… 2021: 6–11].

Таким образом, жанр описания клинического случая является одним из основополагающих в медицинском дискурсе, поэтому, несмотря на отсутствие определения и «непопулярность» у исследователей-лингвистов, четкие требования к структуре текстов этого жанра являются не только дескриптивной, но и прескриптивной реальностью, они выработаны, регулярно вербализуются (в том числе в рекомендациях на сайтах журналов) и поддерживаются прежде всего самими медиками.

Историческая идентификация жанра

Диахронический аспект жанра, то есть история его становления и развития, на данный момент полноценно не исследован, сведения о нем разрознены и противоречивы. Польские специалисты по медицинскому дискурсу готовы отнести к изучаемому жанру все медицинские сочинения древности [Żelazowska-Sobczyk, Zabielska 2016a: 80]. Американский исследователь J. M. Wilce называет временем рождения жанра XVIII в. [Wilce 2009: 203], испанские ученые –

позднее Средневековье [eHumanista 2019]. На наш взгляд, большего доверия заслуживает точка зрения испанских исследователей, представивших аргументированный обзор жанров медицинской литературы от Античности до Ренессанса [Cartelle 2010]. Наше собственное знакомство с материалом также дает основания полагать, что дошедшие до нас античные медицинские сочинения сейчас называли бы оригинальными статьями или монографиями, а временем зарождения жанра описания клинического случая следует считать все-таки эпоху позднего Средневековья, от которой дошло достаточно большое количество достоверных источников. Отмечают, что в XIII в. появляются медицинские сочинения дидактического характера, написанные в литературно-эпистолярном жанре и содержащие разборы случаев из собственной практики [eHumanista 2019: 59]. Начальный период формирования жанра связывают с трудами Таддео Альдеротти и Джантиле де Фолиньо (рукописи последнего были изучены L. Thorndike [Thorndike 1959]). К концу XV в. жанр описания клинического случая можно считать уже сложившимся; классиком жанра называют Бартоломео Монтаньяну [Cartelle 2010: 107].

Известно, что медицинская латынь, а вслед за ней и современные языки приняли в качестве терминологического обозначения описания клинического случая слово *casus*, которое в классической латыни означало ‘происшествие, случайность, возможность’. Так, английское наименование исследуемого жанра *Case Report*, русское *случай* и польское *przypadek* в медицинском употреблении также можно считать семантическими кальками латинизма. Однако изначально латинское наименование жанра было иным.

В период Средневековья описание клинических случаев было представлено текстами двух типов: *consilium* (лат. ‘совещание, обсуждение’) и *observatio* (лат. ‘наблюдение’). Тип *consilium* существовал в двух разновидностях: так называемые *consilium pro* (‘для, в пользу’) и *consilium de* (‘о’); первые были нацелены на описание конкретного случая, лечение конкретного больного, вторые посвящались рассуждению о заболевании как таковом. Авторы XIV в. называют свои тексты *consilium* даже тогда, когда разделяют их на практическую и теоретическую части. Исследователи полагают, что именно объединение двух типов *consilium*’ов в рамках одного текста стало началом формирования жанра *observatio*, для которого характерна определенная формальная схема с выделением практической части (описание случая) и теоретической (интерпретация) [ibid.: 106], и относят стандартизацию данного жанра к началу XVI в. Практическая часть полу-

чает название *curatio* (лат. ‘лечебение’), теоретическая – *scholium*, чаще во мн.ч. – *scholia* (лат. ‘комментарий’) [eHumanista 2019: 59].

Таким образом, тексты, созданные в жанре, эквивалентном нынешнему описанию клинического случая, в XIV–XVI вв. содержали следующие композиционные части: заглавие (название заболевания), собственно случай (сведения о больном, симптоматика, диагностика, лечение), интерпретация (с обзором источников), заключение (культовая формула *Ad laudam Dei. Amen* «Во славу Господа. Аминь» или, позже, констатация выздоровления или смерти больного) [Cartelle 2010: 106–107; eHumanista 2019: 59].

Как можно видеть, главная композиционная особенность, сформировавшая в свое время жанр *observatio* из двух видов *consilium*, четко прослеживается до сих пор: это выделение собственно случая и его интерпретации. Изменения коснулись представления теоретической части: прежние схолии сейчас распределены между введением и дискуссией. Появились новые композиционные элементы: заключение и точка зрения пациента. В практической части выработаны требования к информации, предоставление которой является обязательным. Однако в целом можно полагать, что жанр, хотя и эволюционировал, сохраняет свою идентичность.

Жанр описания клинического случая в «Центуриях» Лузитано

Что касается названия жанра, то Лузитано не использует слово *observatio*, а пользуется словами *curatio* и *scholia*, желая, вероятно, подчеркнуть целевую установку текстов – представить способ лечения в той или иной ситуации. Кроме того, не все случаи в «Центуриях» сопровождаются схолями. Однако *curatio* Лузитано не вполне эквивалентно *consilium pro*: оно, как *observatio*, может содержать не только описание конкретного случая, но и теоретические рассуждения, иногда весьма пространственные (о способах подачи таких рассуждений, их месте в структуре текста мы скажем далее).

Каждый случай, в традициях литературы XVI в., имеет не только номер, но и заглавие, в котором названо заболевание (диагноз) и/или кратко отражено содержание текста. Примеры с диагнозами (V): *Curatio secunda de inflammato isthmo, seu uva et tonsillis* (Случай второй, о воспаленном горле, или язычке и миндалинах); *Curatio quinta, de pleuritide* (Случай пятый, о плеврите). Примеры с кратким содержанием: *De muliere, pariente geminos, marem et foeminam, qua non recte purgata diem obit* (О женщинах, родивших двойню, мальчика и девочку, которая скончалась из-за того, что была неправильно очищена) (VI, 37);

De sanguine detracto a muliere gracili, cui iamdiu suppressi menses erant, et contra medicorum opinionem sana evaluit (О кровопускании у худощавой женщины, у которой была длительная задержка менструаций, но которая, вопреки мнению врачей, была здорова) (V, 32).

Постановке диагноза и ее обоснованию Лузитано не уделяет внимания; диагноз, как правило, сообщается уже в заглавии или же сразу в первом предложении. Изложение начинается с сообщения сведений о больном. Сначала называются пол и возраст, иногда добавляются имя, род занятий и место. Обратим внимание на отсутствие этико-юридического запрета на называние имени больного. Возраст может быть указан как точно, так и косвенно (юноша, девочка и т. п.). Место может быть как местом рождения больного, так и городом, где проходило лечение. Здесь, по-видимому, наблюдаем отголоски гиппократовой теории о влиянии места или климата на течение и исход болезни. Например: *Uxor Michaelis Scipionis Bonii, ex patritia Raguseorum familia, annos nata sex et triginta* (Жена Михаила Сципиона Бония, из рагузской патрицианской семьи, тридцати шести лет) (VI, 37); *Mulier illyrica, annos nata quadraginta quinque* (иллирийка сорока пяти лет) (V, 5); *Filia Trapezitae, qui ex Pisaro in Anconam venerat, puella nata annos quattor* (Дочь Трапезиты, который прибыл из Писаро в Анкону, девочка четырех лет) (V, 7), *Ioannes... Teutona, Antuerpiensis mercator, Vir annos natus triginta tres* (Иоанн... тевтонец, антверпенский купец, мужчина тридцати трех лет) (V, 4), *Ioannes Baptista Uccelinus, iuvenis Florentinus* (Иоанн Баптиста Уццилини, флорентийский юноша) (V, 6), *Nobilis Veneta* (знатная венецианка) (V, 31). Таким образом, можно видеть, что подача социально-демографической информации о больном в рассматриваемый временной период еще не стандартизована и лишена требуемой ныне деперсонализации.

Перечисленные сведения не оформляются в композиционно самостоятельную часть текста, они начинают текст и синтаксически представляют собой группу подлежащего в первом предложении, где сказуемое называет состояние болезни: *laboraret* (болеет), *febri... affligi coepit* (начала страдать лихорадкой) (V, 7), *quum uterum ferret unius mensis foetum... abortuit* (когда несла в матке однومесячный плод, выкинула) (V, 20) и т. п.

За общими сведениями следует описание габитуса. В соответствии с господствовавшей в ту эпоху гуморальной теорией, здесь часто сообщаются сведения о телосложении и темпераменте. Например: *mulier sanguinea* (женщина сангвинического темперамента); *longus, gracilis et temperatura biliosus* (высокий, стройный, желч-

ного темперамента) (V, 4), *temperatura atrobiliaris, gracilis, collum oblongum habens, pectus admodum strictum* (меланхолического темперамента, стройный, имеющий довольно длинную шею, а грудь узкую) (V, 6). Каких-либо словесных штампов или устойчивых формул в этой части текста не отмечается, выбор лексики произволен. Иногда автор ограничивается широкозначной лексикой: *boni habitus* (хорошего вида). Иногда, напротив, прибегает к выразительным средствам, что для современного научного стиля не характерно: *robusta, magna, carnosa, ut eam ex Gigantea prole quivis diceret* (крепкая, крупная, мясистая, так что кое-кто мог бы сказать, что она из рода Гигантов) (V, 5). Синтаксически данные сведения также являются частью первого предложения.

Следует отметить, что иногда автор сообщает о больном сведения, излишние в аспекте данного случая или в медицинском аспекте вообще (не составляющие, впрочем, врачебной тайны). Например, в случае лечения плеврита у женщины 45 лет: *quaes iam consuetos menses amiserat* (она уже лишилась обычных менструаций) (V, 5). Или в случае лечения кровохаркания у юноши-флорентийца: *optimis litteris et moribus a prime imbutus* (с наилучшим образованием и хорошо воспитанный) (V, 6).

После сведений о больном следует описание клинической картины заболевания, то есть анамнеза с симптоматикой. Например: *...quum in hysente per duos uel tres menses febribus laboraret, quas cuius naturae essent, ad praesens referre non puto operaepraetum, eum tamen hectica febri laborare primo occurru comperui* (...поскольку зимой на протяжении двух или трех месяцев он болеет лихорадками, которые вообще ему свойственны, я не думаю, что в таких случаях стоит что-то делать, но при первой встрече я узнал, что он болеет чахоточной лихорадкой) (V, 4), *...ab assumpto cibo, gravius et intensius a febri ipsa affligeatur, cui pulsus debilis... erat* (...после приема пищи и сама лихорадка становилась тяжелее и сильнее, пульс у него был слабый...) (V, 4).

Здесь же сообщаются наблюдения, полученные при личном осмотре, которые, по мнению автора, важны для выбора тактики лечения. Например, описывается обстановка в комнате больного лихорадкой: *Ecce hunc aegrotantem in cubiculo peramplo et valde alto iacentem percipio, cuius cubiculi aer humidus admodum, crassus et frigidus erat* (Так вот, я застал этого больного лежащим в комнате очень просторной и с высокими потолками, воздух в его комнате был влажным, густым и прохладным) (V, 4). Данное описание служит обоснованием последующей тактики: прежде всего прогреть воздух.

После изложения клинической картины сообщается о проделанных манипуляциях (например, кровопускании или клизме) и рекомендованном лечении. Например, при асците: *Emisarium natura factum scalpello dilatavimus, ut humor sive aqua illa contanta liberalius emitteretur* (*Отток, созданный природой, мы расширили скальпелем, чтобы легче было вывести жидкость или воду, собравшуюся там*) (V, 37).

Поскольку в эпоху, о которой идет речь, использование готовых лекарственных препаратов еще не было стандартной практикой, особое внимание Лузитано уделяет описанию состава и способа приготовления лекарства. Данная информация составляет самостоятельную композиционную часть текста и представляет собой прообраз современного рецепта. Она начинается словом *Recipe* (или его произвольным сокращением, или специальным знаком-лигатурой), после которого перечисляются ингредиенты лекарственного средства с дозировкой. Обозначение дозировки еще вариативно: цифрами или словами, с сокращениями единиц веса или без таковых. Например: *R. Lactis caprini, uncias decem, sacchari rubei unciam unam, vitellum ovi unum, misce, fiat clysterium* (*B<озъми>*). Козьего молока десять унций, бурого сахара одну унцию, один яичный желток, смешай, пусть получится клистир) (V, 7). Наличие аббревиатур и устойчивых рецептурных формул (*смешай, пусть получится*) говорит о том, что медицинский рецепт в рассматриваемый временной период уже существовал как самостоятельный жанр и мог включаться в состав более крупных жанров. Вместе с тем лексический состав «жанровой рамки» рецепта, в отличие от современной, весьма вариативен. Необходимость смешать или добавить один ингредиент к другому Лузитано выражает рядом синонимов, всегда конкретизирует действия, которым подвергаются ингредиенты: *adjecto* (*подбросив*), *conterantur* (*разотри*), *omnia subtiliter polverizentur*, & *misceatur* (*все мелко разотри и смешай*), *Sacharo tabarzethico aqua rosacea dissoluto, ad ignem misce* (*растворив табарзетский сахар в розовой воде, смешай над огнем*). Однако чаще других встречаются глагольные формулы, употребляемые и сейчас: *Misce* ‘смешай’, *Adde* ‘добавь’.

Обзор мнений и обсуждение тактики конкретного лечения выступают у Лузитано как факультативные элементы жанра, присутствуя не во всех случаях. В рассматриваемой работе мы обнаружили три способа введения в текст композиционных элементов, функционально эквивалентных нынешним обзорам и обсуждению.

Первый способ – комментарии и ссылки непосредственно в тексте случая. Например: *No-*

vistis autem ex Avicena, argentum vivum, natura sua, auditui obesse, tum etiam, quod materias ad partes superiores id ipsum trahat, quae dubia procul infra trahendae erant, ut docet Hippocrates variis sententiis suorum aphorismorum, & Galenus firmat sexcentis suaे doctrinae locis, veluti Avicenna fen 4 libri primi, nunc vero ita hic habet, ut immedicabilis maneat (*Вы же знаете из Авиценны, что ртуть, по своей природе, вредна для слуха, потому что именно она переносит в верхние отделы тела те вещества, которые, без сомнения, должны переноситься в нижние, как учит Гиппократ в разных сентенциях своих афоризмов и подтверждает Гален в шестидесятом параграфе своего учения, равно как и Авиценна в 4 главе первой книги, теперь же дело обстоит так, что он останется неизлечимым*) (VI, 25).

Второй способ – вынесение в схолии (впрочем, схолии у Лузитано нередко служат для пояснения некоторых анатомических понятий и терминов). Например: *Qui practicas ex recentioribus scripsierunt, medici, tumores in capite vario modo appellant* (*Современные врачи, которые описывают случаи из практики, называют опухоли в голове по-разному*) (V, 8); *Hinc vere morbum Hippocrates descripsit libro secundo de morbis popularibus, capite tertio, quem non lethalem esse tradit* (*Эту же болезнь описал Гиппократ в книге второй об эпидемиях, в главе третьей он сообщает, что она не смертельна*) (V, 8).

Третий способ – диалогизация основного текста, представление его в виде диалога с воображаемым собеседником, который задает «наводящие» вопросы, побуждая Амато изложить мнение авторитетных ученых (обычно Галена или Гиппократа) или собственное. Например: *Brandanus. ... Dicas, rogo, quibus nam locis sapientes hodie medici in contumacibus defluxionibus, et antiquis catarrhis cauterium admoveant?* (*Брандан. ... Скажи, пожалуйста, в каких же местах ученые врачи сегодня при упорных истечениях, по-старому катарах, применяют прижигание?*) (V, 6).

Следует отметить, что Лузитано на протяжении своего труда использует диалог весьма творчески. Помимо диалогических вкраплений в тексты случаев исследователи обнаруживают и другие типы диалога. Так, встречается диалог с реальным собеседником – коллегой доктором Барбозой, которого Лузитано вылечил от дизентерии (III, 44). Не только теоретическая часть случая может быть представлена в форме диалога, но и весь случай может быть оформлен как полилог-дrama (VI, 100, проанализирован в [Данилина 2023]): Амато и хирурги ведут беседу у постели пациента, получившего множественные раны головы, обрабатывая раны и интерпретируя то, что наблюдают и делают. Диалог может быть

«лирическим отступлением», не иметь прямого отношения к описанному случаю (II, 53, проанализирован в [eHumanista 2019: 59-75]): диалог с Алчностью (в традициях средневековых холастических диалогов воображаемый собеседник получает имя абстрактного порока), спровоцированный тем, что семья пациентки, как только наступило незначительное улучшение, отказалась от услуг доктора, заподозрив его в алчности, впоследствии же состояние больной ухудшилось и завершилось летально, хотя ее можно было бы спасти.

Заключение у Лузитано, в отличие от ранних текстов подобного жанра, не содержит обязательной религиозной формулы. Здесь констатируется выздоровление или смерть пациента: *ditem siuit obit* (скончался); *sanata est* (была вылечена). Иногда встречается апелляция к божественному началу: *Dei, Opt. Max. auxilio... mulier evaluit, non sine ingenti sui corporis jactura* (С помощью Бога, Благого, Величайшего, женщина была спасена, не без значительного вреда своему телу) (VI, 51). Встречаются сообщения о соблюдении пациентом предписанного лечения. Например, случай, где анверпенский купец, вылеченный от лихорадки питьем из козьего молока в сочетании с лекарственными травами и ваннами, заканчивается так: *Nunc vero vigit, & gaudet, & lactis potum sibi familiarem habet, ut omnes Teutoni solent, immo ex se non raro balneum parare jubet, in quod ingreditur, quia eo maxime delectatur* (Сейчас же он здравствует, и радуется, и молоко у него семейный напиток, как бывает у всех тевтонцев, а еще он нередко велит готовить для себя ванну, в которой лежит, потому что находит в этом особое удовольствие) (V, 4). Однако и в этой части текста Лузитано допускает «лирические отступления», не относящиеся прямо к данному случаю. Например, описав смерть мальчика от опухоли в мозгу, автор сообщает, что в те же дни по соседству умерла от туберкулеза девочка. Главу о трудных родах Лузитано завершает упоминанием о Пирре, показывавшей мужам обнаженных девушек, и ссылкой на этот эпизод у Ювенала (Sat. I, 84). Конец главы о кровопускании, содержащей пространную теоретическую часть в виде диалога, имитирует окончание диалога: *Hae enim tibi, satis ad praesens fore duxi, dicturus multa plura cum casus variis nobis obtulerint* (Того, что я привел тебе, достаточно на данный момент, еще многое я буду тебе говорить, когда нам будут попадаться разные случаи) (V, 6). Таким образом, и эта композиционная часть описания клинического случая лишена у Лузитано строгой содержательной и языковой регламентации.

Выводы

Итак, описание клинического случая было в XVI в. уже сложившимся жанром. Мы проанализировали его композиционные и языковые особенности на примере «Центурий» Амата Лузитано. Композиционная схема жанра в данном тексте выглядит следующим образом: заглавие (с обозначением диагноза), общие сведения о больном и описание габитуса (первое предложение), анамнез и симптоматика, наблюдения при осмотре, выполненные манипуляции, назначенное лечение (с развернутым описанием состава и дозировки лекарственных средств, то есть с включением жанра «Рецепт»), заключение (указание на исход лечения). Приведенная схема в целом совпадает с современной, однако имеются и некоторые различия.

Первое связано со сменой этического канона: современная медицинская этика предполагает деперсонализацию социально-демографической информации о пациенте и вместе с тем ее точность и полноту; Лузитано, напротив, позволяет себе называть имена, но возраст может указываться приблизительно, не всегда называется место лечения и социальный статус больного.

Второе важное отличие текстов Лузитано от современных также обусловлено экстралингвистически: в настоящее время приготовление лекарственных препаратов составляет сферу деятельности не врача, а фармацевтической промышленности, поэтому современные описания клинических случаев содержат сведения об использованных лекарственных средствах из числа готовых, в то время как Лузитано подробно описывает способ приготовления каждого лекарства, и такие описания составляют самостоятельную композиционную часть текста, отсутствующую в современном жанровом каноне. Данная часть текста эквивалентна современному жанру «Рецепт», однако и здесь нет полной идентичности: современные рецепты с юридической точки зрения являются самостоятельными документами и предназначены в основном не для приготовления, а для отпуска лекарств.

Третье отличие касается особенностей когезии (и пунктуации) средневекового текста: фрагменты текста «от точки до точки» эквиваленты не предложению в современном понимании, а, скорее, абзацу, в то время как членение текста на абзацы не является сколько-нибудь последовательным и может отсутствовать; в результате часть текста, представляющая предварительную информацию о больном, оказывается грамматически единым предложением; маркировка названных смысловых (композиционных) частей текста красной строкой отсутствует.

Композиционные элементы, эквивалентные нынешним введению и обсуждению, у Лузитано факультативны; они вводятся тремя способами: ссылками непосредственно в тексте, вынесением в затекстовые схолии, диалогизацией фрагментов основного текста. Последний способ для современного языка науки не характерен и демонстрирует неполное разграничение средневековой и ренессансной литературы на научную и художественную в нынешнем понимании, на что уже обращалось внимание [eHumanista 2019: ii; Данилина, Разумовская 2021]. Данный тезис подтверждает и наличие «лирических отступлений» от непосредственной темы текстов.

В отношении языковых средств оформление исследуемого жанра у Лузитано довольно свободно, хотя уже имеются определенные устойчивые формулы, в особенности в рецептурной части.

Сопоставление с современными исследованиями жанра описания клинического случая показало, что при идентичности жанра эпоха Ренессанса допускает большую свободу его как композиционного, так и содержательного, и собственно языкового выражения, современность же накладывает определенные обязательства и ограничения в аспекте предоставляемой информации, а также в аспекте композиционной организации текста.

Список литературы

Бирюкова Ю. Н. Медицинский дискурс: жанры, типичные для деятельности переводчика специальных текстов // Профессионально ориентированный перевод: трэальность и перспективы: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Гавриленко. М.: РУДН, 2018. С. 46–61.

Данилина Н. И. Философские основы анатомической концепции А. Бенедетти // Clio anatomica: сб. научных трудов / под ред. С. А. Кути. Симферополь: Изд. дом КФУ, 2021. С. 145–151.

Данилина Н. И. Casus generis // Жанры речи. 2023. Т. 18, вып. 3 (39). С. 229–236. doi 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-229-236

Данилина Н. И., Разумовская Е. А. Проявление индивидуально-авторского начала в жанре диссертации (у истоков языка науки) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 56–69. doi 10.17223/19986645/71/4

Желязowska-Sobczyk M. Дискурс в медицине: краткий обзор мировой литературы // Язык. Текст. Книга. Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 35–42.

Косицкая Ф. Л., Матюхина Л. В. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017.

№ 6 (183). С. 44–48. doi 10.23951/1609-624X-2017-6-44-48

Подготовка описания клинического случая: Методические рекомендации. М.: НМИЦ ФПИ, 2021. 13 с.

Родригеш И. Т., Карнейру де Карвалью А. М. История медицины в образовании: дидактические материалы, посвященные португальским врачам Амата Лузитано и Гарсии де Орта // История медицины. 2017. Т. 4, № 3. С. 292–300. doi 10.17720/2409-5583.t4.3.2017.06f

Сугробова Ю. Ю. и др. Медицинская этика Аматуса Лузитанского / Ю. Ю. Сугробова, С. А. Кутя, Н. И. Данилина, Н. Ю. Принцева, Г. А. Мороз, В. М. Сугробов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29(1). С. 180–184. doi 10.32687/0869-866X-2020-29-1-180-184

Торубарова И. И. Медицинский дискурс: жанровое разнообразие научных текстов // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики. Тверь: Изд-во ТГМУ, 2020. С. 36–43.

Amati Lusitani doctoris medici praestantissimi curationum medicinalium centuriae septem. Burdeos: G. Vernoy, 1620. 870 p.

Cartelle E. M. Tipología de la literatura médica latina: antigüedad, edad media, renacimiento. Porto, 2010. 247 p.

eHumanista: Journal of Iberian Studies, 2019. Vol. 7.

Proyecto Amato. URL: <https://amatolusitano.uva.es/bibliografia/> (дата обращения: 15.06.2024)

Thorndike L. Consilia and more works in Manuscript by Gentile da Foligno // Medical History. 1959. Vol. 3. Iss. 1. P. 8–19. doi 10.1017/S0025727300024212

Wilce J.M. Medical Discourse // Annual Review of Anthropology. 2009. Vol. 38. P. 199–215. doi 10.1146/annurev-anthro-091908-164450

Zabielska M., Żelazowska M. Spójność tekstu specjalistycznego a obraz pacjenta w medycznym opisie przypadku (kontynuacja badania) // Studi@ Naukowe. 2016. № 34. S. 112–124.

Żelazowska-Sobczyk M., Zabielska M. A new variety of medical case reporting as a tool in ESP teaching as well as in medical training and professional development // Glottodidactica. An International Journal of Applied Linguistics. 2017. Vol. 44 (1). P. 183–194.

Żelazowska-Sobczyk M., Zabielska M. Case Reporting as a Macro-genre and its Metadiscoursal Aspects – A Review of the Literature // Language and Literary Studies of Warsaw. 2016a. № 6. P. 77–107.

Żelazowska-Sobczyk M., Zabielska M. Opis przypadku jako tekst specjalistyczny w dyskursie medycznym – przegląd badań // Lingwistyka Stosowana. 2016b. № 18 (3). S. 165–190.

References

- Biryukova Yu. N. Meditsinskiy diskurs: zhanry, tipichnye dlya deyatel'nosti perevodchika spetsial'nykh tekstov [Medical discourse: Genres typical for a translator of special texts]. *Professional'no orientirovanny perevod: real'nost' i perspektivy* [Professionally Oriented Translation: Reality and Prospects]: a collection of scientific works. Ed. by N. N. Gavrilenko. Moscow, RUDN University Press, 2018, pp. 46-61. (In Russ.)
- Danilina N. I. Filosofskie osnovy anatomicheskoy kontseptsii A. Benedetti [Philosophical foundations of A. Benedetti's anatomical concept]. *Clio anatomica*: a collection of scientific works. Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University Press, 2021, pp. 145-151. (In Russ.)
- Danilina N. I. Casus generis. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2023, vol. 18, issue 3 (39), pp. 229-236. doi 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-229-236. (In Russ.)
- Danilina N. I., Razumovskaya E. A. Proyavlenie individual'no-avtorskogo nachala v zhanre dissertatsii (u istokov yazyka nauki) [The manifestation of the author in the dissertation (at the origins of the language of science)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2021, issue 71, pp. 56-69. doi 10.17223/19986645/71/4. (In Russ.)
- Żelazowska-Sobczyk M. Diskurs v meditsine: kratkiy obzor mirovoy literatury [Discourse in medicine: A brief overview of world literature]. *Yazyk. Tekst. Kniga* [Language. Text. Book]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2019, pp. 35-42. (In Russ.)
- Kositskaya F. L., Matyukhina M. V. Angliyskiy meditsinskiy diskurs v sfere professional'noy komunikatsii [English medical discourse in the sphere of professional communication]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2017, issue 6 (183), pp. 44-48. doi 10.23951/1609-624X-2017-6-44-48. (In Russ.)
- Podgotovka opisaniya klinicheskogo sluchaya: Metodicheskie rekomendatsii* [Preparation of a clinical case description: Methodological recommendations]. Moscow, 2021. 13 p. (In Russ.)
- Rodrigues Isilda T., Carneiro de Carvalho Andreia M. Istoriya meditsiny v obrazovanii: didakticheskie materialy, posvyashennye portugal'skim vracham Amato Lusitano i Garsii de Orta [History of Medicine in Science Education: didactic resources on the Portuguese doctors Amato Lusitano and Garcia de Orta]. *Istoriya meditsiny* [History of Medicine], 2017, vol. 4, issue 3, pp. 292-300. doi 10.17720/2409-5583.t4.3.2017.06f. (In Russ.)
- Sugrobova Yu. Yu., Kutyja S. A., Danilina N. I., Printseva N. Yu., Moroz G. A., Sugrobov V. M. Meditsinskaya etika Amatusa Luzitanskogo [The medical ethics of Amatus Lusitanus]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine], 2021, issue 29 (1), pp. 180-184. doi 10.32687/0869-866X-2020-29-1-180-184. (In Russ.)
- Torubarova I. I. Meditsinskiy diskurs: zhanrovoe raznoobrazie nauchnykh tekstov [Medical discourse: The genre diversity of scientific texts]. *Meditinskij diskurs: voprosy teorii i praktiki* [Medical Discourse: Issues of Theory and Practice]. Tver, Tver State Medical University Press, 2020, pp. 36-43. (In Russ.)
- Amati Lusitano doctoris medici praestantissimi curationum medicinalium centuriae septem [Amato Lusitano, beloved medical doctor, an outstanding specialist in therapeutic treatments over seven centuries]. Burdeos, G. Vernoy, 1620. 870 p. (In Lat.)
- Cartelle E. M. *Tipología de la literatura médica latina: antigüedad, edad media, renacimiento* [Typology of Latin Medical Literature: Antiquity, Middle Ages, Renaissance]. Porto, 2010. 247 p. (In Span.)
- eHumanista: Journal of Iberian Studies*, 2019, vol. 7. (In Span.)
- Proyecto Amato* [The Amato Project]. Available at: <https://amatolusitano.uva.es/bibliografia/> (accessed 15 June 2024). (In Span.)
- Thorndike L. Consilia and more works in Manuscript by Gentile da Foligno. *Medical History*, 1959, vol. 3, issue 1, pp. 8-19. doi 10.1017/S0025727300024212. (In Eng.)
- Wilce J. M. Medical Discourse. *Annual Review of Anthropology*, 2009, vol. 38, pp. 199-215. doi: 10.1146/annurev-anthro-091908-164450. (In Eng.)
- Zabielska M., Żelazowska M. Spójność tekstu specjalistycznego a obraz pacjenta w medycznym opisie przypadku (kontynuacja badania) [Consistency of a specialized text and the image of the patient in the medical description of the case (continuation of the study)]. *Studi@ Naukowe* [Scientific Studies], 2016, issue 34, pp. 112-124. (In Pol.)
- Żelazowska-Sobczyk M., Zabielska M. A new variety of medical case reporting as a tool in ESP teaching as well as in medical training and professional development. *Glottodidactica. An International Journal of Applied Linguistics*, 2017, vol. 44 (1), pp. 183-194. (In Eng.)
- Żelazowska-Sobczyk M., Zabielska M. Case reporting as a macro-genre and its metadiscoursal aspects – A review of the literature. *Language and Literary Studies of Warsaw*, 2016, issue 6, pp. 77-107. (In Eng.)

Żelazowska-Sobczyk M., Zabielska M. Opis przypadku jako tekst specjalistyczny w dyskursie medycznym – przegląd badań [Case description as a specialized text in medical discourse – research review]. *Lingwistyka Stosowana* [Applied Linguistics], 2016, issue 18 (3), pp. 165-190. (In Pol.)

From the History of the ‘Clinical Case Report’ Genre

Natalia I. Danilina

Professor in the Department of Russian and Latin Languages
Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky
112, Bolshaya Kazachya st., Saratov, 410012, Russia. danilina_ni@mail.ru

SPIN-code: 8581-4560

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

ResearcherID: W-4916-2017

Submitted 21 Sep 2024

Revised 11 Dec 2024

Accepted 18 Jan 2025

For citation

Danilina N. I. Iz istorii zhanra “opisanie klinicheskogo sluchaya” [From the History of the ‘Clinical Case Report’ Genre]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 27–36. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-27-36. EDN ESHVIZ (In Russ.)

Abstract. The *clinical case report* is one of the most important genres of written medical discourse, but it has not yet received sufficient coverage in a historical perspective. The material of the present study is the work *Centuria* written by Amato Lusitano, a Portuguese physician of the 16th century, containing 700 texts of the named genre. Not being the creator of this genre, Lusitano makes a significant contribution to its popularization and development, which prompts us to explore how this genre is implemented in his work. The article aims to analyze the compositional scheme of a *case report* and the linguistic means of its presentation characteristic of the 16th century, as well as to compare it with the modern genre canon. The study has found that the obligatory compositional elements of the genre in Lusitano’s work are the title with the designation of the diagnosis or a summary of the content, the main part with a description of the clinical picture and the treatment method, and a conclusion stating the outcome of treatment. The *prescription* genre is necessarily included in the main part. This scheme is generally identical to the modern one, but its linguistic content, with the exception of the *prescription* genre, was not yet standardized in the 16th century. The compositional elements equivalent to the introduction and discussion, mandatory for modern articles, are optional for Lusitano. They are introduced in three ways: by references directly in the text, by placing them in scholia, and through dialogization. A characteristic feature of the *Centuria* is the availability of information that is redundant from the point of view of specific cases or medicine as such. The study concludes that, with the identity of the *case report* genre with the modern one, the Renaissance era allows for a greater freedom of this genre in terms of the composition, content, and linguistic representation.

Key words: Amato Lusitano; Renaissance medicine; *clinical case report* genre; medical discourse; medical discourse genres.

УДК 821.161.1: 070

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-37-46

<https://elibrary.ru/pxltdo>

EDN PXLTDO

«Царь-рыба» В. Астафьева: публицистичность как жанровый формат

*Исследование поддержано Российским научным фондом; грант № 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского*

Дускаева Лилия Рашидовна

д. филол. н., профессор кафедры медиалингвистики

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. lrd2005@yandex.ru

SPIN-код: 2945-3321

Цветова Наталья Сергеевна

д. филол. н., профессор кафедры медиалингвистики

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. cvetova@mail.ru

Русская христианская гуманитарная академия им. Достоевского

191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15, лит. А

SPIN-код: 9853-4381

Статья поступила в редакцию 20.02.2025

Одобрена после рецензирования 03.03.2025

Принята к публикации 05.04.2025

Информация для цитирования

Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. «Царь-рыба» В. Астафьева: публицистичность как жанровый формат // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филологии. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 37–46.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-37-46. EDN PXLTDO

Аннотация. Статья посвящена одному из ключевых произведений крупнейшего русского прозаика и публициста второй половины XX в. В. П. Астафьева. Цель исследования – выявление жанровой специфики произведения, которое сам писатель определил как «повествование в рассказах». В основе аналитического алгоритма – методы, разработанные в русле теории публицистического творчества. С точки зрения авторов, уже в жанровом определении проявляется установка на использование публицистического художественно-жанрового формата, предполагающего не только определенную последовательность содержательных компонентов, характеризующихся предельной актуальностью, и не менее определенное речевое оформление, но и отчетливое доминирование в персонажной системе автора-повествователя. Основной вывод: зафиксированное в астафьевском тексте присутствие автора, провоцирующее восприятие «Царь-рыбы» как произведения художественно-публицистического, обусловлено предельной актуальностью жизненного материала, глубинное, сущностное освоение которого в момент создания текста еще не произошло. Использование разножанровых публицистических текстовых компонентов как проявление активности повествователя обусловлено начальной стадией освоения актуального жизненного материала. Публицистически фиксируется направление осмыслиения заявленных тем и проблем, что вполне объяснимо для эпохального пограничья. По сути, публицистический формат (способ и

форма) представления жизненного материала в данном случае становится проявлением закономерности литературного творчества, предполагающей определенную логику, способ, этапность осмыслиения актуальных тем и проблем.

Ключевые слова: Астафьев; жанр; повествование; публицистичность; персонаж; образ автора.

Постановка проблемы

В теории средств массовой информации сегодня актуализируются вопросы художественной публицистики. Как показывают наблюдения, вопреки мощной технологизации в передаче новостных потоков остаются востребованными и те модели распространения информации, в которых публицистическая речевая субъектность проявляется в эстетической оформленности текста [Цветова 2018]. Проблеме творческих оснований публицистичности посвящен большой круг теоретико-журналистских работ [Мисонжников, Тепляшина, 2018]. Несмотря на декларацию отказа от публицистики в современной медиасреде, она находит свои ниши. Востребованная в ходе освещения событий СВО, публицистика остро поставила перед исследователями вопрос о художественности форм и способов подачи жизненного материала массовой аудитории (см., например, в: [Военная журналистика... 2023]). Публицистический медиатекст, обращенный к актуальным философским, политическим, социальным проблемам, сохраняет способность «вырабатывать ориентиры социальной навигации, формировать и отражать общественное мнение» [Мирошниченко 2012: 13]. Закономерно теория средств массовой коммуникации сохраняет и поддерживает научные связи не только с дисциплинами общественного цикла, но и с литературоведением, поскольку закономерности словесного творчества в медиа вполне правомерно анализируются в эстетическом, художественном, ценностном аспектах [Романцова 2021: 219–236]. Опыт художественного осмыслиения поведения человека в повседневности, его взаимоотношений с окружающим миром, с природой необходим для получения ответов на важнейшие вопросы теории публицистической деятельности в современных массмедиа: как формируется глубокий и всесторонний взгляд на жизнь, сплетенный из реальных фактов действительности, и каким образом отражается в медиатексте анализ, интерпретация и оценка этих фактов [Дускаева 2012]. Статья посвящена анализу публицистического начала в «повествовании в рассказах» «Царь-рыба» (1976) Виктора Астафьева, за которое в 1978 г. писатель получил Государственную премию.

История вопроса

Этому произведению посвящена обширная научная литература, многочисленные литератур-

но-критические статьи. Оно упоминается во всех российских и зарубежных монографических исследованиях, посвященных В. П. Астафьеву или феномену русской «деревенской прозы» [Hiersche 1985; Parthe 1992]. Диапазон толкования «Царь-рыбы» определили Н. Лейдерман и автор специального исследования Т. М. Вахитова. Н. Лейдерман раскрыл ключевые векторы изучения уникальной художественной формы писателя: для исследователя «Царь-рыба» – цикл новелл, целостность которого определяется единством «космогонического» художественного пространства и «дидактическим пафосом», выраженным в «лирических медитациях» автора, которые переводят происходящее в социальной и бытовой сферах «в масштаб вечности» [Лейдерман 2001: 13–16]. По сути, концепция Н. Лейдермана – развитие давней идеи первого критика астафьевской прозы А. Н. Макарова, высказанной в одной строчке: «по натуре своей он моралист и поэт чловечности» [Вахитова 1988: 5].

Т. М. Вахитова, определяя «Царь-рыбу» вершинным достижением Астафьева наряду с «современной пасторалью» «Пастух и пастушка», разрабатывает индивидуальный аналитический подход, актуальность которого подтверждается комментариями самого писателя. В послесловии к шестому тому собрания сочинений, в котором была размещена «Царь-рыба», Астафьев обращал внимание на несколько обстоятельств. Главное из них – широчайшее читательское признание: уже при жизни писателя «повествование» было издано более 200 раз на многих языках. По этому показателю «Царь-рыбу» можно было сравнивать только с «Пастухом и пастушкой». Но второе замечание касается «трудной доли» этого произведения, «истерзанного» цензурой» «при прохождении к читателю». Третья ремарка – о литературном контексте, который создавался в ту пору «Нашим современником», подхватившим после разгрома «Нового мира» многих его авторов. В 1976 г. «Наш современник» опубликовал повести Г. Троепольского «Белым Бим Черное ухо», В. Распутина «Прощание с Матерью», роман С. Залыгина «Комиссия».

Т. Вахитова была абсолютно права, когда восстанавливала право Астафьева на жанр «повествования» через обращение к русской литературной традиции, напоминание о технике текстопорождения, изобретенной Лермонтовым в «Герое нашего времени», развивающей И. С. Тургеневым в «Записках охотника», Л. Толстым в

«Севастопольских рассказах», С. Аксаковым в «Детстве Багрова-внука», усовершенствованной уже в советское время В. Овечкиным («Районные будни»), С. Крутилиным («Липяги») и др.

Еще ранее Ф. Кузнецов отмечал, что астафьевская грэза именно об этом жанре возникла до «Царь-рыбы». «Повествование об обширнейшей крестьянской семье» [Кузнецов 1981: 402] – знаменитый «Последний поклон». Но на этапе создания «Последнего поклона» писатель только начинал движение к неповторимой художественной форме ради поддержки строгих норм поведения, окончательно выверенных в finale повествования при описании гибели городской девочки, которую в критический момент бросил в глухой, непроходимой тайге безжалостный, лишенный сострадания человек-зверь. Хотя, с точки зрения Т. Вахитовой, жанр этот, апробированный Астафьевым в «Последнем поклоне», традиционен, исследователь подчеркивает обусловленность композиционной и стилевой модернизации известной жанровой модели «нравственной программой» писателя.

В приведенном Т. М. Вахитовой замечании писателя о непростой творческой истории «Царь-рыбы» есть оправдание использования трудной жанровой формы и указание на направление ее модернизации: «Начал я с главы “Капля”, а она потянула на философское осмысление всего материала, повела за собой остальные главы. Друзья подбивали меня назвать “Царь-рыбу” романом. Отдельные куски, напечатанные в периодике, были обозначены как главы из романа, но я сознательно отказался от этого определения... Если бы я писал роман, я бы писал по-другому. Возможно, композиционно книга была бы стройнее, но мне пришлось бы отказаться от самого дорогочного, от того, что принято называть публицистичностью, от свободных выступлений, которые в такой форме повествования вроде бы и не выглядят отступлениями» [Астафьев 2015: 3]. Цель данного исследования – выявление не только жанровой специфики произведения, но и факторов, эту специфику определивших. В основе аналитического алгоритма – методы, разработанные в русле теории публицистического творчества.

Анализ материала

Авторское определение жанра «Царь-рыбы» позволяет говорить об изначальной нацеленности на использование двух возможностей, которые предоставлял жанр: новеллистическое повествование при развертывании позволяло воспроизвести эпическую картину жизни, но отключение от романной формы соответствовало поиску повествовательной свободы, свободы высказывания, комментария, которая была реализо-

вана не только в многочисленных и разнородных лирических и публицистических отступлениях, но и в разножанровых текстовых включениях. Сверхзадача формального, жанрового поиска – создание новой литературной техники для глубинного, детального исследования современного человека, с возможностью резюмирования и выявления перспективности полученных результатов, необходимых в критические моменты исторического развития. Естественно, логично при поиске решения Астафьев актуализирует публицистические техники письма, в первую очередь использует очерковый формат, который допускал совмещение художественного (образного), социально-экономического, философского начал [Горшкова 2023].

Житейские истории, в которых были представлены биографии бесшабашного папы, *бегущего, суетливого, разговорчивого* [Астафьев 1997: 40] брата Коли, простодушного Акимки; легенда о Царь-рыбе; сказочка о бродившей по тундре *сладострастной* [там же: 35] шаманке – все эти очерковые текстовые компоненты призваны были погрузить читателя в реальную атмосферу бытия, функционировали в пределах художественно-публицистических, чаще всего портретных очерков сибиряков, с которыми судьба сводила повествователя на жизненном пути.

Фрагменты, по смысловой структуре и речевой форме максимально приближенные к путевому очерку, которые отличались безупречной точностью отбора изображаемых жизненных впечатлений, выполняли, как правило, иную, более значительную функцию. Приведем только один пример из самой известной и дорогой Астафьеву главы «Капля», с которой, по только что приведенному свидетельству самого писателя, и начала складываться «Царь-рыба». Текстообразующее событие в этой главе – рыбалка на речке Опарихе, повествование о речном путешествии, об удачах и неудачах Акимки, Коли, мальчишки – сына повествователя. В этой новелле читатель непременно обратит внимание на описания хариусов и ленков – *чуда природы, сохраняющего неповторимую свою красоту только у себя дома*. На удочке *ладный ленок тускнеет, вянет и успокаивается не только сила его, но и окраска* [там же: 47]. Авторская интонация сожаления, грусти по поводу утраты природной красоты, гармонии почти сразу же исчезает. Остается усталое напоминание об охотничьем инстинкте человека: *Человек есть человек, и страсти его необоримы. Лишь слабенько дуновение грусти коснулось моей души, и тут же все пропало, улетучилось под напором азарта и душевного ликования* [там же]. Но, как положено в путевом очерке, описание уже запустило эмоци-

ональную оценку ситуации, проявившей самый безобидный вариант конфликта природы и человека, который в каждой новой ситуации будет разрастаться, обретать новые нюансы и детали, чтобы в кульминационный момент вылиться в описание схватки Игнатьича с Царь-рыбой.

Основную же функциональную нагрузку несут публицистические «отступления» писателя, к которым Астафьев прибегал ранее, при создании «Пастуха и пастушки». Но при первой публикации этой повести писателю пришлось подчиниться воле редактора и избавиться от иностранных вкраплений. Художественная философия и стилистика «Царь-рыбы» исключила «жертвы» такого рода. После «Пастуха и пастушки», в которой было представлено мироздание по Астафьеву (в черновых публицистических отступлениях в том числе), «повествование» воспринималось как попытка выявления антропологического кода нового глобального мироустройства, вопреки высшей послевоенной логике, в развитии своем устремившегося к границе небытия.

В последние годы жизни сам Астафьев именно «Царь-рыбу» называл ключевым событием своей творческой биографии. Он не раз говорил о том, что это произведение открывало новый этап его жизни в литературе, который был связан с осознанием острой необходимости размышлений о тайнах жизни природы, о новом отношении человека к природным законам, наконец, о сущности человека (*что я есть на этом свете*). Происходившие перемены заставляли его иначе видеть, интерпретировать и военный материал, определяли возвращение к теме смерти. Особенности отношения к этой теме фронтовик Астафьев зафиксировал в диалогах с Верой Толмачевой: «Я лет пять [после войны. – Л. Д., Н. Ц.] вообще не понимал смерти совершенно, меня она не трогала. Помер – помер, закопали – закопали... До какого-то определенного случая – я не хочу вспоминать о нем, когда вдруг как бы очнулся, поняв, что существует еще все-таки жизнь» [Астафьев 2008: 3].

«Царь-рыба» стала самым серьезным исследованием жизни сегодняшней, протекающей в борьбе со смертью. В центре отнюдь не «экологического» исследования оказался человек середины 1970-х. Переакцентировка интереса прекрасно осознавалась самим Астафьевым: «От размышлений о состоянии природы перешел к взаимоотношениям человека и природы, а потом уже и к главному для себя – как понимаю на сегодняшний момент, – природе самого человека, которому все вокруг ни почем и ни к чему. А тут уж шаг от внутреннего одиночества – к одичанию... Но при этом я никого не обличаю и не обвиняю, всего лишь –

пишу, что вижу, чувствую, что волнует» [Садырина 2018: 6].

Причины для таких изменений были разные. Первая, объективная – пока только едва брезжившее ощущение приближающейся эпохи перемен. В теории журналистики принято считать, что «публицистичность рождается на почве социальных конфликтов, в острых политических ситуациях или в дни важных общественных свершений» [Прилюд 1973: 11]. Не менее важна в данном случае субъективная причина. Видимо, под давлением времени начали закрываться источники родовой памяти. Именно они много лет питали писательские силы, позволявшие сопротивляться напору жизненного материала, давали возможность понимать, даже оправдывать, а то и защищать человека, его варварское отношение к себе подобным, к матери-природе. Астафьев видел, как на фоне происходивших перемен неумолимо обострялась борьба за лучшего человека. Именно поэтому лучший человек становится самым известным топосом прозы Астафьева, обозначением эпохи острых, открытых, укорененных в современности переживаний писателя, которые не просто возникли, но впервые с публицистической определенностью, однозначностью были воплощены именно в «Царь-рыбе», прежде всего в «антропологических» эссе как особой форме «публичной рефлексии автора над экзистенциальными проблемами» [Дмитровский 2014: 156].

«Царь-рыба» в целом – повествование не о событиях, а о людях, о человеческих судьбах. Часто жизненные пути героев не сходятся. И это не имеет особого значения. Писатель презентует антропологические типы, некоторые из них даже претендовали на собственную жизненную философию.

Центральный характер в одном крыле персонажного ряда, наверное, самый актуальный для второй половины 1970-х, наиболее типичный для так называемой «эпохи застоя» герой новеллы «Не хватает сердца» – единственный пассажир из двухместной каюты, *справный физкультурник*, уверенный в себе, *как бы даже утомление имеющий от жизненных пресыщений и благоденствия <...> парижсанин* [Астафьев 1997: 69]. С печальной иронией автор-повествователь, наблюдающий за утренними манипуляциями своего великолепного соседа по каюте, замечает, что *главным предметом беспокойства* в сегодняшней жизни этого *культурного* человека *была обнажающаяся розовенькая плешина* [там же]. Совсем рядом с великолепным норильцем не только городской, пришлый Гога Герцев, носящий аналогичной идеи жизнестроительства, но и по всем формальным признакам монументаль-

но положительный, с единственным тайным изъяном в предыстории, как сказали бы сегодня, «лидер» небольшого далекого сибирского поселка Чушь Игнатьич. Именно к нему в сети пришла Царь-рыба. За ним – вереница по сути своей однотипных характеров браконьеров во главе с его родным братом Командором.

Для Астафьева предельно важно, что единство «браконьерского» персонажного ряда обусловлено только формально противозаконной деятельностью. Главное для писателя – исследование внутренней мотивации хищнического, варварского отношения к окружающему миру, отрицания старых, предаваемых забвению социально-нравственных законов. Приглядываясь к Игнатьичу, Командору, Дамке, к беглым лагерникам Серому и Шмырю, он обнаруживает их очевидную общность в следовании принципу вседозволенности. И рождается ощущение вседозволенности вовсе не от широты русского характера или осознания неисчерпаемости богатств бескрайних просторов России. В ключевых случаях для выявления источника человеческой «бесконвойности» (образ В. М. Шукшина) писатель использует предысторию героев.

В предыстории Игнатьича – ключевое воспоминание о раннем грехе – нечеловеческой жестокости по отношению к Глашке Куклиной, которую уничтожающе наказал за измену – отомстил, как ему казалось, за пренебрежение, утешил собственное безграничное самолюбие. А далее именно образцовый, рассудительный Игнатьич, вступивший во взрослуую жизнь с бесчеловечной местью, с осознанием собственной ничем не ограниченной силы, неисчерпаемых возможностей, вполне осознанно идет на самое страшное для Чуши преступление. В охотничьем азарте он преступает вековой, передаваемый из поколения в поколение категорический запрет на ловлю Царь-рыбы. Сильный, уверенный в себе человек намеревается реально подчинить себе уже не влюбленную в него девочку. Описание схватки с Царь-рыбой в какой-то момент перерастает в символическое изображение глобального противостояния человека и природы. В поступке Игнатьича Астафьев предъявляет читателю модель крайнего проявления индивидуализма, именно поэтому описание борьбы Игнатьича с Царь-рыбой становится кульминационной сценой «повествования».

Линия жизни не менее успешного в новой реальности Грохotalo развивается по внешним обстоятельствам иначе, но тоже доводится до трагического, вполне логичного завершения. 1943-й: здоровенный и мирный парняга под дулами автоматов бандеровцев сжег истерзанных нестроевиков, которые приехали в маленькую белорус-

скую деревню за продовольствием для ближайшего госпиталя. Нагрянувший до завершения расправы механизированный красноармейский патруль застал момент, когда Грохотало, зажмурив глаза, давил на тугой спуск немецкого пулепета, повторяя: «*А, мамочка моя. А, мамочка моя!*» [Астафьев 1997: 157]. На суде он чисто-сердечно обо всем рассказал, на словах раскаялся. Получил срок. Отсидев, не захотел возвращаться на родину, добровольно остался в Сибири.

История Грохотало – это история человека, в ситуации экстремального выбора подчинившегося инстинкту самосохранения, который заставил его пожертвовать чужими жизнями. С годами Грохотало постарался забыть о своем преступлении. Он стал почти образцовым заведующим свиноводческой фермой, вполне успешным почитателем *грошей* и потребителем сала. Основным способом добычи *грошей* сделал браконьерский промысел. Считал вполне заслуженной наградой за терпение, катаржный труд и выдержку [там же: 158] доставшееся ему для незаконного промысла лучшее место под знаменитой в поселке Кабарожкой. О преступлении во время войны напоминала ему только жена, да и то редко, когда они ссорились. Но прошлое всё равно не оставило его, оно работало в его подсознании на закрепление, укоренение разрешения на любое действие уже не во имя спасения собственной жизни, но ради материального благополучия, которое прежде всего проявлялось в сытости желудка. Речку, тайгу Грохотало воспринимал и использовал как казавшийся ему неисчерпаемым источник добычи, а окружающие люди, придуманные ими законы перестали существовать для него. Это восприятие стало не просто частью, но основанием для ощущения единичности собственного бытия.

Вариативность именно этого ощущения и определила очевидную сопряженность судеб всего «браконьерского» персонажного ряда, в который вошли *парижанин*, Гога Герцев, Дамка, Грохотало, Командор, что создавало пространственную объемность центрального сюжетного элемента. Следует отметить, что при усложнении сюжета «Царь-рыбы» Астафьев не ограничился расширением этого персонажного ряда. Он создал многокомпонентную персонажную антitezу, изобразив лучших людей, приближенных к идеалу героя-повествователя. В этом ряду – Павел Егорович, Парамон Парамонович, Коля, инспектор Черемисин, Аким, бывший комкор с лагерным прозвищем Хромой.

От антропологического разнообразия, формальной разобщенности героев основных частей «повествования» сначала возникает впечатление,

что действует внутри текста неведомая центробежная сила, разбрасывающая всё и всех в художественном пространстве. Создается иллюзия жизненной пестроты, изолированной многочисленности рассказов об отдельных человеческих судьбах. Процитированное уже признание Астафьева о мучениях, которыми сопровождалось форматирование композиции, в этом отношении было очень красноречивым. Но первое впечатление калейдоскопичности, случайности человеческих совпадений и конфликтов почти немедленно растворяется под воздействием другого, еще более жгучего ощущения ложности автономного существования отдельных компонентов новой жанровой конструкции. Единство сюжета цементируется именно антропологической концепцией, которую одним из первых заметил С. Баруздин, считавший, что Астафьев всю свою жизнь пишет «одну главную книгу. Книгу о себе и себе подобных» [Баруздин 1979: 259]. И именно в «Царь-рыбе» ключевым инвариантом воплощения неповторимой антропоцентричности стал образ автора-повествователя, совмещающего функции героя и рассказчика/повествователя, причем рассказчика активного, заинтересованного, пристрастного, причастного к описываемым событиям, то есть по природе своей публициста.

Именно его всеприсутствие в тексте дало возможность критикам назвать «Царь-рыбу» «нравственной биографией» самого писателя, биографией, сложившейся под воздействием мечты о «лучшем человеке», ставшей руслом, по которому устремился поток человеческих судеб. И каждая судьба прописана по особому алгоритму. При этом дозированность авторского внимания к персонажам, сам порядок их появления на страницах астафьевского повествования убедительно художественно мотивированы. Открытое, прямое слово писателя, внедренное без использования каких-либо формальных обозначений, – триггер центростремительной силы, стягивающей все истории к единому смысловому центру, появление которого напрямую соотносится с главным вопросом русской литературы второй половины двадцатого столетия, сформулированным В. М. Шукшиным: «Что с нами происходит?» («Литературная газета». 1974).

С помощью героя-повествователя подвергается серьезному сомнению однозначность такой, кажется, базовой для русского самосознания характеристики *лучшего человека*, как доброта. Так, безгранично добр, открыт, готов на самопожертвование не только максимально прилизившийся к авторскому идеалу Акимка, но и Игнатьич. Он способен на добрый поступок. Астафьев специально оговаривает, что механик-

самоучка тоже в помощи на реке никогда и никому не отказывал. *Никогда и никого не унизит Игнатьич, не уничтожит ехидным вопросом иль попреком, а перелезет в лодку, вежливо отстрапит хозяина рукой, покачает головой <...>. Вздохнет выразительно Игнатьич, чего-то крутанет в моторе, вытащит, понюхает <...>.* При этом ни платы, ни благодарности не требовал. Но почему-то со вздохом принимал незадачливый хозяин лодки помочь от этого человека, с некоторой пристыженностью и досадой в душе на свою неладность [Астафьев 1997: 128].

В этой характерологически значимой детали еще одна возможность разрушения топоса *лучшего человека*. Под влиянием социально-психологических перемен, волнующих писателя в наивысшей степени, дискредитируются корневые качества людей, что выясняется при художественном исследовании интенциональности доброго поступка в первую очередь. В эпоху «Царь-рыбы» Астафьев, вслед за Ф. Абрамовым, В. М. Шукшиным, начинает понимать, что самая большая опасность для *лучшего человека* в новом мире отнюдь не угроза физического уничтожения, но деформированная аксиологическая система, вытесняющая его на периферию общественных отношений.

Механизм вытеснения исследовался писателем в так «полюбившейся» цензорам главе «Норильцы». Цель публицистического отступления, представленного в двух формах речи (монологической и, вопреки уже известным стереотипам, диалогической), – возбуждение сомнений в уже сложившемся отношении к предъявленным антропологическим типам. Астафьев убежден, что сила *«Парижанина»* в том, что его антропологический тип, поведенческая модель уже с середины 1970-х получает общественное признание как идеальная. В многострадальной главе «Не хватает сердца», с невероятным упорством восстанавливаемой писателем, он создает обобщенный портрет *нами новорожденного существа* [там же: 70], принимая и на себя ответственность за его появление. Чувство собственной вины рождает брезгливое описание укореняющегося поведения отца семейства: *Всю-то зимушку <...> крадучись, денежки в сберкассу, от жены две-три прогрессивки «парижанин» ужучил, начальство на притисках нахseg, полярные надбавки зажилил, лишив и без того подслеповатого, хилого ребенка своего жиров и витаминов. По зернышку клевал сладострастник зимою, чтобы летом сотворить себе «роскошную жизнь* [там же: 70–71].

Публицистический монолог автора распадается на две смысловые части, границы которых неаннектированным читателем почти наверняка

не устанавливаются. Вторая часть – масштабирование впечатлений от конкретной встречи. Полемические суждения об одной из острейших в конце прошлого века социальных и антропологических проблем, обусловленных *кризисом устоявшихся ценностных ориентаций*, как говорят историки журналистики [Балашова 2014: 182], последним поклоном в сторону патриархальной России, как сказал бы литератор.

Астафьев-публицист открыто наращивает «эмоциональную насыщенность» текста, таким образом обозначает свое присутствие, оценивая доминирование нового человеческого типа как главное достижение системы: *Вот какие у нас в стране достижения!* [Астафьев 1997: 71]. Ниже, в качестве приглашения к размышлению (а размышления всегда имеют целью выбор оснований при определении, выявлении собственной позиции в споре) – вариант типичного диалога «интеллектуалов», «умственного разговора» с упоминанием про Гегеля, диалектику, про времена и литературу... И финал типичный – смятение *юноши-мужчины* от забрезживших запретных тем.

А далее в полном соответствии с риторической традицией заключение как почти зловещее предсказание уже наплывающих исторических событий: «Этот (о собеседнике-«парижанине» – Л.Д., Н.Ц.) *перестроит* (выделено нами. – Л.Д., Н.Ц.) мир!». Три компонента смысловой структуры этого эссе воплощают три способа публицистического освоения реальности, жизненного материала: сначала оценка явления; далее установление его причин, оснований с контурным обозначением рассуждения; наконец, прогноз развития ситуаций, возносящих на вершину социально-психологических ожиданий, стремлений человека, в той или иной степени похожего на «парижанина».

Кульминационным завершением второго персонажного ряда, презентующего антропологический сюжет «Царь-рыбы», становится публицистическое отступление в финальной главе «Туруханская лилия», навеянное встречей с пожилым бакенщиком Павлом Егоровичем. Повествователь сообщает об особом родстве с этим человеком, рожденным в Перми, облюбовавшим после долгих странствий для жизни «Анисей» (так называют Енисей чалдоны). Неожиданное появление Павла Егоровича у охотничьего костра, весь облик, *мягкое произношение, свойское поведение, вызывавшие доверие* [там же: 291], удивительная притягательность и, главное, ощущение, что уже *где-то встречались*, становится основанием для осмыслиения этого антропологического типа. По Астафьеву, разгадка такой человеческой натуры в способе взаимодействия с окружающими людьми – *они отдают больше,*

чем берут [там же: 291] в любых ситуациях, при любых условиях. В этом их принципиальное отличие от галереи, которую открывал *парижанин*. Они счастливы, потому что *душевно легка, до зависти свободна их жизнь. И как же убиваютя жены по скоро износившимся, рано их покинувшим, таким вот простофилям-мужьям, обнаружив, что не умевший нажить копейку, постоять за себя, с необидчивым и тихим нравом мужичонка был желанней желанного и любила, оказывается, она его, дура, смертно, да ценить не умела* [там же]. Принципиально иная, по сравнению с обличительной в первом антропологическом отступлении, интонация. Принципиально иной способ трансляции оценки. В первом случае эмоционально, горячо оценивался утверждавшийся в новой, благополучной жизни человеческий тип. Второй текстовый фрагмент – светлая печаль от недооцененности человека, на котором веками держалась жизнь. Недооцененность, в основе которой меняющиеся критерии оценки. В интонационной гармонии прямого авторского высказывания мерцают, проступают нотки смирения перед неизбежностью ухода такого человека, характерные для жанра эпитафии. Но авторская непримиримость с окончательностью утраты – в напоминании о неистребимой женской любви и памяти, деталях, указывающих на генетическое родство повествователя с Павлом Егоровичем, даже в использовании, пересоздании уникального по природе своей мифологического жанра, уже номинацией намекавшего на некую беспрерывность, особого рода временную перспективу.

Выводы

Критикующие наличие в художественном сюжете публицистических отступлений филологи часто ссылаются на М. Бахтина, не принимавшего «завершающей авторской активности» [Бахтин 1979: 162]. Но в случае с «Царь-рыбой» публицистические отступления выполняют сюжетообразующую функцию. Личность автора, муки его сердца выплеснулись в противоположных по смыслу, по эмоциональному настрою, по форме монологах. Всеприсутствие повествователя позволяет воспринимать многочисленные человеческие истории как абсолютное единство. Публицистическая авторская речевая партия становится уникальным средством художественной презентации остройшего жизненного материала.

Принимая позицию М. М. Бахтина, мы соглашаемся с тем, что авторские монологи упрощают смысловую структуру художественного текста, но в «Пастухе и пастушке» в «Царь-рыбе» использование разножанровых публицистических текстовых компонентов становится

необходимым проявлением особой активности повествователя, обусловленной недостаточной освоенностью материала. Астафьев публицистически фиксирует направление осмыслиения заявленных тем и проблем, что вполне объяснимо для эпохального пограничья. По сути, публицистический формат (способ и форма) жизненного материала в данном случае становится проявлением закономерности литературного творчества, предлагающей определенную логику, способ, этапность осмыслиения актуальных вопросов.

Список литературы

- Астафьев В. П. И вечная моя боль за Россию // Лит. Россия. 2008. 4 апр. С. 3.*
- Астафьев В. П. Царь-рыба. Повествование в рассказах // Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: ОФСЕТ, 1997. Т. 6. 432 с.*
- Балашова Ю. Б. Ценностные ориентации эпохи перемен // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности. СПб., 2014. С. 246–253.*
- Баруздин С. Необходимость Астафьева // Дружба народов. 1979. № 4. С. 257–259.*
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.*
- Вахитова Т. М. Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба». М.: Высш. шк., 1988. 71 с.*
- Военная журналистика в современном мире: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Луганск, 12 апреля 2023 г.) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. СПб.: Медиапапир, 2023. 232 с.*
- Горшкова Л. А. Жанры журналистики. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2023. 80 с.*
- Дмитровский Д. Жанры журналистики // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4. С. 149–158.*
- Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: Филол. факт-т СПбГУ, 2012. 276 с.*
- Кузнецов Ф. Ф. Избранное: в 2 т. М.: Совремник, 1981. Т. 1. 558 с.*
- Лейдерман Н. Л. Крик сердца. Творческий облик Виктора Астафьева. Екатеринбург: Изд-во AMS, 2001. 36 с.*
- Мирошниченко А. А. Работа в пресс-службе. Журналистика для пресс-секретарей. М.: Медиа-Лайн: Альпина Паблишер, 2012. 192 с.*
- Мисонжников Б. Я., Тепляшина А. Н. Лингвокультурное моделирование базового концепта публицистического текста в поликодовых системах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 2. С. 265–275. doi 10.21638/11701/spbu09.2018.209*
- Прилок Д. М. Публицистичность в журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. 1973. № 1. С. 11–17.*
- Романцова Т. Д. Метаконцепт «язык» в газетной публицистике В. Распутина конца 1980-х – начала 1990-х гг.: когнитивно-практический аспект // Медиалингвистика. 2021. № 8 (3). С. 219–236. doi 10.21638/spbu22.2021.302*
- Садырина Т. Н. Всеноарное признание // Астафьев В. Царь-рыба» Красноярск: РАСПР, 2018. С. 6–10.*
- Цветкова Н. С. Речевая форма журналистского текста: уровни эстетизации // Эстетика журналистики: кол. монография. СПб: Алетейя, 2018. С. 70–85.*
- Hiersche A. Sowjetische Dorfprosa. Berlin: Akademie Verlag, 1985. 259 s.*
- Parthé K. Russian Village Prose. Princeton: University Press, 1992. 193 p.*
- References**
- Astafyev V. P. I vechnaya moya bol' za Rossiyu [My eternal pain for Russia]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia], 2008, 4 April, p. 3. (In Russ.)
- Astafyev V. P. Tsar'-ryba. *Povestvovanie v rasskazakh* [The Tsar Fish. Narration in short stories]. In: Astafyev V. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 15 vols. Krasnoyarsk, OFSET Publ., 1997, vol. 6. 432 p. (In Russ.).
- Balashova Yu. B. *Tsennostnye orientatsii epokhi peremen* [Value orientations of the era of change]. *Russkaya publitsistika v duchovno-nravstvennoy zhizni obshchestva: idealy i tsennosti* [Russian Journalism in the Spiritual and Moral Life of Society: Ideals and Values]. St. Petersburg, 2014, pp. 246–253. (In Russ.)
- Baruzdin S. *Neobkhodimost' Astaf'eva* [The necessity of Astafyev]. *Druzhba narodov* [The Friendship of Nations], 1979, issue 4, pp. 257–259. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (In Russ.).
- Vakhitova T. M. *Povestvovanie v rasskazakh V. Astaf'eva 'Tsar'-ryba'* [Narration in the stories of V. Astafyev 'The Tsar-Fish']. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 71 p. (In Russ.).
- Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire* [Military Journalism in the Modern World]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Lugansk, April 12, 2023). Ed. by Zh. V. Marfina, A. V. Drozdova et al. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2023. 232 p. (In Russ.)
- Gorshkova L. A. *Zhanry zhurnalistikii* [The Genres of Journalism]. Samara, Samara University Press, 2023. 80 p. (In Russ.)
- Dmitrovskiy D. *Zhanry zhurnalistikii* [The genres of journalism]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosu-*

darstvennogo universiteta [Scientific Notes of Orel State University], 2014, issue 4, pp. 149-158. (In Russ.)

Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The Dialogical Nature of Newspaper Speech Genres]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2012. 276 p. (In Russ.)

Kuznetsov F. F. *Izbrannoe* [Selected Works]: in 2 vols. Moscow, Sovremennik Publ., 1981, vol. 1. 558 p. (In Russ.)

Leyderman N. L. *Krik serdtsa. Tvorcheskiy oblik Viktora Astaf'eva* [The Cry of the Heart. The Creative Image of Viktor Astafyev]. Yekaterinburg, AMS Publ., 2001. 36 p. (In Russ.)

Miroshnichenko A. A. *Rabota v press-sluzhbe. Zhurnalistika dlya press-sekretarey* [Work in the Press Service. Journalism for Press Secretaries]. Moscow, MediaLayn: Al'pina Publisher, 2012. 192 p. (In Russ.)

Mizonzhnikov B. Ya., Teplyashina A. N. Lingvokul'turnoe modelirovanie bazovogo kontsepta publitsisticheskogo teksta v polikodovykh sistemakh [Linguocultural modelling of the basic concept in journalism texts in polycode systems]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2018, vol. 15, issue 2,

pp. 265-275. doi 10.21638/11701/spbu09.2018.209 (In Russ.).

Prilyuk D. M. *Publitsistichnost' v zhurnalisticke* [Opinion writing features in journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1973, issue 1, pp. 11-17. (In Russ.).

Romantsova T. D. *Metakoncept 'yazyk' v gazetnoy publitsistike V. Rasputina kontsa 1980-kh – nachala 1990-kh gg: kognitivno-praksiologicheskiy aspekt* [Meta-concept ‘language’ in newspaper publication of V. Rasputin of the late 1980s — early 1990s: The cognitive-praxeological aspect]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2021, issue 8 (3), pp. 219-236. doi 10.21638/spbu22.2021.302 (In Russ.)

Sadyrina T. N. *Vsenarodnoe priznanie* [National recognition]. In: Astafyev V. *Tsar'-ryba* [The Tsar Fish]. Krasnoyarsk, RASTR Publ., 2018, pp. 6-10. (In Russ.)

Tsvetova N. S. *Rechevaya forma zhurnalistskogo teksta: urovni estetizatsii* [The speech form of a journalistic text: the levels of aestheticization]. *Estetika zhurnalistiki* [The Aesthetics of Journalism]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2018, pp. 70-85. (In Russ.).

Hiersche A. *Sowjetische Dorfprosa* [Soviet Village Prose]. Berlin, Akademie Verlag, 1985. 259 p. (In Ger.)

Parthé K. *Russian Village Prose*. Princeton, University Press, 1992. 193 p. (In Eng.)

‘The Tsar Fish’ by Viktor Astafyev: Publicism as a Genre Format

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after F. M. Dostoevsky

Lilia R. Duskaeva

Professor in the Department of Media Linguistics

St Petersburg State University

7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia. lrd2005@yandex.ru

SPIN-code: 2945-3321

Natalia S. Tsvetova

Professor in the Department of Media Linguistics

St Petersburg State University

7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia. cvetova@mail.ru

Russian Christian Academy for Humanities

15, Fontanka Embankment, St. Petersburg, 191023, Russia

SPIN-code: 9853-4381

Submitted 20 Feb 2025

Revised 03 Mar 2025

Accepted 05 Apr 2025

For citation

Duskaeva L. R., Tsvetova N. S. “Tsar’-ryba” V. Astaf’eva: publitsistichnost’ kak zhanrovyy format [‘The Tsar Fish’ by Viktor Astafyev: Publicism as a Genre Format]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 37–46. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-37-46. EDN PXLTDO (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to one of the key works written by V. P. Astafyev, one of the greatest Russian novelist and publicist of the second half of the 20th century. The study aims to identify the genre nature of the work, which the writer himself defined as ‘narration in stories’. The analytical algorithm is based on methods developed in line with the theory of publicistic writing. From the authors’ point of view, the genre definition itself shows the orientation toward the use of a publicistic genre format, which assumes not only a certain sequence of the content components characterized by extreme relevance, and no less a certain language used, but also a clear dominance of the author-narrator in the character system. The main conclusion is that the presence of the author in the Astafyev’s text, provoking the perception of *The Tsar Fish* as a literary-and-publicistic work, is due to the extreme relevance of the presented real-life material, a deep apprehension of which did not yet occur at the time of the creation of the text. The use of multi-genre publicistic text components as a manifestation of the narrator’s activity is due to the initial stage of reflection upon the presented material. Publicistically, there is provided a focus and orientation for further reflection on the stated topics and problems, which is quite understandable for the period of changing epochs. In essence, the publicistic format (method and form) of presenting material related to real life in this case becomes a manifestation of literary writing canons that presuppose a certain logic, method, and stage-by-stage reflection upon current topics and problems.

Key words: Astafyev; genre; narrative; journalism; character; image of the author.

УДК 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-47-58

<https://elibrary.ru/qbddkf>

EDN QBDDKF

Сравнительный анализ употребления феминитивов в речи билингвов и монолингвов (на материале русского и греческого языков)

Катермина Вероника Викторовна

д. филол. н., профессор кафедры английской филологии

Кубанский государственный университет

350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. veronika.katermina@yandex.ru

SPIN-код: 8749-9598

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

ResearcherID: L-2817-2017

Логутенкова Ольга Николаевна

к. филол. н., старший преподаватель русской словесности

Русская Школа Пафоса

8010, Кипр, г. Пафос, ул. Македониас, 4. logutenol@mail.ru

SPIN-код: 7023-2873

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-833X>

Статья поступила в редакцию 02.06.2024

Одобрена после рецензирования 26.11.2024

Принята к публикации 18.01.2025

Информация для цитирования

Катермина В. В., Логутенкова О. Н. Сравнительный анализ употребления феминитивов в речи билингвов и монолингвов (на материале русского и греческого языков) // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филологии. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 47–58. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-47-58. EDN QBDDKF

Аннотация. Данное исследование проведено в рамках гендерной лингвистики, главной задачей которой является изучение того, как грамматические категории, связанные с биологическим полом, отражаются в языке и влияют на восприятие мужчины и женщины в сознании носителей этого языка. Статья посвящена изучению использования феминитивов в русском и греческом языках среди билингвов и монолингвов. Цели исследования – выявить тенденции в употреблении женских коррелятов названий профессий и должностей в юридической и политической сферах деятельности, а также определить влияние языковой среды на формирование языковой нормы в отношении гендерно обусловленной лексики. В рамках исследования проведен эксперимент, раскрывающий использование феминитивов среди русско-греческих естественных билингвов 16–25 лет, проживающих на Кипре и изучающих английский язык как иностранный, и искусственных билингвов, носителей русского/греческого языков, также владеющих английским. Участникам были предложены тексты на английском языке, содержащие профессиональные обозначения. Задачей респондентов было перевести предложения так, чтобы агентивный субъект или адресат обозначал лицо женского пола, после чего был проведен систематический анализ использования феминитивов и их деривационных моделей, который показал гендерную асимметрию в обоих языковых контекстах, отражающую неравноправное представление мужского и женского полов в языковом сознании носителей. Основные выводы подчеркивают важность языковой среды и культурных факторов в фор-

мировании гендерно-специфической лексики, используемой в повседневной коммуникации и СМИ, и указывают на наличие интерференции в речи билингвов.

Ключевые слова: билингвы; феминитивы; гендерная лингвистика; андроцентричность языка; интерференция.

Введение

В области лингвистики в последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие новых исследовательских направлений, которые основываются на антропоцентристическом подходе к изучению языковых явлений. В свете этих новых направлений всё больше внимания уделяется влиянию социокультурных факторов на языковые структуры и их употребление. Так, в рамках антропологии как междисциплинарного поля активно развиваются лингвистические исследования, фокусирующиеся на анализе взаимосвязей между социальными гендерными ролями в различных языковых сообществах, социокультурным контекстом и формированием гендерных стереотипов в той или иной культурно-языковой среде.

Гендерная лингвистика представляет собой относительно новую область лингвистических исследований в рамках изучения влияния языка на восприятие и поведение людей в социальных и культурных контекстах. В центре исследования этого направления языкоznания находится социальный пол, то есть гендер [Кирилина 2021]. Сегодня исследователи единодушны в том, что одним из существенных факторов, влияющих на оценку событий и реалий, является половая принадлежность говорящего [Гаранович 2019; Гриценко 2019; Купцова 2018]. Согласно выводам ученых, работающих в этой области, гендерные стереотипы в языке формируются под воздействием исторических и социокультурных факторов, среди которых на первом месте оказывается распределение социальных ролей в обществе [Haslanger 2000; Schep 2012]. Это происходит потому, что язык не только служит средством коммуникации, но и отражает окружающий мир и культуру, одновременно формируя видение того, как этот мир устроен. Несмотря на то что в последние десятилетия в Греции и России произошли изменения, благодаря которым женщины начали восприниматься как равноправные мужчинам партнеры во всех сферах общественно-политической жизни, языковые системы этих стран по-прежнему сохраняют андроцентричные стандарты мышления, отражающие устойчивые гендерные стереотипы. Эти стереотипы продолжают оказывать значительное влияние на общественное сознание, включая политическую и юридическую сферы. Сопоставительное исследование, проведенное на материале русского и греческого языков в данной работе, направлено

на анализ степени выраженности гендерной асимметрии в этих языках и в языковой картине мира их носителей.

Ситуация билингвизма «более полно отражает условия возникновения, существования и развития двуязычия как языкового и речевого явления. Если языковая ситуация понимается как совокупность языков, подъязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении, взаимодействие языков становится реальностью при непосредственных или опосредованных языковых контактах. Активные процессы взаимовлияния языков наблюдаются при непосредственных языковых контактах, когда возникает ситуация билингвизма» [Катермина, Логутенкова 2022: 119]. Язык неразрывно связан с культурой определенного этноса, так как играет ключевую роль в передаче и сохранении культурных знаний и не может функционировать изолированно от культурного контекста и носителей этого языка.

Актуальность данного исследования обусловлена изменениями в составе и семантической структуре политической и юридической лексики, которые представляют значительный интерес для лингвистического изучения. Эти изменения, отражающие социокультурные трансформации, проявляются в адаптации языкового материала, включая наименования лиц по профессиям и социальному статусу. Таким образом, изучение этих лингвистических явлений имеет существенное значение для понимания процессов языковой эволюции и их взаимосвязи с изменениями в общественной жизни, включая аспекты гендерного равенства. Наименования лиц по профессиям и социальному статусу составляют неотъемлемую часть языкового материала и подчиняются внутренним законам конкретных языков.

Цель нашего исследования – изучение тенденций использования феминитивов в русском и греческом языках в речи билингвов и монолингвов в контексте политической и юридической сфер. Основной задачей работы выступает анализ воздействия языковой среды на формирование языковой нормы в отношении гендерной терминологии, а также выявление возможных различий в использовании феминитивов между билингвами и монолингвами.

Материалы и методы исследования

Для проведения нашего исследования был выбран эксперимент, изучающий использование

феминитивов среди русско-греческих естественных билингвов 16–25 лет, проживающих на Кипре и изучающих английский язык как иностранный, и искусственных билингвов, носителей русского/греческого языков, также владеющих английским. Нами был разработан тестовый лист, содержащий предложения на английском языке, в которые были включены профессиональные обозначения в политической и юридической сферах, имеющие в английском языке нейтральный по гендерному признаку статус (*advocate, judge, deputy* и др.). В рамках эксперимента участникам предлагалось перевести предложения на русский/греческий языки, используя феминитивы там, где это возможно. До начала проведения эксперимента мы убедились в том, что перевод указанной выше профессиональной лексики на оба языка не вызывает затруднений у испытуемых.

Анализ результатов эксперимента был направлен на выявление частотности использования феминитивов в обоих языках среди билингвов и монолингвов и изучение деривационных моделей, используемых участниками при образовании феминитивов. В ходе исследования нами было опрошено 76 человек: группы испытуемых включали 26 билингвов, которые выполняли задание на обоих языках (русском и греческом), 25 носителей русского языка и 25 грекоязычных испытуемых, которые решали аналогичную задачу только на одном языке. Таким образом, данная методология позволила выявить тенденции и предпочтения в выборе конкретных лексических форм при обозначении профессиональной принадлежности, оценить различия в употреблении феминитивов между билингвами и монолингвами, а также сравнить использование феминитивов в двух неродственных языках.

История развития гендерной лингвистики

Исследования в области гендерной лингвистики, которые представляют значительную часть научных разработок в гуманитарных науках, направлены на анализ гендера как социокультурного конструкта. Этот конструкт связан с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола. Гендерная лингвистика обогащает идею Ю. С. Степанова о том, что язык, «созданный по мерке человека», отражает в своей структуре установки и ценности, в том числе гендерные [цит. по: Сюй Шаньшань 2018: 2].

Человеческое общество объединяет мужское и женское начала, каждое из которых несет уникальные культурно и социально обусловленные характеристики. Традиционные представления о

мужской агрессивности и сдержанности, а также женской эмоциональности и покорности являются стереотипными, но могут отличаться в различных культурах. Подобные стереотипы затрагивают многие аспекты жизни, включая «групповые ценности и позицию человека в обществе» [Чэн Яо 2022: 83]. Эти культурно обусловленные представления о полах переносят гендерные вопросы из биологической в культурную и социальную плоскость, что находит отражение в лингвистических работах. Особенно заметное влияние феминистских идей начало проявляться во второй половине XX в. Исследования этого периода обогатили понимание того, как гендерные взаимоотношения находят отражение в языке и каким образом использование определенных языковых структур может формировать гендерные роли и стереотипы [Лысикова, Файзиева 2023: 59].

В конце 1960-х и начале 1970-х гг. появились ключевые работы, в которых обращалось внимание на гендерные аспекты языка. Одной из самых известных работ в этой области является книга Робин Лакофф «Язык и место женщины», опубликованная в 1975 г., в которой автор подвергла анализу языковые конструкции и выражения, способствующие поддержанию гендерных стереотипов и гендерного неравенства [Lakoff 1975]. Эта работа послужила толчком как для лингвистов, так и для феминисток к более пристальному изучению гендерных различий в языке. Позже идеи, заложенные Р. Лакофф, нашли продолжение в книге Деборы Таннен «Вы просто не понимаете: Мужчины и женщины беседуют», вышедшей в свет в 1990 г. и посвященной социолингвистическим гендерным исследованиям [Tannen 1990], где учченая подробно описала различия в коммуникативных стилях между мужчинами и женщинами и их влияние на восприятие и взаимодействие носителей языка.

С течением времени исследования в области гендерной лингвистики стали более масштабными, охватывающими различные аспекты языка, такие как лексика, грамматика, семантика и дискурс. Эти исследования распространялись на различные языки и культуры, что позволяет проводить сравнительный анализ и выявлять как различия, так и сходства в презентации гендера. Проведенные исследования подтверждают, что язык способен отражать и усиливать гендерное неравенство в обществе. Такие работы, как, в частности, исследование Линды Бибо, внесли значительный вклад в выявление и анализ гендерных стереотипов, связанных с употреблением существительных мужского и женского рода [Bebout 1995]. Группой западных ученых было

проведено исследование лингвистического сексизма в спортивной коммуникации в социолингвистическом контексте [Arpinar-Asvar, Girgin, Bulgu 2016].

Авторам статьи [Nurseitova et al. 2013] удалось провести анализ коммуникативного поведения политиков и выявить его специфику в контексте гендерных стереотипов. Это исследование имеет важное значение для понимания влияния языка на политические процессы и юридическую практику, а также для более глубокого осознания гендерной динамики в политическом и юридическом дискурсе. Также следует отметить одну из последних работ в интересующей нас области “Gender bias in legal corpora and debiasing it”, авторы которой исследуют проблему гендерного искажения в юридических корпусах текстов и методы для нейтрализации этого искажения [Sevim, Şahinuç, Koç 2023].

Что касается отечественных гендерных исследований, то в настоящий момент, согласно А. Л. Кормильцевой, здесь наблюдаются две различные тенденции [Кормильцева 2020: 21]. С одной стороны, прослеживается убеждение, что изучение гендера в России, пережив первоначальные трудности становления, укоренилось в уникальную парадигму общественного знания и проникает практически во все сферы, включая лингвистику. С другой стороны, согласно некоторым исследователям [Ушакин 2007], в отечественной научной среде наблюдается сопротивление принятию понятия «гендер», которое часто воспринимается как чужеродное из-за его происхождения из западной академической традиции. Это сопротивление частично объясняется экстраполяцией терминологии, не всегда адекватно учитывающей контекстуальные особенности российской культуры и языка. В современной отечественной гендерной лингвистике преобладают направления, ориентированные на социальные и психологические аспекты языка, изучение культурных особенностей через языковые практики, а также анализ коммуникативных и дискурсивных структур.

Выводы как российских, так и западных ученых указывают на важность гендерного анализа в лингвистике, поскольку они подтверждают, что язык не является нейтральным относительно гендерных взаимоотношений: языковые структуры могут как поддерживать существующие гендерные асимметрии, так и способствовать их изменению.

Гендерная асимметрия в русском и греческом языках

В современных условиях, отмеченных увеличением масштабов международного общения и

значительными демографическими изменениями, явление билингвизма становится всё более распространенным, что способствует росту интереса к изучению социокультурных аспектов языковой динамики, особенно в контексте изменений в языке. Антропологический подход приобретает особую значимость. Так, исследования, осуществляемые в рамках этого направления, демонстрируют, как язык, служа средством культурного взаимодействия, активно формирует социальные отношения и культурные нормы [Катермина, Логутенкова 2022: 119–120]. Сегодня русский и греческий языки испытывают значительные, обусловленные социокультурными изменениями в обществе трансформации в способах номинации женщин. Эти трансформации, связанные с изменением роли женщин и эволюцией гендерных представлений, влияют на процесс обновления профессиональной лексики, особенно в терминах, относящихся к женскому полу. Однако многовековой патриархальный устой наложил определенный отпечаток на обе языковые системы: язык стал «своеобразным хранителем консервативных обобщений, зеркалом, в котором и по сей день мелькают тени домостроевских мужских и женских типажей» [Бортник 2001: 52].

Как русский, так и греческий относятся к флексивным языкам синтетического строя, в которых грамматический род, как классифицирующая категория, представлен тремя разновидностями: мужским, женским и средним родом, «маркирующими огромное количество языковых единиц, поскольку кодификация пола референта является систематической и обязательной» [Alvanoudi 2015: 31].

Грамматическое согласование, в отличие от pragmatischenkoj, определяется характеристиками лексемы и не зависит от свойств референта, который она обозначает. Однако как в русском, так и в греческом языке существует также pragmatisches (или референциальное) согласование, которое проявляется в двух случаях: во-первых, при употреблении слов общего рода (например, «неряха», «ябеда», «зануда»), во-вторых, при использовании гибридных существительных, обозначающих лиц по профессии, званию или социальному статусу и не имеющих стилистически нейтральной формы противоположного рода, например *мэр*, *министр*, *судья* и др. Когда такие существительные обозначают лиц женского пола, в русском языке адъективные модификаторы и глагол в форме прошедшего времени могут выражать различные значения категории рода. Однако в случае отсутствия модификатора и при наличии сопутствующего глагола в форме настоя-

щего или будущего времени данные существительные, как правило, идентифицируются с представителями мужского пола. По данным целого ряда исследований, реципиенты интерпретируют существительные мужского рода преимущественно не в генерализирующем, а в специфицирующем ключе, то есть у них возникают ассоциации с представителями только мужского пола, что ставит под сомнение единственность принципа включенности женского рода в мужской [Ситникова, Смолоногина 2021: 173].

В греческом языке данная проблема снимается благодаря необходимости употребления артикля перед существительным. Например, предложение *Αδροκάτης утверждает, что шансы выиграть дело высокие, но это как минимум 2–3 заседания, и сколько еще УК времени будет отдавать, если вообще перечислит дежные средства?* не может иметь однозначно правильного перевода на греческий до тех пор, пока не будет точно известно, идет ли речь о мужчине или о женщине. Только тогда можно будет использовать в переводе о δικηγόρος (адвокат-мужчина) или η δικηγόρος (адвокат-женщина). Тем не менее стандартное предпочтение родового использования мужского рода в том случае, если мы используем слово «адвокат» в греческом языке, также свидетельствует об асимметрии в биполярном женско-мужском гендерном порядке. Кроме того, проблема возникает даже тогда, когда перед существительным стоит притяжательный или иной определитель. В этом случае социально-языковые устои часто приводят к использованию обозначения мужского рода, даже если речь идет о женщине: η αναπληρωτής υπουργός вместо η αναπληρώτρια υπουργός [Τριανταφυλλίδης 1963: 330; Τσοκαλίδου 1996]. Таким образом, в обоих рассматриваемых языках преобладает стандартизация профессиональных наименований в мужском роде.

Кроме того, в обоих рассматриваемых языках существует тенденция к слиянию понятий «мужчина» и «человек», что проявляется через употребление мужского рода как универсального или нейтрального рода при обращении к группе людей. Это связано с андроцентричными представлениями, которые закреплены в языке и отражают социокультурные стереотипы и нормы. Также, говоря о группе людей разного пола, в обоих языках используют слова мужского рода (*адвокаты, учителя, директора...*). В результате вышеназванной семантической бифункциональности бывает сложно однозначно интерпретировать словоформы мужского рода, и такая практика нередко приводит к грамматическому и со-

держательному парадоксу, когда формы мужского рода используются даже в случае обращения исключительно к женщинам. Тот факт, что генерализующим значением наделен именно мужской род, интерпретируется некоторыми учеными как отражение в языке доминирования мужчин над женщинами, так как посредством грамматики происходит отождествление понятий «человек» и «мужчина». Более точному выражению пола лица при обозначении профессий может способствовать использование соответствующих коррелятов женского рода – феминитивов. Феминитивы – «слова женского рода, которые являются альтернативными или парными аналогичным существительным мужского рода, обозначающим профессию или род занятий» [Федотова, Кулик 2016: 67].

Однако процесс включения феминитивов в лексический фонд языка имеет ряд сложностей, связанных с тем, что создание и употребление феминитивов зависит в первую очередь от языковой интуиции носителя языка и субъективного ощущения «гармоничности» слова, а не от осознанного применения моделей словообразования. В настоящее время использование феминитивов в языке происходит в несистематичной и вариативной форме. Языковая норма проходит через сложный процесс становления, включающий в себя окказиональное употребление лексем-неологизмов, которые могут либо успешно интегрироваться в язык, либо остаться непризнанными [Алкснит 2020]. Параллельно с процессом появления феминитивов сохраняется употребление мужской грамматической формы с соответствующими предикатами или модификаторами, выраженнымми формами женского рода. Анализ взаимодействия языка с эволюцией гендерных ролей в обществе, а также механизмов интеграции новых лексических форм в существующие нормы способствует выявлению закономерностей и тенденций в этом многостороннем процессе.

Результаты

В результате экспериментального исследования нами было получено 1020 реакций, из которых 115 – феминитивы, полученные в русском языке, и 91 – в греческом. Следует отметить, что не все предложенные для перевода номинации имеют однокорневые корреляты среди слов женского рода, например, у слова «посол» нет признанного суффиксального феминитива в русском языке, но имеется довольно широко употребляемая словообразовательная модель в греческом. Противоположная ситуация с парными лексемами «секретарь» – «секретарша» в русском языке и гендерно-нейтральным словом γραμματέας – в гре-

ческом. Однако мы включили данные лексемы в эксперимент для того, чтобы оценить реакции респондентов, которые в подобных случаях могли бы использовать синтаксический показатель женского рода либо употребить окказионализм. Все предложения, предназначенные для перевода, не содержали модификаторов в виде местоимений или прилагательных и включали глаголы только в форме настоящего и будущего времени. Такой подход был выбран с целью активизации аффиксального механизма словообразования и потенциального увеличения процента образования феминитивов.

При формировании аффиксальных женских коррелятов названий профессий на русском языке билингвы использовали суффиксы: «-к(а)» и

«-ш(а)»: *адвокатка, депутатка, юристка, президентша, губернаторша* и др., порождая в некоторых случаях окказионализмы, не зафиксированные в словарях. Единственным используемым суффиксом в греческом языке оказался суффикс «-ία»: η δικηγόρια, η δημαρχία, η βουλευτία и др. В остальных случаях респонденты либо использовали словоформу мужского рода без изменений, либо добавляли к ней слово «женщина», образуя аппозитивное словосочетание: *женицина-посол, женицина-юрист, мэр-женщина* и т. д. Соотношение образованных билингвами наименований профессий для обозначения лиц женского пола суффиксальным способом и вариантов, в которых форма женского и мужского рода совпадает, приведено в табл. 1.

Таблица 1

Употребление женских коррелятов профессий в билингвальной группе

The use of female correlates of professions in the bilingual group

Наименование профессии	Билингвы				
	Русский язык			Греческий язык	
	Совпадает с мужским вариантом	Аппозитивное образование	Суффиксальный феминитив	Совпадает с мужским вариантом	Суффиксальный феминитив
advocate (адвокат)	35 % (9 из 26)	38 % (10 из 26)	27 % (7 из 26)	69 % (18 из 26)	31 % (8 из 26)
ambassador (посол)	65 % (17 из 26)	35 % (9 из 26)	—	88 % (23 из 26)	12 % (3 из 26)
judge (судья)	65 % (17 из 26)	35 % (9 из 26)	—	65 % (17 из 26)	35 % (9 из 26)
deputy (депутат)	58 % (15 из 26)	30 % (8 из 26)	12 % (3 из 26)	88 % (23 из 26)	12 % (3 из 26)
lawyer (юрист)	65 % (17 из 26)	27 % (7 из 26)	8 % (2 из 26)	92 % (24 из 26)	8 % (2 из 26)
minister (министр)	65 % (17 из 26)	27 % (7 из 26)	8 % (2 из 26)	88 % (23 из 26)	12 % (3 из 26)
mayor (мэр)	54 % (14 из 26)	46 % (12 из 26)	—	81 % (21 из 26)	19 % (5 из 26)
president (президент)	38 % (10 из 26)	38 % (10 из 26)	24 % (6 из 26)	81 % (21 из 26)	19 % (5 из 26)
secretary (секретарь)	24 % (6 из 26)	—	76 % (20 из 26)	100 %	—
governor (губернатор)	42 % (11 из 26)	27 % (7 из 26)	31 % (8 из 26)	100 %	—

Анализ табл. 1 позволяет отметить, что наблюдаемая тенденция в использовании наименований профессий в двух языках говорит о

предпочтении респондентами мужских форм для обозначения лиц женского пола в обоих языках, а также свидетельствуют о том, что в большин-

стве коммуникативных ситуаций «референциальный» признак пола оказывается несущественным. Однако в греческом языке данная проблема снимается благодаря использованию артикля перед существительным. Так, предложение *A deputy votes in favor of passing the law* 88 % опрошенных перевели на русский как *Депутат голосует за принятие закона*. В данном переводе также, как и в оригинале на английском языке, отсутствует какой-либо признак того, что речь идет о лице женского пола. В греческом же языке наличие артикля, который в данном случае выполняет функцию дифференциации пола, точно указывает на пол представителя профессии (*Η βούλευτής ψηφίζει υπέρ της ψήφισης του νόμου*), что делает греческий язык более точным в данном аспекте. В целом же зафиксированная тенденция использования единой формы слова для обозначения лиц мужского и женского пола способствует созданию представления о профессии, ориентированной на мужчин. Это явление, в немалой степени связанное с сохранением традиционных гендерных стереотипов, подтверждает, что гендерные представления в языке влияют на восприятие профессиональных ролей. Очевидно, что высокий процент использования слов муж-

ского рода для обозначения различных профессий может быть результатом сочетания традиционных стереотипов, недостаточной осведомленности билингвов о появлении новых лексем и, как было отмечено позже респондентами, неблагозвучности большинства аффиксальных феминитивов.

Кроме того, анализ фактического материала показал, что в подавляющем большинстве одни и те же участники эксперимента в билингвальной группе использовали суффиксы для образования женских коррелятов в обоих языках, что, на наш взгляд, указывает на наличие языковой интерференции, которая проявляется в переносе словообразовательных моделей из одного языка в другой.

Следующий этап исследования, в котором идентичное задание было предложено русскоязычным монолингвам и грекоязычным монолингвам, имеет ключевое значение для более глубокого понимания влияния языковой среды и языковых компетенций на использование гендерно маркированной лексики. Этот этап имеет целью выявление факторов, влияющих на выбор феминитивов носителями языка. Его результаты отражены в табл. 2.

Таблица 2

Употребление женских коррелятов профессий в русскоязычной и грекоязычной монолингвальных группах

The use of female correlates of professions in the Russian-speaking and Greek-speaking monolingual groups

Наименование профессии	Русскоязычные монолингвы			Грекоязычные монолингвы	
	Совпадает с мужским вариантом	Аппозитивное образование	Суффиксальный феминитив	Совпадает с мужским вариантом	Суффиксальный феминитив
advocate	40 % (10 из 25)	20 % (5 из 25)	40 % (10 из 25)	68 % (17 из 25)	32 % (8 из 25)
ambassador	80 % (20 из 25)	20 % (5 из 25)	—	72 % (18 из 25)	28 % (7 из 25)
judge	84 % (21 из 25)	8 % (2 из 25)	8 % (2 из 25)	48 % (12 из 25)	52 % (13 из 25)
deputy	68 % (17 из 25)	—	32 % (8 из 25)	84 % (20 из 25)	16 % (5 из 25)
lawyer	76 % (19 из 25)	—	24 % (6 из 25)	92 % (23 из 25)	8 % (2 из 25)
minister	84 % (21 из 25)	—	16 % (4 из 25)	72 % (18 из 25)	28 % (7 из 25)

Окончание табл. 2

Наименование профессии	Русскоязычные монолингвы			Грекоязычные монолингвы	
	Совпадает с мужским вариантом	Аппозитивное образование	Суффиксальный феминитив	Совпадает с мужским вариантом	Суффиксальный феминитив
mayor	80 % (20 из 25)	20 % (5 из 25)	—	76 % (19 из 25)	24 % (6 из 25)
president	80 % (20 из 25)	—	20 % (5 из 25)	80 % (20 из 25)	20 % (5 из 25)
secretary	—	—	100 %	100 %	—
governor	64 % (16 из 25)	8 % (2 из 25)	28 % (7 из 25)	100 %	—

Анализ результатов второго этапа исследования показал, что монолингвы использовали более разнообразные деривационные модели для образования феминитивов по сравнению с билингвами. Это проявляется в использовании различных суффиксов для образования феминитивов (например, *адвокатка*, *адвокатша*, *адвокатесса*, *депутатка*, *депутатша*, *президентша*, *президенттка* в русском языке). Подобная тенденция характерна и для грекоязычных респондентов: η δικαστής, η δικαστίνα, η δικάστρια; η πρέσβης, η πρέσβειρα и др. При этом процент употребления аппозитивных словосочетаний значительно ниже в сравнении с билингвами. Это может указывать на более систематичное и устойчивое использование деривационных моделей у монолингвов для образования женских форм наименований профессий.

Исследование выявило, что доля использования феминитивов среди монолингвов в обоих языках превышает аналогичный показатель среди билингвов. Это наблюдение подразумевает, что монолингвы имеют тенденцию к более активному включению женских коррелятов профессиональных наименований в свою речь и к созданию новых лексических единиц женского рода. Предполагается, что такая активность может быть связана с более глубоким знанием языка, что позволяет монолингвам лучше реагировать на контекстуальные и динамические аспекты языка.

Заключение

Результаты проведенного эксперимента и анализ полученных данных позволяют сделать следующие выводы.

1. Использование феминитивов и маскулинных форм профессиональных наименований систематически связано с социальными стереотипами и нормами, регулирующими поведение и коммуникацию между субъектами. Полученные

данные подтверждают, что гендерные стереотипы активно воспроизводятся и закрепляются в языке, «...накладывая отпечаток на социальное поведение и процессы языковой социализации» [Кирилина 2004: 16-17]. Эти выводы подчеркивают значимость гендерного анализа в лингвистике и его вклад в понимание социальной динамики.

2. В обеих языковых группах, как среди билингвов, так и среди монолингвов, наблюдается тенденция использования мужских форм для обозначения лиц женского пола. Это указывает на наличие гендерной асимметрии в обоих языках. Важно отметить, что существительные мужского рода, связанные с обозначением профессий, обладают более широкой сферой применения и, согласно результатам исследования, являются предпочтительными как для билингвов, так и для монолингвов. Это связано с исторически сложившимся разделением социальных ролей и обязанностей, а также культурными нормами и представлениями о гендерных ролях в обществе.

3. Монолингвы проявляют большую вариативность в использовании деривационных моделей для формирования феминитивов в сравнении с билингвами, что может быть связано с более глубоким непосредственным воздействием языковой среды на формирование языковых компетенций у монолингвов.

4. Факт использования аналогичных деривационных моделей одними и теми же билингвами в обоих изучаемых языках может приводить к переносу грамматических, лексических и структурных элементов из одного языка в другой. Таким образом, интерференция оказывает существенное воздействие на лексическое богатство и структуру речи билингвов, формируя уникальные лингвистические особенности их коммуникации.

Представленные результаты подчеркивают важность дальнейшего изучения процессов употребления феминитивов в различных группах говорящих. Выводы исследования могут быть

использованы для разработки эффективных образовательных программ и методик, направленных на развитие языковых компетенций билингвов. Кроме того, исследование позволяет рассмотреть влияние культурных, социальных и лингвистических факторов на формирование гендерных стереотипов в языке и вносит новые данные в область гендерной лингвистики.

Список литературы

- Алкснит Н. А.* Система словообразования феминитивов в современном русском языке // ГORIZONTЫ современной русистики: сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летнему юбилею академика В. Г. Костомарова (Москва, 30–31 января 2020 г.). М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2020. С. 49–56.
- Бортник Г. В.* «Обидная» категория // Русская речь. 2001. № 2. С. 51–54.
- Гаранович М. В.* Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 897–903.
- Гриценко Е. С.* О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и презентации (на материале английского языка) // «Гендер: язык, культура, коммуникация: тез. Четвертой междунар. конф. (Москва, 28–29 ноября 2019 г.). М.: Моск. междунар. акад., 2019. С. 23–24.
- Катермина В. В., Логутенкова О. Н.* Дидактический потенциал фольклорного текста при формировании бикультуральной личности билингва // Мультипарадигмальность билингвизма в научно-познавательном процессе: монография / науч. ред. Х. З. Багироков. Майкоп: Изд. Магарин О. Г., 2022. С. 119–130.
- Кирилина А. В.* Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147. doi 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147
- Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 252 с.
- Купцова Г. И.* Отражение современных гендерных презентаций в семиотическом ландшафте Москвы // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8, № 6А. С. 156–164.
- Кормильцева А. Л.* Гендер во фразеологии. Елабуга: Елабужский институт, 2020. 63 с.
- Лысикова И. В., Файзиева Г. В.* Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике // Вестник Калмыцкого университета. 2023. №1(57). С. 59–65. doi 10.53315/1995-0713-2023-57-1-59-65
- Ситникова И. О., Смолоногина Е. А.* Влияние языковой гендерной политики на речевую практику в немецкоязычных странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 171–181. doi 10.52070/2542-2197_2021_6_848_171
- Сюй Шаньшань* Языковая презентация гендерных ценностей в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 28 с.
- Ушакин С. А.* Поле пола. Вильнюс: ЕГУ: М.: Вариант, 2007. 320 с.
- Федотова Т. В., Кулик И. В.* Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 28-2. С. 67–69.
- Чэнь Яо.* Этнокультурные и гендерные стереотипные представления об интеллекте: китайцы и русские // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 81–95. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-81-95
- Alyanoudi A.* Grammatical Gender in Interaction. Cultural and Cognitive Aspects. Leiden/Boston: Brill, 2015. 180 p.
- Arpinar-Avsar P., Girgin S., Bulgu N.* Lady or woman? The debate on lexical choice for describing females in sport in the Turkish language // International Review for the Sociology of Sport. 2016. Vol. 51. Issue 2. P. 178–200. doi 10.1177/1012690213519992
- Bebout L.* Asymmetries in Male/Female Word Pairs: A Decade of Change // American Speech. 1995. Vol. 70. No. 2. P. 163–185. doi 10.2307/455814
- Haslanger S.* Gender and race:(What) are they? (What) do we want them to be? // Noûs. 2000. Vol. 34. Iss. 1. P. 31–55.
- Lakoff R.* Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975. 83 p.
- Nursetova K., Zharkynbekova Sh., Bokayev B., Bokayeva A.* Language and Gender in Political Discourse (Mass Media Interviews) // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 70. P. 417–422.
- Schep D.* The Limits of Performativity: A Critique of Hegemony in Gender Theory // Hypatia. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 864–880.
- Sevim N., Şahinuç F., Koç A.* Gender bias in legal corpora and debiasing it // Natural Language Engineering. 2023. Vol. 29. Iss. 2. P. 449–482. doi 10.1017/S1351324922000122.
- Tannen D.* You Just Don't Understand. New York: William Morrow, 1990. 330 p.
- Τσοκαλίδου Π.* Το Φύλο της Γλώσσας: Οδηγός μη Σεξιστικής Γλώσσας για τον Δημόσιο Ελληνικό Λόγο. Αθήνα: Σύνδεσμος Ελληνίδων Επιστημόνων, 1996. 66 p.
- Τριανταφυλλίδης Μ.* Η «βουλευτίνα» και ο σχηματισμός των θηλυκών επαγγελματικών

ουσιαστικών // Άπαντα. Τόμος β'. Ερευνητικά Β'. Θεσσαλονίκη: Α.Π.Θ., Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ιδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη), 1963. Ρ. 326–334.

References

- Alksnit N. A. Sistema slovoobrazovaniya femininitivov v sovremenном russkom yazyke [The system of feminitive word formation in modern Russian [The Horizons of Modern Russian Studies]: Proceedings of the International Scientific Conference on the occasion of the 90th birthday of academician V. G. Kostomarov (Moscow, January 30-31, 2020). Moscow, 2020, pp. 49-56. (In Russ.)
- Bortnik G. V. 'Obidnaya' kategorija ['Offensive' category]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2001, issue 2, pp. 51-54. (In Russ.)
- Garanovich M. V. Sotsiolingvisticheskoe var'iowanie gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyka [Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2019, issue 37, pp. 897-903. (In Russ.)
- Gritsenko E. S. O sovremennykh tendentsiyakh v lingvisticheskem izuchenii gendera, ego kontseptualizatsii i reprezentatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [On modern trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation (based on the material of the English language)]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya*: [Gender: Language, Culture, Communication]: Proceedings of the Fourth International Conference (Moscow, November 28-29, 2019). Moscow, Moscow International Academy Press, 2019, pp. 23-24. (In Russ.)
- Katermina V. V., Logutenkova O. N. Didakticheskiy potentsial fol'klornogo teksta pri formirovaniibikul'tural'noy lichnosti bilingva [Didactic potential of folklore text in the formation of the bicultural personality of a bilingual]. *Mul'tiparadigmal'nost' bilingvizma v nauchno-poznavatel'nom protsesse* [Multiparadigmality of Bilingualism in the Scientific-Cognitive Process]: a monograph. Ed. by Kh. Z. Bagirokov. Maykop, Magarin O. G. Publ., 2022, pp. 119-130. (In Russ.)
- Kirilina A. V. Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya [Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium]. *Voprosy psicholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2021, issue 3 (49), pp. 109-147. doi 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147. (In Russ.)
- Kirilina A. V. *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]. Moscow, Political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2004. 252 p. (In Russ.)
- Kuptsova G. I. Otrazhenie sovremenныkh gendernykh reprezentatsiy v semioticheskem landscape Moskvy [Reflection of modern gender representations in the semiotic landscape of Moscow]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2018, vol. 8, issue 6A, pp. 156-164. (In Russ.)
- Kormil'tseva A. L. *Gender vo frazeologii* [Gender in Phraseology]. Yelabuga, Elabuga Institute, 2020. 63 p. (In Russ.)
- Lysikova I. V., Fayzieva G. V. Genezis problematiki gendernykh issledovaniy v lingvistike [Genesis of gender research issues in linguistics]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2023, issue 1(57), pp. 59-65. doi 10.53315/1995-0713-2023-57-1-59-65. (In Russ.)
- Sitnikova I. O., Smolonogina E. A. Vliyanie yazykovoy gendernoy politiki na rechevyyu praktiku v nemetskoyazychnykh stranakh [The impact of language gender policies on speech practices in German-speaking countries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, issue 6 (848), pp. 171-181. doi 10.52070/2542-2197_2021_6_848_171. (In Russ.)
- Syuy Shan'shan'. *Yazykovaya reprezentatsiya gendernykh tsennostey v sovremennom russkom yazyke*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Linguistic representation of gender values in the modern Russian language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2018. 28 p. (In Russ.)
- Ushakin S. A. *Pole pola* [The Field of Gender]. Vilnius, European Humanities University Press, Moscow, Variant Publ., 2007. 320 p. (In Russ.)
- Fedotova T. V., Kulik I. V. Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh [Paradigmatics and pragmatics of feminitives in Russian and English]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2016, issue 28-2, pp. 67-69. (In Russ.)
- Chen Yao. Etnokul'turnye i gendernye stereotipnye predstavleniya ob intellekte: kitajcy i russkie [Ethnocultural and gender stereotypes about intelligence: Chinese and Russians]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 81-95. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-81-95. (In Russ.)
- Alvanoudi A. *Grammatical Gender in Interaction. Cultural and Cognitive Aspects*. Leiden/Boston, Brill, 2015. 180 p. (In Eng.)
- Arpinar-Avsar P., Girgin S., Bulgu N. Lady or woman? The debate on lexical choice for describing females in sport in the Turkish language. *International Review for the Sociology of Sport*, 2016, vol. 51, issue 2, pp. 178-200. doi 10.1177/1012690213519992. (In Eng.)

- Bebout L. Asymmetries in male/female word pairs: A decade of change. *American Speech*, 1995, vol. 70, issue 2, pp. 163-185. doi 10.2307/455814. (In Eng.)
- Haslanger S. Gender and race: (What) are they? (What) do we want them to be? *Noûs*, 2000, vol. 34, issue 1, pp. 31-55. (In Eng.)
- Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, Harper & Row, 1975. 83 p. (In Eng.)
- Nursetova K., Zharkynbekova Sh., Bokayev B., Bokayeva A. Language and gender in political discourse (Mass media interviews). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, vol. 70, pp. 417-422. (In Eng.)
- Schep D. The limits of performativity: A critique of hegemony in gender theory. *Hypatia*, 2012, vol. 27, issue 4, pp. 864-880. (In Eng.)
- Sevim N., Şahinuç F., Koç A. Gender bias in legal corpora and debiasing it. *Natural Language Engineering*, 2023, vol. 29, issue 2, pp. 449-482. doi 10.1017/S1351324922000122. (In Eng.)
- Tannen D. *You Just Don't Understand*. New York, William Morrow, 1990. 330 p. (In Eng.)
- Tsokalidou P. *To Φύλο της Γλώσσας: Οδηγός μη Σεξιστικής Γλώσσας για τον Δημόσιο Ελληνικό Λόγο* [The Gender of Language: A Non-Sexist Language Guide for Public Greek Discourse]. Athens, 1996. 66 p. (In Gr.)
- Triantafyllidis M. «βουλευτίνα» και ο σχηματισμός των θηλυκών επαγγελματικών οντιαστικών [“Congresswoman” and the formation of feminine professional nouns]. *Ἀπαντα*. Τόμος β'. Ερευνητικά Β'. Thessaloniki, Aristotle University of Thessaloniki, Institute of Modern Greek Studies (Manolis Triantaphyllides Foundation), 1963, pp. 326-334. (In Gr.)

Comparative Analysis of the Use of Femininates in the Speech of Bilinguals and Monolinguals (on the Material of Russian and Greek)

Veronika V. Katermina

Professor in the Department of English Philology
Kuban State University, Krasnodar, Russia
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia. veronika.katermina@yandex.ru

SPIN-code: 8749-9598
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>
ResearcherID: L-2817-2017

Olga N. Logutenkova

Senior Lecturer in Russian Literature
Russian School of Paphos (Cyprus)
4, Makedonias st., Paphos, 48010, Cyprus. logutenol@mail.ru

SPIN-code: 7023-2873
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-833X>

Submitted 02 Jun 2024

Revised 26 Nov 2024

Accepted 18 Jan 2025

For citation

Katermina V. V., Logutenkova O. N. Sravnitel'nyy analiz upotrebleniya feminitivov v rechi bilingvov i monolingvov (na materiale russkogo i grecheskogo yazykov) [Comparative Analysis of the Use of Femininates in the Speech of Bilinguals and Monolinguals (on the Material of Russian and Greek)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 47–58. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-47-58. EDN QBDDKF (In Russ.)

Abstract. This research was conducted within the framework of gender linguistics, the main task of which is to study how grammatical categories related to biological sex are reflected in language and affect the perception of men and women in the minds of speakers of a particular language. The research paper focuses on the use of femininates in Russian and Greek among bilinguals and monolinguals. The aim of the

study was to identify trends in the use of feminine correlates of the names of professions and job positions in legal and political fields, as well as to determine the influence of the linguistic environment on the formation of linguistic norms regarding gender terminology. The authors employed an experimental approach based on a comparative analysis of the use of femininatives among Russian-Greek natural bilinguals aged 16-25 living in Cyprus and learning English as a foreign language, and artificial bilinguals, native speakers of Russian/Greek who also speak English. The experiment participants were given English sentences containing professional designations. The task set for them was to translate the sentences in such a way that the agentive subject or addressee was indicated as a female; after that a systematic analysis of the use of femininatives and their derivational models was conducted. This analysis revealed gender asymmetry in both linguistic contexts, reflecting the unequal representation of male and female genders in the linguistic consciousness of the speakers. The main conclusions emphasize the importance of the linguistic environment and cultural factors in shaping gender-specific lexicon used in everyday communication and media, and indicate the presence of interference in the speech of bilinguals.

Key words: bilinguals, femininatives, gender linguistics, androcentricity of language, interference.

УДК 81'44

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-59-68

<https://elibrary.ru/chvefb>

EDN CHVEFB

Классификация песенного дискурса в формальной, функциональной и когнитивной лингвистике

Мальцева Марианна Владимировна

старший преподаватель кафедры иностранных языков,

соискатель кафедры теории и методики перевода

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1. boris22@yandex.ru

SPIN-код: 1312-7844

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6872-0868>

ResearcherID: LMO-8639-2024

Статья поступила в редакцию 01.11.2024

Одобрена после рецензирования 18.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Информация для цитирования

Мальцева М. В. Классификация песенного дискурса в формальной, функциональной и когнитивной лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 59–68.

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-59-68. EDN CHVEFB

Аннотация. Статья посвящена классификации песенного дискурса на основе формального, функционального и когнитивного подходов к анализу дискурса. Целью исследования является обобщение существующих на данный момент типологий дискурса и создание собственной классификации с диверсификацией основных направлений дискурсивного анализа структуралистов и постструктураллистов. Материалом для работы послужили песни в исполнении Э. Прессли в 1950–1970 гг. Методами исследования стали обобщение и классификация на базе структурных и функциональных признаков дискурса. С позиций формализма различают признаки эксплицитности и имплицитности, жанрового, семантического, стилистического и дискурсивного соответствия. Вводится понятие системообразующей метафоры (служащей для парадигмальной связи в дискурсе) и частной метафоры (служащей для синтагматической связи). Типология с точки зрения функционального подхода содержит в себе аспекты и категории, связанные с коммуникативно-прагматическим компонентом дискурса: место, время (синхронность), ход, тональность и способы коммуникации, характеристики и взаимоотношения адресатов и адресантов. Когнитивный подход предполагает типологию: по наличию общепризнанных установок, метанarrативов, концептов и их бинарных оппозиций; связи с ментальными и контекстными моделями, представленными в дискурсе; наличию дискурсивных фреймов, то есть предвосхищений ключевых компонентов (моделей), присущих данному дискурсу; соотнесенности метафор с гештальтами (способами формирования концептов); характеру интердискурсивности. Вводятся диахроматические понятия интердискурсивной интерференции – конгломерата нескольких дискурсов, создающих несогласованный диалог; и интердискурсивной когеренции – сочетания дискурсов в согласованном диалоге.

Ключевые слова: дискурс; песенный дискурс; структурализм; функционализм; когнитивизм; классификация.

Введение

Разнообразие интерпретаций дискурса приводит к разнообразию его таксономий. Из основных подходов к толкованию дискурса следует выделить *формальный, функционально-прагматический и когнитивный*.

К формалистам можно отнести Р. Дули и С. Левинсон, которые классифицируют дискурс по трем основным параметрам: тип содержания дискурса, способ исполнения и модус [Дули, Левинсон 2019]. Ц. Тодоров рассматривает дискурс во взаимосвязи авторских построений и читательского восприятия, объединяя структуристский и функционалистский подходы [Тодоров 1975]. В. И. Карасик строит свою классификацию на основе двух основных типов дискурса: персонального (личностно-ориентированного) и институционального [Карасик 2000]. А. А. Карамова берет за основу классификации дискурса коммуникативное событие и создает типологию дискурса по темам, жанровым критериям, характеру субъекта, временному плану и национально-культурному аспекту [Карамова 2017]. А. А. Кибрик считает, что разнообразие дискурсивной типологии должно строиться на таких параметрах, как модус, жанр, функциональный стиль и стилистическая формальность [Кибрик 2009]. Т. Н. Хомутова предлагает интегральный подход к типологии дискурса с учетом когнитивного, социального, культурного и языкового аспектов [Хомутова 2014]. Л. В. Селезнёва рассматривает таксономию дискурса с точки зрения пресуппозиционного каркаса, состоящего из трех уровней: социального, предметно-жанрового и технического (языкового) [Селезнёва 2015]. По мнению В. Г. Борбелько, дискурс является и фактором речевой деятельности, и процессом отражения окружающего мира в человеческом сознании. Формальное, относящееся только к логике построения фраз, либо прагматическое, сводящее дискурс только к коммуникативной деятельности, описание дискурса не являются в достаточной степени информативными и целостными. Необходим синтез обоих направлений [Борбелько 2011].

В данном исследовании осуществлена попытка выполнить классификацию песенного дискурса на основе трех вышеперечисленных подходов. Теоретической основой для классификации служат исследования В. Н. Бабаяна, В. Г. Борбелько, Т. ван Дейка, Е. В. Белоглазовой, Г. П. Грайса, А. А. Кибрика, Дж. Лакоффа, М. Л. Макарова, М. Ю. Олешкова, К. В. Пантеевой, В. Я. Проппа, Ю. С. Сорокиной, Ц. Тодорова, И. П. Ярославцевой. Материалом для классификации послужили тексты песен в исполнении Э. Прессли и их художественные переводы на русский язык.

Характеристики песенного дискурса

Песенный дискурс характеризуется: высокой степенью метафоричности и имплицитности, главенством просодической составляющей над дискурсивной; более строгой, чем в любом другом художественном дискурсе, структурностью. Песенный дискурс, на наш взгляд, чаще, чем поэтический дискурс, коррелирует с ментальными моделями и дискурсивными фреймами, существующими в определенной культуре, характеризуется более частым наличием диахотомий в идеологемах и нарративах, более строгой, по сравнению с поэтическим дискурсом, соотнесенностью с жанрами. Песенный дискурс, несмотря на то что задействует слуховой канал восприятия, имеет характеристики письменного дискурса, так как базируется на подготовленной речи, которая, в свою очередь, является результатом рефлексии полученного опыта.

Формальный подход

С точки зрения формальной лингвистики песенный дискурс классифицируется следующим образом.

По степени эксплицитности и имплицитности. По определению К. В. Пантеевой, эксплицитный смысл *не может* быть выведен непосредственно из языковых единиц [Пантеева 2020]. Чем больше фрагментов дискурса, содержание которых не эксплицируется, исходя из семантического значения лексем, тем более имплицитным является текст. Следует различать имплицитность, связанную с недостатком фоновых знаний, если речь идет о текстах отдалённой эпохи, текстах на иностранном языке или текстах, описывающих специфические для определенной культуры события; и имплицитность, связанную с авторской метафоризацией. Другими словами, по классификации Г. П. Грайса, имплицитные фрагменты могут содержать либо конвенциональные, либо коммуникативные импликатуры.

Коммуникативные импликатуры проявляются при нарушении так называемого «принципа кооперации», гласящего, что высказывание: должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для адекватного понимания; должно быть истинным и обоснованным; должно быть понятным, кратким, однозначным и организованным. Использование иронии, метафоры, литоты или гиперболы и других средств неоднозначности говорит о наличии коммуникативной импликатуры. По мнению Г. П. Грайса, «коммуникативная импликатура должна быть выводимой, потому что если наличие импликатуры достигается интуитивно, но не может быть логически выведено, то такая импликатура (если она есть) будет считаться конвенциональной, а не коммуникативной» [Грайс 1985: 227].

А. Киклевич придерживается мнения, что все коммуникативные импликации имеют конвенциональный характер, но выводимые из импликаций сведения – импликаты – являются либо семантическими (контекстно обусловленными), либо прагматическими (обусловленными намерением говорящего) [Киклевич 2022]. В случае песенного дискурса иллокуции и автора, и исполнителя имеют ключевое значение, разница заключается в том, что конвенциональная импликатура содержит информацию, которую можно понять на основе того, что спето, коммуникативная – на основе того, как спето.

По степени жанрового и дискурсивного соответствия. Существуют произведения, выбирающиеся из общепринятого на определенный момент представления о законах жанра. Примером тому служит песня “Heartbreak hotel” (Т. Дерден, М. Б. Экстон) в исполнении Э. Пресли, знаменующая начало эпохи рока, не относящаяся ни к одному из существующих в 1950-е гг. музыкальных жанров и значительно отличавшаяся по музыкальному и дискурсивному построению. Степень приближенности к характеристикам определенного жанра служит критерием для классификации по данному аспекту.

По стилистическим средствам, а именно по категориям:

1. *Конкретности и абстрактности, то есть по степени применения средств непрямой номинации и семантической абстракции.* Примером максимальной степени конкретности может служить текст песни “Guitar man” (Дж. Р. Хаббард), написанной в нарративном стиле и повествующей о путешествии музыканта по американскому Югу в поисках работы. Примером максимальной степени абстрактности – текст песни “The edge of reality” (Б. Баум, Б. Джайант, Ф. Кай). Ниже дан фрагмент текста и перевод:

*I walk along a thin line darling // Dark shadows follow me // Here's where life's dream lies disillusioned // **The edge of reality.** – Иду по лезвию я бритвы, // А тени позади // Здесь, где мечты лежат разбиты, // **На грани реальности.** (Здесь и далее перевод наш. – М. М.)*

В примере осуществляется замена объекта – чувства страха и неуверенности идеализированным абстрактным понятием – гранью реальности.

2. *Фигуративности, то есть наличия в тексте стилистических фигур.* В данной категории следует различать наличие *системообразующей* метафоры, на которой основывается парадигмальный смысл дискурса, и *частных* метафор, служащих синтагматической связи. К примеру, в тексте песни “Summer kisses, winter tears” (Б. Вайсман, Ф. Вайс и Дж. Ллойд) имеются слова:

Summer kisses, winter tears, // That was what she gave to me. // Never thought that I'd travel all alone // The trail of memories... Summer kisses, winter tears, // Like the stars they fade away // Leaving me to spend my lonely nights // With dreams of yesterday. – Ностальгия по любви // От неё осталась мне // По тропе воспоминаний // Брошу один во тьме... Угасает, как звезда, // Ностальгия по тебе. // Будет ночь, и снова вспомню я, // О былом в моей судьбе.

Метафора *summer kisses, winter tears* является системообразующей, или дискурсообразующей, поскольку формирует базовый концепт дискурса – ностальгию. Метафоры: *the trail of memories, they (kisses and tears) fade away, my lonely nights* служат для синтагматики дискурса. Согласно Ю. С. Сорокиной, все фразеологические единицы в песенном дискурсе участвуют в создании когерентности на структурном, семантическом и коммуникативном уровнях [Сорокина 2023], тем не менее для правильной интерпретации текста необходимо различать оба типа метафор, поскольку системаобразующая метафора содержит значительно больше информации, нежели частная.

3. *Интертекстуальности*, то есть степени наличия референций к иным текстам. Отсутствие аллюзий и референций свидетельствует о монотекстуальности. Естественно, любой текст содержит определенные референции к предыдущим произведениям, но в данном исследовании речь идет о явных референциях. Например, в песне “If I can dream” (Э. Браун) наличествует референция к вашингтонской речи Мартина Лютера Кинга 1963 г., получившей впоследствии название “I have a dream”:

*There must be peace and understanding sometime // Strong winds of promise that will blow away // All the doubt and fear // **If I can dream** of a warmer sun // Where hope keeps shining on everyone // Tell me why, oh why, oh why won't that sun appear (“If I can dream”). – Будет и мир, и согласие когда-то. // Ветер пророчеств страху унесёт // И сомнений слой. // Раз могу я мечтать о звезде, // Что надежду дарит всем и везде, // Объясни, почему б не родиться звезде такой?*

I have a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed. We hold these truths to be self-evident that all men are created equal (фрагмент речи М. Л. Кинга) (King, 1963). – **Я мечтаю о том**, что однажды наш народ встанет во весь рост и будет жить согласно истинному значению своей веры. **А верим мы беззаветно в то, что все на этой земле рожденены равными.**

Песня была написана через несколько месяцев после гибели М. Л. Кинга и является посвящением этому политическому и религиозному деятелю.

лю. Об этом свидетельствуют не только стилистические анафоры *If I can dream* и *I have a dream*, но и основной посыл текста песни.

4. *Модальности и экспрессивности*, то есть наличия сведений об отношении автора к содержанию и участникам коммуникативного акта. Категория модальности достаточно широко представлена в лингвистике и имеет хорошо разработанную классификацию. В рамках данного исследования используется такая категория модальности, как *явно выраженная модальность* (объективная), эксплицированная в дейксисах и глагольных формах; например, в песне “Tomorrow never comes” (Э. Табб, Дж. Бонд):

Oh, you tell me that you love me, // Yes, you tell me that you care, // That tomorrow we'll be married, oh. // But tomorrow's never there. – Говоришь мне, что ты любишь, // Любишь страстно, глубоко, // Под венец пойдём мы завтра. // Где же завтра? Нет его.

Выделенные слова направляют, какова целевая установка автора. В случае *имплицитно выраженной модальности* (субъективной) отношение автора к содержанию высказывания осуществляется в парадигме всего дискурса или фрагмента дискурса, к примеру, в песне “Solitaire” (Н. Седаков, Ф. Коди) автор завуалированно высказывает суждение о пассивном поведении героя, который проживает остаток дней, раскладывая пасьянс:

While life goes on around him everywhere // he's playing solitaire. – Вокруг бушует жизнь, другим давая шанс, // Он собирает свой пасьянс.

По семантическому аспекту, а именно по категориям:

1. *Модуса*, то есть степени точности, с которой описываются события, и полноты раскрытия событий. Точность и полнота обусловлены в первую очередь субъектом, от лица которого изложены действия. К примеру, в песне “Guitar man” повествование идет от первого лица, в песне “Solitaire” – от лица стороннего наблюдателя (автора). Также имеет значение погруженность в детали описываемого события. Например, в песне “Kentucky rain” (Э. Рэббит, Д. Хёрд) экспозиция описывается сухо, крупными мазками и без погружения в детали:

Seven lonely days, // and a dozen towns ago, // I reached out one night // And you were gone. – Тому назад семь дней // И двенадцать городов // Меня вдруг встретил дом наш // Пустотой.

В песне “The sound of your cry” (Б. Баум, Б. Джайант) автор проживает событие через упоминание незначительных деталей, не только демонстрирующих дейксис героя повествования, но и выполняющих эмотивную функцию:

The clock by the bed is ticking too loud in the quiet night. I lie in the darkness thinking I must go before it's light. – Секунды бегут сквозь сумрак // Так громко в безмолвный час. // Лежу в темноте в раздумьях, // Что должен уйти сейчас.

2. *Времени*, то есть порядка построения событий в дискурсе, включая перспективные и ретроспективные изменения хронологической логики, элементы рассуждения при описании события – экзистенцию, либо, наоборот, эллипсис – опускания события; а также частоту итераций при обращении к событию. Итерация – это воспроизведение в дискурсе ряда (повторяющихся) действий через временной интервал для создания единого представления о событии [Ясаи 2022]. К примеру, в песне “It's easy for you” (Э. Л. Уэббер) автор не упоминает о расставании с любимой, но данный факт подразумевается (эллипсис). В то же время автор всё время возвращается к моменту, когда из-за адюльтера он бросил семью, и проживает это событие заново (итерация):

I had a wife and I had children, // I threw them all away. – Моя жена и мои дети – я их посмел предать.

I found it hard to leave them. // Saddest thing I ever had to do. – Когда мне пришлось их покинуть, // Больнее не было ничего.

3. *Точки зрения*, то есть читательской и авторской аксиологической оценки. В эту категорию входит как само наличие авторских оценочных суждений, так и то, насколько автор вовлечен в процесс манипулирования читательским мнением. К примеру, в песне “The girl of my best friend” (С. Бобрик, Б. Росс) автор описывает влюбленность в девушку лучшего друга и представляет реципиенту самому судить об этичности данного чувства:

How long can I pretend! // Oh, I can't help I'm in love // With the girl of my best friend. – Таить в себе трудней всего, // Что я не в силах побороть любовь // К девочонке друга моего.

В песне “My boy” (Ж. Бурте, К. Франсуа) автор описывает ситуацию, когда вынужден жить с нелюбимой женщиной ради сына, и не оставляет сомнений в нравственности своего поступка:

Because you're all I have, my boy! You are my life, my pride, my joy. And if I stay, I stay because of you, my boy. – Ведь для меня ты всё, малыши, // Гордость моя, восторг и жизнь. // Ради тебя я остаюсь, о, мой малыши.

По структуре построения текста, а именно по категориям:

1. *Логико-временной структуры*, то есть структуры повествования на основе: а) причинно-следственной связи, б) состояния – экзистенции, в) устойчивой идеологемы. Примером при-

чинно-следственной связи может служить песня “Guitar man”: события «нанизываются» одно на другое в хронологическом порядке и приводят к определенному итогу – герой находит работу. Примером экзистенции может стать песня “The sound of you сту” (В. Баум, Б. Джайант): герой, вынужденный покинуть любящую женщину, испытывает душевный надрыв, структура дискурса напоминает конус – от описания незначительных деталей окружающего пространства к эмоциональной кульминации. Примером повествования на основе идеологемы может стать госпел “Peace in the valley” (Т. Э. Дорси), в котором, как в большинстве песен этого жанра, структура от описания трудности жизни на земле переходит к прославлению грядущего бессмертия, составляя дихотомию: страдания здесь и сейчас – радость и мир потом:

There will be peace in the valley for me, some day // There will be peace in the valley for me, oh, Lord, I pray // There'll be no sadness, no sorrow // No trouble, trouble I see // There will be peace in the valley for me, for me. – Мир и покой ожидают меня, я потерплю. // Мир и покой да пребудут во мне, Господь, я молю. // Не будет ни тягот, ни горя, // Ни бедствий, ни слёз, знаю я. // Будет покой в той долине для меня, для меня.

2. *Пространственно-ритмической структуры*. Это традиционная поэтическая структура, в которой каждый элемент составляет единую систему, основанную на параллелизме и симметрии. В отличие от поэтического монологического дискурса, в песенном дискурсе наиболее важную роль играют просодический и музыкальный аспекты. В данных аспектах наибольший интерес представляют элементы, маркирующие обманутые ожидания слушателя. Например, в песне “My happiness” (Б. Бергантин) четырехстопный хорей заканчивается одностопным дактилем, создавая элемент неожиданности и придавая произведению особую структуру:

Evening shadows make me blue // When each weary day is through // How I long to be with you // My happiness. – Вновь с вечернейю тоской // Исчезает день пустой. // Как хочу я быть с тобой, // Счастье моё!

3. *Структуры эпизодов, мотивов/функций*. Мотивы, как и в классификации В. Я. Проппа, – это побуждения и основания деятельности того или иного персонажа в развитии [Пропп 2001]. Эпизодами в структуре песенного дискурса могут служить куплеты, в каждом куплете есть ядерная конструкция, в совокупности эпизоды образуют ядерную структуру дискурса. К примеру, в старинной ирландской песне “Danny boy” (Ф. Визерли) структура мотивов героини выглядит следующим образом: в первом эпизо-

де/куплете девушка провожает любимого на войну; во втором – заверяет, что будет ждать его; в третьем – предполагает, что может умереть, не дождавшись; в четвертом – просит прочесть молитву над ее могилой и выражает уверенность, что будет ждать его в загробном мире. Ядерный смысл текста – это преданность, символизирующая родную землю, за которую Дэнни идет бороться и которую попирают захватчики. Структура эпизодов развертывается в соответствии с логикой большинства песен военно-патриотического дискурса подобной тематики: проводы на войну – уверения в верности – просьба вернуться домой.

4. *Структуры восприятия положения дел персонажами*. Перед читателем/слушателем раскрывается полная картина повествования по мере того, как персонажи создают собственную действительность, узнают или осознают новые факты, меняют свое отношение к ним и т. п. Например, в песне “Twenty days and twenty nights” (Б. Вайсман, К. Вэстлэйк) герой бросает любимую, уезжает в большой город в поисках себя, но потом осознает, что город не может дать ему то, о чем он мечтал, что его побег был глупостью, и герой скучает по любимой. Положение дел развертывается посредством рефлексии персонажа:

It's taken twenty days and twenty nights to prove me wrong and make her right. Twenty days and twenty nights I was wrong and she was right, all along. – В те двадцать дней и ночей, // Я понял, что нуждался в ней. // Двадцать дней и ночей // Я был не прав, она мудрей // Меня во всём.

Функциональный подход

Функциональный подход к дискурсу включает в себя аспекты, объясняющие реализацию в дискурсе языковых функций. Дискурс выступает не только как результат коммуникации, то есть получившийся текст, но и как процесс коммуникации. Процесс описывается на основе следующих компонентов: **место, время (синхронность), ход, тональность и способы коммуникации, характеристики и взаимоотношения адресатов и адресантов**. Экспликация данных компонентов дает картину парадигмальных связей, необходимых для понимания всего дискурса. Например, в песне “Are you lonesome tonight” (Р. Тёрк, Л. Хэдмэн) фрагмент *Is your heart filled with pain? Shall I come back again?* дает двоякое представление о том, к кому обращены слова *Shall I come back again?* Изначально представляется, что они являются обращением адресанта к адресату: «Может мне вернуться?», однако анализ всего текста говорит об обратном благодаря последующим разъяснениям:

Now the stage is bare, // And I'm standing there // With emptiness all around. // And if you don't come back to me, // Then they can bring // The curtain down. – И вот один // На сцене я стою, // И пусто, словно целый мир исчез. // И если ты не хочешь возвращаться, // Тогда пусть // Опускают занавес.

Таким образом, выясняется, что адресант находится на условной сцене, вспоминая о взаимоотношениях с адресатом, и представляет в своем воображении, что именно адресат мысленно задает себе данный вопрос:

Is your heart filled with pain? Shall I come back again? – Может (у тебя) сердце болит, «Возратись!» – говорит?

Таким образом, благодаря корректной экспликации места действия значение дискурса интерпретируется правильно.

Когнитивный подход

Когнитивный подход к дискурсу предполагает следующую классификацию.

По наличию общепризнанных установок, метанarrативов, концептов и их бинарных оппозиций. Например, в песне “Do you know who I am” (Б. Рассел) можно выделить три концептуальные оппозиции: расставание – встреча, отчаяние – надежда, прошлое – будущее. В песне “Memories” (Б. Стрендж, М. Дэвис) – прошлое (молодость, любовь) – настоящее (воспоминание, осень). В госпеле “Saved” (Дж. Либер, М. Столлер) – греховность – спасение. Выявление концептов и оппозиций необходимо для точного и полного понимания содержательного аспекта дискурса и при трактовке позволяет соотнести тексты с определенным стилистическим решением.

По соотнесенности с ментальными моделями, репрезентированными в дискурсе. В данном аспекте принципиальное значение имеют этнолингвистические различия, представленные в дискурсе, объясняющие несходство в восприятии окружающего мира в разных культурах. К примеру, несмотря на универсальность, концепт «патриотизм» в песенном дискурсе может быть представлен по-разному: в советской песне «Летят перелётные птицы» (М. Исаковский, М. Блантер) основная мысль гласит: «Я остаюсь на родной земле несмотря ни на что», в американской “I've never been to Spain” (Х. Акстон), – «У нас есть всё то, что есть в Европе, только лучше, поэтому нет смысла куда-то ехать». В концепте «измена в любви» характерны сравнения ментальных моделей, выраженных в англоязычной композиции “It's easy for you” (Э. Л. Уэббер), и советской песне «Огней так много золотых» (К. Молчанов, Н. Доризо). Как

правило, и в советском, и в американском песенных дискурсах женская измена подвергается осуждению и самоосуждению; мужская измена в американском дискурсе часто репрезентирована в модели сочувствия и понимания, в советском – в контексте осуждения.

По наличию дискурсивных фреймов. Согласно Т. В. Романовой, фрейм – это организация представлений, хранимых в памяти, плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическое осуществление) [Романова 2022]. На уровне текстов и дискурсов фрейм расширяется до предвосхищений ключевых компонентов (моделей), присущих данному дискурсу. В большинстве баллад о любви и разлуке, таких как, к примеру, “Unchained melody” (А. Норт, Х. Зарет), в качестве вступления или сравнения с состоянием героев происходит обращение к силам природы:

Lonely rivers flow // To the sea, to the sea, // To the opened arms of the sea. // Lonely rivers cry, // “Wait for me, wait for me, // I'll be coming home, // Wait for me”. – К морю реки льнут, // Одинокие льнут, // Жизнь в объятья моря стремя. // И они зовут: // «Жди меня, жди меня, // Я вернусь домой, // Жди меня!».

Структура фрейма данного дискурса выстраивается по определенному фрейму: экспозиция (обращение к природным силам) – взгляд в прошлое – ожидание будущего.

По контекстным моделям. Действие этих моделей показывает, как семантика слова, клаузы, синтагмы или предложения может изменяться в зависимости от обстановки, мировоззрения участников, их ролей в данной ситуации, отношений между ними, осуществляемых ими акта социального взаимодействия, а также их намерений и целей, молчаливого присутствия участников коммуникации и т. д. [van Dijk 2014; Бабаян 2023]. В песенном дискурсе, относящемся в основном к монологическому дискурсу, контекст выражается стилистически. Например, в песне «You gave me a mountain» (М. Роббинс) лексема *mountain* относится к контекстной модели «невозможность преодолеть», поэтому интерпретируется как «голгофа»; в песне “Stay away” (С. Таппер, Р. Беннет) та же лексема относится к контекстной модели «высокая» и, соответственно, интерпретируется как «вершина»:

*But this time, Lord, you gave me a mountain, // a mountain you know I may never climb. // It isn't just a hill any longer, // You gave me a **mountain** this time (“You gave me a mountain”) – Теперь же ты дал мне вершину, // Что не одолеть в этот раз. // И это не холм и не взгорье, // Ты дал мне **голгофу** сейчас.*

My dreams are there where the eagle flies, // Where the mountain tops seem to touch the sky. // The winding streams and the winds that blow // Ask me, "How can I stay away" ("Stay away") – Я хочу туда, где орлы парят, // И вершины гор с небом говорят, // Где звенят ручьи и ветра поют: // «Ну когда ты вернешься домой?»

По соотнесенности метафор с гештальтами (способами формирования концептов). Практически любой песенный текст характеризуется метафоричностью, однако речь в данном аспекте идет не о делении метафор на дискурсообразующие и частные, фокус внимания нацеливается на способ создания метафоры, определение которого дает ключ к пониманию дискурса. Песня, будучи процессом рефлексии, позволяет анализировать и структурировать полученный опыт и создавать элементы семиотической реальности, которые, в свою очередь, становятся основой для формирования нового дискурса. Согласно теории Дж. Лакоффа, лишь познавая и принимая чужой способ создания концептов, можно добиться высокого уровня объективности в толковании иноязычной культуры [Лакофф, Джонсон 2004]. К примеру, в песне “US male” (Дж. Рид) выражение *stock it on me* изначально использовалось для обозначения удара кулаком (*stock* – удар, ударить) и со временем стало относиться к действию, которое человек осуществляет с энтузиазмом и пылом. Фраза стала популярной, перейдя из боксерской лексики в комедийный дискурс (US Dictionary). В шутливой песне “US male” эта фраза, звучащая из уст американского патриота-реднека, приобрела значение: «если бросишь мне вызов, то предупреждаю, я тебя накажу». Спортивные метафоры в американской культуре часто преподносятся как способ акцентировать маскулинность в юмористическом ключе. Знание о том, каким способом и в каком контексте формировалась метафора, дает полное понимание содержания дискурса и позволяет выбрать правильные стилистические приемы для перевода. В данном контексте фразу можно перевести как: *заруби себе на носу*.

В песне “Saved”, исполняемой от лица раскаившегося грешника, метафора *danced the hoochy-coo*, переводимая как «танцевал хучи-ку (провокационный сексуальный танец)» имеет коннотацию «вел беспутную жизнь». В песне “Pieces of my life” (Т. Силс) значение метафоры *carrying on* относится к понятию «крутить романы». В первом случае в процессе самообличения грех гиперболизируется и используется сильная метафора, связанная с физическим проявлением беспутства, во втором – в сходной коммуникативной ситуации (оба автора раскаиваются в прошлых грехах) применяется нейтральное выраже-

ние, поскольку речь идет не о противопоставлении греха и святости, как в песне “Saved”, а о сожалении о бесцельно прожитой жизни.

По характеру интердискурсивности. Считается, что интердискурсивность приобретает большое значение в постструктуральной парадигме, в культуре постмодерна, в рамках которой устойчивые структуры, в том числе дискурсивные, подвергаются пересмотру и смешиванию. Тем не менее первые примеры интердискурсивности можно обнаружить в первую очередь в структуральных работах. Анализ волшебных сказок В. Я. Проппа является примером того, как художественный дискурс объясняется дискурсом математики, создавая новую научно-культурную парадигму.

По мнению Е. В. Белоглазовой, дискурсы вступают в диалог, как единства определенного содержания и соответствующих форм выражения, закрепленные в текстовой практике, маркерами интердискурсивности выступают «прототипические, ядерные элементы концептуального или языкового плана дискурса» [Белоглазова 2009: 69]. В данном аспекте стоит выделить две категории: 1) *интердискурсивная когеренция*, создающая согласованный диалог дискурсов, как, например, в тексте песни “If I can dream”, состоящей из элементов патриотического и религиозного дискурсов, формирующих целостное дискурсивное пространство, не вызывающее обманутых ожиданий; 2) *интердискурсивная интерференция*, при которой диалог дискурсов не всегда находится в состоянии согласованности, поскольку отражает разные, иногда противоположные общественные ожидания и, как итог, либо отторжение, либо новое семиотическое переосмысление дискурсов [Мальцева 2024]. Примером интерференции может стать песня “Hound dog”, исполненная Э. Пресли на американском телевидении в июне 1956 г. и вызвавшая скандал, поскольку изначально блюзовая композиция о незадачливом ухажере в новой интерпретации Э. Пресли с использованием рок-н-рольного ритма стала большой неожиданностью для американского зрителя.

Выводы

Таким образом, в данном исследовании предпринята попытка создать классификацию песенного дискурса на основе формального, функционального и когнитивного подходов. Классификация основана на таких аспектах, как наличие/отсутствие импликатур, соответствие/несоответствие жанровой диверсификации, конкретность/абстрактность использованных в дискурсе идей, наличие системообразующих/частных метафор, степень интертекстуальности/монотекстуальности текста, степень вовлеченности/ от-

странныности автора по отношению к описываемым событиям, выраженных в категориях модуса, времени, точки зрения. Классификация в рамках функционального подхода, основанная на теории речевых актов и ориентированная на прагматику коммуникации, достаточно хорошо разработана в предшествующих исследованиях, поэтому дана вкратце. Классификация на базе когнитивного подхода осуществлена: по наличию общепризнанных установок, метанarrативов, концептов и их бинарных оппозиций; соотнесенности с ментальными и контекстными моделями, представленными в дискурсе; наличию дискурсивных фреймов, то есть предвосхищений ключевых компонентов (моделей), присущих данному дискурсу; соотнесенности метафор с гештальтами (способами формирования концептов); характеру интердискурсивности – согласованному и несогласованному диалогу дискурсов, то есть по наличию интердискурсивной когеренции и интердискурсивной интерференции.

Список источников

Мальцева М. Переводы песен. URL: https://lyrsense.com/authors/marianna_malceva?date (дата обращения: 20.10.2024)

Stock it on me: Definition, Meaning and Origin. US Dictionary. Last updated on November, 5, 2023. URL: <https://usdictionary.com/idioms/sock-it-to-me/#:~:text=%22Sock%20it%20to%20me%22%20is,and%20music%20of%20the%20era> (дата обращения: 08.10.2024)

King M. L. Видеозапись Вашингтонской речи 28.08.1963. URL: https://vk.com/video-2414063_456239019 (дата обращения: 11.10.2024).

Список литературы

Бабаян В. Н. Молчаний наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 34–43. doi 10.46726/H.2023.2.4

Белоглазова Е. В. Полидискурсность как особый исследовательский фокус // Известия СПбГЭУ. 2009. № 3. С. 66–71.

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: ЛиброКом, 2011. 288 с.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Дули Р., Левинсон С. Анализ дискурса: базовые понятия. М.: Ин-т перевода Библии, 2019. 168 с.

Карамова А. А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 361–370.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкоznания. 2009. № 2. С. 3–21.

Киклевич А. Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. №1. С. 139–161.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мальцева М. В. Интертекстуальность и интердискурсивность англоязычного песенного дискурса в прагматике перевода (на материале песен в исполнении Э. Прессли) // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка: сб. материалов международ. науч. конф. / под науч. ред. В. Н. Бабаяна. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. С. 110–123.

Пантеева К. В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 125–133. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-125-133>.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстолог. ком. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Романова Т. В. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учеб. пособие / под общ. О. Н. Колчина, В. А. Куликова, А. Ю. Хоменко, ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород: Деком, 2022. 216 с.

Селезнёва Л. В. Pr-дискурс в рамках таксономии дискурсов // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 56–62.

Сорокина Ю. С. Опыт описания когерентных функций фразеологических единиц в текстах современных песен поп-жанра // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 2. С. 109–117. doi 10.18384/2310-712X-2023-2-109-118

Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М.: Прогресс, 1975. С. 37–113.

Хомутова Т. Н. Типология дискурса: интегральный подход // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 14–18.

Ясаи Л. К вопросу о выражении итеративности в русском языке // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2022. Vol. 11. № 1. С. 305–329. doi 10.31168/2305-6754.2022.11.1.12

van Dijk T. A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. London: Cambridge University Press, 2014. 407 p.

References

- Babayan V. N. Molchashchiy nablyudatel' kak produtsent dialogicheskogo diskursa tertiarnoy rechi [A silent bystander as a tertiary dialogical discourse producer]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], 2023, vol. 2, pp. 34-43. doi 10.46726/H.2023.2.4. (In Russ.)
- Beloglazova E. V. Polidiskursnost' kak osobyy issledovatel'skiy fokus [Polydiscourse as a special research focus]. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics], 2009, vol. 3, pp. 66-71. (In Russ.)
- Borbot'ko V. G. *Printsypr formirovaniya diskursa: ot psicholingvistiki k lingvosinergetike* [The Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguosynergetics]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 288 p. (In Russ.)
- Grays G. P. *Logika i chechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], 1985, vol. 16, pp. 217-237. (In Russ.)
- Duli R., Levinson S. *Analiz diskursa: bazovye poniyatiya* [Discourse Analysis: Basic Concepts]. Moscow, Institute for Bible Translation Publ., 2019, 168 p. (In Russ.)
- Karamova A. A. Tipologicheskiy aspekt diskursa [The typological aspect of discourse]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2017, vol. 7, issue 1A, pp. 361-370. (In Russ.)
- Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the Types of Discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]: a collection of scientific works. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5-20. (In Russ.)
- Kibrik A. A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2009, issue 2, pp. 3-21. (In Russ.)
- Kiklewick A. Tipologiya pragmaticsikh implikatsiy s tochki zreniya vzaimodeystviya mezhdunarodnoy pragmatikoy i semantikoy [Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics]. *Russian Journal of Linguistics*, 2022, vol. 1, pp. 139-161. (In Russ.)
- Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live by]. Transl. from English, ed. and pref. by A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)
- Mal'tseva M. V. Intertekstual'nost' i interdiskursivnost' angloyazychnogo pesennogo diskursa v pragmatike perevoda (na materiale pesen v ispolnenii E. Presli) [Intertextuality and interdiscursivity of the English-language song discourse in the pragmatics of translation (based on songs performed by E. Presley)]. *Aktual'nye problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya inostrannogo jazyka* [Problems of Theory, Practice and Methodology of Teaching Foreign Languages]: a collection of scientific works of the international scientific conference. Ed. by V. N. Babayan. Yaroslavl, 2024, pp. 110-123. (In Russ.)
- Panteeva K. V. Ponyatiya eksplitsitnosti i implitsitnosti v kontekste kategorii otsenochnosti (na materiale britanskogo sportivnogo diskursa) [The concepts of explicitness and implicitness in the context of the category of evaluativeness (based on the material of the British sports discourse)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istochniki, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 2020, vol. 26, issue 1, pp. 125-133. doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-125-133. (In Russ.)
- Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [The Morphology of a Fairy Tale]. Ed., comm. by I. V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)
- Romanova T. V. *Proektnyy slovar' - spravochnik kognitivnykh terminov* [A Project Reference Dictionary of Cognitive Terms]: a textbook. Ed. by O. N. Kolchin, V. A. Kulikov, A. Yu. Khomenko, T. V. Romanova. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2022. 216 p. (In Russ.)
- Selezneva L. V. Pr-diskurs v ramkakh taksonomii diskursov [Ps-discourse within the taxonomy of discourses]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2015, issue 1(18), pp. 56-62. (In Russ.)
- Sorokina Yu. S. Opyt opisaniya kogerentnykh funktsiy frazeologicheskikh edinits v tekstakh sovremennoy pesen pop-zhanra [An overview of describing coherent functions of phraseological units in modern pop song lyrics]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki* [Key Issues of Contemporary Linguistics], 2023, issue 2, pp. 109-117. doi 10.18384/2310-712X-2023-2-109-118. (In Russ.)
- Todorov Ts. Poetika [Poetics]. *Strukturalizm: 'za' i 'protiv'* [Structuralism: 'For' and 'Against']. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 37-113. (In Russ.)
- Khomutova T. N. Tipologiya diskursa: integral'nyy podkhod [Typology of discourse: An integral approach]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Yugra State University Bulletin. Series: Linguistics], 2014, issue 2, pp. 14-18. (In Russ.)
- Jászay L. K voprosu o vyrazhenii iterativnosti v russkom jazyke [On the Problem of Iterative Action of the Russian Verb] *Slověne = Slovâne. International Journal of Slavic Studies*, 2022, vol. 11, issue 1. doi 10.31168/2305-6754.2022.11.1.12. (In Russ.)
- van Dijk T. A. *Discourse and Knowledge. A Socio-cognitive Approach*. London, Cambridge University Press, 2014. 407 p. (In Eng.)

Classification of Song Discourse in Formal, Functional, and Cognitive Linguistics

Marianna V. Maltseva

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages

Research Degree Applicant at the Department of Translation Theory and Methodology

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

108/1, Respublikanskaya st., Yaroslavl, 15000, Russia. bori22@yandex.ru

SPIN-code: 1312-7844

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6872-0868>

ResearcherID: LMO-8639-2024

Submitted 01 Nov 2024

Revised 18 Jan 2025

Accepted 30 Jan 2025

For citation

Maltseva M. V. Klassifikatsiya pesennogo diskursa v formal'noy, funktsional'noy i kognitivnoy lingvistike [Classification of Song Discourse in Formal, Functional, and Cognitive Linguistics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 59–68. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-59-68. EDN CHVEFB (In Russ.)

Abstract. The paper presents a classification of song discourse created on the basis of the formal, functional, and cognitive approaches to discourse analysis. The author explores existing discourse typologies and creates her own classification using the diverse discourse analysis studies by structuralists and poststructuralists. The text used as a source in the study are lyrics of songs performed by Elvis Presley in the 1950s – 1970s. The methods employed are synthesis and classification on the basis of structural and functional features of discourse. According to the formal approach, there are distinguished features of explicitness and implicitness, genre, semantic, stylistic, and discursive correspondence. The study introduces the concept of a system-forming metaphor (serving for a paradigmatic connection in discourse) and a local metaphor (used for a syntagmatic connection). According to the functional approach, the typology comprises aspects and categories related to the communicative-pragmatic component of discourse: place, time (synchronicity), progress, tonality and methods of communication, characteristics and relationships of addressees and addressers. The cognitive approach provides a typology based on the following: the presence of generally recognized attitudes, meta narratives, concepts, and their binary oppositions; the peculiarities of mental and context models represented in discourse; the presence of discursive frames, i.e., anticipations of key components (models) inherent in this discourse; the relationship between metaphors and gestalts (ways of forming concepts); the nature of interdiscursivity. The study introduces dichotomous concepts of interdiscursive interference (a conglomerate of several discourses creating an uncoordinated dialogue) and interdiscursive coherence (a combination of discourses in a well-coordinated dialogue).

Key words: discourse; song discourse; structuralism; functionalism; cognitivism; classification.

УДК 811.511.13'36

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-69-77

<https://elibrary.ru/enrdro>

EDN ENRDRO

Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина

Пантиухина Татьяна Владимировна

соисполнитель кафедры общего и финно-угорского языкознания

Удмуртский государственный университет

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1. tatyana@udvu@yandex.ru

заведующий отделом библиотечных и архивных фондов

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

426067, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

SPIN-код: 4337-1615

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0260-0313>

Статья поступила в редакцию 21.09.2024

Одобрена после рецензирования 11.11.2024

Принята к публикации 11.12.2024

Информация для цитирования

Пантиухина Т. В. Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 69–77.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-69-77. EDN ENRDRO

Аннотация. В статье рассматриваются оригинальные падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица, единственного и множественного числа, зафиксированные в труде Михаила Алексеева Мышкина «Краткой отяцкія грамматики опыть» (конец 1770-х гг.). В пределах небольшого языкового ареала (с. Укан и близлежащие деревни) были распространены три варианта инструменталия единственного числа, косвенные формы личных местоимений множественного числа образованы по «шаблону» коми языков – от основ генитива. В работе анализируются вопросы о причинах появления такого разнообразия падежных форм и о том, являются ли отгенитивные формы заимствованиями из близкородственных языков. В ходе исследования проводился морфологический и сравнительно-исторический анализ падежных форм, были привлечены примеры из коми-пермяцкого и коми-зырянского языков. Для выявления интенсивности межъязыковых контактов проводился анализ публикаций, посвященных изучению топонимов в частности и межэтнических контактов в целом. По результатам работы высказано предположение, что варианты инструменталия единственного числа: с суффиксами простого и притяжательного склонения и дублированным суффиксом – могли появиться в силу миграционных процессов внутри удмуртского этноса. Обнаружено, что отгенитивные падежные формы личных местоимений множественного числа не могут быть заимствованием, так как на данный момент исторические и лингвистические исследования не подтверждают существования настолько тесных и длительных контактов между носителями удмуртского и коми языков, чтобы могла заимствоваться такая консервативная часть грамматики, как падежные формы личных местоимений. Архаичные формы могут являться либо подтверждением идеи об ареальных и ареально-генетических связях между близкородственными народами, либо собственно удмуртским диалектным явлением, уходящим корнями в общепермский язык.

Ключевые слова: диалектные грамматические особенности; вариативность падежных форм; архаизмы; удмуртский язык.

Введение

«Краткой отяцкія Грамматики опыть» Михаила Алексеева Мышикина, священника Введенской церкви с. Укан Глазовского уезда Вятской провинции, является второй по счету грамматикой удмуртского языка, созданной в последней четверти XVIII в. Рукопись ждала своей публикации более двух столетий. Из-за ошибки в прочтении фамилии больше века авторство приписывали никогда не существовавшему священнику с. Укан Михаилу Могилину. Именно под данной фамилией в 1998 г. труд и вышел в свет. Лишь в 2015 г. историком В. С. Чураковым было возвращено истинное имя создателя грамматики и установлена более точная дата ее написания – конец 1770-х гг. вместо обозначенного в издании 1786 г. [Чураков 2015; 2016a].

В грамматике М. А. Мышикина отражены особенности речи северных удмуртов и частично бесермян. Говоры с. Укан и близлежащих населенных пунктов по современной классификации входят в состав ярского говора среднечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2020: 11] и ворцинского говора бесермянского наречия [Люкина 2016: 12]. Краткая характеристика диалектного своеобразия грамматики была представлена Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965: 290–291], однако морфологические особенности касаются лишь глагольных суффиксов.

Целью статьи является анализ оригинальных вариативных форм личных местоимений с точки зрения структуры, который дает возможность реконструировать исчезнувшие системные связи. Новизна исследования обусловлена тем, что выдвинуты версии их возникновения и эволюции. Работа основана на морфологическом и сравнительно-историческом анализе падежных форм с привлечением материала современного удмуртского, коми-пермяцкого и коми-зырянского языков. Актуальность работы определяется относительно слабой изученностью диалектных грамматических особенностей в диахронии. Связано это с тем, что первые письменные памятники появились лишь в XVIII в. и зафиксировали, за некоторыми исключениями, современное состояние удмуртского языка. Именно эти исключения становятся ценным источником изучения языка в диахронии. Результаты исследования могут быть использованы при изучении исторической грамматики удмуртского и родственных пермских языков в плане становления падежной парадигмы личных местоимений.

Обсуждение

В главе «О склонении вмѣстоимѣній» М. А. Мышикиным обозначена система падежных форм двадцати местоимений удмуртского языка,

в числе которых можно выделить собственноличные, вопросительные, указательные, усиленно-личные (в обязательном сочетании с собственно-личными) и двупадежные формы на основе генитива, возникшие на основе эллипсиса, которые до сих пор принято считать притяжательными местоимениями [ГСУЯ 1962: 172–175]. Парадигмы состоят из пяти падежных форм: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного. Падежи, не имеющие соответствий в русской грамматике, в данном труде отсутствуют.

У личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. отмечены следующие формы инструментала: а) с суффиксом -эн: *монэнъ* ‘мной’, *тонэнъ* ‘тобой’; б) с сочетанием притяжательного суффикса -эны- и личного суффикса: *тонэнъыдъ*¹ ‘тобой’; в) с удвоенным падежным суффиксом -энэн: *монэнъэнъ* ‘мной’. Первая форма для современных среднечепецкого диалекта и бесермянского наречия не характерна, в данном ареале распространены так называемые расширенные варианты *монэнъым* ‘мной’, *тонэнъыд* ‘тобой’. Параллельное употребление форм с личным суффиксом и без него отмечено лишь в нескольких населенных пунктах косинского говора нижнечепецкого диалекта [Карпова 2020: 247].

Инструменталь ед. ч. с дублированным падежным маркером для современного удмуртского языка уже является архаизмом, но данное явление было зафиксировано в переводах церковных текстов начала XIX в., подготовленных на североудмуртском диалекте [Безенова 2024: 15]. В дебесском говоре верхнечепецкого диалекта у инструментальных форм мн. ч. ‘встречаются предельно расширенные формы *mil'enijmъn* (*mil'-en-im-in*) ‘(с) нами’, *til'enidin* (*til'-en-id-in*) ‘(с) вами’, где инструментальные окончания употреблены дважды в двух вариантах” [Кельмаков 1998: 135]. Подобная грамматическая избыточность, вероятно, придавала статичность падежной форме в потоке речи. В тех случаях, когда говорящие интуитивно обеспокоены тем, что внутренняя форма слова стерлась, они пытаются ее усилить избыточными распространителями, в том числе редупликацией [Воейкова 2010: 11]. Двупадежность (в том числе и редупликация) являются типичным явлением для пермских языков. Так, в коми-пермяцких говорах в структуре указательных и вопросительных местоименных наречий также имеются удвоенные суффиксы, исторически восходящие к субстантивным падежным маркерам: *кытісісь* (лит. *кытісь*) ‘откуда’, *сэччинын* (лит. *сэтчин*) ‘там, вон там’, *татёнын* (лит. *татён*) ‘здесь, на этом месте’. “Наслоение второго падежного суффикса, очевидно, вызвано стремлением уточнить значение

места действия” [Баталова 1975: 196–197]. Плеонастическое сочетание суффиксов наблюдается и в коми-зырянском языке: зафиксировано маркирование генитивных форм личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., а также дативных форм личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. соответственно суффиксами генитива и датива существительных. Данное явление обусловлено влиянием системы субстантивного словоизменения на местоименную [Некрасова 2023: 76]. Распространение вариативных форм в пределах одного говора может быть результатом миграционных процессов XVII–XVIII вв. внутри удмуртского этноса (см. подробнее: [Карпова 2020: 52–57]).

Особый интерес вызывают косвенные формы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч., отличающиеся от бытующих на сегодняшний день в диалектах и литературном языке. Аккузатив, инструменталь личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч., вторично маркированный датив 1-го л. мн. ч. образованы от генитивной основы *мил'ам-* / *тил'ад-* (выделение курсивом и полужирным шрифтом – наше):

В. *милямэ́зъ* нась / *тилядъ*, *Тилядэ́зъ* вась;

Т. *милямéнь* нами / *тилядёнъ* вами;

Д. *милямлы* намъ (параллельно с *милёмъ* намъ) (Мышкин, 76–77).

В ярском говоре среднечепецкого диалекта [Карпова 2020: 513–515] и бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 184] употребляются общераспространенные падежные формы на дативной основе: акк. *мил'эмэс*, *мил'эмэсты* ‘нас’ / *тил'эдэс*, *тил'эдэсты* ‘вас’; инстр.: *мил'эмэн*, *мил'эмын* (*мил'энъм*), ‘нами’ / *тил'эдэн*, *тил'эдын* (*тил'эдън*) ‘вами’. Датив употребляется в своей первичной (краткой) форме – без суффикса *-лы*. Остаточным явлением, видимо, служит форма аккузатива *мил'амисты* ‘нас’, зафиксированная Л. Л. Карповой в дд. Ключи, Новый Унтем кезского говора верхнечепецкого диалекта: генитивная основа, к которой присоединяется стандартный североудмуртский суффикс *-ты*, осложнена суффиксом мн. ч. [Карпова 2020: 245].

Допустил ли М. А. Мышкин неточности при записи падежных форм или исследователь засвидетельствовал функционирование дублирующих друг друга видов склонения местоимений (от основ генитива и датива), одно из которых впоследствии утратилось? «Краткой отяцкія грамматики опытъ» был скрупулезно изучен лингвистом Т. И. Тепляшиной. Она отмечает в этой работе некоторые неточности передачи лишь специфических звуков удмуртского языка [Тепляшина 1965: 237–240]. Вряд ли М. А. Мышкин мог спутать друг с другом знакомые ему гласные фонемы, столь различные по артикуляционным характеристикам. Кроме того, у местоиме-

ния 1-го л. мн. ч. указаны две формы дательного падежа: “*милямлы* или *милемъ*” (Мышкин: 63), в склонении сочетания личного местоимения с усильтельно-личным 1-го л. мн. ч. *ми ацимэзъ*² ‘мы сами’ также даны отгенитивные формы (Мышкин: 65). Автор грамматики разграничил падежные формы личного местоимения 1-го л. мн. ч. от форм так называемого притяжательного местоимения *милямъ* ‘нашъ, наша, наше’: в дательном и творительном падеже основу и суффикс разделяет буквой *ер* (ъ): *милямъль* нашему, *милямъёнъ* нашимъ (Мышкин, 67). Исходя из этого, можно с большой долей вероятности утверждать, что М. А. Мышкин зафиксировал параллельно бытовавшие в уканском говоре падежные формы. Постепенно отгенитивные образования были заменены на более распространенные формы. Так, в рукописи З. Г. Кротова «Отяцкая грамматика для обучения малолетних юношей равно же и взрослых знать отяцкой язык желающих, сочиненная Вятской епархии Глазовской округи села Еловского Троицкой церкви заштатным иереем Захариею Кротовым. 1816-го года июля 21-го дня», в основе которого лежит грамматика М. А. Мышкина (подробнее: [Чураков 2016]), представлена всего лишь одна отгенитивная форма – в сочетании с усильтельно-личным местоимением в творительном падеже: *тиляденъ асладэнъ* ‘вами самими’ [РНБ. Отдел рукописей. Ф. 573. Оп. 1. Д. СПбДА 330. Л. 32об.].

Особенность склонения личных местоимений множественного числа на основе генитива характерна для всех диалектов коми языка [Федюнова 2008: 53]: акк. *мийанёс* ‘нас’, инстр. *мийанён* ‘нами’, дат. *мийанлö* ‘нам’, но она абсолютно не свойственна современному удмуртскому языку, в котором формы аккузатива, инструментала, вторично маркированного датива повсеместно образованы от основы, формально совпадающей с формой датива *мил'эм-*, *тил'эд-* [Bartens 2000: 153]. Словоформы из грамматики М. А. Мышкина представляют собой некий симбиоз коми и удмуртского местоименного формообразования: по шаблону коми языка (от генитива), но от удмуртской основы, осложненной формантом *л'*.

Можно ли рассматривать их в качестве заимствований из коми языка, своеобразной полукалькой? Думаем, что нет. Личные местоимения являются довольно закрытой системой, и заимствование какой-либо падежной формы должно быть обусловлено длительными и интенсивными связями. Например, диалекты коми-пермяцкого языка в течение нескольких веков находятся в тесном контакте с окружающими русскими говорами и испытывают сильное языковое воздействие. Тем не менее в самом обруссевшем верхне-

камском наречии лишь в склонении местоимения 3-го л. ед. ч. имеются заимствованные из русского языка формы аккузатива *эвö / йэвö* ‘его, ее’, как вариант встречается инструментальная форма *эвöн* ‘им, ею’. В верхнесысольском диалекте *йэвö* выступает в качестве основы падежного словоизменения. Форм 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. изменения не коснулись [Сажина 2019: 154]. В современных удмуртских диалектах ни одна форма личных местоимений не была заменена заимствованной.

В исследованиях по вопросам историко-культурных контактов, расселении древних пермян (коми), формировании коми диалектов отсутствуют указания на какие-либо прочные взаимоотношения с удмуртами [Баталова 1975; Жеребцов 1982; Сажина 2014; Baker 1985]. Удмуртский исследователь С. А. Максимов предполагает, что окончательные связи между пермскими народами прекратились только в начале XX в. Процесс территориального разобщения между южными коми-зырянами и северными удмуртами начался лишь в XV–XVII вв. в связи с постепенным заселением русских переселенцев [Максимов 2018: 39]. Тем самым лингвист подразумевает наличие некоторого количества лексических, семантических, морфологических заимствований из коми языка в удмуртский, прежде всего североудмуртские диалекты. Но подобное осовременивание, приближение времени разобщения коми и удмуртов к современности подвергается заслуженной критике коми лингвистов [Цыпанов 2014: 26]. Прояснить ситуацию могли бы данные топонимии, но, к сожалению, коми топонимы на территории проживания удмуртов остаются практически не изученными³. Имеющиеся работы малы по объему и количеству примеров, поэтому нет возможности с уверенностью говорить о существовании многочисленных, долговременных связей либо ассимиляции коми населения в удмуртской среде [Корольских 2011; Тепляшина 1977]. В связи с этим мы сомневаемся, что отгенитивные падежные формы личных местоимений могут быть заимствованиями либо проявлениями суперстрата.

В. К. Кельмаков исследовал общие фонетические и морфологические явления в современных языках пермской группы и пришел к выводу, что в их основе лежали общепермские языковые реалии, далее одни процессы шли параллельно для каждого языка [Кельмаков 2005: 32], другие же в удмуртском и коми-пермяцком языках (либо в части диалектов) продолжались в едином направлении и приводили к одинаковым результатам [там же: 26, 68, 83]. Во втором случае межъязыковые соответствия «свидетельствуют о

существовании в прошлом некоего удмуртско-южнокоми языкового ареала, который своеобразно “направлял” развитие специфических особенностей языков и диалектов, его составляющих» [там же: 68].

Выводы, сделанные В. К. Кельмаковым, перекликаются с ареально-генетической теорией Е. А. Хелимского. Материал уральских языков свидетельствует о том, что чисто генетическим связям, обусловленным последовательностью дроблений, сопутствует цепочка ареально-генетических связей, в том числе коми-североудмуртских, южнокоми-удмуртских [Хелимский 1979: 114]. Наблюдаемая аналогия специфичных падежных форм одного из североудмуртских говоров с общими для коми языка падежными формами, таким образом, можно объяснить длительным процессом распада пермской языковой общности, когда крайние диалекты прайзыка имели уже кардинальные различия, а срединные сочетали в себе их особенности. Впоследствии коми-удмуртская языковая граница прошла уже по неоднородной диалектной области распространения пермского прайзыка. Некоторые говоры, близкие к крайним удмуртским говорам, оказались в среде коми языка, и наоборот. «Связи между прайзыковыми диалектами, занимавшими смежные ареалы, можно назвать ареально-генетическими. Они обуславливали возникновение параллелей, имеющих генетический характер (восходящих к одному прайзыковому источнику), но распространявшихся лишь на определенный ареал прайзыковых диалектов» [Хелимский 1982: 24–25].

Также не исключено, что перед нами случай собственного удмуртского формообразования. Возникновение падежной парадигмы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. на основе притяжательного падежа является общей тенденцией пермских языков. Генитив первоначально имеет значение обладания чем-либо. Но и семантика датива, по утверждению Г. В. Федуневой, также была близка к значению притяжательности: «личное местоимение в дативе, по существу, является притяжательным: дать, направить, предоставить и т. д. *мне* = сделать *моим*» [Федунева 2008: 39]. Поэтому выбор формы дательного падежа как основы для падежной парадигмы в удмуртском языке не является чем-то неординарным. В ходе языковых исследий для ранних падежных форм личных местоимений мн. ч. в коми языках закрепилась генитивная основа, в удмуртском – дативная. Однако в части удмуртских говоров падежные формы также могли быть образованы от основы генитива. Впоследствии данные формы под влиянием окружающих «дативных» говоров вытеснились из речи.

Согласно венгерскому лингвисту Ш. Чучу, на базе раннепермской дативно-генитивной падежной формы в позднепермский период в результате редукции прaperмского *ä основы личных местоимений образовались двойные формы: **tiemj* ~ **miamj*, **tiedj* ~ **tiadj*. В параллельных формах позже возникло функциональное разделение; формы с нижнерядным *a* (по аналогии с 1-м и 2-м л. ед. ч.) стали использоваться в значении родительного падежа [Csúcs 2005: 232]. Семантическая дифференциация генитива и датива в говорах праязыка шла неравномерно. Об этом свидетельствует распространение генитивных форм функции дательного падежа в вымском, ижемском, нижневычегодском, удорском диалектах коми-зырянского языка [Попова 2012: 70]. Подобное же явление могло быть и в некоторых североудмуртских говорах.

Выводы

Проведенный анализ позволяет заключить следующее.

1. В труде Михаила Алексеева Мышкина «Краткой отяцкія грамматики опыть» зафиксированы морфологические архаизмы.

2. Вариативная система падежного склонения личных местоимений могла возникнуть в связи с миграцией различных родовых групп удмуртов. В уканском говоре могли существовать несколько вариантов падежных форм, один из которых впоследствии стал преобладающим.

3. Отгенитивные падежные формы могут свидетельствовать о длительности дивергенции пермского праязыка. Они же могут быть и явлением собственно удмуртского языка, поскольку семантическое и морфологическое разделение генитива и датива произошло в позднепермский период и, судя по данным коми диалектов, шло неравномерно, оба падежа могли стать основой для части косвенных падежей.

Рассмотренная в работе проблема требует дальнейшего изучения с привлечением других памятников письменности удмуртского языка и данных диалектов пермских языков.

Примечания

¹ У местоимения 1-го л. ед. ч. форма монэным ‘мною’ автором грамматики не зафиксирована.

² Однако в склонении местоимений 2-го л. мн. ч. *ти ацидесъ* ‘вы сами’ зафиксированы типичные удмуртские формы. Вероятно, данный факт может указывать на активный процесс замещения генитивной падежной основы дативной.

³ В свою очередь, удмуртские топонимы в верхнем Прикамье были изучены А. С. Кривощековой-Гантман. На смежных территориях Удмуртии и Пермской области (совр. – края) ис-

следователь отмечает наличие топонимов удмуртского происхождения и объясняет их появление миграцией населения средней и нижней Камы, севера Удмуртии в верхнее Прикамье в разное время и по различным причинам [Кривощекова-Гантман 1973: 38–41].

Список литературы

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Безенова М. П. Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 8–20. doi 10.15507/2076-2577.016.2024.01.8-20

Воейкова М. Д. Избыточность в системе языка и разные формы ее проявления // Избыточность в грамматическом строении языка. АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 2. СПб.: Наука, 2010. С. 9–21.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1962. 376 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (Х – начало XX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкоznания // Труды Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 2. Пермь, 2005. 182 с.

Корольских П. В. Пермская топонимия в условиях языкового ареального пограничья // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2011. С. 132–138.

Кривощекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? Пермь: Перм. книж. изд-во, 1973. 109 с.

Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016. 200 с.

Максимов С. А. Североудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология: монография. Ижевск: Шелест, 2018. 336 с.

Мышкин М. А. (Могилин М.) Краткой отяцкія грамматики опыть = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. 203 с.

Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023. 516 с. (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН)

Попова Р. П. Коми диалектология. Часть 2. Морфология: учеб. пособие. Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2012. 151 с.

Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 573. Оп. 1. Д. СПБДА 330 = Кротов З. Г. Отяцкая грамматика для обучения малолетних юношей равно же и взрослых знать отяцкой язык желающих, сочиненная Вятской епархии Глазовской округи села Еловского Троицкой церкви заштатным иереем Захариею Кротовым. 1816-го года июля 21-го дня.

Сажина С. А. Исторические условия формирования коми-зырянских диалектов // Пути развития пермских языков: история и современность. Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73. Сыктывкар, 2014. С. 39–51.

Сажина С. А. Местоимение в языке кировских пермяков // Актуальные вопросы коми и пермского языкоznания. Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77. Сыктывкар, 2019. С. 152–175.

Тепляшина Т. И. К ареальным явлениям пермских языков // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР. Ужгород, 1977. С. 71–72.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965. 324 с.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Федюнова Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 428 с.

Хелимский Е. А. Ареальные связи доугорских и досамодийских диалектов уральского праязыка // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. С. 114.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука, 1982. 164 с.

Цыпанов Е. А. Дивергенция финно-угорского и пермского праязыков в свете последних теоретических и источниковедческих подходов // Пути развития пермских языков: история и современность. Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73. Сыктывкар, 2014. С. 8–38.

Чураков В. С. Об авторе и времени создания «Краткой отяцкой грамматики опыта» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3 (28). С. 56–63.

Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыта» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016а. Т. 10, № 3. С. 184–196.

Чураков В. С. Памятники письменности удмуртского языка начала XIX в. (Речь по случаю коронации Александра I (1801) и удмуртская грамматика З. Г. Кротова (1816)) // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: сб. ст. по материалам докладов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2016б. С. 373–378.

Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 226 p.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Mémoires de la Sosiété Fenno-ougrienne. Helsinki, 2000. 376 p.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 p.

References

Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russ.)

Bezenova M. P. Fonetiko-morfologicheskie особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык [Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language]. *Finnougarskiy mir* [Finno-Ugric World], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 8-20. (In Russ.)

Voeykova M. D. Izbytochnost' v sisteme yazyka i raznye formy ee proyavleniya [Redundancy in the language system and different forms of its manifestation]. *Izbytochnost' v grammaticeskem stroye yazyka. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Redundancy in the grammatical structure of the language. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. VI, pt. 2, pp. 9-21. (In Russ.)

GSUYa 1962 – *Grammatika sovremennoogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Modern Udmurt Language]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962. 376 p. (In Russ.)

Zherebtsov L. N. *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami (X – nachalo XX v.)* [Historical-Cultural Relations of the Komi with Neighboring Peoples (the 10th – early 20th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 224 p. (In Russ.)

Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern Variant of the Udmurt Language: The Formation and Current State]. Izhevsk, MarSHak Publ., 2020. 563 p. (In Russ.)

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A Short Course in Udmurt Dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect Texts. Bibliography]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1998. 386 p. (In Russ.)

Kel'makov V. K. Nekotorye problemy komipermyatskogo i permeskogo yazykoznanija [Some problems of Komi-Permyak and Perm linguistics]. *Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoy kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Works of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People]. Perm, 2005, issue 2. 182 p. (In Russ.)

Korol'skikh P. V. Permskaya toponimiya v usloviyakh yazykovogo areal'nogo pogranich'ya [Perm toponymy in the conditions of the linguistic areal borderland]. *Dinamika struktur finno-ugorskikh yazykov* [Dynamics of the Structures of the Finno-Ugric Languages]. Syktyvkar, Izdatel'stvo 'Kola' Publ., 2011, pp. 132-138. (In Russ.)

Krivoshechekova-Gantman A. S. *Otkuda eti nazvaniya?* [Where do these names come from?]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1973. 109 p. (In Russ.)

Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie oso-bennosti yazyka leminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and Morphological Features of the Language of the Lekmin and Yundin Besermyans]. Izhevsk, 2016. 200 p. (In Russ.)

Maksimov S. A. *Severnoudmursko-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [Northern Udmurt-Komi Areal Linguistic Parallels: Vocabulary, Phonetics, Morphology]: a monograph. Izhevsk, Shelest Publ., 2018. 336 p. (In Russ.)

Myshkin M. A. (Mogilin M.) *Kratkoy otyatskiya grammatiki opyt* = *Opty kratkoy udmurtskoy grammatiki* [An Experience of Brief Otyatskaya (Udmurt) Grammar]. Izhevsk, 1998. 203 p. (In Russ.)

Nekrasova G. A. *Kategorija padezha imeni sushchestvitel'nogo v permeskikh yazykakh* [The Category of the Noun Case in the Permian Languages]. Syktyvkar, 2023. 516 p. (In Russ.)

Popova R. P. *Komi dialektologiya. Chast' 2. Morfologiya* [Komi Dialectology. Pt. 2. Morphology]: a study guide. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 2012. 151 p. (In Russ.)

The Russian National Library (RNB). Department of Manuscripts. Fund 573. Inventory 1. File SPbDA 330 = Krotov Z. G. Otyatskaya grammatika

dlya obucheniya maloletnykh yunoshey ravno zhe i vzroslykh znat' otyatskoy yazyk zhelayushchikh, sochinennaya Vyatskoy eparkhii Glazovskoy okrugi sela Elovskogo Troitskoy tserkvi zashtatnym iereem Zakhariyu Krotovym. 1816-go goda iyulya 21-go dnya [The Otyatskaya (Udmurt) grammar for teaching young boys as well as adults who wish to know the Otyatsky language, composed by Zakhary Krotov, a minor priest at the Trinity Church, the village of Yelovskoye of the Glazovskaya district of the Vyatka diocese. 1816, 21 July]. (In Russ.)

Sazhina S. A. Istoricheskie usloviya formirovaniya komi-zyryanskikh dialektov [Historical conditions for the formation of Komi-Zyryan dialects]. *Puti razvitiya permeskikh yazykov: istoriya i sovremennost'*. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN [The Ways of Development of the Permian Languages: History and Modernity. Works of the Institute of Language, Literature and History of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, 2014, issue 73, pp. 39-51. (In Russ.)

Sazhina S. A. Mestoimenie v yazyke kirovskikh permyakov [A pronoun in the language of the Kirov Permyaks]. *Aktual'nye voprosy komi i permeskogo yazykoznanija*. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN. [Topical Issues of Komi and Perm Linguistics. Works of the Institute of Language, Literature and History of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, 2019, issue 77, pp. 152-175. (In Russ.)

Teplyashina T. I. K areal'nym yavleniyam permeskikh yazykov [On the areal phenomena of the Permian languages]. *Issledovanie finno-ugorskikh yazykov i literatur v ikh vzaimosvyazyakh s yazykami i literaturami narodov SSSR* [The Study of Finno-Ugric Languages and Literatures in Their Interrelationships with the Languages and Literatures of the Peoples of the USSR]. Uzhgorod, 1977, pp. 71-72. (In Russ.)

Teplyashina T. I. *Pamyatniki udmurtskoy pis'mennosti XVIII veka* [Monuments of the Udmurt Writing of the 18th Century]. Moscow, 1965. 324 p. (In Russ.)

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [The Language of the Besermyans]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russ.)

Fedyuneva G. V. *Pervichnye mestoimeniya v permeskikh yazykakh* [Primary Pronouns in the Permian Languages]. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 428 p. (In Russ.)

Khelimskiy E. A. Areal'nye svyazi dougorskikh i dosamodiyiskikh dialektov ural'skogo prayazyka [Areal connections of the pre-Ugrian and pre-Samoyedic dialects of the Uralic proto-language].

Voprosy finno-ugrovedeniya [Issues of Finno-Ugric Studies]. Syktyvkar, 1979, p. 114. (In Russ.)

Khelimskiy E. A. Drevneyshie vengersko-samodiyiske yazykovye paralleli (Lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya) [The Oldest Hungarian-Samoan Linguistic Parallels (Linguistic and Ethnogenetic Interpretation)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 164 p. (In Russ.)

Tsypanov E. A. Divergentsiya finno-ugorskogo i permeskogo prayazykov v svete poslednikh teoreticheskikh i istochnikovedcheskikh podkhodov [The divergence of the Finno-Ugric and Permic protolanguages in the light of recent theoretical and source-based approaches]. Puti razvitiya permeskikh yazykov: istoriya i sovremennost'. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs Uro RAN [The Ways of Development of the Permic Languages: History and Modernity. Works of the Institute of Language, Literature and History of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, 2014, issue 73, pp. 8-38. (In Russ.)

Churakov V. S. Ob avtore i vremeni sozdaniya 'Kratkoy otyatskoy grammatiki opyta' [About the author and the time of creation of 'An Experience of Brief Otyatskaya (Udmurt) Grammar']. Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii [Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction], 2015, issue 3 (28), pp. 56-63. (In Russ.)

Churakov V. S. Avtorstvo, datirovka i istoriya rukopisi 'Kratkoy otyatskoy grammatiki opyta' [Authorship, dating and history of the manuscript

'Kratkoy Otyatskoy Grammatiki Opyst' ('An Experience of Brief Otyatskaya (Udmurt) Grammar']. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016a, vol. 10, issue 3, pp. 184-196. (In Russ.)

Churakov V. S. Pamyatniki pis'mennosti udmurtskogo yazyka nachala XIX v. (Rech' po sluchayu koronatsii Aleksandra I (1801) i udmurtskaya grammatika Z. G. Krotova (1816)) [Monuments of writing of the Udmurt language of the beginning of the 19th century (The speech on the occasion of the coronation of Alexander I (1801) and the Udmurt grammar by Z. G. Krotov (1816))]. Polietnichnyy mir Evrazii: problemy vzaimovospriyatiya [The Multiethnic World of Eurasia: Problems of Mutual Perception]: a collection of articles based on the reports delivered at the All-Russian Scientific Conference with international participation. Izhevsk, 2016b, pp. 373-378. (In Russ.)

Baker R. *The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation*. Helsinki, 1985. 226 p. (In Eng.)

Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Mémoires de la Société Fennou-ougrienne* [The Structure and Evolution of the Permic Languages. Memories of the Finno-Ugric Society]. Helsinki, 2000. 376 p. (In Fin.)

Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache* [The Reconstruction of the Permic Basic Language]. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2005. 405 p. (In Germ.)

Morphology of Personal Pronouns of the Udmurt Language in M. A. Myshkin's Grammar

Tatyana V. Pantyukhina

Research Degree Aplicant at the Department of General and Finno-Ugric Linguistics

Udmurt State University

1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Izhevsk, Russia. tatyana.tudvu@yandex.ru

Head of the Department of Library and Archival Collections

Udmurt Institute of History, Language and Literature at the Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, Lomonosova st., Izhevsk, 426067, Russia

SPIN-code: 4337-1615

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0260-0313>

Submitted 21 Sep 2024

Revised 11 Nov 2024

Accepted 11 Dec 2024

For citation

Pantyukhina T. V. Morfologiya lichnykh mestoiimeniy udmurtskogo yazyka v grammatike M. A. Myshkina [Morphology of Personal Pronouns of the Udmurt Language in M. A. Myshkin's Grammar]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 69–77. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-69-77. EDN ENRDRO (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the unusual case forms of first-person and second-person personal pronouns, singular and plural, presented in the work by Mikhail Myshkin *An Experience of Brief Otyatskaya Grammar* (late 1770s). The handwritten grammar book is a valuable source for studying the morphology of pronouns in the historical and areal aspect since it indicates the exact place where the presented linguistic material was found – Ukan village of Glazovsky district (currently Ukan village of Yarsky district of the Udmurt Republic) and nearby settlements. Within a small linguistic area, there were used three variants of the instrumental case; indirect forms of plural personal pronouns were formed on the basis of the genitive, they are structurally similar to the forms of pronouns of the Komi languages and differ from modern Udmurt forms. The paper analyzes the reasons for the stated range of case forms to appear within a small area and attempts to find out whether the forms derived from the genitive are borrowings from closely related languages. In the course of the study, morphological and comparative historical analyses of case forms were carried out, examples from the Komi-Permyak and Komi-Zyryan languages were used. In order to identify the intensity of interlanguage contacts, the author preformed an analysis of publications on interethnic contacts, including studies on the spread of Komi and Udmurt toponyms in possible cross-territories of related peoples. The author makes an assumption that variants of the instrumental case – with simple and possessive declension suffixes and a duplicated suffix – could appear due to migration processes within the Udmurt ethnic group. The study has found that the case forms of plural personal pronouns derived from the genitive cannot be borrowed since there are currently no historical and linguistic studies confirming the existence of contacts between speakers of the Udmurt and Komi languages that were close enough and lasted for a sufficiently long period for such a conservative part of morphology as case forms of personal pronouns to be borrowed. The archaisms recorded by M. A. Myshkin can either be a confirmation of the hypothesis on areal and areal-genetic connections between closely related peoples or an Udmurt dialect phenomenon, rooted in the common Permic language.

Key words: dialect grammatical features; variability of case forms; archaisms; Udmurt language.

УДК 81'28:811.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-78-89

<https://elibrary.ru/glumda>

EDN GLUMDA

Без-префиксальные дериваты корней *-голос-*/*-глас-* и *-молв-* в истории русского литературного языка и в говорах: семантико-мотивационный аспект

Попова Наталия Александровна**магистрант, лаборант-исследователь кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации**Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. singyoutosleeppp@gmail.comORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7369-054X>

ResearcherID: LBI-3163-2024

*Статья поступила в редакцию 21.09.2024**Одобрена после рецензирования 05.10.2024**Принята к публикации 13.02.2025***Информация для цитирования**

Попова Н. А. Без-префиксальные дериваты корней *-голос-*/*-глас-* и *-молв-* в истории русского литературного языка и в говорах: семантико-мотивационный аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 78–89. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-78-89. EDN GLUMDA

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению без-префиксальной лексики, образованной от корней *-голос-*/*-глас-* и *-молв-*, в истории русского литературного языка и в говорах. Основная цель исследования – выявление семантико-мотивационного своеобразия обозначенных словообразовательных гнезд, которое дает возможность охарактеризовать особенности метаязыковой рефлексии носителей языка в русской лингвокультурной традиции. В работе анализируется семантика безпроизводной лексики, предлагаются мотивационные решения для нетривиальных случаев развития семантики данной лексической группы, описываются особенности функционирования лексем в литературном варианте языка и в говорах. Выясняется, что мотивационный признак отсутствия *голоса* скрывается во внутренней форме слов, называющих качества человека преимущественно негативного характера; с отсутствием же *молвы*, наоборот, связываются, скорее, социально одобряемые человеческие характеристики и качества. Анализ семантики описанной в работе лексики и контекстов, в которых она употребляется, показывает, что подобные различия свидетельствуют о ценностях носителей языка: умение верно распорядиться «инструментами» коммуникации мыслится как более важное, чем собственно наличие и состояние этих «инструментов».

Ключевые слова: диалектология; историческая лингвистика; префиксы; словообразование; семантико-мотивационная реконструкция.

Метаязыковая информация может храниться в речи носителей языка в разных вариантах. Один из способов ее представления – номинативные единицы, которые называют разные виды и особенности проявления речевой деятельности. В таком случае следы метаязыковой рефлексии скрываются во внутренней форме слов и высказы-

заний с «речевыми» значениями (см. подробнее: [Бондаренко 2021: 26–27]).

В настоящей работе будут рассмотрены без-префиксальные дериваты основ *-глас-*/*-голос-* и *-молв-*, обнаруженные в исторических, фразеологических и диалектных словарях русского языка, а также в лексической картотеке Топонимической

экспедиции Уральского федерального университета. Такое объединение объясняется тем, что выбранные производящие лексемы характеризуют собственно речевую сторону языковой деятельности (голос – инструмент говорящего, молва связана с деятельностью слушающего) и дают большое количество производных. Путем семантико-мотивационного анализа обозначенных бездиватов и их семантики в истории русского литературного языка (условно к анализу привлекаются не только древнерусские и старорусские факты (XI–XIX вв.), но и старославянские, а также церковнославянские) и в говорах мы надеемся получить возможность охарактеризовать некоторые особенности метаязыковой рефлексии носителей языка в русской лингвокультурной традиции.

Почему мы обращаемся к лексике с приставкой *без-*? В работе «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» А. Ф. Журавлев, реконструируя фрагмент праславянской ценностной системы путем анализа слов с приставкой **bez-*, приходит к выводу о том, что сама по себе способность слова образовывать дериваты с приставкой **bez-* свидетельствует о высокой значимости реалии, называемой этим словом [Журавлев 1999]. Представляется важным рассмотрение *без*-префиксальной лексики, номинирующей процесс говорения, с целью реконструкции и характеристики представлений о языке и речи, являющихся, в свою очередь, фрагментом этнокультурной картины мира носителя русского языка.

Отметим, что изучение *без*-префиксальной лексики тематической группы «язык и речь» имеет свою традицию и предпринимается, в частности, в статьях С. П. Обнорского «Префикс “без-” в русском языке» [Обнорский 1960], Л. Г. Гусевой «Слова с префиксом *без-* (*бес-*) в устаревшей уральской лексике» [Гусева 1999], в сборнике статей «Язык о языке» под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой [Арутюнова и др. 2000], а также в диссертации О. Д. Суриковой «Лексические единицы с приставкой и предлогом *без* в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты» [Сурикова 2016].

Голос

Пожалуй, самое закономерное и очевидное развитие значений *без*-префиксальных дериватов от основ *-голос-* и *-глас-* связано с семантикой чисто акустического характера, то есть с семантикой *различного рода голосовых повреждений*. Литературный язык в его истории дает следующие материалы: ст.-рус. *обезгласети* ‘лишиться голоса, охрипнуть’ (СлРЯ XI–XVII вв.,

вып. 12: 29), XIX в. *безгласие/безголосица/безголосье* ‘болезненное состояние, в котором человек лишен голоса, говорит шепотом’ (Даль, т. 1: 149), XVIII в. *безгласие* ‘потеря голоса, хрипота’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101). Аналогичны диалектные примеры: урал. *безголосица* ‘потеря голоса, отсутствие способности говорить или петь’ (Бир.: 182), ‘человек, потерявший голос по болезни’ (СРНГ, вып. 2: 185), башк. *обезголосеть* ‘лишиться голоса, охрипнуть’ (СРГБ: 219), томск. *безголосить* ‘лишиться голоса’ (СРСГСЧБРО, 26), урал. *безголосый петух* ‘человек со слабым или совсем потерянным голосом’ (Бир.: 182). От семантики голосовых повреждений развитие значения дошло до значения *неспособности к пению*. Лексемы с данной семантикой мы встречаем как в истории языка: ст.-рус. *безгласный* ‘не умеющий петь’ (СДРЯ, т. 1: 113), так и в диалектах: урал. *петух безголосый* ‘о человеке, не имеющем голоса, плохо поющем’ (Бел., 54), урал. *безголосица* ‘тот, у кого плохой или слабый голос (в пении)’ (СРНГ, вып. 2: 185), перм. *как баран безголосый* ‘низким голосом’ (СРГСПК, вып. 1: 59).

Семантика *молчания и немоты* также обнаруживается среди *без*-префиксальных производных данного гнезда. Развитие настоящего значения можно связать с представлениями о крайних формах проявления голосовых повреждений. Так, в исторических словарях мы находим следующие лексемы: ц.-сл. *безгласие* ‘молчание, или состояние немого’ (Ал., ч. 1: 49), *обезгласнети* ‘лишиться способности говорить, потерять голос’ (Ал., ч. 3: 125), *безгласной/ый* ‘лишенный способности говорить; немой’ (Филк.: 100), ст.-рус. *безгласно / безгласне* ‘безмолвно, тихо’ («прилучися убо представление его [епископа Арсения] вскоре безгласно, и никто же о семъ да дивится, понеже... мнози же и грешники не нужною, но тихою и кроткою смертию разлучаются от тела») (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101), XVIII в. *безголосая собака* ‘гончая собака, не подающая голоса при преследовании зверя’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 167), XX в. *нем как безголосая рыба* ‘об упорно молчащем человеке’ (РБСС: 620). Что касается данных говоров, то они представлены такими фактами: перм. *безголосый* ‘молчаливый или молчщий’ (СРНГ, вып. 2: 185), влг., забайк. *безгласно/ый* ‘лишенный способности говорить’ (Майор.: 38; Мишин.: 13), перм. *безгласить / безголосить* ‘молчать’ (Пор.: 37).

Примечательно, что отсутствие голоса у человека может мыслиться как признак *отсутствия жизни*. Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. находим прилагательное *безгласный* и его контекстное значение ‘о мертвом’: *Не было такого человека, которой не плакаль на него смот-*

ря: потому вчера съ нами, а ныне безгласень лежитъ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101). Подобное развитие семантики иллюстрирует связь между оппозициями «звук – молчание» и «жизнь – смерть», закрепившимися в народном сознании: голос в таком случае становится маркером мира живых, безголосие – маркером мира мертвых, иного мира (см. подробнее: [Славянские древности 1995: 510]).

Еще один путь развития значений лексики рассматриваемого гнезда погружен в коммуникативную ситуацию: отсутствие голоса, молчание человека осмысляются в связи с его способностью ответить, противостоять кому-л. в случае конфликта, отсюда у без-префиксальной лексики развивается *семантика безответности, покорности*: ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчачий’ (Гильт.: 66), при этом покорным в данном контексте назван Христос, поэтому мы можем сказать, что употребление имеет скорее положительную оценку (*яко агнецъ прямо стригущему его безгласень*) (там же), а вот уже в XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’ фиксируется с оценкой противоположной: «*Вина делает его безгласнымъ*» (САР 1806, ч. 1: 127).

Далее семантика и в исторических материалах, и в диалектных расширяется до значения *беспомощности вообще*: XIX в. *безгласный* ‘не могущий оглашать своего мнения, по обстоятельствам или по недостатку воли, самостоятельности; человек без веса и влияния’ (Даль, т. 1: 149–150), *безгласность* ‘состояние человека, не могущего подать своего голоса, высказать своего мнения; || безвластие, бессилие в делах, распоряжениях’ (там же: 150), забайк. *безгласной* ‘такой, который не может защитить себя, требует ухода за собой; бесправный, беспомощный’ (Майор.: 38). Затем мы наблюдаем вполне закономерное расширение семантики, связанное с представлениями о *бесправности*: так, в истории языка XIX в. встречаем *безгласный* ‘не имеющий законного права подавать голос’, *безгласить* ‘лишать голоса, власти’ (Даль, т. 1: 150), а в говорах – урал. *безголосица* ‘лишенный права голоса на выборах’ (Бир.: 182), перм. *безголосить* ‘лишать голоса, власти’ (СРНГ, вып. 2: 185). Заметим, что возможно также и дальнейшее развитие семантики от неспособности или невозможности возразить кому-л., объяснить свою точку зрения к *необоснованности* чего-л.: забайк. XVIII в. *безгласной* ‘лишенный каких-л. оснований; необоснованный’ (*И еще безгласныя на меня Поспелова чинить в ответе доказательства*) (Майор.: 38).

Следующее ответвление развития семантики в истории литературного языка обнаруживает значение *неявности, неочевидности*: ц.-сл. *без-*

гласно ‘тайно, скрыто’ (Филк.: 100), *безгласный* ‘не зарегистрированный, неоглашенный’ (там же), XVIII в. *безгласное дело* ‘дело не обнаруженное’ (САР 1806, ч. 1, 129), *довод безгласный* ‘называется в суде такой довод, которой не от доносителя или свидетеля представлен, но из некоторого обстоятельства выведен’ (САР 1789, ч. 1: 533), *безгласной* ‘не объявленный, не взятый на учет, принятый без регистрации’ (Майор.: 38). Отметим также, что в случае ц.-сл. наречия *безгласно* общее значение неявности обретает особый оттенок *скрытности, тайности*. Продолжением развития семантики неявности, неочевидности можно считать значение *посессивности* в смол. *безгласный* ‘ничей, никому не принадлежащий’ (*И дошедъ до безгласной земли пустоши Захарковой*) (Сл.Смол.: 26). Ср. XVIII в. *огласить* ‘назначить, назвать, провозгласить кем-либо’, *огласиться* ‘страд. к огласить’, *огласка* и под. (СлРЯ XVIII в., т. 16: 160–161), а также перм. *гласить* ‘показывать, означать’ (СРНГ, вып. 6: 193), смол., костр. *гласить* ‘указывать’ (Добр.: 127; ЛКТЭ). Судя по приведенному контексту, в данном случае *безгласный* значит «неназванный, незарегистрированный, не объявленный чьим-либо».

Наконец, отметим семантику *бесславия* в случае существительного *безгласие* ‘посрамление’, обнаруженного в тексте словаря к Геннадьевской Библии конца XV – начала XVI в. (см. подробнее: (Лев.: 326)). А. Н. Левичкин сопоставляет данное в словаре слово и его значения со списками Геннадьевской Библии из собр. М. П. Погодина (*спимъ в постыденъии нашем, и покрыть их безгласие наше. яко господу богу нашему съгрѣшихомъ мы и ѿци наши, в юности нашиа даж до сег дне. и не слышаҳомъ гласа господы бога нашего*) и из Библиотеки РАН (*Спим в постыденъии нашем и покрыет нас безгласіе наше яко господу богу нашему съгрѣшихомъ мы и ѿци наши в юности нашиа даж до сего дне: и не слышаҳомъ гласа господы бога нашего*) и обнаруживает, что во всех трех рукописях функционирует одна и та же лексема в одном и том же контексте (Лев.: 326), что позволяет говорить о правомерности выделения значения ‘бесславие’ у др.-рус. *безгласие*. Рассматриваемое слово соответствует лат. *ignominia* (‘лишение доброго имени, бесчестье, позор, опорочение’) (Двор.: 487) в следующем контексте: *dormitemus in confusione nostra et operiet nos ignominia nostra quoniam Domino Deo nostro peccavimus nos et patres nostri ab adolescentia nostra usque ad hanc diem et non audivimus vocem Domini Dei nostri* (Лев.: 326). Стоит присмотреться к этимологии лат. *ignominia* и заметить, что слово образовано от лат. *nomen* ‘имя’ и *ig-* ‘не-’, а значит, рус. *без-*

гласие является словообразовательной калькой с латинского в данном контексте. Тем не менее не совсем ясно, почему именно корень *-глаз-/голос-* стоит в русском там, где латинский язык говорит об *имени*. Быть может, ответ на данный вопрос можно найти в особенностях понимания таинства исповеди. Исповедь, как и покаяние, связывается с преодолением, во-первых, стыда и позора, которые навлекались на человека грехом, во-вторых, с преодолением греха как такового, ср.: «Тут не довольно того, чтобы, как при крещении, раскаяние было только добросовестное: надобно еще, чтоб оно засвидетельствовано было внешними подвигами. Обряд сей именуется у нас обыкновенно *исповедью*, посредством которой мы исповедуем пред Богом грехи наши, не потому, чтоб Он не знал их, но потому, что исповедание сие есть начало исправления и удовлетворения за грехи. Исповедание привлекает раскаяние, а раскаяние умиряет Господа. Исповедание скрущает и уничижает человека: оно пременяет его и делает достойным небесного Божия милосердия; оно повелевает ему пребывать в пепле и вретище, и погружать душу свою в горесть, дабы очистить ее через страдание» [Тертуллиан 1849: 96]. В таком случае, выходит, что, называя свое прегрешение перед общиной или священником вслух, то есть при помощи *голоса*, человек снимает с себя поношение. Если подобные умозаключения верны, мы можем сделать вывод, что в основе номинации бесчестия, посрамления лексемой *безгласие* кроется представление о том, что бесчестие – это то, о чем человек не говорит вслух, то, что не озвучивается перед другими. Об особой значимости голоса в процессе становления христианина также говорит лексема *оглашить* ‘научить, наставить начальным истинам веры’ (СлРЯ XVIII в., т. 16: 160) и современный православный термин *оглашение* ‘период подготовки, предшествующий принятию новых членов в Церковь, т. е. таинству крещения’ [Оглашение]. Будучи семантической калькой греч. κατήχησις [там же], рус. *оглашение* может быть противопоставлено *безгласию*: тогда за внутренней формой слова *безгласие* в значении ‘посрамление’ может стоять представление о том, что не осведомленный в христианском учении человек несет на себе по зор своего незнания и отвержения истинной веры.

Так или иначе, *безгласие* в значении ‘посрамление’ встраивается в единую семантическую систему с другим словом из гнезда без-дериватов от основ с обобщенным значением «язык и речь» – со словом *бессловесие* в значении ‘проклятие’ («*Есть бессловесие паче а не благословение*») (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 169): подобные ассоциативные связи двух слов подчеркивают особый статус ситуации говорения, способности к

речи в аксиологической системе носителя языка. Еще раз заметим: *безгласие* и *бессловесие*, развивающие значение ‘посрамление’ и ‘проклятие’ соответственно, образованы по единой словообразовательной модели, когда негативирующая приставка *без-* присоединяется к основе тематической группы «язык и речь» – развитие у таких слов сходных значений позволяет предположить, что связь языка и речи со славой, честью, благословлением и т. п. может иметь системный характер в сознании носителя языка.

Анализ значений, которые развиваются безпрефиксальные лексемы от слова *голос*, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, стоит обратить внимание на широкий спектр значений, которые развиваются внутри данного гнезда: представления о различного рода повреждениях, искажениях голоса, а также ситуации его отсутствия или исчезновения закрепляются в языке, свидетельствуя о высокой значимости реалий, ставшей основой номинации. Голос – важный инструмент человека в коммуникации, от успешного построения которой нередко зависит жизнь и судьба говорящего. Поэтому и любого рода проблемы, возникающие с этим «инструментом», не могут быть не отмеченными носителями языка, что, по справедливому замечанию О. Д. Суриковой, способствует развитию широкого спектра значений, связанных с негативными (в социальном плане) качествами и свойствами человека [Сурикова 2016: 39]. При этом заметим, что примерно в равной степени разнообразны системы значений и в истории русского литературного языка, и в говорах – наличие и «исправность» голоса значимы для любого типа традиции.

Во-вторых, любопытными представляются случаи развития значений, выходящих за рамки коммуникативного акта в привычном понимании. Таким случаем, например, можно считать представленную в говорах семантику «мертвенности» у без-дериватов, указывающую на представления народного сознания о голосе как маркере мира посюстороннего, мира живых. Сюда же относим и семантику бесславия, бесчестия, обнаруженную у лексемы *бессловесие* в новгородских переводах Вульгаты, когда невозможность или нежелание огласить свои действия приравнивается к чему-то постыдному и бесславному. Нам представляется, что подобное расширение семантики производных настоящего гнезда можно представить в виде следующего «пути»: голос как физиологическое явление – социальная роль голоса (в данном случае она проявляется в возможности озвучить свое мнение, свою позицию в той или иной ситуации / в том или ином обществе) – голос как явление экзистенци-

альное. Наличие/отсутствие голоса, таким образом, не только определяет исход коммуникативного акта, но и становится критерием сначала социальной, а затем и религиозной оценки личности (с точки зрения чести и бесчестья), равно как и показателем жизнеспособности человека. Все значения тем или иным способом отсылают нас к первостепенной роли говорения в ситуации коммуникации: именно социальная значимость голоса, точнее, способности озвучить свое мнение/решение/позицию вслух, выводит значимость наличия голоса и его надлежащего состояния на уровень экзистенциальных человеческих ценностей.

Молва

Гнездо без-префиксальных дериватов слова *молва* в русском языке является в большей степени книжным: исторические литературные материалы показывают более широкую и более разнообразную систему слов и значений по сравнению с диалектными.

Первая группа значений гнезда связана с семантикой *молчания* и производной от нее семантикой *тишины*. В исторических словарях были обнаружены следующие лексемы: ц.-сл. *безмолвствие/безмолвство* ‘молчание, тишина’ (Филк.: 104–105), ц.-сл. *безмолвие* ‘тишина, уединение, молчание’ («Да съ безмолвиемъ делающе, свои хлебъ ядить») (Ал., ч. 1: 53), др.-рус. *безмоловие* ‘молчание’ (Егда отвързе 7-ю печать, быс<ть> безмоловие на небесахъ, яко польгодины), ст.-рус. *безмовление* ‘молчание’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117–118), др.-рус. *безмолвный/безмолвый* ‘молчаливый’ (там же), ст.-рус. *безмолвствие* ‘молчание’, *безмолвствовать* ‘молчать’ (ПОС, вып. 1: 155), XVIII в. *безмолвственный* ‘ничего не говорящий, молчщий’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178), ц.-сл. *безмолствовать* ‘молчать, наблюдать молчание, не говорить’ (ОЦСРС, ч. 1: 64), ц.-сл. *безмолвъ* ‘в молчании, приняв обет молчания’ (Филк., 105), ц.-сл. *любобезмолвный* ‘любящий безмолвие’ (СЦСРЯ, т. 2: 274). Аналогичные значения отмечаются в русских говорах: брянск. *безмо́на* ‘безмолвно’, *безмо́ны* ‘безмолвный, молчаливый’ (Раст.: 52).

Молчаливое поведение человека последовательно и в истории русского литературного языка, и в говорах связывается с семантикой *спокойствия*. Так, исторический срез литературного языка дает следующие лексемы: ц.-сл. *безмолвiti/безмолвствовать* ‘пребывать спокойну’ (*И зверie безмолвять на ложахъ своихъ*), «*И любезно прилежати, еже безмолвствовать*» (Ал., ч. 1: 53), ц.-сл. *безмолвно* ‘безмятежно, спокойно беззаботно’ (ОЦСРС, ч. 1: 64), XVIII в. *безмолвный* ‘исполненный тишины, покоя’ (*В безмолв-*

ной области поныне Я слышу сладкострунный шум!) (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178), др.-рус. *безмолвие/безмолвство/безмолвство* ‘спокойствие’ (*и безмолвие любити. И вънимати единому пощению и молитве*) (СДРЯ, т. 1: 127), ст.-рус. *безмолвенный* ‘спокойный, безмятежный’ (*И пожиевъ 15 летъ въ безмолвствии и управляя иноческое житие и правило божественное неосклабно исправляя и многи беды ту от бесовъ приять*) (ПОС, вып. 1: 155). Контексты показывают, что в данном случае речь идет не только о человеке, как о субъекте молчания, но и о животных (*зверие безмолвять*) (Ал., ч. 1: 53), и о пространстве вокруг человека (*В безмолвной области* (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178)).

Нам представляется, что именно от семантики спокойствия без-префиксальные дериваты слова *молва* развивают семантику *невозмутимости* (сюда же мы включаем и значение беззаботности, и «неотвлекаемости»): ц.-сл. *безмолвный* ‘неотвлекаемый, неразвлекаемый’ (*да тихое и безмолвное житие пожиевъ*, ср. в синодальном переводе Библии: *жизнь тихую и безмятежную*) (Гильт.: 68), ц.-сл. ‘мирный, отрешенный от земных интересов’ (Филк.: 105), ц.-сл. *безмолвие/безмолвство* ‘безмятежие, спокойствие’ (ОЦСРС, ч. 1: 64).

Вероятно, как и в предыдущем гнезде, с семантикой спокойствия связано значение *безропотности* у др.-рус. *безмолвие* ‘безответность, безропотность’ (*имети же въ безмолвии смиренie*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, 117), близкого к ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчщий’ и XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’ (см. выше) как на уровне лексического значения, так и на уровне коннотаций: согласно приведенным в словарях контекстам покорность явно получает одобрение среди говорящих. По всей видимости, к этой же семантической группе стоит отнести семантику *скромности*: ц.-сл. *безмолвить* ‘молчать, быть спокойным, скромным’ (ОЦСРС, ч. 1: 64).

Наконец, с появлением феномена подвижничества (что могло предполагать среди прочего обет молчания подвижника) у лексем описываемого гнезда развилась семантика *уединения*: ц.-сл. *безмолвие* ‘уединение’ (*Да съ безмолвиемъ делающе, свой хлебъ ядять*) (Ал., ч. 1: 53), ц.-сл. *безмолвник* ‘уединенный, пустынник, пустыножитель, отшельник, удалившись от мирских сует’ (ОЦСРС, ч. 1: 64), XVIII в. *безмолвно* ‘безмятежно, в тишине, или уединенно’ (САР, ч. 1: 143), XVIII в. *безмолвный* ‘уединенный, отдаленный от сообщества людского’ (*Имея келию безмолвну*) (там же), XVIII в. *безмолвствовать* ‘живь уединенно, вести пустынную жизнь’ (*Шедъ въ келию свою безмолвствование*) (там же).

Заметим, что развитие значений в рамках данного гнезда проходит по вполне закономерному пути. Отсутствие *молвы* сначала рассматривается в аспекте акустическом, и в таком случае появляются значения, связанные с тишиной и молчанием, а далее – в аспекте коммуникативном, социальном: отсутствие разговоров и толков тогда последовательно осмысляется как черта человеческого характера, и потому рождаются значения спокойствия, скромности и уединенности. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от предыдущего гнезда (с производящей основой *-голос-/глас-*) в данном значения *безпрефиксальных* дериватов имеют преимущественно положительную окраску. Это объясняется различиями в значениях производящих основ. Первоначальным значением производящего **тъlviti* считается ‘шуметь, громко разговаривать, громкий говор’ (ЭССЯ вып. 20: 227), в старославянских памятниках письменности также фиксируется глагол *мльвити* в значениях ‘шуметь, волноваться’ и ‘заботиться, беспокоиться’ (Цейтл.: 330), отсюда и отсутствие шума, громкого говора, возмущения, ропота, волнения, беспокойства и проч. мыслится как явление положительное. И. И. Макеева замечает, что постепенно в истории восточнославянской письменности глагол *молвити* «начинает уходить на периферию языкового употребления, сохраняясь в фольклорных текстах, особенно в сказках» [Макеева 2000: 69]. По словам исследователя, глагол *молвити* в отличие от иных глаголов говорения «в наибольшей степени сохранил связь с речевым актом» [там же: 70], что при создавшейся ситуации лексической и семантической избыточности ограничило сферу употребления слова, закрепив его преимущественно в церковнославянском и шире – книжном – дискурсе. Размышляя о периферийности слов *молва* и *молвить*, С. М. Толстая указывает, что подобное явление замечается во всех славянских языках, где *молва* не утратила до конца свою «неязыковую» семантику [Толстая 2000: 180]. Как представляется, две озвученные позиции не противоречат друг другу: вероятно, именно «неязыковая» семантика, то есть значения ‘шум’, ‘гам’, ‘громкий говор’ и т. п., позволила глаголу *молвить* прочнее остальных сохранять связь с речевым актом, не трансформируясь в обозначение содержания сообщаемого и не приобретая иных семиотических смыслов. Так или иначе, именно периферийность, ограниченность сферы употребления лексики настоящей производящей основы объясняет гораздо менее разветвленную систему значений по сравнению с той, что мы встречали в гнезде производных от основ *-голос-/глас-*.

Выводы

Голос и молва – «элементы» коммуникации, которые весьма условно относятся к разным позициям коммуникативного процесса: когда мы говорим о голосе человека, мы обращаем особое внимание на роль говорящего, которую человек в данном случае исполняет голосом как «инструментом», когда же мы ведем речь о молве, нам, скорее, важнее позиция слушателя (слушателя) – нас интересует не то, как говорят и кто говорит, но то, что было услышано участником коммуникации. Это следует из лексического значения слова: 1. Слухи, вести, толки. 2. Устар. Звуки голосов, речи, разговоров; голос. (БАС, т. 10: 325–326): выходит, что голос – собственно инструмент говорящего, молва – продукт того, что было «создовано» этим «инструментом» и уже воспринято (в какой-то мере обработано) слушателем.

С этой позиции интересно сравнить гнезда лексики, называющей отсутствие голоса и молвы.

И в том, и в другом гнезде закономерно развиваются значения, связанные с различного рода номинацией *тишины*, при этом в случае с отсутствием голоса абсолютно все значения так или иначе связаны с субъектом говорения, более того, большинство подразумевает различного рода нарушения и повреждения «инструмента» говорения – голоса: например, ц.-сл. *безгласие*, *обезгласнети*, *безгласной/ый*, влг., забайк. *безгласно/ый* (напомним также, что отдельная группа значений внутри данного гнезда – значения собственно голосовых повреждений), остальные фиксации не предполагают обязательного наличия проблем с голосом, но тем не менее продолжают указывать на субъекта, как, например, фразеологизм *нем как безголосая рыба* ‘об упорно молчащем человеке’ связан с волеизъявлением говорящего, и даже выражение *безголосая собака* (XVIII в.) ‘гончая собака, не подающая голоса при преследовании зверя’, не будучи связанным с человеком, при этом указывает на субъекта «говорения» – существо, обладающее голосом, отсюда и значения данных лексем в большинстве своем сводятся к ‘немоте’. Не так во второй группе *без-дериватов*: производные от основы *-молв-* по понятным причинам не связаны ни с какими физиологическими повреждениями – в значениях данного гнезда, скорее, присутствует некоторое волеизъявление субъекта молчания: спр. ц.-сл. *безгласие* ‘молчание, или состояние немого’ (Ал., ч. 1: 49) и ц.-сл. *безмолвствие/безмолвство* ‘молчание, тишина’ (Филк.: 104–105), ц.-сл. *безмолвие* ‘тишина, уединение, молчание’ (Да съ безмолвиемъ делающе, свои хлебъ ядитъ) (Ал., ч. 1: 53), др.-рус. *безмолование* ‘молчание’ (Егда отвързе 7-ю печать, быс<ть>

безмолвие на небесахъ, яко польгодины), ст.-рус. *безмовление* ‘молчание’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117–118), ст.-рус. *безмолвствие* ‘молчание’ (ПОС, вып. 1: 155); ц.-сл. *обезгласнети* ‘лишиться способности говорить, потерять голос’ (Ал., ч. 3: 125) и ст.-рус. *безмолвствовать* ‘молчать’ (ПОС, вып. 1: 155), ц.-сл. *безмолствовать* ‘молчать, наблюдать молчание, не говорить’ (ОЦСРС, ч. 1: 64); *безгласной/ый* ‘лишенный способности говорить; немой’ (Филк.: 100), влг., забайк. *безгласно/ый* ‘лишенный способности говорить’ (Майор.: 38; Мишин.: 13) и др.-рус. *безмолвный/безмолвий* ‘молчаливый’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117–118), XVIII в. *безмолвственный* ‘ничего не говорящий, молчаший’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178), ц.-сл. *любобезмолвный* ‘любящий безмолвие’ (СЦСРЯ, т. 2: 274), брянск. *безмоўны* ‘безмолвный, молчаливый’ (Раст.: 52); ст.-рус. *безгласно / безгласне* ‘безмолвно, тихо’ (*прилучися убо представление его [епископа Арсения] вскоре безгласно, и никто же о семь да дивится, понеже... мнози же и грешники не нужною, но тихою и кроткою смертию разлучаются от тела*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101) и ц.-сл. *безмолвъ* ‘в молчании, приняв обет молчания’ (Филк.: 105), брянск. *безмоўна* ‘безмолвно’ (Раст.: 52). Из перечисленного следует, что там, где тишина и молчание названы лексемами с корнем *-голос-/-глас-*, как правило, существует ситуация физической невозможности говорить (немота, смерть и др.), там, где производящим становится корень *-молв-*, речь идет скорее о молчании преднамеренном, не связанном с физическими возможностями субъекта речи. Впрочем, эту закономерность нарушают следующие примеры: XVIII в. *безголосая собака* ‘гончая собака, не подающая голоса при преследовании зверя’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 167), XX в. *нем как безголосая рыба* ‘об упорно молчащем человеке’ (РБСС: 620), перм. *безголосый* ‘молчаливый или молчаший’ (СРНГ, вып. 2: 185), перм. *безгласить / безголосить* ‘молчать’ (Пор.: 37) – каждая из этих лексем (пожалуй, за исключением образного выражения *нем как безголосая рыба* ‘об упорно молчащем человеке’ (РБСС: 620)) свидетельствует о том, что у *без-производных -голос-/-глас-* также появляется возможность обозначать ситуацию молчания, не обусловленную физической невозможностью говорящего, вероятно, по аналогии с другими *без-производными* лексикой говорения.

Далее стоит отметить, что, не указывая ни на какие голосовые повреждения, *без-производные -молв-* этой же семантической группы в целом тоже обнаруживают связь значений с субъектом речи: лексемы группы преимущественно называют молчание и связанные с ним характеристики

ки и явления (например, ц.-сл. *безмолствовать*, *безмолвъ*, *любобезмолвный* и др.), однако в нескольких лексемах уже наблюдается тенденция к расширению значения от человеческого молчания до тишины вообще: ц.-сл. *безмолвствие/безмолвство* ‘молчание, тишина’ и *безмолвие* ‘тишина, единение, молчание’ (*Да съ безмолвиемъ делающе, свои хлѣбъ ядитъ*). Заметим, что на основании приведенных контекстов судить об окончательном формировании нового значения рано: очевидно, речь идет о человеке и его действиях, поэтому некоторое внимание к субъекту речи здесь всё еще усматривается, однако из контекста также становится ясно, что фокус теперь в большей степени направлен не на речевые способности говорящего, а на производимое им впечатление – впечатление атмосферы тишины, которое формируется образом действия того, о ком идет речь в тексте. Окончательное развитие значения, по всей видимости, мы наблюдаем в семантической группе *бездериватов* от основы *-молв-* с обобщенным значением *спокойствия*: безмолвным (в значении ‘спокойным’) теперь может быть не только человек или животное (ц.-сл. *безмолвти/безмолвствовать* ‘пребывать спокойну’: *И зверие безмолвять на ложахъ своихъ*), но и пространство/обстановка вокруг человека (*безмолвный* ‘исполненный тишины, покоя’: *В безмолвной области поныне / Я слышу сладкострунный шум!*). Однако подобный выход за пределы коммуникации наблюдается не только среди *безд производных -молв-*, но и среди *без-производных -голос-/-глас-*: так, у последних развиваются значения, связанные с семантикой *отсутствия жизни* (*безгласный* и его контекстное значение ‘о мертвом’: «*Не было такого человека, которой не плакаль на него смотря: потому вчера съ нами, а ныне безгласень лежить*» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: с. 101)), с семантикой *неявности, неочевидности*: ц.-сл. *безгласно* ‘тайно, скрыто’ (Филк.: 100), *безгласный* ‘не зарегистрированный, неоглашенный’ (там же), XVIII в. *безгласное дело* ‘дело не обнаруженное’ (САР 1806, ч. 1: 129), довод *безгласный* ‘называется в суде такой довод, который не от доносителя или свидетеля представлен, но из некоторого обстоятельства выведен’ (САР 1789, ч. 1: 533), *безгласной* ‘не объявленный, не взятый на учет, принятый без регистрации’ (Майор.: 38), с семантикой *посессивности* (смол. *безгласный* ‘ничей, никому не принадлежащий’ (*И дошедъ до безгласной земли пустоши Захарковой*) (Сл.Смол.: 26)) и с семантикой *бесславия* (*безгласие* ‘посрамление’ (Лев.: 326)). Нельзя не заметить, что семантические «выходы» за пределы коммуникативной ситуации у лексем того и другого гнезда идут по раз-

ным путям: по всей видимости, в данном случае стоит вновь говорить о том, что разница значений отчасти связана с каузацией «безгласия» и «безмолвия». «Безгласие» во всех случаях обусловлено тем или иным недостатком: отсутствием регистрации, доказательств, прав на собственность или ведения, понимания. Хотя, конечно, «безмолвие» и внутренней формой, и развивающимися значениями связано с отсутствием звука, трудно сказать, что лексемами основы *-молв-* называется недостаток или дефицит: в данном случае на первый план выходит не самое отсутствие речи (звука), но эффект/состояние/качество, которое обретается или устанавливается впоследствии.

Следующая общая точка в развитии значений без-дериватов *-голос-/глас-* и *-молв-* – семантика **безответности, безропотности**. Так, среди без-дериватов *-голос-/глас-* развиваются значения **безответности, покорности, беспомощности, бесправности**: ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчаний’ (Гильт., 66), (яко агнецъ прямо стригущему его *безгласенъ*) (там же), XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’: «*Вина делает его безгласнымъ*» (САР 1806, ч. 1: 127), XIX в. *безгласный* ‘не могущий оглашать своего мнения, по обстоятельствам или по недостатку воли, самостоятельности; человек без веса и влияния’ (Даль, т. 1: 149–150), *безгласность* ‘состояние человека, не могущего подать своего голоса, высказать своего мнения; || безвластие, бессилие в делах, распоряжениях’ (Даль, т. 1: 150), забайк. *безгласной* ‘такой, который не может защитить себя, требует ухода за собой; бесправный, беспомощный’ (Майор.: 38), XIX в. *безгласный* ‘не имеющий законного права подавать голос’, *безгласить* ‘лишать голоса, власти’ (Даль, т. 1: 150), а в говорах – урал. *безголосица* ‘лишенный права голоса на выборах’ (Бир.: 182), перм. *безголосить* ‘лишать голоса, власти’ (СРНГ, вып. 2: 185); а среди без-дериватов от основы *-молв-* – значения **невозмутимости, скромности, уединения**: ц.-сл. *безмолвный* ‘неотвлекаемый, неразвлекаемый’ (да тихое и *безмолвное житие поживемъ*) (Гильт.: 68), ц.-сл. ‘мирный, отрешенный от земных интересов’ (Филк.: 105), ц.-сл. *безмолвие / безмолвствие* ‘безмятежие, спокойствие’ (ОЦСРС, ч. 1: 64), др.-рус. *безмолвие* ‘безответность, безропотность’ (имети же в *безмолвии смирение*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117), ц.-сл. *безмолвить* ‘молчать, быть спокойным, скромным’, ц.-сл. *безмолвие* ‘уединение’ (Да съ *безмолвиемъ делающе, свой хлебъ ядять*) (Ал., ч. 1: 53), ц.-сл. *безмолвник* ‘уединенный, пустынник, пустыножитель, отшельник, удалившись от мирских сует’ (ОЦСРС, ч. 1: 64), XVIII в. *без-*

молвно ‘безмятежно, в тишине, или уединенно’ (САР 1806, ч. 1: 143), XVIII в. *безмолвный* ‘уединенный, отдаленный от сообщества людского’ (*Имея келию безмолвну*) (там же), XVIII в. *безмолвствовать* ‘жить уединенно, вести пустынную жизнь’ (*Шедъ въ келию свою безмолвствование*) (там же).

Надо отметить, что семантически значения производных обоих гнезд достаточно близки, различия – в оттенках значений и коннотациях. Лишь ограниченное количество лексем обнаруживает предельную степень близости значений: речь идет о др.-рус. *безмолвие* ‘безответность, безропотность’ и ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчаний’ и XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’ (см. выше) – в обоих случаях безропотность и покорность человека оцениваются положительно, в соответствии с христианскими представлениями о покорном поведении верующего. В остальных же лексемах семантика *без-*производных разнится: называя с помощью без-дериватов основы *-голос-/глас-* такие качества человека, как безответность и покорность, мы имеем в виду, что человеку, о котором идет речь, недостает определенных черт характера (например, мужества, смелости, дерзости и др.), иными словами, мы говорим о его неспособности сделать что-либо, в случае же, когда мы называем человека скромным (с помощью без-дериватов основы *-молв-*), мы склонны считать, что его краткое поведение – скорее, некоторое достоинство личности, ее приобретение – уже не лишение чего-либо, но обладание чем-либо. То же с безответностью и невозмутимостью: безответным может быть тот, кто не способен сказать что-то необходимое в подходящий момент, невозмутимым – тот, кто, наоборот, способен промолчать тогда, когда это необходимо. Пара «скрытность – уединение» также отличается деталями значений: и то, и другое про человеческую склонность к избеганию скоплений людей, однако первое слово (скрытность) мы назовем тогда, когда чье-либо стремление к одиночеству нам кажется неестественным (или вообще осуждается), уединение же – характеристика человека, словно бы лишенная оценки, однако контексты (см. выше) нам показывают, что зачастую под таким уединением имеется в виду подвижническая деятельность монахов, которая в православной парадигме всё же имеет тенденцию к одобрению. Наконец, с отсутствием голоса связаны не только номинации особенностей характера и манеры поведения человека, но и «положение» человека в христианской «системе координат» – речь идет о слове *безгласие* в значении ‘посрамление’.

Таким образом, анализируя значения без-дериватов, представленных в настоящей работе, мы видим, что с отсутствием голоса связаны номинации ситуаций, явлений, качеств, характеризующиеся преимущественно отрицательной оценкой: здесь и голосовые повреждения, и немота, и отсутствие жизни, и безответность, бесправность, покорность, скрытность, посрамление. Отсюда мы предполагаем, что голос представляется носителю языка как некий сущностный фактор, от которого зависит жизнь человека: и физическая (см. значение ‘отсутствие жизни’), и социальная (об этом свидетельствуют все признаки и качества, называющие слабые стороны человеческого характера/поведения), и духовная (в случае с безгласием в значении ‘посрамление’) – скорее всего, такие представления о голосе происходят от понимания важности успешной коммуникации, от которой действительно подчас зависела и зависит жизнь человека. Однако надо сказать, что не всегда отсутствие голоса становится проклятием для говорящего – об этом говорят условно «положительные» значения, которые развиваются без-дериватами корня *-молв-* (молчание, тишина, спокойствие, невозмутимость, скромность, уединение). Мы неоднократно обращали внимание на то, что в ряде случаев различия значений без-производных двух гнезд заключаются в том, что становится причиной условного «молчания»: значительная часть значений дериватов основы *-голос-/глас-* связана с принудительным молчанием, возникающим вследствие не зависящих от человеческого волеизъявления факторов, семантика же дериватов основы *-молв-*, наоборот, указывает на ситуации, когда отсутствие речи или звука становится следствием самостоятельного решения человека. В свете подобного распределения значений внутри гнезд можно предположить, что ценностью для носителя языка обладает не столько сам голос и возможность и участвовать в коммуникации, сколько способность этими «инструментами» распоряжаться должным образом: молчание положительно маркируется в тех случаях, когда говорящий установил его осознанно, имея перед собой некую высшую цель (монашеское послушание, воздержание от гнева, недопущение чрезмерной болтливости), и наоборот, молчание осуждается тогда, когда человек не смог надлежащим способом воспользоваться голосом (не ответил обидчику, не постоял за себя в суде и проч.) или когда лишился его вследствие непреодолимых обстоятельств (по болезни, при смерти, под давлением кого-то извне и т. п.).

Список источников

- Ал. – Алексеев П. А. Церковный словарь. 4-е изд. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1817. Ч. 1. 279 с.
- Ал. – Алексеев П. А. Церковный словарь. 4-е изд. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1818. Ч. 3. 368 с.
- БАС – Большой академический словарь русского языка / ред. Л. Е. Кругликова, В. П. Фелицына. М.: Наука, 2008. Т. 10. 571 с.
- Бел. – Белякова С. М. Эстетическое начало народной речи. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 189 с.
- Бир. – Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск: Свердл. книж. изд-во, 1953. 290 с.
- Гильт. – Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Петроград: Типография А. М. Котомина, 1882. 2448 с.
- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1903. Т. 1. 1744 с.
- Двор. – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- Добр. – Добровольский Д. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.
- Лев. – Левичкин А. Н. Неизвестный памятник Новгородской письменности конца XV – начала XVI века (словарь к Геннадиевской библии) // Северорусские говоры. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2014. Вып. 13. С. 265–336.
- ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации).
- Майор. – Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 584 с.
- Мишн. – Мишинев С. М. Тарногский говор. Вологда: Полиграф-Книга, 2013. 343 с.
- ОЦСРС – Общий церковно-славяно-российский словарь. СПб: Тип. Император. Рос. акад., 1834. Ч. 1. 1692 с.
- Пор. – Порохова О. Г. О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах. 1. Варьирование. // Диалектная лексика 1969 / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1971. С. 27 – 49.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. Вып. 1. 199 с.
- Раст. – Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
- РБСС – Володина Т. В., Мокиенко В. М. Русско-белорусский словарь сравнений. Минск: Беларусская наука, 2018. 811 с.
- САР 1789 – Словарь Академии Российской. СПб: Император. акад. наук, 1789. Ч. 1. 1150 с.

САР 1806 – Словарь Академии Российской. СПб: Император. акад. наук, 1806. Ч. 1. 1310 с.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Т. 1. 526 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. Вып. 12. 384 с.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984. Вып. 1. 224 с.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. З. М. Петрова. СПб.: Наука, 2006. Вып. 16. 277 с.

Сл.Смол. – Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000. 367 с.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии А–Я / под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1. 364 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 314 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1970. Вып. 6. 358 с.

СРСГСЧБРО – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (дополнение) / ред. О. И. Блинова, В. В. Палагина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. Ч. 1. 277 с.

СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. Т. 2. 472 с.

Филк. – Филкова П. Д. Староболгаризмы и церковнославянизмы русской литературного языка. София: Софийский ун-т «Климент Охридски», 1986. Т. 1. 517 с.

Цейтл. – Старославянский словарь / ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благая. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1994. Вып. 20. 255 с.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. и др. Язык о языке: сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.

Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021. 584 с.

Гусева Л. Г. Слова с префиксом без- (бес-) в устаревшей уральской лексике // Гусева Л. Г. Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / ред. С. Г. Галинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 206–214.

Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / ред. Н. И. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 7–32.

Макеева И. И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке: сб. ст. / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 63–155.

Обнорский С. П. Префикс «без-» в русском языке // С. П. Обнорский, Избранные труды по русскому языку / ред. О. Г. Шикина. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1960. С. 195–206.

Оглашение // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2578175.html> (дата обращения: 18.07.24).

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / ред. Н. И. Толстой. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 575 с.

Сурикова О. Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 604 с.

Тертуллиан. О покаянии // Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века. Ч. 2. / пер. Е. Карнеева. СПб., 1849. С. 80–101.

Толстая С. М. Концепт слово в истории русского языка // Язык о языке: сб. ст. / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 172–192.

References

Arutyunova N. D. et al. *Yazyk o yazyke* [Language about Language]: a collection of articles. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, LRC Publishing House, 2000. 624 p. (In Russ.)

Bondarenko E. D. *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoye soznanie* [Naive Linguistics and Dialectal Linguistic Consciousness]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 584 p. (In Russ.)

Guseva L. G. *Slova s prefiksom bez- (bes-) v ustarevshyj ural'skoy leksike* [Words with the prefix bez- (bes-) in obsolete Ural vocabulary]. *Onomasti-*

ka i dialektnaya leksika [Onomastics and Dialectal Vocabulary]: a collection of articles. Ed. by S. G. Galinov. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 1999, issue 3, pp. 206-214. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. Drevneslavianskaya fundamental'naya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki [Old Slavic fundamental axiology in the mirror of Proto-Slavic vocabulary]. *Slavyanskoе i balkanskое yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan Linguistics. The Problems of Lexicology and Semantics. A Word in the Context of Culture]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 7-32. (In Russ.)

Makeeva I. I. Yazykovye kontsepty v istorii russkogo yazyka [Language concepts in the history of the Russian language]. *Yazyk o Yazyke* [Language about Language]: a collection of articles. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 63-155. (In Russ.)

Obnorskiy S. P. Prefiks 'bez-' v russkom yazyke [The prefix 'bez-' in the Russian language]. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Ed. by O. G. Shikin. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1960, pp. 195-206. (In Russ.)

Oglašenie [Catechism]. *Pravoslavnaya Entsiklopediya pod redaktsiey Patriarkha Moskovskogo i*

vseya Rusi Kirilla [Orthodox Encyclopedia edited by Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus']. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/2578175.html> (accessed 18.07.24). (In Russ.)

Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publishing House, 1995, vol. 1. 575 p. (In Russ.)

Surikova O. D. *Leksicheskie edinitsy s pristavkoy i predlogom bez v russkikh narodnykh govorakh i fol'klore: semantiko-motivatsionnyy i etnolingvisticheskiy aspekyt* [Lexical units with the prefix and preposition bez in Russian folk dialects and folklore: semantic-motivational and ethnolinguistic aspects]: Cand. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 2016. 604 p. (In Russ.)

Tertullian. *O pokayanii* [On repentance]. *Tvorenija Tertulliana, khristianskogo pisatelya v kontse vtorago i v nachale tret'ago veka* [The Works of Tertullian, a Christian Writer of the Late Second and Early Third Centuries]. Transl. by E. Karneev. St. Petersburg, 1849, pt. 2, pp. 80-101. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Kontsept slovo v istorii russkogo yazyka* [The concept 'word' in the history of the Russian language]. *Yazyk o yazyke* [Language about Language]: a collection of articles. Moscow, LRC Publishing House, 2000. pp. 172-192. (In Russ.)

Derivatives from the Stems *-golos-/glas-* and *-molv-* with the Prefix *bez-* in the History of the Russian Standard Language and in Dialects

Nataliya A. Popova

Master's Student, Research Assistant in the Department of Russian Language,
General Linguistics and Speech Communication
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620083, Russia. singyoutosleeppp@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7369-054X>
ResearcherID: LBI-3163-2024

Submitted 21 Sep 2024

Revised 05 Oct 2024

Accepted 13 Feb 2025

For citation

Popova N. A. Bez-prefiksal'nye derivaty korney -golos-/glas- i -molv- v istorii russkogo literaturnogo yazyka i v govorakh: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Derivatives from the Stems -golos-/glas- and -molv- with the Prefix bez- in the History of the Russian Standard Language and in Dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zareubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 78-89.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-78-89. EDN GLUMDA (In Russ.)

Abstract. The present work is devoted to the study of vocabulary derived from the stem *-golos-/glas-* and the stem *-molv-* with the prefix *bez-* as it appears in the history of the standard language and in its dialects. The main objective of the study is to identify the semantic-and-motivational uniqueness of the mentioned word-formation nests, which makes it possible to describe the metalinguistic reflection of native speakers in the Russian linguo-cultural tradition. The work analyzes the semantics of *bez*-derivatives from the stems *-golos-/glas-* and *-molv-*, offers motivational solutions for non-trivial cases of semantics development in this lexical group, describes the features of the functioning of the named lexical group in the literary version of the language and in its dialects. The study has revealed the following: the motivational feature of the absence of *voice* (stem *-golos-/glas-*) is hidden in the internal form of vocabulary naming human qualities that are predominantly negative in nature; on the contrary, the absence of *rumors* (stem *-molv-*) is associated with socially approved human characteristics and qualities. An analysis of the semantics of the vocabulary described in the work and of the contexts in which it is used shows that such differences indicate the values that the native speakers adhere to: the ability to correctly use the ‘tools’ of communication is considered to be more important than the actual presence and condition of these ‘tools’.

Key words: dialectology; historical linguistics; prefixes; word formation; semantic-motivational reconstruction.

УДК 004.738.5:316.77(470.53)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-90-107
<https://elibrary.ru/henthe>

EDN HENTHE

Пермские «Подслушано»: роль в городском информационном пространстве

Пустовалов Алексей Васильевич

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. theyareeverywhere@gmail.com

SPIN-код: 8778-0914

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7288-8024>

ResearcherID: I-6024-2013

Статья поступила в редакцию 01.09.2024

Одобрена после рецензирования 04.09.2024

Принята к публикации 26.12.2024

Информация для цитирования

Пустовалов А. В. Пермские «Подслушано»: роль в городском информационном пространстве // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филологии. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 90–107.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-90-107. EDN HENTHE

Аннотация. Исследование обращено к роли групп типа «Подслушано» в формировании информационного пространства Перми. Даётся обзор культурно-исторических истоков этого типа групп в России, анализируются факторы, повлиявшие на их возникновение и эволюцию (президентство Д. Медведева, пандемия COVID-19, СВО на Украине, признание экстремистскими соцсетей компаний Meta, стимулирование интереса к «ВКонтакте» и «Одноклассникам» и пр.). Непосредственно исследование связано с выяснением структуры, функций, роли групп типа «Подслушано» в Перми. Выявляются ведущие группы в городе (а также примыкающие к ним, образующие две крупнейших системы «Подслушано» города), а затем – в каждом из районов города (Ленинском, Дзержинском, Свердловском, Мотовилихинском, Индустриальном, Орджоникидзевском, Кировском). При помощи сервиса соцсетевой статистики Popsters определяются показатели каждой из групп (количество подписчиков, постов, репостов, комментариев, просмотров); по всем районам города они сравниваются в таблицах. Также в отдельной таблице приводится информация о наиболее значимых «Подслушано» микrorайонов Перми. После сравнения активности сообществ районов города делается главный вывод о том, что группы тем активнее, чем они дальше от культурно-административного центра Перми. Этот же вывод подтверждается при обращении к сообществам отдаленных микrorайонов города. При сравнении роли пермских СМИ и информационно-коммуникационных групп «ВКонтакте» в информационном поле Перми отмечается, что сообщества типа «Подслушано» обращаются к огромному полю социальных, культурных, психологических проблем, которые не затрагиваются властью или не являются интересными для СМИ в силу своей малой масштабности, но тем не менее остроактуальны для местных общин.

Ключевые слова: «Подслушано»; социальные сети; информационное поле; сообщества ВКонтакте.

Обзор проблемы

В данном исследовании мы задаемся вопросом о том, что происходит сегодня с группами типа «Подслушано» в отечественной социальной

сети «ВКонтакте». За последние годы неоднократно приходилось слышать мнение, что группы этого типа уже исчерпали себя и их развитие постепенно сходит на нет. Однако, как мы видим,

события начала 2020-х (пандемия коронавируса, СВО) существенно повлияли на их активность.

Группы типа «Подслушано» – одни из наиболее ярких представителей огромного количества появившихся на рубеже 2000–2010 гг. различных гражданских информационно-коммуникативных сообществ, производящих собственные новости, решающих разнообразные социальные, культурные, психологические проблемы, каждое – на своей территории и со своей аудиторией (группы типа «Мой город...», «Твой город...», «ЧП ДТП ...» и пр.). Мы проанализируем нынешнее состояние групп именно этого типа на примере города Перми, обратившись также к вопросам об их роли и структуре в городском информационном пространстве.

Первое «Подслушано», давшее начало многочисленному типу этих сообществ, было создано более 10 лет назад, в октябре 2012 г. Владимиром Огурцовым. «Здесь говорят о тебе!» – так звучал слоган нового сообщества, а главной отличительной чертой стала анонимность пользователей [Подслушано 2020], раскрывающих свои и чужие (зачастую довольно интимные) секреты, публикующих нетипичные (такие в СМИ трудно найти) новости и задающих самые разные вопросы, получая ответ от других пользователей. Жанр стал настолько востребованным, что два года спустя издательство «Эксмо» опубликовало книгу с наиболее интересными постами этого сообщества [Подслушано 2014]. По примеру первого «Подслушано» возникли сотни (позже – тысячи) новых, имея в основании либо географическую («Подслушано Тверь», «Подслушано Уфа», «Подслушано Омск» и пр.), либо профессиональную («Подслушано» водителей, медиков, студентов, таксистов и пр.) характеристику. Хронологически и концептуально они восходят к «микрооттепели» Дмитрия Медведева, когда «ВКонтакте» возникло множество независимых сообществ, где обычные граждане публиковали собственную информацию, но хронологически с его периодом правления (7 мая 2008 г. – 7 мая 2012 г.) уже не совпадают.

К концу 2010-х можно было наблюдать некоторое снижение интереса аудитории к «Подслушано», стали говорить об усталости, устаревании этого формата, однако новое десятилетие инициировало новые мотивы для их развития.

С января 2020 г. в связи с пандемией коронавируса мы столкнулись с новой реальностью: работа, учеба и взаимодействие осуществлялись через интернет; произошла более глобальная интернетизация бизнеса и образования. Соцсети, различные интернет-сервисы для общения в режиме реального времени (Zoom, Skype, Google Duo, Discord и пр.) стали невероятно популяр-

ными в данный период, поскольку деятельность практически всех организаций была перенесена в цифровой мир. В это время существенно выросли показатели посещаемости информационных сайтов – и по уникальным посетителям, и по просмотренным страницам: *breaking news* подобного уровня СМИ ждут долго и проходят они быстро; коронавирус же на долгие месяцы стал сильнейшей сенсацией. То же самое можно сказать про информационно-коммуникативные группы «ВКонтакте» (а также про общение в других крупнейших соцсетях и мессенджерах): люди обращались за новостями и к этим платформам, кроме того, из-за ковидных ограничений лишенные возможности общаться лицом к лицу, возмечали этот недостаток интернет-общением. Очевидно, это дало новый толчок развития и группам типа «Подслушано».

С начала специальной военной операции РФ на Украине (24 февраля 2022 г.), а особенно после признания экстремистскими ресурсов компании Meta* серьезно повысился интерес к отечественным аналогам – «ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграм». В этот момент резко возрос спрос на использование отечественных соцсетей властными структурами: распоряжение правительства РФ от 2 сентября 2022 г. предписывало госорганам, судам, органам местного самоуправления «определить ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем»¹, то есть в обязательном порядке иметь там представительства. И это также стало фактором, повысившим востребованность этих соцсетей.

Как мы отмечали, информационно-коммуникативные сообщества «ВКонтакте» типа «Подслушано» – целая «система, имеющая свою структуру, свои функции, играющая немаловажную роль в информационном пространстве, в коммуникации горожан, в решении социальных проблем» [Пустовалов 2021: 372]. Появившись на рубеже нулевых и десятых, эти сообщества активно себя проявили во многих российских городах. Можно констатировать, что их активность связана с тем, что они отвечают определенным насущным потребностям городской среды.

Неслучайно в Перми существование самых разнообразных «Подслушано», созданных и по территориальному, и по тематическому основанию. Более того, и в стране в последнее время появляются агрегаторы, собирающие наиболее интересные новости из подобных ресурсов.

*Решение Тверского районного суда Москвы от 28 марта 2022 г. № 02-2473/2022 о запрещении деятельности корпорации Meta Platforms Inc. «по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* на территории РФ».

Пермский пример – ресурс «Подсмотрено Пермь», агрегирующий публикации из социальных сетей, с крупнейшим разделом «Подслушано», специализирующимся на публикациях ресурсов этого типа².

Можно резюмировать, что информационно-коммуникативные соцсетевые сообщества в течение полутора десятилетий существенно поменяли прежнюю, веками формировавшуюся информационную модель страны – от централизованной до децентрализованной, ориентированной на локальные и гиперлокальные нужды. И вопрос о том, как именно такие нужды освещаются, применительно к конкретным территориям распадается на множество мелких, отвечая на которые, можно понять, как в целом кардинально меняется информационный ландшафт России. Новизна данного исследования заключается в том, что он решается применительно к главному городу Пермского края (который является одним из крупнейших регионов страны).

Степень исследованности проблемы

На данный момент проблема в отечественной науке в целом исследована с двух основных сторон: в аспекте присутствия и эффективности работы СМИ в социальных сетях [Градюшко 2015; Лихачёв 2014; Лободенко, Баштанар 2016; Немчнова 2016] и в аспекте информационной ценности самих сообществ «ВКонтакте» [Браславец 2009; Степанов 2015; Пустовалов 2020, 2021 и т. д.; Социальные медиа… 2017] и пр.

Мы обращались также к проблеме успешного распространения новостей СМИ в социальных сетях [Пустовалов, Ишматов 2013], затрагивая в связи с этой проблемой более широкий аспект структуризации пермского новостного рынка интернет-изданий [Пустовалов 2014].

Однако неисследованными остаются множество частных вопросов: эффективность заимствования опыта групп СМИ у информационно-коммуникативных гражданских сообществ, удельный вес профессиональных и гражданских новостей в разных регионах страны, функции различных типов групп в информационном поле РФ, особенности формирования информационного ландшафта в отдельно взятых районах, информационная активность граждан в группах в случае малого внимания к их локальным проблемам со стороны СМИ. К последнему из вопросов мы обращаемся в данном исследовании.

Материал исследования

Необходимо отметить, что два самых больших городских сообщества – «Мой город Пермь» и «Пермь активная» – существуют в содружестве со своими, возникшими рядом с ними «Подслушано».

«Мой город Пермь» (также МГП) с 517 тыс. подписчиков – самая крупная группа города. Самое крупное «Подслушано» Перми (456 тыс. подписчиков) – ее детище. Ее конкурент, «Пермь активная» (также ПА, 303 тыс. подписчиков), имеет при себе подобную же группу – «Пермяки (Подслушано Пермь)» (138 тыс. подписчиков).

Как уже отмечалось, «Мой город Пермь»³ и «Пермь активная»⁴ – не просто самые большие сообщества города, а «флагманы», каждый из которых ведет за собой «флот» групп разнообразной тематики (новости, афиши, знакомства, одноклассники, спорт и пр.) [Пустовалов Сидорова 2020: 123]. Это две крупнейших системы группы; как первая, так и вторая охватывает большую часть городской аудитории. Кроме того, в каждом из районов мы отследили и проанализировали статистику по группам, не связанным с этими двумя крупнейшими городскими соцсетевыми системами, а возникшими по своим естественным причинам в каждом из мест.

«Подслушано» от «Мой город Пермь», а также «Пермяки (Подслушано Пермь)» от «Пермь активная» являются самыми крупными группами подобного типа в городе.

В нашем анализе в случае с каждым сообществом мы взяли три точки: создание группы, октябрь 2021 г. (мы взяли данные для каждой группы в этот момент) и март 2023 г. (крайняя точка получения данных). Нам интересно понять, эволюционируют эти группы или стагнируют: приходилось слышать мнение, что группы этого типа уже исчерпали себя и их развитие постепенно сходит на нет. В табл. 1 представлена статистика по основным показателям групп (данные в таблицах – на середину 2023 г.).

Методика исследования

Анализ начинается с выявления наиболее крупных групп в городе и его районах; этот отбор осуществляется при помощи встроенного поиска по группам «ВКонтакте» (*Сообщества – Поиск сообществ – Пермь*, ключевое слово «Подслушано»); поиск дополняется также «внешним» поиском с использованием Google. Отдельно уточняется перечень групп, имеющих отношение к соцсетевым флагманам Перми – сообществам «Мой город Пермь» и «Пермь активная». Таким же образом выявляются также локальные сообщества – наиболее значимые группы отдельных микрорайонов города.

Для этого используем поиск по сообществам «ВКонтакте». Затем, имея перечень групп, мы обращаемся к сервису соцсетевой аналитики Popsters. Специфика работы с ним достаточно хорошо опи-

сана [Engagement rate... 2017; ERday, ERpost, ERview... 2017] и основана на подсчете этим сервисом количества постов, лайков, комментариев, перепостов, просмотров, а также различных параметров уровня вовлеченности (*engagement rate*) пользователей. Соответственно, этот инструментарий позволяет очень точно определить разницу в периоде существования различных соцсетевых сообществ, а также, после подсчета постов и знаков внимания к ним, степень активности пользователей. Соответственно, сравнив показатели разных «Подслушано» Перми, мы можем сделать выводы

о статусе каждого из них, о роли, которую сообщество может играть в данной локации. Подчеркнем, что при помощи сервиса Popsters мы можем увидеть, как возникали эти группы и как функционировали в динамике.

Как уже было отмечено, два крупнейших пермских «Подслушано» также имеют свои продолжения в аналогичных, более мелких городских группах. Так, «Мой город Пермь» рядом со своим главным «Подслушано» создало целую систему подобных же групп практически для всех районов и некоторых микрорайонов Перми (табл. 2, 3)

Крупнейшие «Подслушано» Перми (масштаб города)
The largest “Overheard” of Perm (city scale)

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репости	Комментарии	Промоутеры	ERday
Подслушано Пермь (МГП) https://vk.com/podslushano-perm	17.07.2015	455,9K	91,7K	19,4M	573,4K	4,3M	1,926M	1,922 %
		476,1K	114.2K	22.4M	1,5M	4,4M	2 649M	1,72 %
Пермяки (Подслушано Пермь) (ПА) https://vk.com/permyaky	12.11.2013	125K	117,7K	7,2M	139,4K	4,3M	2,96M	3,388 %
		138,5K	128K	7,9M	435,4K	4,3M	4,1M	2,6 %

Система «Подслушано» от группы «Мой город Пермь»
System of “Overheard” from the group “My City Perm”

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репости	Комментарии	Промоутеры	ERday
Подслушано Пермь https://vk.com/podslushanoperm	17.07.2015	471K	97,8K	20,2M	821,9K	4,3M	2,1B	1,83 %
		476.1K	114.2K	22.4M	1.5M	4.4M	2 649M	1,72 %
Подслушано Центр https://vk.com/podslushano_centr_perm	07.02.2020	1,7K	2,6K	6,7K	566	2,3K	899,6K	1,163 %
		2,3K	6,7K	15,1K	3K	4,6K	2,2M	0,9 %
Подслушано Мотовилиха https://vk.com/podslushano_motoviliha_perm	07.02.2020	9,2K	3,4K	58,6K	6,7K	17,2K	7,7M	1,88 %
		17,2K	8,1K	156,2K	32,4K	49K	24M	1,2 %

Продолжение табл. 2

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репосты	Комментарии	Промсмотры	ERday
Подслушано Свердловский р-н https://vk.com/podslushano_sverdlovskij_perm	07.02.2020	11,2K	3,3K	56,4K	6,8K	20,0K	8,6K	1,5 %
		16K	8K	156K	34K	51K	25,5K	1,3 %
Подслушано Дзержинский р-н https://vk.com/podslushano_dzerzhinskij_perm	07.02.2020	3,9K	2,8K	27,3K	2,2K	7,0K	3,0M	1,98 %
		5,2K	7K	65K	10K	16,5K	8,16M	1,6 %
Подслушано Кировский р-н https://vk.com/podslushano_kirovskij_zakamsk	07.02.2020	9,0K	3,2K	55,5K	6,4K	16,0K	7,6M	1,81 %
		12,7K	7,6K	121,6K	23K	40K	21M	1,27 %
Подслушано Индустриальный р-н https://vk.com/podslushano_industrialnyj_perm	07.02.2020	17,2K	4,1K	97,7K	16,8K	35,1K	15,7M	1,82 %
		29,4K	10,6K	332,2K	82K	110,4K	58M	1,55 %
Подслушано Орджоникидзевский район, Гайва https://vk.com/podslushano_ordzho_i_gajva_perm	07.02.2020	4,7K	3,2K	26,7K	2,9K	10,4K	4,1M	1,417 %
		5,9K	6,8K	55,2K	8,2K	19K	8,9M	1,2 %
Подслушано Нагорный https://vk.com/podslushano_nagornyyj_perm	07.02.2020	970	2,5K	3,3K	250	955	416,1K	0,97 %
		1,4K	6,5K	7 007	1 113	2 082	1,2M	0,6 %
Подслушано Садовый https://vk.com/podslushano_sadovyj_perm	07.02.2020	1,2K	2,5K	3,7K	427	1,6K	599,4K	1,037%
		1,8K	6 567K	8,7K	2K	3,5K	1,9M	0,7 %
Подслушано Вышка 2 https://vk.com/podslushano_vyshka_2_perm	07.02.2020	1,4K	2,5K	5,4K	470	1,8K	933,0K	1,178 %
		2K	6,4K	13,3K	2,1K	4,5K	2,9M	0,84 %
Подслушано Парковый https://vk.com/podslushano_parkovyj_perm	07.02.2020	1,6K	2,5K	7,1K	538	2,2K	960,2K	1,318 %
		3K	6,6K	18,1K	2,9K	7,4K	3,5M	0,8 %

Окончание табл. 2

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репосты	Комментарии	Про-смотры	ERday
Подслушано Кислотные дачи / Молодёжный https://vk.com/kislotnye_dachi_molodyozhnyj	07.02.2020	1,6K	2,5K	10,2K	550	2,5K	1,1M	1,782 %
		2,5K	6,6K	22,7K	2,7K	6K	3,5M	1 %

Таблица 3

Система «Подслушано» от группы «Пермь активная»

System of “Overheard” from the group “Perm active”

Группа	Создана	Дру-зья	По-сты	Лайки	Ре-посты	Ком-мента-рии	Про-смотры	ERday
Пермяки (Подслушано Пермь) (ПА) https://vk.com/permyaky	12.11.2013	125K	117,7K	7,2M	139,4K	4,3M	296M	3,388 %
		138,5K	128K	7,9M	435,4K	4,3M	416M	2,6 %
Подслушано в Перми https://vk.com/heardperm	02.09.2014	50,8K	38,4K	592,1K	48,6K	194,7K	53,3M	1,3998 %
		56,6K	48,4K	721,7K	90,5K	247,3K	85M	0,6 %
Наш Садо-вый Момовилиха https://vk.com/cadoviy	15.09.2017	5,5K	2,2K	93,4K	3,9K	6,7K	3,6M	1,400 %
		13,2K	4,6K	18,8K	30,4K	17,2K	11,4M	0,87 %
Подслушано Загарье https://vk.com/permzaga	09.11.2016	6,2K	7,7K	69,2K	3,4K	25,4K	6,3M	0,951 %
		8,8K	10K	98,3K	13,3K	32,8K	11,8M	0,7 %
Подслушано Гайва и Орджо https://vk.com/vkiperm	23.04.2014	33,6K	49,2K	1,7M	81,3K	641,1K	95,3M	2,7 %
		38K	55,1K	1,8M	128,6K	671,1K	122,2M	2 %
Подслушано Гайва https://vk.com/pg159	14.12.2015	12,6K	5,3K	31,5K	2,4K	9,2K	3,2M	0,17 %
		7,4K	2,7K	45K	6K	13,5K	5,6M	0,17 %

Обращаясь к табл. 1, мы видим желание системы «Мой город Пермь», вышедшего на этот рынок в конце февраля 2020 г., захватить еще существующие коммуникационные ниши, конкурируя с группами «Пермь активная» и с иными группами, уже существующими на этом пространстве⁵. Во всех группах заявлен один и тот же основной контакт (Антон Котов,

<https://vk.com/av.kotov90>), публикуются одни и те же общегородские новости – по этим признакам можно идентифицировать их как входящие в систему «Подслушано» от «Мой город Пермь». Popsters позволяет зафиксировать дату первого поста (которую мы принимаем как дату возникновения группы): у «Подслушано» в системе «Мой город Пермь» все 12 групп (кроме главного «Под-

слушано) созданы 7 февраля 2020 г., везде один и тот же первый пост – про нарядного кондуктора.

Даже количество постов у некоторых групп похоже – от 1,4 до 2,3 тыс., что говорит о едином подходе к публикациям новостей, об их единобразии (большой блок общих для всех групп городских новостей плюс публикации по данному району). Очевидно, что группы ведет профессионал (или команда таковых). Даже коэффициент вовлеченности аудитории, как результат этих усилий, во всех группах сравним: почти везде он более 1 %, что является неплохим для групп «ВКонтакте» показателем.

Более разнообразна и неожиданна статистика у «Подслушано» в системе «Пермь активная». «Пермяки (Подслушано Пермь)» – это старейшее из ныне существующих пермских «Подслушано»: оно возникло 12 ноября 2013 г. (по дате создания с ним сравнимо лишь локальное сообщество «Вышка 2», возникшее месяцем позже).

Кроме этой главной группы в системе ПА еще 5 групп (у «Мой город Пермь», напомним, их 12). Хотя везде в качестве главного контактора заявлен один человек (Артём Кулич, <https://vk.com/id211689847>), все они возникли в разное время в период между 2014–2017 гг., имеют разное количество постов, разный коэффициент вовлеченности аудитории – рекордно низкий (0,17 % у «Подслушано Гайва»), средний (0,6–0,8 % – «Подслушано в Перми», «Наш Садовый Мотовилиха», «Подслушано Загарье») и очень высокий (2 % – «Подслушано Гайва и Орджо», 2,6 % – «Пермяки (Подслушано Пермь)»). Если профессионально-ровно ведомые группы «МГП» производят впечатление сделанных под копирку, то здесь всё «по-домашнему местечково», это пермский городской *handmade*. Каждая группа имеет свою специфику, свой набор рубрик, свои уникальные новости (они не повторяются, как у «Подслушано» в системе «Мой город Пермь»).

Мы видим также, что к главной группе («Подслушано Пермь» у «Мой город Пермь» и «Пермяки. Подслушано Пермь» у «Перми активной») в обоих случаях добавляется еще одно сообщество, претендующее на охват всего города. В первом случае это «Подслушано Центр» (МГП), во втором – «Подслушано в Перми» (ПА). Пусть количество подписчиков в этих группах скромнее, чем в главных их «Подслушано» (476К и 2,3К у МГП и 138,5К и 56,6 у ПА), но, очевидно, они имеют какое-то дополнительное по отношению к главной группе значение.

Также видим, что представители обеих систем имеют в некоторых районах и микрорайонах каждый по «своей» группе (Мотовилихинский, Орджоникидзевский районы, Гайва, Садовый), являясь в каждом случае «естественными» со-

перниками, поскольку работают на одну и ту же аудиторию.

Уже обращаясь к этим примерам, мы начинаем отвечать на один из главных вопросов нашего исследования – актуальны ли ещё сообщества «Подслушано» для соцсетевого ландшафта Перми (или новые пользователи неотвратимо уходят в другие соцсети, мессенджеры)? Мы видим, что как у МГП, так и у ПА количество основных важнейших показателей в группах (количество друзей, постов, лайков, перепостов, комментариев, просмотров) продолжает возрастать. Это значит, что группы не стагнируют, а продолжают развиваться. Одновременно видим характерную для растущих групп тенденцию: с увеличением числа подписчиков уменьшаются показатели их вовлеченности. Это значит, что пользователи, подписавшись в нескольких группах, активность проявляют не во всех из них.

Теперь рассмотрим территории города в соотнесении с местными «Подслушано», не связанными с МГП и ПА. Этот более детальный поиск еще раз подтверждает, что самые большие «Подслушано» (сообщества, имеющие городской, а не районный масштаб) связаны с крупнейшими пермскими сообществами «ВКонтакте»: «Подслушано Пермь» – с «Мой город Пермь», «Пермяки (Подслушано Пермь)» и «Подслушано в Перми» – с «Пермь активная». Далее такой же поиск, дополненный данными Popsters, позволяет нам уточнить ситуацию в отдельных районах Перми, сравнив статистику «Подслушано» от «Мой город Пермь» и «Пермь активная» со статистикой других местных групп, существующих вне орбиты этих пермских соцсетевых гигантов.

Начав анализ с центральных районов (Ленинский, Дзержинский⁶, Свердловский), мы убеждаемся, что как раз для них характерны наименьшее присутствие и активность в «Подслушано». «Подслушано Центр» – одна из самых малочисленных (https://vk.com/podslushano_centr_perm, 2,2 тыс. подписчиков) групп в системе «Мой город Пермь».

В Ленинском районе Перми – два «Подслушано»: «Подслушано Ленинский Пермь» (<https://vk.com/centr059>, 611 подписчика, уже нерабочее, последний пост сообщества датирован 13 июля 2018), и сообщество закрытого типа «Подслушано Ленинский район (Пермь)» с «несерьезным», едва больше тысячи, количеством участников (2054, <https://vk.com/lenperm>). Немногим лучше обстоит ситуация с Дзержинским районом (табл. 4). Что мы видим по этим данным? Наиболее крупное (5,1 тыс.) и активное (1,6% вовлеченности) «Подслушано» создано системой «Мой город Пермь» (здесь единое руководство пошло пользу).

Сообщество «Подслушано Пермь Дзержинский / Мой Дзержинский» за полгода существова-

вания (<https://vk.com/dzerzhinsky59>, с 11.08.2016 по 13.03.2017, 126 участников, 0,088 % ERDay) на 33 поста набрал 13 лайков.

Другой показательный пример: действующее «Подслушано Дзержинский район Пермь» с 772 подписчиками имеет настолько низкую активность пользователей, что можно говорить об антирекорде вовлеченности – 0,006 %.

Интересный пример – «Подслушано Дзержинский район Пермь | Парковый» с 3037 участниками (<https://vk.com/dzerperm>): это общество – закрытого типа, поэтому на конец 2021 г. нам не удалось получить его статистику. На сегодняшний день, входя в число его подписчиков, мы можем получить и трактовать его статистику. Самое высокое среди всех «естественно» возникших групп района количество пользователей и высокий процент их вовлеченности объясняется как раз намеренной глокализацией (в данном случае – уменьшением масштаба, со-знательной ориентации на нужды более маленькой территории) группы: «Парковый» в названии ориентирует на конкретную локацию (да и сама закрытость, видимо, выделяет эту группу из других сообществ Дзержинского района). Эта группа – пограничный случай: ее уже нель-

зя полностью отнести к районным. Еще более показательный пример – сообщество «Подслушано Дзержинский» (<https://vk.com/permmdzerz>): ее мы уже не относим к группам Дзержинского района, поскольку после 2021 г. она перепрофилировалась, стала группой микрорайона, изменив название на «Подслушано Парковый» (см. табл. 9 «”Подслушано” микрорайонов Перми»).

Похожее положение – у Свердловского района (табл. 5): самое активное «Подслушано» создано структурой «Мой город Пермь». Другая группа («Подслушано Свердловский район», <https://vk.com/perm.club59>) маленькая (260 пользователей), с вялой активностью. В дополнение к ним есть закрытая группа «Подслушано Свердловский район (Пермь)» (<https://vk.com/sverdperm>) с 3 тыс. участников, но их вовлеченность тоже весьма скромная (0,1 %). Показательно, что три других «Подслушано» Свердловского района, возникших в 2014, 2018 и 2020 гг., перестали существовать, «прожив» не более года.

Интереснее ситуация в тех районах города, которые находятся дальше от центра или частично в нем (Мотовилихинский и Индустриальный): здесь сообщества «Подслушано» уже более активны.

Таблица 4

**«Подслушано» Дзержинского района Перми
“Overheard” of Dzerzhinsky district of Perm**

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репосты	Комментарии	Прочтения	ERday
Подслушано Дзержинский р-н («МГП») https://vk.com/podslushano_dzerzhinskij_perm	07.02.2020	3,9K	2,8K	27,3K	2,2K	7,0K	3,0M	1,981 %
		5,1K	7K	64,4K	10,5K	16,6K	8,17M	1,6 %
Подслушано Дзержинский район Пермь https://vk.com/dzerjinskij_perm	07.02.2018	711	1,1K	38	1	10	264	0,006 %
		772	1 5K	51	6	23	272	0,006 %
Подслушано Дзержинский район Пермь Парковый https://vk.com/dzerperm	06.09.2020	3K	42	8	1	1	4.7K	0.001 %
		3K	251	2,1K	1,3K	40	30,5K	0,12 %
Подслушано Пермь Дзержинский / Мой Дзержинский https://vk.com/dzerzhinsky59	11.08.2016–13.03.2017	126	33	13	0	9	2,1K	0,088 %

Таблица 5

«Подслушано» Свердловского района Перми

“Overheard” of Sverdlovsky region of Perm

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лай-ки	Ре-посты	Коммен-тарии	Про-смот-ры	ERday
Подслушано Свердлов- ский р-н («МГП») https://vk.com/ podslushano_ sverdlovskij_ perm	07.02.2020	11,2K	3,3K	56,4K	6,8K	20,0K	8,6M	1,562 %
		16K	8K	156K	34K	51K	25 ,6M	1,30 %
Подслушано Свердлов- ский район https://vk.com/ perm.club59	16.09.2017	223	685	394	105	215	43,8K	0,238 %
		260	732	406	110	229	50 444	0,14 %
Подслушано Свердлов- ский район (Пермь) https://vk.com/ sverdperm	06.09.2020	3K	42	8	1	1	4.7K	0,001 %
		3K	181	1 689	1 290	62	32 939	0,1 %
Подслушано Свердлов- ский район Пермь https://vk.com/ gromovskiy- perm	09.09.2014– 12.09.2014	205	8	125	0	53	0	28,943 %
Подслушано Свердлов- ский Пермь https://vk.com/ sverdl159	06.03.2018– 25.09.2018	641	57	44	3	12	14,2K	0,045 %
Подслушано Свердлов- ский район Пермь https://vk.com/ sverdlovsk_ perm59	12.01.2020– 18.01.2021	409	65	20	13	4	8,9K	0,015 %

В этих двух районах есть уже довольно давно существующие «Подслушано». Это «Индустриальный район | Балатово | Пермь» (табл. 6), возникшее 25 декабря 2016 г. и на сегодняшний день включающее 2,1 тыс. подписчиков, с вовлеченностью 0,45 % – выше, чем у подобных же

сообществ Дзержинского и Свердловского районов. В другом районе это «Подслушано Мотовилиха» (табл. 7): созданная 7 декабря 2016 г., группа имеет 51,9 тыс. друзей, огромное количество постов и интеракций и 1,5 % вовлеченности.

Таблица 6

«Подслушано» Индустриального района Перми

“Overheard” of Industrialny District of Perm

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репосты	Комментарии	Про-смотры	ERday
Подслушано Индустриальный район – Пермь https://vk.com/podslushano_industrialnyj_perm	07.02.2020	21,4K	5,2K	132,0K	28,3K	48,6K	22,9M	1,636 %
		29,4K	10,7K	332,5K	82K	110,5M	58M	1,55 %
Подслушано Индустриальный район (Пермь) https://vk.com/indperm	19.02.2020	1,3K	86	12	7	16	5,7K	0,004 %
		2,2K	233	285	75	63	35,6K	0,02 %
Индустриальный район Балатово Пермь https://vk.com/balatovoperm	25.12.2016	1,3K	2,1K	7,3K	766	1,5K	492,6K	0,414 %
		2,1K	3,8K	14,6K	2,8K	4,3K	1,4M	0,45 %
Подслушано Индустриальный район (Пермь) https://vk.com/podslushanoind	17.02.2014– 26.06.2014	157	29	24	1	29	0	0,267 %
Подслушано Индустриальный Район Пермь https://vk.com/tinebo_perm	28.02.2017 (на данный момент не существует)	8,6K	2,0K	5,9K	1,2K	1,1K	939,9K	0,058 %

Таблица 7

«Подслушано» Мотовилихинского района Перми

“Overheard” of Motovilikhinsky district of Perm

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репосты	Комментарии	Про-смотры	ERday
Подслушано Мотовилиха Мотовилихинский – Пермь https://vk.com/podslushano_motoviliha_perm	07.02.2020	11,6K	4,1K	71,1K	10,6K	21,7K	10,3M	1,494 %
		17,2K	8,1K	156,5K	32,6K	49,3K	25M	1,2 %

Окончание табл. 7

Группа	Создана	Друзья	Посты	Лайки	Репосты	Комментарии	Промо-смотры	ERday
Подслушано Мотовилихинский район Пермь https://vk.com/motovpermt	06.09.2020	1,2К	56	19	3	33	6,2К	0,008 %
		2,1К	209	364	99	55	28,3К	0,027 %
Подслушано Мотовилиха Пермь https://vk.com/mtvlh	26.08.2022	4,9К	91	74,6К	4,7К	6,7К	2,0М	0,734 %
		7,6К	298	8,6К	5,5К	1,8К	255,4К	0,97 %
Подслушано Мотовилиха (Пермь) https://vk.com/perm_motoviliha	07.12.2016	44,3К	48,3К	938,7К	156,1К	206,9К	120,8М	1,672 %
		51,9К	59,6К	1 274К	248,8К	282,7К	163,8М	1,5 %

Неплохие результаты показывают в Индустриальном и Мотовилихинском районах сообщества системы «Мой город Пермь». В первом случае это сообщество «Подслушано Индустриальный район – Пермь» (дата создания, как и у других групп этого объединения, 7 февраля 2020 г.): за короткий срок оно набрало 29,4 тыс. друзей, большое количество интеракций и, как следствие, высокий индекс вовлеченности (1,55%). Во втором из районов – группа «Подслушано Мотовилиха | Мотовилихинский – Пермь» с 17,2 тыс. друзей и 1,2 % вовлеченности.

Не менее интересны районы, далекие от центра (Кировский, Орджоникидзевский) (табл. 8, 9). Количество подписчиков и их вовлеченность здесь может быть выше, чем в сообществах центра города. Именно здесь возникло одно старейших пермских сообществ данного типа – «Подслушано Закамск» (сегодня имеет пометку «Официальное "Подслушано Закамск"»). Созданное 4 апреля 2014 г., оно включает 61,3 тыс. друзей, огромное количество интеракций и почти 3 % коэффициента вовлеченности.

Другой «патриарх» этого района и всей Перми, старейшее «Подслушано Закамск» (14 января 2014 года), тоже дожил до наших дней, но гораздо более скромен по количеству постов, лайков, комментариев, подписчиков, и имеет низкий коэффициент их вовлеченности – 0,035 %.

Традиционно ожидаемый здесь представитель «Мой город Пермь», группа «Подслушано Кировский район / Закамск – Пермь» имеет высокий (второй по Закамску) коэффициент вовлеченности (1,26%), наращивая при этом количество друзей (12,7 тыс.) и обогнав уже старейшее «Подслушано Закамск» (9,6 тыс.), а также

довольно крупное по местным меркам сообщество «Подслушано "Закамск" Бараходка/Объявления» (11,4 тыс.).

Сильно отстающие по коэффициенту вовлеченности от «официального» и «Подслушано» от МГП четыре «андердога» этого района (2014, 2018, 2019 и 2020 гг. создания) удивляют, однако, своей стойкостью в сравнении с группами центральных (Ленинского, Дзержинского и Свердловского) районов: группы живы и действуют, а значит, населению этого далекого от властного центра района они нужны.

Высокие цифры активности аудитории имеет и «Подслушано» Орджоникидзевского района (в среднем около 1,5 %) с численностью от 25,4 до 5,4 тыс. Этот показатель – самый стабильный и самый высокий среди всех районов города. При постоянном росте подписчиков в этом районе, вопреки почти обязательной тенденции, либо незначительно уменьшается (с 1,4 до 1,2 % у группы от системы МГП), либо увеличивается (с 1,2 до 1,5 % у второй и с 1,5 до 1,8 % группы у «естественно» созданных групп) коэффициент их вовлеченности. Это означает, что в самом отдаленном от центра районе Перми необходимость в консолидации граждан для совместной деятельности, обсуждения проблем весьма высока.

Обратимся теперь к сообществам более мелких территорий – отдельных микрорайонов и исторически сложившихся локаций (табл. 10). Глобализация, нацеленность на очень узкую, намеренно ограниченную аудиторию – это тренд, который исправно функционирует сегодня, как некая противоположность глобализации.

Таблица 8

«Подслушано» Кировского района Перми

“Overheard” of Kirovsky district of Perm

Группа	Создана	Дру- зья	Посты	Лайки	Репо- сты	Ком- мента- рии	Про- смот- ры	ERday
Подслушано Кировский район / За- камск – Пермь https://vk.com/ podslushano_ kirovskij_ zakamsk	07.02.2020	9,9K	3,8K	65,4K	9,6K	20,3K	9,9M	1,6 %
		12,7K	7,6K	121,7K	23,1K	40,1K	21,1M	1,26 %
Подслушано Кировский район (Пермь) https://vk.com/ kirperm	06.03.2020	1,2K	79	12	4	11	4,7K	0,004 %
		2,8K	232	2 202	1 387	45	28 594	0,1368 %
Подслушано Закамск. Официаль- ное «Под- слушано За- камск» https://vk.com/ podslu- shanozkm	04.04.2014	50,5K	105,8K	2,5M	353,0K	1,2M	203,5 M	2,932 %
		63,1K	122,8K	3,7M	875,4K	1,3M	328,6 M	2,830 %
Подслушано Закамск https://vk.com/ rzakamsk	14.01.2014	10,1K	49,3K	5,9K	367	3,5K	0	0,035 %
		9,6K	58,5K	6,4K	514	3,6K	0	0,033 %
Подслушано Закамск- Ушакова – Стадион Пермь https://vk.com/ ushakova_st- dionperm	13.01.2019	1,3K	1,9K	8,0K	944	473	483,3 K	0,76 %
		1,9K	2,1K	9,0K	1,5K	596	649,4 K	0,4 %
Подслушано «Закамск» Барахол- ка/Объявл- ния https://vk.com/ perm_159	09.01.2018	9,5K	10,8K	25,1K	7,3K	6,8K	7,1M	0,303 %
		11,4K	13,4K	34,2K	11,8K	8,7K	9,7M	0,252 %

Таблица 9

«Подслушано» Орджоникидзевского района Перми
“Overheard” of Ordzhonikidzevsky district of Perm

Группа	Создана	Друзья	По-сты	Лай-ки	Репосты	Ком-ментат-рии	Про-смот-ры	ERday
Подслушано Орджоникидзевский район, Гайва /Пермь https://vk.com/podslushano_ordzho_i_gajva_perm	07.02.2020	4,7K	3,2K	26,7K	2,9K	10,4K	4,1M	1,4 %
		5,9K	6,9K	55,3K	8,2K	19,1K	9,0M	1,2 %
ОРДЖОНИКИДЗЕВСКИЙ район ПЕРМЬ Подслушано https://vk.com/ordzhoperm	29.11.2017	3,4K	7,3K	55,6K	9,2K	10,1K	3,3M	1,2 %
		8,7K	12,4K	199,1K	36,9K	25,0K	13,7M	1,5 %
Орджоникидзевский район (Гайва) https://vk.com/gayvaonline	27.11.2017	16,9K	12,8K	264,5K	46,7K	51,1K	31,5M	1,5 %
		25,4K	20,7K	610,8K	168,5K	104,6K	70,5M	1,8 %

Таблица 10

«Подслушано» микрорайонов Перми
“Overheard” of Microdistricts of Perm

Группа	Создана	Дру-зья	По-сты	Лайки	Репосты	Ком-ментат-рии	Про-смотры	ERday
Подслушано Гайва+Левый Берег Орджо Пермь https://vk.com/gayvaord	30.04.2017	10,8K	20,5K	187,4K	33,6K	37,4K	14,4M	1,49 %
		14,0K	23,9K	271,5K	73,6K	50,9K	22,4M	1,32 %
Подслушано Лёвшино, ПДК, КамГэс, ЛПК Орджо https://vk.com/lpk159	23.02.2014	8,9K	15,7K	161,6K	21,4K	22,0K	12,5M	0,83 %
		12,2K	18,9K	231,1K	44,1K	32,9K	20,6M	0,76 %
Подслушано мкр. Моло- дёжный, Кис- лотные дачи Пермь https://vk.com/mkr.molodezhka	16.10.2016	18,8K	43,6K	768,7K	110,9K	191,1K	70,7M	3,16 %
		21,4K	52,8K	930,7K	218,2K	246,3K	94,5M	2,76 %

Окончание табл. 10

Группа	Создана	Дру- зья	По- сты	Лайки	Репосты	Ком- мента- рии	Про- смотры	ERday
Подслушано Фро- лы/Горный/Ф ерма https://vk.com/ froly59	23.01.2019	15,9K	1,3K	1,3K	541	266	420,4K	0,01 %
		17,7K	3,7K	8,1K	4,3K	1,8K	2,0M	0,05 %
Подслушано Пермь Выш- ка 2 https://vk.com/ vashka2	09.05.2019	756	824	4,3K	20	55	11,1K	0,662 %
		1,6K	400	3,2K	106	22	27,8K	0,15 %
Подслушано Вышка 2 https://vk.com/ vyshka_ podslushano	26.12.2013	15,5K	44,8K	271,6K	35,2K	193,7K	46,7M	1,138 %
		19,9K	53,1K	381,3K	80,4K	216,9K	69,7M	1 %
Подслушано Вышка II https://vk.com/ rusgoodbets	21.12.2018	3,0K	42	8	1	1	4,7K	0,001 %
		6,2K	4,0K	15,2K	5,2K	3,5K	3,9M	0,25 %
Подслушано Крым (Lite) г. Пермь https://vk.com/cl ub177857918	06.02.2019	338	3,0K	1,6K	281	139	191,5K	0,616 %
		517	3,9K	3,2K	694	204	305,6K	0,519 %
Подслушано Загарье https://vk.com/ permzaga	09.11.2016	6,6K	8,1K	74,4K	5,2K	27,0K	7,2M	0,9 %
		8,8K	10,0K	98,5K	13,4K	32,8K	11,9M	0,7 %
Подслушано Загарье https://vk.com/p ublic144923267	13.04.2017	6,0K	4,6K	76,1K	12,4K	27,8K	10,1M	1,189 %
		8,6K	7,3K	141,3K	30,5K	44,8K	19,8M	1,16 %
Подслушано Владими- ский (Загарье) Пермь https://vk.com/ public188683687	12.11.2019	1,2K	5,7K	21,1K	2,4K	5,4K	1,2M	3,65%
		2,4K	10,4K	47,2K	7,5K	10,8K	3,3M	2,25 %
Подслушано Парковый https://vk.com/ permdzerz	09.01.2018	2,2K	930	3,3K	316	541	443,5K	0,15 %
		4,5K	284	8K	4,9K	1,8K	211K	1,5 %
Подслушано Мотовилиха – Рабочий по- селок https://vk.com/ raboscka.perm	09.02.2015	3,4K	6,7K	10,0K	3,9K	2,9K	483,7K	0,165 %

По данным, представленным в табл. 9, мы видим, что в отношении отдельных территориальных общинностей (Гайва, Молодёжный, Кислотные дачи, Загарье, Крым и пр.) активность «Подслушано» здесь порой особенно высока. Объяснение этому, которое нам кажется уместным, – отдалённость этих локаций «от властного центра и внимания СМИ, при которых жители вынуждены решать свои социальные проблемы самостоятельно, координируя, объединяя свои усилия» [Пустовалов 2021: 376].

В более общем виде эта закономерность сейчас видится нам так: чем локальнее сообщество, тем активнее и сплоченнее его представители. Уже на уровне районных «Подслушано» видно тяготение к местной проблематике: так, менее крупны и активны «Подслушано Кировского района» и более (в том же районе) – с конкретно ориентированным названием («Подслушано Закамск»).

Ещё один показательный пример: одна из групп Дзержинского района с достаточно стандартным названием «Подслушано Дзержинский» (<https://vk.com/permdzerz>), которое после 2021 г. перепрофилировалось с районной на группу определенного микрорайона и поменяло название на «Подслушано Парковый». Глобализация принесла неожиданные плоды: за полтора года количество подписчиков увеличилось вдвое, а коэффициент их вовлеченности возрос в 10 раз (вопреки обычной тенденции, когда с разрастанием группы коэффициент вовлеченности уменьшается). Подобный же пример сознательной глобализации – сообщество «Подслушано Мотовилиха – Рабочий поселок», ассоциирующее себя не столько с Мотовилихинским районом в целом, сколько с микрорайоном «Рабочий посёлок»; это также один из городских патриархов (группа возникла 9 февраля 2015 г.).

В целом малоактивные сообщества Свердловского района имеют внутри данной локации цепь три(!) сообщества «Подслушано Загарье» с количеством подписчиков, многократно превышающим районные группы и весьма высоким коэффициентом вовлечённости (самое локально ориентированное сообщество «Подслушано Владимирский (Загарье) Пермь» имеет коэффициент 2,25 %). Вовлечённость в этих локациях – в укор пассивным «Подслушано», работающих на центральные районы города – редко бывает меньше единицы. Так, коэффициент вовлечённости аудитории одного из самых старших из обнаруженных нами пермских сообществ данного типа, созданного 26 декабря 2013 г. «Подслушано Вышка 2» (кстати, на Вышке 2 – тоже сразу три «Подслушано»!) – 1,1 %, а у созданного 16 октября 2016 г. «Подслушано мкр. Молодёжный, Кислотные дачи Пермь» – 2,76 %. И численность

подписчиков здесь, как ни странно, обычно выше, чем у «Подслушано» центральных районов.

Отметим также, что в интернет-пространстве Перми работают несколько крупнейших СМИ: собственно онлайневые (59.ru, ProPerm), сайты телеканалов («Рифей», «ВЕТТА», «РБК-Пермь»), местных («Business Class», «Звезда») и федеральных («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты»); эти СМИ отражены в рейтинге интернет-аналитика Liveinternet⁷. Понятно, что СМИ прежде всего публикуют те новости, которые интересны большинству жителям города; на более локальные социальные и иные вопросы (где достать воды, когда в микрорайоне ремонтники перекрыли водопровод; как добраться до нужной остановки, когда дорожники перегородили проезжую часть; в какой больнице есть рентген, если в твоей заболел рентгенолог; в каком магазине купить школьнику учебник по предмету нужного автора; к какому тренеру отдать своего ребенка; как вести себя в той или иной житейской ситуации и пр.) зачастую реагировать у них нет возможности. Это гиперлокальное поле всецело – на откупе у пабликовых городских районов и микрорайонов. К тому же СМИ так или иначе являются рупором решений администрации края или города: с большинством из них власть заключает договоры на информационное сопровождение (это по-прежнему важная составляющая в бюджете СМИ). Соответственно, те проблемы отдаленных территорий города, на которые власть уже не обратила внимание (проблемы транспорта и передвижения, водоснабжения, локально важные аспекты здравоохранения, образования и др.), остаются неким слепым пятном и решать их приходится самим горожанам, зачастую – через коммуникацию в группах типа «Подслушано».

Выводы

1. Сообщества «Подслушано» центральных районов Перми – Ленинского, Дзержинского и Свердловского – в целом немногочисленны и малоактивны. Это может говорить о том, что большинство социально-бытовых проблем здесь достаточно эффективно решаются властью (и гражданам нет необходимости объединяться, чтобы решать их самостоятельно). Однако в этих районах (Дзержинском и Свердловском) возникают также мелкие, но вместе с тем более активные сообщества – в масштабах отдельных микрорайонов или исторически сложившихся локаций («Подслушано» Паркового, Загарья): значит, их жители имеют какие-то мотивы к тому, чтобы ощущать себя единой социально-культурной и территориальной общинностью.

2. В свою очередь «Подслушано» чуть более отдаленных от властного центра районов (Мотовилихинского и Индустриального) более активны: здесь от граждан требуется больше социальной самостоятельности и сплоченности.

3. Особенно активны «Подслушано» в локациях, значительно отдаленных от городского центра, таких как Гайва, Лёвшино, КамГЭС, Молодёжный, Кислотные дачи, Вышка 2, Крым, и пр. Местное население здесь исторически привыкло считать себя отдельной общностью; нечасто эти места становятся объектом внимания как СМИ, так и власти (практикуется также «гостевое» появление руководства промышленных и административных структур: проведя здесь свой рабочий день, его представители уезжает отдохнуть домой в центральные районы).

Даже беглый анализ контента «Подслушано» районов и микрорайонов Перми позволяет отметить, что сообщества данного типа обращаются к огромному полю социальных, культурных, психологических проблем, которые не затрагиваются властью или не являются интересными для СМИ в силу своей малой масштабности, но тем не менее являются остроактуальными для местных общин (это большая и актуальная тема для дальнейших исследований).

Примечания

¹Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 2 сентября 2022 г. № 2523-р.

² Подслушано // Подсмотрено в Перми. URL: <https://smartik.ru/perm/category/podslushano> (дата обращения: 28.03.2023).

³Группы «ВКонтакте» в системе «Мой город Пермь», см.: <https://vk.com/market-126746171>

⁴Группы «ВКонтакте» в системе «Пермь активная», см.: <https://vk.com/market-64395252>

⁵См.: Для пермяков создали сообщества «Подслушано» во всех районах города // Мой город Пермь. 25.03.2021. URL: <https://vikiperm.com/news/6946-dlya-permyakov-sozdali-soobshchestva-%C2%ABpodslushano%C2%BB-vseh-rajonah-goroda/>

⁶ Интересно, что чаще всего с Дзержинским и Ленинским районом идентифицируют себя жители центра, то есть левого берега Камы. Правобережные обитатели Ленинского и Дзержинского района имеют иную территориальную самоидентификацию, для них есть другие «Подслушано».

⁷ News and Media. Perm // Liveinternet. URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/media/#geo=ru/342;group=media> (дата обращения: 28.03.2023).

Список литературы

Engagement rate: как правильно считать коэффициент вовлеченности в социальных сетях //

Popsters.ru. 17 мая 2017. URL: <https://popsters.ru/blog/post/55> (дата обращения: 10.02.2023).

ERday, ERpost, ERview – что это такое? И для чего они нужны? // Feedspy. 2017. URL: <https://feedspy.net/en/blog/view/id/10> (дата обращения: 17.03.2022).

Браславец Л. А. Социальные сети как средство массовой информации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125–132.

Градюшко А. А. Приемы использования инструментов социальных медиа в современной региональной веб-журналистике Беларуси // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 9–14.

Лихачёв Н. Соцсети для медиа: как работала команда SMM РИА Новости / (Интервью с Анастасией Бацуевой и Альбертом Усмановым) // TJournal. 24 апр. 2014. URL: <https://tjournal.ru/50600-ria-smm> (дата обращения: 24.03.2023).

Лободенко Л. К., Баштанар И. М. Региональные интернет-СМИ в социальных сетях: трансформация медиаконтента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59): в 3 ч. Ч. 3. С. 29–34.

Немчинова Е. Ю. Традиционные СМИ в социальных сетях: попытки взаимодействия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4. С. 41–47.

Подслушано // Викиреальность. 2020. URL: <https://wikireality.ru/wiki/Подслушано> (дата обращения: 10.10.2022).

Подслушано. Все, что вы хотели знать об окружающих, но боялись спросить. М.: Эксмо, 2014. 192 с.

Подслушано // Подсмотрено в Перми. URL: <https://smartik.ru/perm/category/podslushano> (дата обращения: 28.03.2023.)

Пустовалов А. В. Информационные порталы и газеты: структуризация пермского новостного интернет-рынка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 189–197.

Пустовалов А. В., Ишматов М. Ш. Новости СМИ в социальных сетях: перспективы успешного распространения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4(24). С. 227–239.

Пустовалов А. В. Пермские «Подслушано»: чем дальше от центра, тем активнее // MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиализоляция. материалы VI Междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–25 ноября 2021 г.). Ч. 2 / под ред. А. А. Морозовой. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 372–376.

Пустовалов А. В., Сидорова П. И. Группа «Пермь активная» как медиафеномен // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 120–127. doi 10.24411/2070-0695-2020-10115.

Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: монография / под ред. Л. П. Шестеркиной. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2017. 296 с

Степанов В. А. Сообщества социальной сети «Вконтакте» как СМИ: особенности типологии и перспективы развития // Вестник БГУ. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2015. № 2. С. 86–90.

References

Engagement rate: kak pravil'no schitat' koefitsiyent vovlechennosti v sotsial'nykh setyakh [Engagement rate: how to calculate ER for social media properly]. *Popsters.ru*, 2017, 17 May. Available at: <https://popsters.ru/blog/post/55> (accessed 10 Feb 2023). (In Russ.)

ERday, ERpost, ERview – chto eto takoe? I dlya chego oni nuzhny? [ERday, ERpost, ERview – what is it? And what are they for?]. *Feedspy*, 2017. Available at: <https://feedspy.net/en/blog/view/id/10> (accessed 17 Mar 2022). (In Russ.)

Braslavets L. A. *Sotsial'nye seti kak sredstvo massovoy informatsii* [Social networks as a means of mass communication]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, issue 1, p. 125-132. (In Russ.)

Gradyushko A. A. Priyemy ispol'zovaniya instrumentov sotsial'nykh media v sovremennoy regional'noy veb-zhurnalisticke Belarusi [Techniques for using social media tools in modern regional web journalism in Belarus]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2015, issue 5 (360), issue 94, pp. 9-14. (In Russ.)

Likhachev N. Sotsseti dlya media: kak rabotala komanda SMM Ria Novosti [Social networks for media: How RIA Novosti SMM Team worked]: an interview with Anastasia Batsueva and Albert Usmanov) *TJournal*, 2014, 24 April. Available at: <https://tjournal.ru/50600-ria-smm> (accessed 24 Mar 2023). (In Russ.)

Lobodenko L. K., Bashtanar I. M. *Regional'nye internet-SMI v sotsial'nykh setyakh: transformatsiya mediakontenta* [The regional Internet media in social networks: Transformation of media content]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, issue 5 (59): in 3 pts., pt. 3, pp. 29-34. (In Russ.)

Nemchinova E. Yu. Traditsionnye SMI v sotsial'nykh setyakh: popytki vzaimodeystviya [Traditional media in social networks: attempts at interac-

tion]. *Znak: problematic pole mediaobrazovaniya*. [Sign: Problematic Field of Media Education], 2016, issue 4, pp. 41-47. (In Russ.)

Podslushano [Overheard]. *Wikireality*. 2020. Available at: <https://wikireality.ru/wiki/Overheard> (accessed 10 Mar 2023). (In Russ.)

Podslushano. *Vse, chto vy khoteli znat' ob okruzhayushchikh, no boyalis' sprositi* [Overheard. Everything you wanted to know about others but were afraid to ask]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 192 p. (In Russ.)

Podslushano [Overheard]. *Podsmotreno v Permi* [Overseen in Perm]. Available at: <https://smartik.ru/perm/category/podslushano> (accessed 28 Mar 2023). (In Russ.)

Pustovalov A. V. Informatsionnye portaly i gazety: strukturizatsiya permskogo novostnogo internet-rynska [Information portals and newspapers: structuring the Perm online news market]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 1(25), pp. 189-197. (In Russ.)

Pustovalov A. V., Ishmatov M. S. Novosti SMI v sotsial'nykh setyakh: perspektivy uspeshnogo rasprostraneniya [The news of massmedia in social networks: Prospects for successful distribution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 4 (24), pp. 227-239. (In Russ.)

Pustovalov A. V. *Permskie 'Podslushano': chem dal'she ot tsentra, tem aktivnee* [Perm 'Overheard': the farther from the center, the more active]. *MEDIAObrazovanie: mediavklyuchennost' vs mediaizolyatsiya*. [MEDIAEducation: Media Inclusion vs Media Isolation]. Proceedings of VI International Scientific Conference (Chelyabinsk, November 23–25, 2021). Ed. by A. A. Morozova. Chelyabinsk State University Press, 2021, pp. 372-376. (In Russ.)

Pustovalov A. V., Sidorova P. I. Gruppa 'Perm' aktivnaya' kak mediafenomen ['Perm Active' group as a media phenomenon]. *Znak: problematic pole mediaobrazovaniya*. [Znak: Problematic Field of Media Education], 2020, issue 1 (35), pp. 120-127. doi 10.24411/2070-0695-2020-10115. (In Russ.)

Sotsial'nye media kak resurs integrirovannykh kommunikativnykh praktik [Social Media as a Resource for Integrated Communication Practices]. Ed. By L. P. Shesterkina. Chelyabinsk, South Ural State University Press, 2017. 296 p. (In Russ.)

Stepanov V. A. *Soobshchestva sotsial'noy seti 'VKontakte' kak SMI: osobennosti tipologii i perspektivy razvitiya* [Communities of the social network 'VKontakte' as mass media: Features of typology and development prospects]. *Vestnik BGU, Ser. 4. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika*. [Vestnik of BSU, Ser. 4. Philology. Journalism. Pedagogy], 2015, issue 2, pp. 86-90. (In Russ.)

Perm ‘Overheard’ Communities: The Role in the Urban Information Space

Aleksey V. Pustovalov

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. theyareeverywhere@gmail.com

SPIN-code: 8778-0914

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7288-8024>

ResearcherID: I-6024-2013

Submitted 01 Sep 2024

Revised 04 Sep 2024

Accepted 26 Dec 2024

For citation

Pustovalov A. V. Permskie «Podslushano»: rol' v gorodskom informatsionnom prostranstve [Perm ‘Overheard’ Communities: The Role in the Urban Information Space]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 90–107. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-90-107. EDN HENTHE (In Russ.)

Abstract. The study focuses on the role that online groups of *Podslushano* (*Overheard*) type play in the formation of the information space of the city of Perm. The paper gives an overview of the cultural and historical origins of this type of groups in Russia, analyzes the factors that influenced their emergence and evolution (Dmitry Medvedev's presidency, the COVID-19 pandemic, the SVO in Ukraine, the recognition of Facebook and Instagram social networks as extremist, the stimulation of interest in VKontakte and Od-noklassniki social networks, etc.). The paper elucidates the structure, functions, and role of groups of the *Overheard* type in Perm. The study identifies leading groups first in the city (as well as those adjacent to them, forming the two largest *Overheard* systems of the city) and then in each of the city's districts (Leninsky, Dzerzhinsky, Sverdlovsky, Motovilikhinsky, Industrialny, Ordzhonikidzevsky, Kirovsky). Using Popsters, a social network statistics service, the indicators for each of the groups were established (the number of subscribers, posts, reposts, comments, views); these data for each of the districts are compared in tables. A separate table provides information on the most significant *Overheard* communities in the micro districts of Perm. The paper compares how active the communities of different districts are. This comparison shows that the groups are more active the farther they are from the cultural and administrative center of the city. This conclusion is confirmed by an analysis of the communities of remote micro districts. When comparing the role of the news media and the information-communication groups in VKontakte in the information field of Perm, it is noted that communities of the *Overheard* type cover a huge field of social, cultural, psychological problems that are not addressed by the authorities or are not of interest to the media due to their small scale, but nonetheless constitute pressing issues for local communities.

Key words: ‘Overheard’; social networks; information field; VKontakte communities.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-108-116
<https://elibrary.ru/ilxzpb>

EDN ILXZPB

Редкие цвета в прозе А. П. Чехова: символика и спектр (1886–1903)

Лю Сяоя

аспирант кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. liuxiaoya410@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7916-7094>

Статья поступила в редакцию 16.05.24

Одобрена после рецензирования 23.09.24

Принята к публикации 18.01.25

Информация для цитирования

Лю Сяоя. Редкие цвета в прозе А. П. Чехова: символика и спектр (1886–1903) // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 108–116. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-108-116.
EDN ILXZPB

Аннотация. В статье проводится анализ произведений А. П. Чехова периода 1886–1903 гг. с точки зрения использования цветотипии. В раннем периоде творчества А. П. Чехова, представленном рассказами и фельетонами, зарождается интерес прозаика к цветообозначению. В произведениях позднего периода палитра автора становится богаче: она включает не только основные краски, но и редко встречающиеся цвета. В настоящей статье рассмотрены оттенки, редко встречающиеся на страницах чеховских рассказов позднего периода. Определена частотность появления таких красок в произведениях указанного этапа творчества А. П. Чехова; объясняется символический смысл и причины выбора такой палитры, ее влияние на образы и колорит произведений. Целью статьи является определение роли, которую играют редкие цветовые оттенки в поэтике А. П. Чехова, а также рассмотрение связи палитры произведений писателя с историческими условиями их создания. Основные задачи в контексте работы – выявление нестандартного спектра красок, которые встречаются в произведениях А. П. Чехова, написанных в период конца XIX – начала XX в., расчет частотности их употребления и анализ функций, которые они выполняют в произведении, помимо собственно описательных. В исследовании определяется система художественных приемов, используемых А. П. Чеховым в рассказах. Прослеживая эволюцию оттенков в творчестве прозаика, автор статьи устанавливает изменения в символическом и эмоциональном контексте, связанном с редкими цветами. Исходя из полученной статистики сделан вывод о том, что цветовая система произведений А. П. Чехова, рассмотренных в исследовании, в основной структуре не является сложной, но на конкретном уровне реализации разнообразна.

Ключевые слова: русская литература; А. П. Чехов; цветовая гамма; редкие цвета; символика цвета.

На сегодняшний день единый терминологический аппарат для называния языковых единиц, обозначающих цвет, а также для процессов и яв-

лений, связанных с цветонаименованием, не выработан. По свидетельству Д. Н. Борисовой, самым удачным при описании лексем, называю-

щих цвета и цветовые оттенки, является термин «колороним» (лат. *color* «цвет» + греч. *ονυμα* «имя»), «поскольку он может быть применен для обозначения названий любых цветовых оттенков (в том числе и ароматических)» [Борисова 2008: 36]. Во избежание тавтологии и повторов в качестве синонимичных колорониму Д. Н. Борисовой считает возможным использовать термины «название (наименование) цвета», «выражение (наименование) с цветовым компонентом», «прилагательное/существительное со значением цвета». Термин «цветообозначение» следует понимать как общий процесс обозначения цветовых оттенков в языке, а не как результат – конкретное слово или словосочетание, таким образом, «цветообозначение – это процесс обозначение цвета в языке, то есть различные способы номинации цветовых оттенков» [там же: 34]. Вслед за Д. Н. Борисовой, мы будем использовать указанные термины в названных автором значениях. Для номинации всех категорий цвета и оттенков в рамках этой статьи будут использоваться понятия «цветопись», «колоронимы», «цветообозначения», «цветовая гамма», «цветовая палитра».

Цвета и их восприятие имеют глубокие культурные, исторические и эмоциональные корни. А. С. Оспанова, Р. С. Сатмагамбетова считают, что «оттенки и их названия отражают образ мира, физические и эмоциональные аспекты жизни» [Оспанова, Сатмагамбетова 2014: 32]. Философы, художники и ученые давно интересуются природой цвета и его воздействием на человека. Цвет рассматривается как особый предмет философских размышлений и знак чувственного восприятия мира, также его символической репрезентации [Попова 2017: 88–90]. Как отмечает Н. В. Серов, краска на полотне представлена в различных оттенках и восприятие ее зависит от индивидуального опыта и фоновых знаний человека, а наименование цвета влияет на восприятие действительности так же, как и обозначаемый им цвет [Серов 1995: 55–92]. Значит, в искусстве и литературе цвет воспринимается не только как визуальное явление, но и как средство передачи эмоционального и символического содержания.

Одной из основополагающих для отечественного чеховедения работ является монография А. П. Чудакова «Поэтика Чехова» (1971 г.). В первой ее главе («Структура повествования») ученый предлагает выделять в творчестве А. П. Чехова три периода: 1) «субъективное повествование» (1880–1887 гг.), 2) «повествование в объективной манере» (1888–1894 гг.), 3) 1895–1904 гг. [Чудаков 2023]. Заметим, что в монографии А. П. Чудакова, посвященной поэтике Чехо-

ва, принципы и закономерности цветообозначения не рассматривались. Тем не менее наблюдения ученого, особенно выделенные во второй главе, могут быть использованы для анализа аспектов цветообозначения и символических смыслов колоронимов в произведениях Чехова. Цвета (колоронимы) в чеховской прозе 1) не имеют однозначных, раз и навсегда закрепленных за ними смыслов, 2) в зависимости от контекста могут обретать новые символические значения не только в разных, но и в одном и том же произведении, 3) могут быть просто случайными, отображающими хаотичную жизнь в ее спонтанных формах.

Монография В. Б. Катаева «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (1979 г.) предлагает новый взгляд на чеховских героев и их отношение к жизни, а также подчеркивает изменения в творческом методе писателя. Согласно мнению автора, с 1888 г. герои Чехова все чаще сталкиваются с фундаментальными вопросами мировоззрения, философии и этики, пытаясь отличить «истину» от «неистины» [Катаев 1979: 116].

В работе И. Н. Сухих «Проблемы поэтики А. П. Чехова» (1987 г.) о «литературной эволюции» писателя говорится в главе «Чеховская “студия” 80-х годов». Исследователь подчеркивает цельность творческого пути Чехова и указывает на 1885–1888 гг. как на «переходный период» [Сухих 1987: 40]. Безусловно, создание цветовой символики в чеховских текстах связано с идеально-тематической направленностью рассказов второй половины 1890-х гг., что, в свою очередь, детерминировано духовными, философскими, эстетическими исканиями Чехова. Биографы писателя единодушно называют вторую половину 80-х гг. «переломным» периодом в творчестве прозаика.

Н. Сретенский считает 1886 год временем «творческого половодья», когда появляется большое количество художественно разнообразных произведений А. П. Чехова, юмористических и серьезных, когда «внушительный шаг был сделан Чеховым в области социально-психологического углубления сюжетов и образов, их идейного обогащения» [Сретенский 1935]. Неудивительно, что поэтика чеховских произведений в целом и рассказов 1886–1890 гг. в частности претерпевает глубинные изменения, что делает ее особенно интересной для исследователей. Л. П. Громов отмечает, что во второй половине 1880-х гг. в творчестве Чехова преобладают произведения, в которых поставлены серьезные и сложные проблемы, в центре внимания автора оказываются непростые жизненные явления [Громов 1955: 17–39]. Таким образом, произведения, написанные с 1886 по 1903 г., являются

ключевыми для понимания эволюции цветовой гаммы в творчестве Чехова. Анализ системы цветонаименований в этих произведениях позволяет погрузиться в мир автора и обнаружить глубокие смыслы, связанные с каждым цветом и его оттенком.

Стоит отметить, что в рассказах 1886–1903 гг. доминируют ахроматические цвета: черный, белый, серый (942 упоминания: 392–430–120). Реже встречаются цвета спектра: красный (427), зеленый (155) и синий (81), желтый (74), голубой (46). Фиолетовый и оранжевый цвета появляются только 2 раза. В произведениях Чехова присутствуют и оттенки основных цветов: багряный (65), рыжий (102), золотой (137), бирюзовый (6), лазурный (1), сизый (5) и лиловый (24). В качестве объекта исследования настоящей работы мы выберем цвета, которые встречаются в рассказах Чехова довольно редко.

Выбор редких цветов для исследования обусловлен различными причинами. Во-первых, большинство исследователей акцентирует внимание на использовании писателями основных цветов, тогда как символический смысл редких колоронимов изучен недостаточно. Цветовая гамма произведений Чехова обычно представлена как сочетание серого, темного, черного, но на самом деле она значительно богаче и разнообразнее. Все цвета имеют глубокие символические значения, связанные с психоэмоциональным состоянием персонажей. Цвета в произведениях Чехова не просто декоративные элементы; они несут в себе глубокий символизм. Например, определенные цвета могут ассоциироваться с чувствами, такими как грусть, радость или надежда. Исследование редких цветов позволяет выявить уникальные символические связи, которые не очевидны при анализе более распространенных оттенков. Чехов также мог использовать сочетания цветов и их оттенков, когда это соответствовало его художественным целям. Во-вторых, редко употребляемые цвета играют важную роль в создании системы символов произведений Чехова, а необычный выбор колоронимов становится частью художественного стиля прозаика. При этом визуальные образы хорошо запоминаются, а произведения раскрываются во всей своей полноте через цветовую символику. Анализ редких цветов позволяет исследовать темы, мотивы и эмоциональные состояния персонажей на более глубоком уровне.

В «Толковом словаре русского языка» (1992) «бирюзовый» определяется как 1) бирюза; 2) зеленовато-голубой, цвета бирюзы [Ожегов, Шведова 2006: 48]. Бирюзовый – это цвет, который обычно описывается как светло-зеленый или голубой, с

легким оттенком серого. Он получил свое название благодаря сходству с цветом бирюзы – минерала, часто имеющего голубовато-зеленый оттенок.

В литературных произведениях бирюзовый используется для создания определенных образов и передачи настроения. Данный цвет ассоциируется с морской водой, обычно олицетворяет спокойствие, свежесть и красоту [Браэм 2009: 73]. В произведениях Чехова использование бирюзового придает любым описаниям визуальную и символическую глубину. Он подчеркивает невинность и чистоту. Костюмам и украшениям героев придает изысканность и изящество. Так, например, в одном из ранних произведений, в рассказе «Гусев», Чехов создает яркий визуальный образ прозрачной, нежно-бирюзовой воды. Бирюзовый цвет придает красочность и мягкость описанию «водной» сцены, вызывает ощущение свежести и спокойствия: «На прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка» (7, 334)¹.

В рассказе «Знакомый мужчина» исследуемый цвет появляется два раза. Сначала упоминается бирюза в кольце, которое героиня заложила в ссудную кассу. Такая драгоценность обычно ассоциируется с красотой и утонченностью. Замечание, что «кольцо с бирюзой» – единственная драгоценность героини (5, 116), придает этому украшению особое значение и важность. Обращает на себя внимание следующая фраза: «Ах, да..., – вспомнила Ванда, покраснела и подала выкресту рубль, вырученный ею за кольцо с бирюзой» (5, 119). Автор указывает на эмоциональную реакцию Ванды, связанную с продажей драгоценного предмета.

В «Огнях» присутствует описание картины моря и неба в вечернее время. Здесь бирюзовое небо внесло свежесть и яркость в морской пейзаж. Оттенок ассоциируется с чистотой и спокойствием. В сочетании с «золотисто-багряным цветом заката» бирюзовый создает яркий контраст, что придает сцене теплоту и романтическую атмосферу: «Море было гладко, и в него весело и спокойно гляделось бирюзовое небо, почти наполовину выкрашенное в нежный, золотисто-багряный цвет заката» (7, 134).

Отметим, что бирюзовый используется для указания на мягкий, голубовато-зеленый оттенок облаков. Бирюзовое небо сливается с красочным морским пейзажем, который ослепителен в своей красоте. Оттенки символизируют завершение дня и создают впечатление мягкого света. В отличие от периода, когда Лаевский был полон внутренних конфликтов, в описанный момент герой временно успокоился, его тревожность угасла, о чем символически свидетельствуют мягкие тона. Цветовая гамма описанной сцены

визуализирует красоту и тишину природы, внушиает чувство умиротворения и благополучия.

Нельзя не сказать о символике цвета в рассказе Чехова «Попрыгунья». Цвета в этом изображении не только передают визуальные впечатления, но и несут в себе символическое значение. Например, бирюзовый цвет воды ассоциируется с чистотой, свежестью и таинственностью: «Бирюзовый цвет воды, какого она раньше никогда не видала, небо, берега, черные тени и безотчетная радость, наполнявшая ее душу, говорили ей, что из нее выйдет великая художница и что где-то там за далью, за лунной ночью, в бесконечном пространстве ожидают ее успех, слава, любовь народа» (8, 15). Цветовые образы не только создают визуальную картину, но и глубоко резонируют с внутренним состоянием Ольги. Более того, сочетание разных цветов, введенных Чеховым в данный фрагмент, передает сильные переживания Ольги Ивановны, ее ожидания и фантазии.

Интересное сочетание цветов появляется в конце повести «Черный монах», что создает красочную картину с сильным визуальным воздействием: «Бухта, как живая, глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе» (9, 25). Итак, различные оттенки синего, от светлого до темного, передают сильные переживание и боль Коврина. Бирюзовый, находящийся между синим и зеленым, символизирует надежду и обновление [Миронова 2004-2024]. В момент, когда Коврин сталкивается с собственными внутренними демонами, этот цвет указывает на его стремление к исцелению и поиску смысла в жизни. Однако в контексте его страданий бирюзовый также может восприниматься как иллюзия, недостижимая мечта о спокойствии.

Для сравнения стоит отметить, что бирюзовый цвет в своих произведениях использовал и А. И. Куприн. Так, в рассказе «Ночлег» автор использует данный цвет при описании заката: «Запад пыпал целым пожаром ярко-пурпуровых и огненно-золотых красок; немного выше эти горячие тона переходили в дымно-красные, жёлтые и оранжевые оттенки, и только извилистые края прихотливых облаков отливали расплавленным серебром; ещё выше смуглого-розовое небо незаметно переходило в нежный зеленоватый, почти бирюзовый цвет» [Куприн 1964: 325]. В данном случае бирюзовый цвет добавляет визуальную привлекательность сцене, создавая яркие образы, которые запоминаются читателю. Он усиливает чувственность описания и помогает создать более полное представление о природе и окружающем мире. В сочетании с яркими пурпурными и золотыми оттенками бирюзовый цвет может служить «остановкой» для взгляда чита-

теля, позволяя ему сосредоточиться на деталях и глубже ощутить атмосферу происходящего.

Обратимся к еще одному редкому цвету в произведениях Чехова – сизому, который используется автором в «Степи» («шел изо всех труб и сизой прозрачной пеленой висел над деревней» (7, 16)) и в рассказе «Лишние люди». В «Лишних людях» с помощью сизого описывается кривой подбородок у второго мужчины. Данный цвет указывает на синюшный, сероватый или холодный оттенок, что добавляет описанию лица этого персонажа дополнительные детали.

Сизый цвет, часто ассоциируемый с серостью и унынием, также может быть связан с болезнью [Сен-Клер 2018: 46] Одежда просителя в рассказе «Нищий», а именно сизое дырявое пальто, указывает на его бедность, низкое социальное положение. Можно сказать, что сизый ассоциируется с усталостью и болезненным состоянием героя. Кроме того, мутные глаза и красные пятна являются ярким свидетельством неблагополучного образа жизни просителя.

В рассказе «Женя» автор дает схожую характеристику подбородка героя, «напоминавшего репейник». Здесь указан не только цвет (сизый), но и текстура (шершавость), что свидетельствует о неряшливости и запущенной внешности Ивана Иваныча. Его нынешний вид совершенно отличается от образа того деятельного, болтливого и уверенного в себе человека, которым герой был когда-то. Чехов показывает, как жизнь изменила Ивана Иваныча. Он был деятельным и уверененным в себе человеком, но теперь его внешний вид стал отражением утраты этих качеств. Это изменение в образе служит метафорой его внутренней трансформации. Сизый используется для характеристики внешности персонажа и в рассказе «Моя жизнь» («с сизым отливом на бритых местах»).

Итак, делаем вывод, что сизый цвет используется для описания внешности персонажей. В целом сизый цвет в произведениях Чехова служит мощным инструментом для создания образов персонажей, отражая их социальное положение, эмоциональное состояние и внутренние переживания. Через детали внешности автор передает сложные аспекты человеческой жизни, заставляя читателя задуматься о судьбах героев и их месте в обществе.

Не только А. П. Чехов использовал сизый цвет в своих произведениях. Данный оттенок можно также встретить в произведениях Л. Н. Толстого. Сизый цвет в русской литературе, представляющий собой темно-серый оттенок с синевато-белесым отливом, выполняет важную функцию в создании образов и передачи настроений персонажей. В произведениях Льва Толсто-

го этот цвет служит для описания различных элементов окружающего мира и внутренних состояний героев. Например, в романе «Воскресение» сизым цветом описывается даль, что может символизировать неопределенность и меланхолию. В повести «Хаджи Мурат» сизый цвет ассоциируется с облаками дыма, создавая атмосферу тягучести и безысходности. Кроме того, в романе «Война и мир» отблеск снежной равнины, «облитой месячным сиянием», также окрашен в сизые тона, что создает контраст между красотой природы и внутренними переживаниями персонажей. Таким образом, сизый цвет в литературе выполняет функцию символа, который передает настроение, состояние героев и атмосферу произведения. Он становится связующим звеном между внешним миром и внутренним миром персонажей, позволяя читателю глубже понять их эмоциональные состояния и переживания.

Еще один редкий цвет – лазуревый – встречается только раз. Он используется как синоним голубого или голубовато-зеленого, которые имеют отношение к ясному и чистому цвету небесного свода. В рассказе «Пустой случай» Чехов вводит описание полета длинной вереницы журавлей в лазуревом поднебесье, что придает этому фрагменту яркость, динамику и эстетичность. Лазуревый цвет создает картину чистоты и голубизны небес. А под воздействием солнечных лучей небо приобретает теплый оттенок: «Он долго глядел на желтую сечу, согреваемую солнцем, проводил глазами длинную вереницу журавлей, плывших в лазуревом поднебесье, и повернулся лицом ко мне» (10, 303). В приведенном фрагменте цветообозначение создает картину единения человека и природы. При этом автор использует метафоры и яркие цветовые образы. Как видим, в данном контексте колороним «лазуревое» передает голубовато-зеленый оттенок неба. Указанное цветонаименование используется для создания образа ясного, светлого и красочного небесного пейзажа, что соответствует общему контексту описания природы.

Термин «лиловый» происходит от названия цвета лиловой сирени, который, в свою очередь, получил свое название от лат. *lilium* «лилия». В словаре лиловый – «цвет фиалки или темных соцветий сирени, фиолетовый» [Ожегов, Шведова 2006: 327]. Согласно мнению исследователей, в центр повествования «выдвигаются образы цвета и звука, которые позволяют передать многомерность и разноплановость степного пространства, а также его связь с тайнами человеческой души» [Оствалльд 2021: 252].

В повести «Степь» особое внимание уделяется лиловому цвету: он встречается 10 раз на протяжении всего произведения. Например: «Заго-

релье холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень» (VII, 16); «Увидел он то же самое, что видел и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль» (7, 23); «А солнце жгло им в спины, кусались мухи, и тела их из лиловых стали багровыми» (7, 59) и др. Лиловый цвет передает тревоги, печали, скорби, ожидания и предчувствие перемен. Например, путешественники встречают грозовые тучи, сгущающиеся в «лиловой дали». Цвет становится предвестником грозы, которая несет обновление, оживление истомленной зноем степи. Лиловая даль символически свидетельствует о предчувствии перемен в замершей природе, ожидающей грозы. Чем ближе буря, тем более темными и зловещими становятся краски: «лиловая даль почернела», а ветер приносит запах дождя и мокрой земли. Итак, в «Степи» лиловый используется для описания природы, придавая окружающему миру особый колорит. В каждом случае автор стремится передать уникальные черты природы, используя указанный цвет. Описание лиловой дали подчеркивает неподвижность и изменчивость отдаленного мира («Холмы всё еще тонули в лиловой дали» (7, 28)).

Известно, что на закате и восходе сочетание цветов небосвода уникально. Оно порождает разнообразие красок, переходящих друг в друга по мере изменения угла солнца относительно горизонта. Данный вопрос был затронут еще в статье «Небесные знамения» П. А. Флоренским: «В стороне солнца – розовый или красный, оранжевый. Над головою – прозрачно-зелено-изумрудный» [Флоренский 1922: 14]. Именно поэтому Чехов изображает природное явление красочными мазками. Красная полоса, «как пожарное зарево» (6, 115), указывает на необычное свечение в небе, оставшееся после заката. Яркость и насыщенность цвета подчеркивается путем сравнения захода солнца с пожарным заревом.

Как в рассказе «Рано», так и в «Красавицах» лиловый фигурирует в описании заката, когда солнце по-особенному окрашивает облака: «Иногда бывает, что облака в беспорядке толпятся на горизонте и солнце, прячась за них, красит их и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый» (6, 160). Облака скапливаются на горизонте, что формирует картину с визуальной неопределенностью. Сочетание цветов, которое возникнет под воздействием солнечных лучей, создает яркий образ закатного неба.

Лиловый используется при описании дали в «Таланте». Здесь Лиловая даль связана с мягкостью, нежностью и спокойствием. В рассказе «Пьяные» один из героев, старик, изображен «в кургузом пиджаке, в лиловой жилетке и с гита-

рой» (6, 60), что дает представление о стиле одежды персонажа. Похоже нарисован портрет старика в «Письме»: «Одет он был в щегольскую светло-лиловую, но слишком просторную для него рясу..., и в суконный кафтан с широким кожаным поясом и в неуклюжие сапоги» (6, 153). Такой внешний вид создает образ интересного, эксцентричного пожилого человека.

Поездка на Сахалин была одним из важных событий в жизни Чехова и сыграла положительную роль в развитии его литературного творчества во второй половине жизни писателя. Автор создал «Дуэль» и «Палату № 6» вскоре после этого путешествия. А. Роскиным «Дуэль» рассматривается как «навеянная Сахалином», а «Палата № 6» – «продиктованная Сахалином» [Роскин 1959: 215]. В этих произведениях цвета имеют глубокий символический смысл.

Нельзя не сказать об эффекте загадочности в повести «Дуэль» и «Палате № 6». Вызван он образом лиловых гор. С ними связаны странность и даже мистичность пейзажа. Автор использует множество цветовых деталей в описании ночи, неба и моря, чтобы создать образ героя с помощью пейзажной характеристики. Перемены настроения Лаевского передаются через динамику картин природы. Лаванда символизирует грусть и в то же время некую тайну («лиловатые горы»). Пустынный берег моря указывает на одиночество Лаевского: «Пустынный берег моря, неутолимый зной и однообразие дымчатых, лиловатых гор, вечно одинаковых и молчаливых, вечно одиноких, нагоняли на него тоску и, как казалось, усыпляли и обкрадывали его» (7, 364).

В повести «Дуэль» контрастный образ «мрачной и красивой горы» (7, 385) создает удивительное сочетание великолепия и мистики. Использование колоронимов в описании гор дает возможность отразить разнообразие оттенков: от бурого и розового до лилового и дымчатого, что демонстрирует многогранность и красочность пейзажа.

В «Палате № 6» использование цветонаименования «лиловатая» придает описанию местности некоторую мистичность и загадочность: «На левом берегу в лиловатой мгле горы, сады, башни, дома» (8, 203). Лиловый цвет в данном случае ассоциируется с чем-то необычным и даже потусторонним, что усиливает ощущение тревоги и неопределенности. Чехов также характеризует снег с помощью указанного цвета, делая акцент на необычности этого природного явления: «Такого лилового снега никогда не бывает...» (9, 65). Когда Чехов описывает снег как «лиловый», он нарушает привычные представления о природе, что делает этот элемент сюрреалистичным. Такой подход помогает читателю

почувствовать абсурдность и парадоксальность окружающей реальности, а также внутренние переживания героев. Таким образом, лиловый цвет является средством создания сюрреалистических картин природы или чего-то загадочного, относящего к миру фантазии.

Отметим, что в большинстве случаев лиловый цвет используется для создания пейзажей на страницах чеховских рассказов, например: «далекие острова, покрытые лиловатою мглой» (9, 119), «травы в цвету – зеленые, желтые, лиловые» (9, 314), «длинные облака, красные и лиловые» (10, 172). Однако прозаик употребляет колороним «лиловый» и для детализации портретной характеристики героев. Например, «лиловое лицо какой-то шведки» (10, 436) несет в себе нечто загадочное и неопределенное. Указанный цвет также используется для описания физически страдающего человека («с тощими лиловыми ногами» (9, 216). Ощущение безжизненности и хрупкого здоровья мастера Редька, обусловленных тяжелым заболеванием, возникает благодаря эпитету «лиловый».

Лиловый цвет занимает значительное место в русской литературе, придавая произведениям особую атмосферу. Так, у М. Ю. Лермонтова встречаются строки, в которых «степь раскинулась лиловой пеленой» [Лермонтов 1989: 215], а облака описаны как «лиловые с багряными краями». Это создает впечатление загадочности и красоты природы и подчеркивает эмоциональное состояние героев. Л. Н. Толстой также активно использует лиловый цвет в своих произведениях. В «Детстве», например, он описывает горизонт серо-лилового цвета во время отъезда Николеньки в Москву, а во время хлебной уборки плывут бело-лиловые облака. В таких описаниях лиловый цвет становится символом перехода и изменения, что отражает внутренние переживания персонажей и их связь с окружающим миром. Таким образом, лиловый цвет в литературе играет важную роль: он создает глубокий эмоциональный и философский подтекст, помогая читателю лучше понять внутренний мир героев и атмосферу произведения.

Приведенные наблюдения позволяют сделать вывод, что в произведениях Чехова 1886–1903 гг. преобладают уже не темные, а яркие цвета. И это связано с изменениями, которые произошли в мышлении автора после 1886 г. и в его творчестве. Хотя частота употребления колоронимов после 1888 г. снизилась, каждый цвет играет в произведениях особенную, неповторимую роль. Употребление редких и необычных цветов и оттенков помогает не только более точно описать образы героев и окружающую их обстановку, но и придать произведению определенные эмоцио-

нальные нюансы. Например, лиловый или бирюзовый символизируют таинственность, недоступность и даже мечтательность, а сизый нередко используется для описания внешности персонажей, причем показывает их с неприглядной стороны. Появление в структуре произведений редких цветов может служить выделению определенных деталей или созданию контрастов в описаниях, что увеличивает изобразительные возможности текста, создает более наглядную и полную картину. Использование необычных цветов и оттенков погружает читателя в мир, где происходит действие произведений. Это характеризует Чехова как выдающегося мастера слова, способного в нескольких деталях раскрыть богатство художественного воображения и максимально точно воплотить в тексте нюансированное отражение мира.

Примечание

¹ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений А. П. Чехова [Чехов 1974–1983] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

Список источников

Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Список литературы

Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. Вып. 23, № 21 (122). С. 32–37.

Браэм Г. Психология цвета / пер. с нем. М. В. Крапивкиной. М.: ACT: Астрель, 2009. 158 с.

Громов Л. П. Годы перелома в творческой биографии А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. 1954: Статьи. Исследования. М.: Гос. библиотека СССР имени В. И. Ленина, 1955. С. 17–39.

Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 327 с.

Куприн А. И. Ночлег // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Правда, 1964. Т. 2. С. 322–335.

Миронова Л. Н. Символика цвета. 2004–2024. URL: <https://www.mironovacolor.org/color-theory/man-and-color/symbolism> (дата обращения: 12.12.2023).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

Оспанова А. С., Сатмагамбетова Р. С. Типология выражения спектров цвета в англий-

ском, французском и русском языках // Вестник КГПИ. 2014. № 3. С. 24–33.

Остwald B. F. Искусство цвета. Цветоведение: теория цветового пространства / пер. с нем. З. О. Мильмана. М.: АСТ, 2021. 366 с.

Попова О. В. Цвет как особый предмет философского размышления. Символика цвета // Социально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Приволж. дом знаний, 2017. Вып. 10. С. 88–90.

Роскин А. И. А. П. Чехов. М., 1959. 432 с.

Сен-Клер К. Тайная жизнь цвета / пер. с англ. А. В. Соловьева. М.: Эксмо: Бомбора, 2018. 319 с.

Серов Н. В. Античный хроматизм. СПб., 1995. 475 с.

Сретенский Н. Замечательный год. А. П. Чехов и наш край: сб. / под общ. ред. А. М. Линин. Ростов н/Д: Азчериздат, 1935. 220 с.

Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 180 с.

Флоренский П. А. Небесные знамения: размышление о символике цветов // Маковец. М., 1922. № 2. С. 14–16.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Эксмо, 2023. 448 с.

References

Borisova D. N. K probleme vybora termina dlya nazvaniya form tsvetooboznacheniya v yazyke [On the problem of choosing a term for naming forms of color designation in the language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, vol. 23, issue 21 (122), pp. 32-37. (In Russ.)

Braem H. *Psikhologiya tsveta* [The Psychology of Color]. Transl. from German by M. V. Krapivkina. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2009. 158 p. (In Russ.)

Gromov L. P. Gody pereloma v tvorcheskoy biografii A. P. Chekhova [The years of the turning point in the artistic biography of Anton Chekhov]. *Chekhovskie chteniya v Yalte. 1954: Stat'i. Issledovaniya* [Chekhov Readings in Yalta. 1954: Articles. Studies]. Moscow, Vladimir Lenin State Library of the USSR Press, 1955, pp. 17-39. (In Russ.)

Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1979. 327 p. (In Russ.)

Kuprin A. I. Nochleg [An overnight stop]. In: Kuprin A. I. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]: in 9 vols. Moscow, Pravda Publ., 1964, vol. 2, pp. 322-335. (In Russ.)

Mironova L. N. *Simvolika tsveta* [The symbolism of color]. Available at: <https://www.mironovacolor.org/color-theory/man-and-color/symbolism> (accessed 12 Dec 2023). (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p. (In Russ.)

Ospanova A. S., Satmagambetova R. S. *Tipologiya vyrazheniya spektrov tsveta v angliyskom, frantsuzskom i russkom jazykakh* [Typology of expression of color spectra in the English, French and Russian languages]. *Vestnik KGPI* [KSPI Bulletin], 2014, issue 3, pp. 24-33. (In Russ.)

Ostwald W. F. *Izkusstvo tsveta. Tsvetovedenie: teoriya tsvetovogo prostranstva* [The Art of Color. Color Science: Theory of Color Space]. Transl. from German by Z. O. Milman. Moscow, AST Publ., 2021. 366 p. (In Russ.)

Popova O. V. *Tsvet kak osobyy predmet filosofskogo razmyshleniya. Simvolika tsveta* [Color as a special subject of philosophical reflection. The symbolism of color]. *Sotsial'no-gumanitarnoe znanie: poisk novykh perspektiv* [Social and Humanities-Based Knowledge: Search for New Perspectives]:

a collection of articles of X International Scientific and Practical Conference. Penza, Privolzhskiy Dom Znaniy Publ., 2017, issue 10, pp. 88-90. (In Russ.)

Roskin A. I. *A. P. Chekhov*. Moscow, 1959. 432 p. (In Russ.)

St. Clair K. *Taynaya zhizn' tsveta* [The Secret Lives of Color]. Transl. by A. V. Solov'eva. Moscow, Eksmo: Bombora Publ., 2018. 319 p. (In Russ.)

Serov N. V. *Antichnyy khromatizm* [Antique Chromatism]. St. Petersburg, 1995. 475 p. (In Russ.)

Sretensky N. *Zamechatelnyy god. A. P. Chekhov i nash kray* [A Wonderful Year. Anton Chekhov and Our Region]: collected works. Ed. by A. M. Linin. Rostov-on-Don, Azcherizdat Publ., 1935. 220 p. (In Russ.)

Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [The Problems of Anton Chekhov's Poetics]. Leningrad, Leningrad University Press, 1987. 180 p. (In Russ.)

Florensky P. A. *Nebesnye znameniya: razmyshlenie o simvolike tsvetov* [Heavenly Signs: Reflections on the Symbolism of Colors]. Makovets. Moscow, 1922, issue 2, pp. 14-16. (In Russ.)

Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 448 p. (In Russ.)

Rare Colors in Anton Chekhov's Prose: The Symbolism and Spectrum (1886-1903)

Liu Xiaoya

Postgraduate Student at the Department of History of Russian Literature

St Petersburg State University

7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia. liuxiaoya410@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7916-7094>

Submitted 15 May 2024

Revised 23 Sep 2024

Accepted 18 Jan 2025

For citation

Liu Xiaoya. Redkie tsveta v proze A. P. Chekhova: simvolika i spektr (1886-1903) [Rare Colors in Anton Chekhov's Prose: The Symbolism and Spectrum (1886-1903)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 108-116. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-108-116. EDN ILXZPB (In Russ.)

Abstract. The article analyzes works written by Anton Chekhov between 1886 and 1903 from the point of view of color imagery. The writer's interest in color designations arose in the early period of his literary activities, represented by short stories and feuilletons. In the works of the late period, the author's palette becomes richer: it includes not only main but also less common colors. This article examines shades that are rarely found on the pages of Chekhov's stories of the late period. The author determines the frequency of the appearance of such colors; explains the symbolic meaning and the reasons for choosing such a palette, its influence on the images and atmosphere of the works. The purpose of the article is to determine the role played by rare color shades in Chekhov's poetics, as well as to study the connection between the palette of the writer's works and the historical conditions of their creation. The main tasks set by the author in this study are to identify the non-standard spectrum of colors that are

found in the works of Anton Chekhov written in the late 19th – early 20th centuries, to calculate the frequency of their use, and to identify the functions (apart from descriptive ones) that they perform in a particular work. This study reveals the system of artistic techniques used by Chekhov in his short stories. Tracing the evolution of shades in the writer's works, the author of the article establishes changes in the symbolic and emotional context associated with rare colors. Based on the obtained statistics, a conclusion is drawn that the color system in Anton Chekhov's works considered in the study is not complex in its basic structure, but is diverse at a specific level of implementation.

Key words: Russian literature; Anton Chekhov; color scheme; rare colors; color symbolism.

УДК 821.111.09+821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-117-124
<https://elibrary.ru/ngncgo>

EDN NGNCGO

Сюжет о смертной казни в творчестве У. М. Теккерея и И. С. Тургенева: «Как из казни устраивают зрелище» и «Казнь Тропмана»

Матвеенко Ирина Алексеевна

д. филол. н., профессор кафедры английского языка в сфере научной коммуникации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. rector@tsu.ru

SPIN-код: 1120-9546

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0311-3011>

Статья поступила в редакцию 07.11.2024

Одобрена после рецензирования 16.04.2025

Принята к публикации 21.04.2025

Информация для цитирования

Матвеенко И. А. Сюжет о смертной казни в творчестве У. М. Теккерея и И. С. Тургенева: «Как из казни устраивают зрелище» и «Казнь Тропмана» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 117–124. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-117-124. EDN NGNCGO

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ двух произведений на тему смертной казни – У. Теккерея «Как из казни устраивают зрелище» и И. С. Тургенева «Казнь Тропмана». Выделяются основные темы, затронутые писателями: моральный аспект наказания, психология осужденного, отношение общества к казни. Особое внимание уделяется контрасту между бесчеловечностью казни и повседневной жизнью людей, описываемой писателями. Проведенный анализ позволяет выявить несомненную общность Теккерея и Тургенева на поэтическом уровне – их произведения сближают повествовательные приемы, сюжетная структура, описания общества и попытка проникнуть в психологию приговоренного к смерти. Роднит эти произведения и цель написания – показать абсурдность и неприемлемость такого рода наказания, для чего оба автора используют жанр очерка как наиболее востребованный как в английской, так и в русской литературе. Однако столь же в «Как из казни устраивают зрелище» и «Казни Тропмана» очевидна и принципиальная разница изображаемых событий. Она прослеживается прежде всего на мировоззренческом уровне. Теккерей рассматривает происходящее с христианских позиций, что сближает его точку зрения скорее с Ф. М. Достоевским. Однако этот тезис требует проведения специального исследования. Тургенев же показал «Казнь Тропмана», пропустив событие через свое индивидуальное восприятие, не обосновывая точку зрения идеологически, акцентируя внимание читателей на своих ощущениях, чем предвосхитил рассмотрение события казни модернистским сознанием, когда оно переживается на уровне чувственного, субъективного опыта.

Ключевые слова: очерк; У. Теккерей; «Как из казни устраивают зрелище»; И. С. Тургенев; «Казнь Тропмана»; типологические схождения; русско-английские литературные связи.

Вопрос о смертной казни волновал на протяжении всего XIX в. как русских (В. А. Жуковский, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев), так и западноевропейских писа-

телей (У. Теккерей, Ч. Диккенс, В. Гюго, Т. Гарди), так как в течение этого периода законодательство в отношении данного вопроса менялось, но само наказание достаточно долго со-

хранялось в юридических системах. В России высшая мера наказания применялась, по словам Николая I, «в исключительных случаях», в основном по решению военно-полевых судов, а также за государственную измену. В Европе же (Англии, Франции) смертная казнь продолжала активно применяться за более широкий список преступлений. Более того, в западноевропейских странах смертная казнь приводилась в исполнение публично (в России казнь исполнялась гораздо реже, но была окончательно отменена только в 1880 г.): «Пережитком средневековья являлась и публичность смертной казни. <...> Публичность смертной казни выполняла функцию общей превенции. Считалось, что изощрённость применяемых видов наказания должна была вызывать страх у людей и предостерегать их от возможного преступного поведения» [Маюров 2020: 48]. Справедливости ради стоит отметить, что публичное приведение высшей меры наказания в исполнение в Англии было отменено в 1868 г., а сама практика смертной казни значительно сократилась в этих странах только к концу XIX в. под давлением прогрессивных общественных сообществ, о чем говорит М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»: «Наказание постепенно перестает быть театром. И все, что остается в нем от зрелища, отныне воспринимается отрицательно; как будто постепенно перестают понимать функции уголовно-исполнительной церемонии, как будто этот ритуал, который “завершал” преступление, заподозрили в недолжном родстве с последним» [Фуко 2022: 13].

Тем не менее до этого момента публичные экзекуции проводились, обсуждались в печати и рассматривались в контексте литературных произведений. Достаточно вспомнить статьи Ч. Диккенса «О смертной казни» и «Публичные казни», В. Гюго «Смертная казнь» и др. Неслучайно, что все эти произведения достаточно быстро переводились на другие языки, порождая новые тексты и образуя своеобразный пенитенциарный дискурс, отражающий исторические перемены в юридических системах и гражданском сознании различных стран.

В этом контексте интересно рассмотреть два произведения – У. Теккерея и И. С. Тургенева, посвященные теме смертной казни, с точки зрения параллелей и различий в интерпретации в них самого события казни. Нами уже была рассмотрена переводческая рецепция очерка У. Теккерея на данную тему в статье «“Как вешают человека”: русский перевод очерка У. Теккерея» [Матвеенко 2024: 233–237], где последовательно доказана актуальность данной тематики для русского литературного процесса и вклад перевода в

формирование подобного дискурса в отечественной литературе. Не исключено, что этот перевод читал и И. С. Тургенев, хотя ознакомиться с этим произведением писатель мог и в оригинале. Думается, анализ точек схождения и расхождения может пролить свет на общность и специфику авторского мировоззрения двух выдающихся литераторов XIX в., выявить национальные и общелитературные особенности их творчества, поскольку, по утверждению Д. Дюришина, «различия между национально-литературными и межлитературными отношениями, разумеется, существуют, но не носят принципиального характера. При последовательно-объективном изучении и сопоставлении художественных структур эти две внешне разные области литературных фактов, разграниченные по широте “охвата”, не только взаимно дополняют, но часто внутренне взаимообуславливают одна другую» [Дюришин 1979: 61–62]. А румынский литераторовед А. Дима указывал на необходимость изучения тематики художественных произведений в компаративном аспекте: «Подлинное научное исследование такого типа не может обойтись без внимательного изучения традиционных линий темы, того, что связывает между собой произведения на протяжении веков, а также без выявления специфического, неповторимого характера каждого произведения с учетом исторических условий, в которых оно возникло» [Дима 1977: 100].

Исследователи взаимоотношений двух литературных гениев отмечают несомненную разницу в их мировосприятии. Так, С. Э. Нуралова пишет по этому поводу: «Присущая Теккерею позиция стороннего наблюдателя была неприемлемой для Тургенева, в творчестве которого наиболее важен анализ психологии современного человека, заблуждающегося и ищущего истину, страстно стремящегося к новой, лучшей жизни» [Нуралова 1989: 439]. На протяжении своей литературной карьеры русский и английский писатели встречались не раз, но, по документальным свидетельствам, очевидно, что им не удалось достигнуть взаимопонимания при всем их несомненном интересе друг к другу. Так, о многом говорит высказывание Тургенева по поводу реалистичности изображаемых в литературном произведении картин: «Я и прежде замечал, что французы менее всего интересуются истиной <...> В литературе, например, в художестве они очень ценят остроумие, воображение, вкус, изобразительность – особенно остроумие. Но есть ли во всем этом правда? <...> ни один из писателей не решился сказать им в лицо полной, беззаветной правды, как, например, у нас Гоголь, у англичан Теккерей» [Тургенев 1982: 318]. Очевид-

но, русскому писателю импонировала писательская манера Теккерея, причем этот интерес сохранялся на протяжении всей его писательской карьеры. Представляется, что сравнение двух произведений – «Как вешают человека» У. Теккерея и «Казнь Тропмана» И. С. Тургенева – позволит выявить не только различия, но и общность в их творческих подходах.

Очерк Теккерея был написан в самом начале его писательской карьеры (1840 г.), когда наряду с критическими атаками на жанр ньюгейтского романа литератор создает небольшую заметку о смертной казни, которая станет наиболее репрезентативным произведением с точки зрения реализации в нем авторского мировоззрения: «Ни один другой аспект карьеры Теккерея так глубоко не связан с его происхождением и личностью. На протяжении всей своей жизни Теккерей, по-видимому, был одержим идеей смертной казни как ужасающим физическим фактом, способным вызвать болезненное восхищение, и в то же время как личной проблемой, тесно связанной с его собственными размышлениями о смысле жизни и смерти, здоровье и болезни, а также о божественном участии в жизни человека» [Borowitz 1975: 750] (перевод наш. – И. М.).

И. С. Тургенев пишет «Казнь Тропмана» на тридцать лет позже очерка Теккерея, в 1870 г., как отклик на посещенную им экзекуцию в Париже этого же года и представляет собой «превосходный пример расследования события тонким наблюдателем, настойчиво стремящимся выявить моральные свойства этого явления» [Брумфилд 2009: 33]. Таким образом, схожие цели создания произведений продиктовали, несмотря на тридцатилетнюю разницу в написании, выбор аналогичного жанра – очерк. Оба автора использовали очерк как наиболее вос требованную форму взаимодействия с читателем: «Авторская активность в очерке несет в своем развитии, – пишет по этому поводу Е.А. Акелькина, – двустороннюю направленность на предмет и на читателя, выработка и усвоение читателем подлинно эпического ми роощущения совершается по мере проникновения внутрь закономерностей рассматриваемых явлений в самый склад рассказа о них» [Акелькина 2007: 13]. Именно такую «направленность» мы наблюдаем в рассматриваемых нами произведениях – авторы пытаются проникнуть в сущность рассматриваемого предмета (смертная казнь), попутно формируя у читателя определенную точку зрения в отношении этого явления. Более того, в обоих случаях авторы лично присутствовали на казни и вели своего рода репортаж с места событий. В очерках «выхвачен» приблизи-

тельно одинаковый отрезок времени – с ночи накануне казни до ее свершения утром.

Неслучайным представляется и то, что писатели присутствуют на казни, осуществленной хотя и в разное время, но в одном месте – Париже как центре европейской цивилизации и одновременно историческом месте рождения революций и насилия: «Абсурдность и опасность, исходившая от этой и подобных сцен <казни>, стали своего рода предзнаменованиями беспорядков будущего года, события которого (война и Парижская коммуна) были отражены в комментариях Тургенева и его коллег Флобера и Эдмона Гонкура» [Брумфилд 2009: 41]. В случае с Теккереем реакция толпы на публичную казнь предвещает события 1848 г., когда революционные события оказали огромное влияние на политическую ситуацию Европы.

Обращает на себя внимание и структурная схожесть произведений: оба автора последовательно описывают все этапы события – от подготовки до самой казни, фиксируя настроения личные и окружающих. Здесь видна и разница в повествовательной манере произведений – у Теккерея это одно из первых произведений, где он явно экспериментирует со словом, меняя пафос от ироничного до обличительного. Тургенев пишет «Казнь Тропмана», будучи уже опытным писателем, в его очерке прослеживается верность своей писательской манере. По наблюдениям У. Брумфилда, «Тургенев использует здесь <в «Казни Тропмана»> целый набор приемов, хорошо знакомых читателям его художественной прозы» [Брумфилд 2009: 33]. И тем не менее фокус внимания писателей оказывается удивительно схожим. И Теккерей, и Тургенев подчеркивают, что их пригласили посетить это мероприятие, так как «было интересно, какое впечатление произведет казнь на зрителей» [Теккерей 1975: 259]¹, отмечают бессонную ночь накануне события, ранний подъем для того, чтобы успеть занять место, с которого будет хорошо видно происходящее.

Непосредственно перед казнью оба автора включают описания улиц и людей, занятых своими повседневными делами, представляющие контраст будущему событию. Вот как описывает подготовление к зрелищу Теккерей: «Пока мы добрались до Холборна, город заметно оживился; народу на улицах стало раза в два больше, чем в каком-нибудь немецком бурге или в провинциальном английском городке. Во многих пивных уже открыли ставни, и оттуда стали выходить мужчины с трубками в руках. Вот они зашагали вдоль светлой широкой улицы, все без исключения увлекая за собой синие тени, ибо все они устремились в одном направлении и, так же как мы, спешат к месту казни» (2, 262). Сравним

с пейзажной зарисовкой Тургенева: «Народу на бульваре было немного больше обычновенного. Одно разве можно было заметить: почти все люди шли – а иные, особенно женщины, даже трусили рысцой – в одном и том же направлении; притом все кофейные и кабачки горели огнями, что тоже редко бывает в отдаленных кварталах Парижа, особенно в такую позднюю пору» [Тургенев 1983: 132]². Оба писателя вводят в повествование описание обыденности забот обычных лю-

дей, их повседневной жизни и нездорового любопытства для создания контраста ужасу предстоящей экзекуции.

В двух очерках авторы рисуют собравшихся на казнь людей с натуры, создавая своеобразный микрокосм, который включает представителей высших (журналистов, членов парламента) и низших слоев общества (воров и проституток):

У. Теккерей «Как из казни устраивают зрелице»	И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»
Лавки на противоположной стороне улицы теперь набиты почти до отказа нанявшими их людьми. Тут и молодые денди с усиками и сигарами в зубах, и тихие добропорядочные семейства каких-нибудь простых и честных торговцев, взирающие на все с невозмутимым спокойствием и мирно попивающие чай (II, 269).	Я подошел к солдатам: <...>. Лица из не выражали ничего, кроме скуки, скуки холодной и терпеливо-покорной; да и те лица, которые мне виднелись за киверами и мундирами солдат, за треуголками и сюртуками полицейских сержантов, лица блузников, работников, выражали почти то же – только с примесью какой-то неопределенной усмешки (XI, 136)

Равнодушие и обыденность – вот те черты, которые выделяют и Теккерей, и Тургенев в своих портретах, изображая нравы публики, собравшейся на это «развлечение», и которые оба писателя не могут принять. Говоря об особенностях тургеневского очерка, У. Брумфилд отмечает: «Рассказчику удается воссоздать атмосферу скуки, усталости, ужаса, в которой внимание переключается на стра-

дания наблюдателя, а не на осужденного на казнь (это обстоятельство резко контрастирует с работой Виктора Гюго 1829 года “Le dernier jour d'un condamné”» [Брумфилд 2009: 34]. Это замечание вполне применимо к произведению Теккерея.

Обрисовывая картину ожидания казни, оба автора детально фиксируют малейшие звуки и цвета как предвестники трагедии:

У. Теккерей «Как из казни устраивают зрелице»	И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»
Когда раздался бой часов, необозримая густая толпа заколыхалась и пришла в движение. Всех вдруг разом охватило неистовство, и послышался чудовищный, ни на что не похожий и не поддающийся описанию рев, какого мне еще никогда не приходилось слышать. Женщины и дети пронзительно заголосили. Я не уверен, что различал бой часов. Скорее это был какой-то страшный, резкий, напряженный и нестройный гул, сливающийся с ревом толпы и длившийся минуты две. Виселица стояла перед нами – черная и пустая; черная цепь свисала с перекладины и ожидала своей жертвы (II, 271)	Гул толпы становился все сильнее, все гуще и непрерывней. <...> Гул этот поражал меня сходством с отдаленным ревом морского прибоя: такое же нескончаемое, вагнеровское crescendo, не возвышающееся постоянно, а с огромными разливами и колыханьями; острые ноты женских и детских голосов взвивались, как тонкие брызги, над этим громадным гудением; грубая мощь стихийной силы сказывалась в нем. <...> Это просто шум и гам стихии (XI, 138)

Теккерей пытается показать неестественность происходящего за счет применения многочисленных эпитетов, близких к готической лексике, – «чудовищный», «страшный», «резкий», «напряженный», «черная», «пустая», подчеркивая не только мрачность, но и отчуждение от происходящего. Казнь предстает как страшный ритуал, отделяющий осужденного от мира живых. Сама толпа

представлена у него как неуправляемая масса, она – «невообразимая», издающая «рев», на фоне которой виселица «ожидала своей жертвы». Тургенев сравнивает толпу с природной стихией – морем. По справедливому замечанию У. Брумфилда, «частым символом смерти и забвения <...> становится образ воды, моря, и тут напрашивается сравнение Тургеневым непрекраща-

ющегося ропота толпы перед казнью с шумом моря» [Брумфилд 2009: 40]. Тем не менее, при всей разнице этих описаний, очевидно, что оба автора ставят вопрос противостояния хаоса бессмысленности смерти, отмены воспитательной функции казни на фоне нравственной пустоты присутствующих на ней.

У. Теккерей «Как из казни устраивают зрелище»	И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»
<p>Курвуазье держался, как подобает мужчине, и шел очень твердо. Он был в черном, по-видимому, новом костюме, рубашка его была расстегнута. Руки были связаны спереди. Раз или два он беспомощно развел ладони и снова сжал их. Он огляделся вокруг. На секунду он задержался, и в его глазах выразились испуг и мольба, на губах появилась жалобная улыбка. Затем он сделал несколько шагов и стал под пепелищой, обратясь лицом к церкви Гроба Господня. Высокий мрачный человек в черном быстро повернул его и, вытащив из кармана ночной колпак, натянул его на голову заключенного, закрыв его лицо. Мне не стыдно признаться, что дальше я не мог смотреть и закрыл глаза, чтобы не видеть последнюю ужасную церемонию, препроводившую несчастную грешную душу на суд божий (II, 272)</p>	<p>Однако я еще раз взглянул на Тропмана. Он внезапно отклонился назад, и голову завалил, и согнулся колена, словно кто толкнул его в грудь, — «он в обморок упадет!» — шепнул чей-то голос возле меня ... Но он тотчас же оправился — и твердой поступью пошел вперед. <...> Я видел, как палач вдруг черной башней вырос на левой стороне гильотинной площадки; я видел, как Тропман отделился от кучки людей, оставшихся внизу, и взбирался по ступеням (их было десять <...> целых десять ступеней!); я видел, как он остановился и обернулся назад; я слышал, как он промолвил: «Dites à monsieur Claude ...». Я видел, как он появился наверху, как справа и слева два человека бросили на него, точно пауки на муху, как он вдруг повалился головой вперед и как подошвы его брыкнули ... Но тут я отвернулся — и начал ждать, — а земля тихо поплыла под ногами (XI, 148–149)</p>

При изображении осужденного Теккерей не скрывает свой симпатии к нему, а отсюда его сравнение «как подобает мужчине», фиксирует мельчайшие движения души приговоренного к смерти. Так же внимательно следит за Тропманом Тургенев. Однако, опираясь на свои предшествующие впечатления, русский писатель не смог найти в осужденном ничего, что могло бы оправдать его. Ведь ему, в отличие от Теккерея, была предоставлена возможность увидеть преступника еще когда он находился в камере, после чего Тургенев отмечает: «Но при виде этого спокойствия, этой простоты и как бы скромности, все чувства во мне — чувство отвращения к безжалостному убийце, к извергу, перерывавшему горла детей в то время, когда они кричали: “маман! маман!” — чувство жалости, наконец к человеку, которого смерть уже готовилась поглотить, — исчезли и потонули в одном: в чувстве изумления. Что поддерживало Тропмана?» (XI, 144). Это обстоятельство, несомненно, отличает тургеневские мысли от наблюдений Теккерея — в образе Тропмана он не находит никакой опоры для авторской симпатии. Тем не менее в представленных фрагментах есть и принципиальные параллели: оба наблюдателя пытаются проникнуть в психологию осужденного, выявить моти-

Еще одной общей чертой поэтики писателей является попытка через описание образа осужденного проникнуть в его психологию, выяснить причины, толкнувшие его на преступок и на этом основании найти оправдание для него:

И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»

Однако я еще раз взглянул на Тропмана. Он внезапно отклонился назад, и голову завалил, и согнулся колена, словно кто толкнул его в грудь, — «он в обморок упадет!» — шепнул чей-то голос возле меня ... Но он тотчас же оправился — и твердой поступью пошел вперед. <...> Я видел, как палач вдруг черной башней вырос на левой стороне гильотинной площадки; я видел, как Тропман отделился от кучки людей, оставшихся внизу, и взбирался по ступеням (их было десять <...> целых десять ступеней!); я видел, как он остановился и обернулся назад; я слышал, как он промолвил: «Dites à monsieur Claude ...». Я видел, как он появился наверху, как справа и слева два человека бросили на него, точно пауки на муху, как он вдруг повалился головой вперед и как подошвы его брыкнули ... Но тут я отвернулся — и начал ждать, — а земля тихо поплыла под ногами (XI, 148–149)

вацию к совершенному поступку. Кроме того, оба отводят глаза в самый момент казни. Здесь уместно рассуждение по этому поводу американского исследователя Р. Л. Джексона: «Жест отвода глаз от обезглавливания как такового имеет в очерке принципиальное значение: он не только является собой окончательное воплощение настойчивой мысли рассказчика о том, что он не имеет права находиться там, где он есть, но указывает направление одной из главных идей очерка — а именно, что зрелище другого человеческого существа вовлекает в акт насилия самого зрителя» [Джексон 1988: 136]. Замечание, сказанное о «Казни Тропмана», вполне применимо и к очерку Теккерея — оба писателя чувствуют себя причастными к акту насилия и осознают, что все зрелище превращается не в акт возмездия, а в театральную сцену, где каждый играет свою роль.

Однако на фоне столь значительных точек схождения проявляются не менее значительные отличия в мировоззрении английского и русского писателя. Вот с какими вопросами обращается Теккерей к своим читателям: «Убей человека, и ты, в свою очередь, должен быть убитым, это непреложное sequitur <...>. Кровь за кровь. Но так ли это? Систему возмездия можно распространять ad infinitum <...>, — око за око, зуб за

зуб, как гласит древний закон Моисея. Но почему (не говоря уже о том, что этот закон отменен Высшей Властью), если вы лишаетесь глаза, ваш противник тоже должен потерять глаз? По какому праву? А ведь это так же естественно, как приговорить человека к смертной казни, и основано на том же самом чувстве. Но, зная, что мстить не только нехорошо, но и бесполезно, мы отказались от мести во всех менее существенных случаях, и только там, где речь идет о жизни и смерти, мы еще применяем ее вопреки рассудку и христианскому учению» (II, 275). Теккерей трактует казнь с христианских позиций как акт возмездия государства за преступление, совершенное перед законом, и в этом его позиция чрезвычайно близка исканиям русской общественной мысли второй половины XIX в. По мнению Н. С. Прокуровой, «русских писателей интересовало соотношение греха в христианском понимании с понятием “преступление” и степень осознания своей греховности преступником, а также наказание не только с юридической точки зрения, но и с христианской как справедливое возмездие за проступок в грехе, как суд Божий» [Прокурова 2001: 7].

У Тургенева мы находим обращение к читателю с фиксацией своей точки зрения: «Я буду доволен и извиню самому себе неуместное любопытство, если рассказ мой доставит хотя несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или по крайней мере – отмены ее публичности» (XI, 151). На протяжении всего повествования русский писатель отмечает свое физическое неприятие всего увиденного – «тошноту» и «усталость». Несомненно, автор «Казни Тропмана» стремился показать всю абсурдность и бесчеловечность такого наказания, сохранив индивидуальную позицию наблюдателя, чем вызвал негодование и непонимание со стороны Ф. М. Достоевского. А. Б. Муратов объясняет такое неприятие следующим образом: «Но важно, что психология Тургенева, как рассказчика и свидетеля казни, рисовалась Достоевскому сугубо индивидуалистической. Тургенев же расценивал свои чувства и впечатления как важный документальный факт» [Муратов 2004: 77]. Как бы то ни было, очевидно, что автор «Преступления и наказания» не смог принять рассуждения Тургенева на тему, несвойственную его творчеству, предмет которой так хорошо был знаком Достоевскому. В этом его видение совпадает с мировоззрением Теккерея, который критиковал авторов ньюгейтских романов за незнание и идеализацию изображаемых картин.

Подводя итог проведенному анализу, отмечаем следующее: очевидна несомненная общность Теккерея и Тургенева на поэтологическом

уровне – их произведения сближают повествовательные приемы, сюжетная структура, описания общества и попытка проникнуть в психологию приговоренного к смерти. Роднит эти произведения и цель написания – показать абсурдность и неприемлемость такого рода наказания, для чего оба используют жанр очерка как наиболее репрезентативный с точки зрения воздействия на читателя. Однако столь же в «Как из казни устраивают зрелище» и «Казни Тропмана» очевидна и принципиальная разница изображаемых событий. Она прослеживается прежде всего на мировоззренческом уровне. Теккерей рассматривает происходящее с христианских позиций, что сближает его точку зрения скорее с Ф. М. Достоевским. Однако этот тезис требует проведения специального исследования. Тургенев же показал «Казнь Тропмана», пропустив событие через свое индивидуальное восприятие, не обосновывая свою точку зрения идеологически, акцентируя внимание читателей на своих ощущениях, чем предвосхитил рассмотрение события казни модернистским сознанием, когда оно переживается на уровне чувственного, субъективного опыта. Неслучайно появились недавние исследования о влиянии Тургенева на творчество, например, Э. Хемингуэя [Cirino 2010: 31–50]. Как раз в этом произведении русский писатель демонстрирует взгляд стороннего наблюдателя, что, по мнению С. Э. Нураловой, не привлекало его в творчестве Теккерея.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в круглых скобках.

² В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в круглых скобках.

Список литературы

Акелькина Е. А. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы). Омск: Изд-во ВПО «ОГИ», 2007. 140 с.

Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. 272 с.

Джексон Р. Этика зрения: «Казнь Тропмана» Тургенева и взгляды Достоевского // Вопросы литературы. 1988. № 11. С. 133–150.

Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. 230 с.

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. 320 с.

Матвеенко И. А. «Как вешают человека»: русский перевод очерка У. Теккерея // Язык и культура: сб. ст. XXXIII Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во ТГУ, 2024. С. 233–237.

Майоров П. Н. К вопросу о практике применения смертной казни в Великобритании XIX в. //

Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1(59). С. 45–51.

Муратов А. Б. Очерк Тургенева «Казнь Тропмана» // Из истории русской литературы и филологической науки (вторая половина XIX – начало XX века): Статьи разных лет. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 69–86.

Нуралова С. Э. Записка Теккерея И. С. Тургеневу // Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания. М.: Книжная палата, 1989. 488 с.

Прокурова Н. С. Не сотвори зла. К проблеме преступления и наказания в русской художественной литературе и публицистике. М.: Academia, 2001. 344 с.

Теккерей У. М. Как из казни устраивают зрелище // Собрание сочинений в 12 т. М.: Худ. лит., 1975. Т. 2. С. 259–276.

Тургенев И. С. Казнь Тропмана // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 10–11. С. 131–151.

Тургенев И. С. Письма о франко-пруссской войне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 309–325.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрем: пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 416 с.

Borowitz A. Why Thackeray Went to See a Man Hanged // Victorian Newsletter. 1975. Vol. 48. № 15–21. P. 745–758.

Cirino M. Beating Mr. Turgenev: “The Execution of Tropmann” and Hemingway’s Aesthetic of Witness // Hemingway Review. Vol. 30. № 1. Fall 2010. P. 31–50.

References

Akel’kina E. A. ‘Zapiski iz mertvogo doma’ F. M. Dostoevskogo: formirovanie poetiki ocherkovogo povestvovaniya (1840–1860-e gody) [‘The House of the Dead’ by Fyodor Dostoyevsky: The Formation of Poetics of Essay Narration (1840–1860s)]. Omsk, 2007. 140 p. (In Russ.)

Brumfield W. Sotsial’nyy proekt v russkoy literature XIX veka [The Social Project in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)

Jackson R. Etika zreniya: ‘Kazn’ Tropmana’ Turgeneva i vzglyady Dostoevskogo [The ethics of vision: Turgenev’s ‘The Execution of Tropmann’ and Dostoevsky’s view of the matter]. Voprosy literature [Literature Issues], 1988, issue 11, pp. 133–150. (In Russ.)

Dima A. Printsipy sravnitel’nogo literaturovedeniya [Principles of Comparative Literary Studies]. Moscow, Progress Publ., 1977. 230 p. (In Russ.)

Dyurishin D. Teoriya sravnitel’nogo izucheniya literature [Theory of Comparative Literary Studies]. Moscow, Progress Publ., 1979. 320 p. (In Russ.)

Matveenko I. A. ‘Kak veshayut cheloveka’: russkiy perevod ocherka U. Tekkereya [‘Going to See a Man Hanged’: Russian translation of W. Thackeray’s essay]. Yazyk i kul’tura [Language and Culture: a collection of articles of XXXIII International scientific conference]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2024, pp. 233–237. (In Russ.)

Mayurov P. N. K voprosu o praktike primeneniya smertnoy kazni v Velikobritanii XIX v. [On the application of the death penalty in Great Britain in the 19th century]. Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad Legal Journal], 2020, issue 1 (59), pp. 45–51. (In Russ.)

Muratov A. B. Ocherk Turgeneva ‘Kazn’ Tropmana’ [Turgenev’s essay ‘The Execution of Tropmann’]. Iz istorii russkoy literature i filologicheskoy nauki (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [From the History of Russian Literature and Philological Science (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries)]: articles from different years. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, pp. 69–86. (In Russ.)

Nuralova S. E. Zapiska Tekkereya I. S. Turgenevu [A Thackeray’s note for Ivan Turgenev]. Uil’yam Meykpis Tekkerey. Tvorchestvo. Vospominaniya. Bibliograficheskie razyskaniya [William Makepeace Thackeray. Writings. Memoirs. Bibliographical Studies]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1989. 488 p. (In Russ.)

Prokurova N. S. Ne sotvori zla. K probleme prestupleniya i nakazaniya v russkoy khudozhestvennoy literature i publitsistike [Do No Evil. On Crime and Punishment in Russian Literature and Opinion Essays]. Moscow, Academia Publ., 2001. 344 p. (In Russ.)

Thackeray W. M. Kak iz kazni ustraivayut zrelishche [How a spectacle is made from an execution]. In: Thackeray W. M. Sobranie sochineniy [A Collection of Works]: in 12 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, vol. 2, pp. 259–276. (In Russ.)

Turgenev I. S. Kazn’ Tropmana [The Execution of Tropmann]. In: Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy [A Complete Collection of Works]: in 12 vols. Moscow, Nauka Publ., 1983, vols. 10–11, pp. 131–151. (In Russ.)

Turgenev I. S. Pis’ma o franko-prusskoy voynе [Letters about the Franko-Prussian war]. Polnoe sobranie sochineniy [A Complete Collection of Works]: in 12 vols. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 10, pp. 309–325. (In Russ.)

Foucault M. Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. from French. Moscow, 2022. 416 p. (In Russ.)

Borowitz A. Why Thackeray went to see a man hanged. Victorian Newsletter, 1975, vol. 48, issue 15–21, pp. 745–758. (In Eng.)

Cirino M. Beating Mr. Turgenev: ‘The Execution of Tropmann’ and Hemingway’s aesthetic of witness.

Hemingway Review, vol. 30, issue 1, fall 2010, pp. 31-50. (In Eng.)

The Plot of Death Penalty in William Thackeray's and Ivan Turgenev's Writings: 'Going to See a Man Hanged' and 'The Execution of Tropmann'

Irina A. Matveenko

Professor in the Department of English in Scientific Communication

Tomsk State University

36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia. rector@tsu.ru

SPIN-code: 1120-9546

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0311-3011>

Submitted 07 Nov 2024

Revised 16 Apr 2025

Accepted 21 Apr 2025

For citation

Matveenko I. A. Syuzhet o smertnoy kazni v tvorchestve U. M. Tekkereya i I. S. Turgeneva: "Kak iz kazni ustraivayut zrelishche" i "Kazn' Tropmana" [The Plot of Death Penalty in William Thackeray's and Ivan Turgenev's Writings: 'Going to See a Man Hanged' and 'The Execution of Tropmann']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zareubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 117–124. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-117-124. EDN NGNGO (In Russ.)

Abstract. The article provides a comparative analysis of two works on the theme of death penalty – W. M. Thackeray's *Going to See a Man Hanged* and I. S. Turgenev's *The Execution of Tropmann*. The main topics considered by the writers have been identified: the moral aspect of punishment, psychology of a condemned person, attitude of the society toward the execution. Special attention is paid to the contrast between inhumanity of the death penalty and people's everyday routine described by both writers. The analysis performed has revealed undeniable commonness of Thackeray's and Turgenev's writings at the poetic level – they have similar narrative approaches, plot structure, description of the audience, and both attempt to penetrate into the psychology of the condemned person. The purpose of writing the works also makes them similar – they both aim to show the absurdness and unacceptability of such a punishment. To this end, the writers use the genre of essay as the most relevant one in both English and Russian literatures. However, the comparison has established the principle and obvious difference between *Going to See a Man Hanged* and *The Execution of Tropmann*. It is particularly visible at the worldview level. Thackeray addresses the event from the Christian point of view, which unites his views with Fyodor Dostoyevsky's position (this point, however, requires special investigation). Turgenev shows Tropmann's execution through the prism of individual consciousness, without giving his ideological justification and attracting readers' attention mainly to the feelings of Tropmann, thus anticipating consideration of the death penalty by a modernist's consciousness, when the event is perceived at the level of sensory, subjective experience.

Key words: essay; William Thackeray; 'Going to See a Man Hanged'; Ivan Turgenev; 'The Execution of Tropmann'; typological similarities; Russian-English literature connections.

УДК 821.133.1-2

doi 10.17072/2073-6681-2025-2-125-134

<https://elibrary.ru/jainym>

EDN JAINYM

Мотив сна в пьесах Артура Адамова «Какими мы были» и «Обретения»

Османова Кира Павловна

ассистент кафедры зарубежной литературы

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48. kafedrazar-lit@yandex.ru

SPIN-код: 3390-9654

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

ResearcherID: NBX-4347-2025

Статья поступила в редакцию 06.08.2024

Одобрена после рецензирования 13.10.2024

Принята к публикации 22.01.2025

Информация для цитирования

Османова К. П. Мотив сна в пьесах Артура Адамова «Какими мы были» и «Обретения» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 125–134. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-125-134. EDN JAINYM

Аннотация. В статье анализируется мотив сна в творчестве французского писателя Артура Адамова (Arthur Adamov). Материалом для исследования послужили пьесы «Какими мы были» (“Comme nous avons été”) и «Обретения» (“Les Retrouvailles”), традиционно именуемые «пьесами снов» и знаменующие переходный этап для Адамова-драматурга. Описывается генезис мотива сна: упоминаются оказавшие на Адамова влияние исследования в области искусства (сюрреализм; «Игра снов» Ю. А. Стриндберга) и психологической науки (З. Фрейд, К. Г. Юнг).

Место мотива сна определяется в поэтике Адамова как центральное, сам мотив – как один из главных инструментов создания особого пространства и нереальности. Художественный мир Адамова характеризуется зыбкостью границ (между сном и явью, между своими и чужими и т. д.); отсутствием очевидности самоидентификации героя, неспособного на действие; фрагментарностью архитектоники; неотвратимой реализацией сокровенных страхов. Автобиографичность текстов Адамова делает возможным вывод о важности выстраивания для художника связей между индивидуальным и универсальным, субъективным и объективным, бессознательным и сознанием. Рассматриваются два аспекта: поэтика Адамова при создании «пьес снов» и философско-исторический контекст. Психоаналитический метод позволяет интерпретировать территорию и нереальности у Адамова как территорию человеческого бессознательного. Мотив сна у Адамова сопрягается с мотивом вины. Тема невозможности становления взрослым в «пьесах снов» расширяется до экзистенциальной проблемы человеческого бессилия перед жизнью. Сон в философской системе Адамова оказывается опорной идеей при переосмыслиении проблемы границ человеческого существования.

Ключевые слова: Адамов; бессознательное; мотив сна; психоанализ; экзистенциальная вина.

Рецепция творчества Артура Адамова (Arthur Adamov, 1908–1970) в русской литературной критике характеризуется преобладанием обобщений культурно-исторического толка, тогда как анализ художественных особенностей произве-

дений французского писателя, требующий конкретики и детализации, представлен недостаточно полно и глубоко. Так, на периферии исследовательского внимания оказывается мотивная структура текстов Адамова, в особенности не

переведенных на русский язык. Особый род драматических произведений – «пьесы снов» – и стал объектом настоящего исследования, тогда как его предметом номинируется мотив сна. Задачей статьи является определение роли мотива сна в драмах Адамова начала 1950-х гг. Материалом для исследования послужили тексты «Какими мы были» (*“Comme nous avons été”*, publ. 1953) и «Обретения» (*“Les Retrouvailles”*, 1952), образующие смысловую пару. Семиоэстетический метод, использованный в работе, представляется наиболее релевантным поставленной задаче.

Одним из смыслообразующих мотивов творчества Артура Адамова становится мотив сна. Актуализация мотива происходит уже в ранних поэтических опытах Адамова – цикле стихотворений «К Мерет» (*“Poèmes pour Méret”*, 1933), далее мотив сна разрабатывается в первой автобиографической книге прозы Адамова «Признание» (*“L’Aveu”*, 1946), а кульминационного воплощения достигает в пьесах «Какими мы были» и «Обретения».

Мартин Эсслин (Martin Esslin, 1918–2002) в книге «Театр абсурда» (*“The Theatre of the Absurd”*, 1961), в главе «Артур Адамов: исцелимое и неисцелимое» (*“Arthur Adamov: the curable and the incurable”*), отмечает, что Адамов решает «...вернуться к миру снов, написав две пьесы со схожими темами. В марте 1953 года он публикует в *“Nouvelle Revue Française”* “Какими мы тогда были” и приблизительно в 1952 году пишет “Обретения”» [Эсслин 2010: 114].

«Обретения» включены самим Адамовым во второй том его сочинений. Адамов резюмирует: «Пьеса “Обретения”, однако, имела для меня неизмеримое значение, поскольку, завершив ее, перечитав и тщательно обдумав, я понял, что настало время покончить с эксплуатацией полуслна и старого семейного конфликта. В более общем смысле я полагаю, что, благодаря “Обретениям”, я избавился от всего того, что – сперва позволив мне писать – в конечном итоге, стало препятствовать мне как писателю» [Adamov 1988: 15]. (Здесь и далее все цитаты из иноязычных источников списка литературы представлены в переводе автора статьи.) Таким образом, данное произведение Адамов оценивает как рубежное, как показательный текст, созданный в поэтике «полусна» (*“un demi-rêve”*).

В Предисловии (*“Note Préliminaire”*) ко второму тому сочинений Адамов демонстрирует отчетливое понимание переломного момента, наступившего для него как для художника. Он описывает собственную усталость от «ограничений», накладываемых на автора «символизмом ситуаций»; чувствует желание реформировать

собственную поэтику, сделать ее более конкретной, фактуальной. Однако осуществление этого желания на данном этапе происходит, как это ни парадоксально, всё равно через обращение к идеи сна. Адамов отмечает: «... мне показалось, что легче называть вещи своими именами, дать им обрести свою будничность, – если снова расположить их внутри сна», при этом Адамов уточняет, в каком именно сне следует помещать эти “вещи”, – «только в таком, который на самом деле мне не снился» [ibid.: 14]. Таким образом, Адамов вводит понятие «ложный сон», сон «ненастоящий», «придуманный» (*“un faux rêve”*).

Адамов озвучивает мысль принципиальной важности: «Досадная штука: придумывая сон, мы отталкиваемся от некоей идеи; и если созданный образ, вместо того, чтобы располагаться на пересечении значений, вдруг обретает значение вполне определенное – он теряет силу своего воздействия» [ibid.].

Возможность осуществления многозначности смысла оставалась для Адамова актуальным критерием оценки художественного текста. Со времен искреннего увлечения сюрреализмом и общения с вдохновителями этого авангардного течения – Андре Бретоном (André Breton, 1896–1966), Полем Элюаром (Paul Éluard, 1895–1952) – Адамова интересует идея неподконтрольности творчества разуму. Для Адамова обретает значимость сфера человеческого бессознательного, и он, в начале 1930-х гг. – молодой автор, знакомится с открытиями, сделанными в психологии, читает в оригинале работы Зигмунда Фрейда (Sigmund Freud, 1856–1939), Карла Густава Юнга (Carl Gustav Jung, 1875–1961). Современники Адамова отмечали его беспримерную эрудицию в вопросах психологии. Так, работа Юнга *«Отношения между эго и бессознательным»* (*“Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten”*), которая появилась в оригинале в 1928 г., через десять лет вышла на французском языке в издательстве «Галлимар» (*“Gallimard”*) под названием *“Le Moi et L’Inconscient”* в переводе Адамова. Исследователь творчества Адамова Рене Годи (René Gaudy, 1940) отмечает влияние Юнга на Адамова-писателя и полагает, что именно перевод труда Юнга заставил Адамова взяться за написание собственных текстов «серъезно» [Gaudy 1971: 19]. Также Адамов никогда не скрывал своего увлечения произведениями Юхана Августа Стриндберга (Johan August Strindberg, 1849–1912) и признавался, что писать для театра начал во многом под влиянием шведского драматурга. Особенно в творчестве Стриндберга Адамова привлекала пьеса *«Игра снов»* (*“Ett drömspel”*, 1902), величие замысла (*“la grande*

ambition”) которой пленило Адамова мгновенно и всецело. «Игра снов» стала громкой постановкой «Театра жестокости» Арто – Адамов смотрел ее одним из первых [Адамов 2022: 29].

Таким образом, под влиянием сюрреализма, психологии и стриндберговской поэтики сна в творчестве Адамова начинает формироваться понятие инореальности.

Сон для Адамова – одна из возможностей подтверждения существования инореальности. Еще в «Признании», в части «Что существует» (“Ce Qu’Il Y A”, 1938), Адамов дает определение сна: «...сон — это великое беззвучное движение души в череде ночей» [Adamov 1946: 28]. Там же, в «Признании», на первых страницах «Кошмарного дневника» (“Journal Terrible”, 1939–1943), Адамов упоминает Парацельса (Paracelsus, 1493–1541): «Парацельс предостерегал от опасности, которую скрывает призрачная реальность, мучительная и поглощающая, жалящие образы, сопровождающие одинокое наслаждение. Всё, что приснилось, — существует на самом деле, проецируется на определенную плоскость» [ibid.: 120]. «Призрачная реальность» (“l’existence fantôme”), инореальность оказывается для Адамова-художника областью, имеющей первостепенное значение с точки зрения смысла, в том числе смысла искусства как такового. Трактовки снов в «Признании» для Адамова – не просто записи в личный дневник, имеющие терапевтический эффект, это поиск художественного приема, с помощью которого могут быть распознаны новые возможности искусства. Концептуально этот прием связан с понятием границ как таковых, а именно с вопросом отделения территории яви от территории сна и территории сна от территории вымысла, человеческой фантазии.

Так, например, заснув однажды на показе собственной пьесы «Большие и малые манёвры» (“La grande et la petite manœuvre”, 1950), Адамов увидел сон, который очень скоро превратился в новую пьесу – «Профессор Таранн» (“Le professeur Taranne”, 1951). В некотором смысле «Профессор Таранн» – явленный как особого рода пересказ сна (в форме художественного высказывания) – стал той самой «доорганизацией» сновидения, о которой говорит Лотман (см. подробнее: [Лотман 2010]). Впоследствии на страницах книги «Человек и дитя» (“L’Homme et L’Enfant”, 1968) Адамов признается, что хотел бы пересказать тот значимый сон – как это обычно делается в повседневности – в свободной манере, но «перестал понимать, где кончается сон и начинается вымысел» [Адамов 2022: 89]. Как уже было сказано выше, в «Обретениях» сон Адамовым выдумывается специально (“un faux

rêve”): соответственно, герой «Обретений» Эдгар, уточняет Адамов, не занимает в пьесе того места, которое должен занимать сновидец – на первом плане – и оттого отношения Эдгара с другими оказываются «искажёнными» [Adamov 1988: 15].

В. А. Подорога говорит о возможности разделения сна и сновидения – как реальностей с разным онтологическим статусом. Однако сновидение является и частью сна, по отношению к которой следует выработать некую «дистанцию познания-наблюдения», то есть сконструировать «сновидение-как-объект»; а само по себе сновидение представить как потенциально двойственную реальность – «сновидение-в-себе и для себя» (то есть «картина») и «сновидение-для другого» (то есть «история») [Подорога 2007: 275–276].

В. П. Руднев утверждает, что «мотив сна – один из самых устойчивых в мировой литературе» [Руднев 1990: 123], и говорит о двух концепциях сна: телеологической, в рамках которой сон предстает как текст, и детерминистической, где сон есть «деформированное осознание прошлых поступков, вытесненных в подсознание» [там же: 124].

Сон есть нечто не полностью высказанное. Я. С. Друскин пишет: «Сон – намек» [Друскин 1990: 115], и определение «намек» крайне важно для поэтики Адамова – поэтики мерцания и «пересечения значений» (“un carrefour de sens”, словно «перекрёсток смыслов»).

Говоря о «сне во сне» как о важнейшей мотивировке повествования, Руднев замечает, что «часто литературное произведение заканчивается тем, что герой просыпается» [Руднев 1990: 123]. Однако пьеса «Какими мы были» с пробуждением героя ото сна начинается: Мать заходит в комнату к спящему А., задевает будильник, который немедленно падает на пол, будильник звонит – и герой просыпается. Просыпается ли герой в реальность, в другой сон, в смерть – об этом автор умалчивает, оставляя читателя воспринимать тот самый «образ на пересечении значений». (Интересно, что, рассказывая о раннем детстве, Адамов упоминает: «А ещё говорят, что, едва успев родиться, я пролепетал нечто вроде армянского “ингхе” («куда я провалился?»)» [Адамов 2022: 14].

У Матери есть объяснение вторжению – она ищет своего маленького сына: «Он, должно быть, прячется где-то здесь, в этой комнате. (Смеётся.) В каком-нибудь тёмном уголке» [Adamov 1957: 115]. Комната, в которой обнаруживает себя А. после грубого вторжения Матери (нельзя не отметить, что «вторжение Матери» –

одна из ключевых тем творчества Адамова), становится странной, пугающей, герой не понимает, где он: «Когда просыпаешься, не знаешь, где же ты» [ibid.: 114] (та же самая мысль озвучивается Эдгаром, героем пьесы «Обретения»: «Каково пробуждение! Не знаешь, где находишься...» [Adamov 1988: 72]). В пьесе «Какими мы были» Адамов конструирует пространство, в которое попадает пробудившийся герой: там есть неизвестные зоны – «тёмные уголки», где, вероятно, прячется некий ребенок.

Фрейд, еще до окончательного создания им трехкомпонентной структуры личности (включающей в себя «Оно» (“Id”), «Я» (“Ego”) и «Сверх-Я» (“Super-Ego”), где «Оно» есть царство бессознательного (см. подробнее: [Фрейд 1989])), написал работу под названием «Толкование сновидений» (“Die Traumdeutung”, 1900), ставшую первой масштабной попыткой австрийского ученого определить бессознательное и исследовать его. Фрейд называет сновидения (и их последующий анализ) «королевским путем / царской дорогой к бессознательному» (“der Königsweg / die Via regia zum Unbewussten”) [Freud 2003: 76–78]. По Фрейду, сон – это язык, на котором говорит бессознательное, язык, требующий истолкования. (Подорога так объясняет, что такое сон у Фрейда: «Набор <...> знаков, которые необходимо дешифровать, чтобы получить разгадку» [Подорога 2007: 277].) «Психоанализ... рождается во многом благодаря осмыслению сновидений» [Мазин 2012: 9–10]. Бессознательное само по себе есть сфера инстинктов (жизни и смерти) и потребностей: например, потребности в безопасности. В контексте философии психоанализа пространство, где оказывается герой Адамова, может быть интерпретировано как область бессознательного: А. попадает в собственное внутреннее пространство, где прячущийся ребенок – и есть он сам.

Один из параметров инореальности художественного мира Адамова: на ее территории утрачивается очевидность самоидентификации, и герой зачастую не уверен в том, кем он является на самом деле.

В А. наблюдается сходство одновременно и с Луи, покойным мужем Матери, и с Андре, ее пропавшим сыном.

Необходимо, в свою очередь, отметить, что всё поведанное Матерью о Луи базируется на фактах биографии самого Адамова: отец писателя тоже был азартный игрок, спустивший семейное состояние, а историю о том, как мать Адамова отправляла маленького Артура ночью в казино забирать отца, Адамов обстоятельно рассказал в своих автобиографических сочинениях (см. подробнее: [Адамов 2022: 22]). Этиочные по-

ходы с целью возвратить отца – одно из самых травматичных воспоминаний детства Адамова. В пьесе «Какими мы были» это личное воспоминание послужило основой для кульминационного драматургического трехголосия, где каждый голос ведет свою партию: Тетя – партию сочувствия, ревности и нарекания; Мать – партию самосожаления и укора; А. – партию страха (и своего, и незримо присутствующего Луи). А. транслирует разблокированные, высвободившиеся воспоминания детства, где ярчайшей эмоцией был страх (неизвестности, времени, темноты, чужих людей, ожидания). А вот обе старшие женщины исполняют, по сути, одну партию – обвинения. Тетины нарекания, Материнские укоры – всё это есть декларация вины. Тетя Жюли возлагает вину за трагическую судьбу Луи и за искаленное детство Андре на Мать: Жюли настаивает, что Луи стал одержимым игрой, потому что Мать сделала его жизнь дома невыносимой, и что малыша Андре нельзя было регулярно выдирать из теплой постели и выталкивать в темноту и холод решать проблемы родителей. Мать же обвиняет Тетю в излишнем потакании Луи и малышу Андре, и уже здесь в ее речах начинает звучать и набирать силу генеральное обвинение: Мать обвиняет сына. Полилог этот выводит к главному – провозглашению вины героя.

Мотив вины – еще один смыслообразующий мотив творчества Адамова, который выразительно проявляется в «пьесах снов» и сопряжен с мотивом сна. А. дополняет галерею обвиняемых героев Адамова, наследующего Францу Кафке (Franz Kafka, 1883–1924) и Альберу Камю (Albert Camus, 1913–1960). Для подобного героя – таким у Адамова является, например, профессор Таранн – присутствие представителей обвинительной инстанции неизбежно, причем в пьесе «Какими мы были» в качестве означенных «представителей» выступают старшие женщины (Мать и Тетя). Пространство, в которое пробудился А., не имеет зафиксированного, неоспоримого статуса: значит, если герой проснулся в другой сон, в этом новом сне может произойти что угодно. (Здесь небезынтересно вспомнить, например, сон о господине Пепи, приводимый Фрейдом в «Толковании сновидений»: крепко спящий молодой кандидат медицины, будимый хозяйствкой, отчетливо видит во сне больницу (т. е. место, куда он должен прийти, пробудившись) и, успокаиваясь тем, что он уже находится в нужном месте, продолжает спать [Фрейд 1991: 103].) «Представителями обвинительной инстанции» у Адамова, как и у Кафки, часто выступают чиновники, служители закона — то есть те, кого принято идентифицировать как «чужих». В пьесе

«Какими мы были» две женщины, появляющиеся для А. как незнакомые, в итоге оказываются его ближайшими родственниками – Матерью и Тетей, то есть «своими». Таким образом, герой обнаруживает себя там, где безопасности в принципе не существует как категории, а именно в системе координат, где незнакомцы, превращаясь в «своих», тотчас становятся обвинителями, где «свои» на самом деле «чужие».

Узнается, что проигравший всё Луи идет на прогулку с малышом Андре, там между ними случается разговор, затем отец уходит, оставляя сына одного, и совершает самоубийство – ложится на рельсы под проходящий поезд. Отец самого Адамова тоже покончил с собой (1933), однако иным способом — отравился гарденалом дома, в комнате, расположенной рядом с комнатой сына, буквально за стенкой. До конца своих дней Адамов мучился чувством вины: «Я ненавидел отца – значит, я его убил» [Адамов 2022: 39]. Концепция отцеубийства, высказанная Фрейдом (см. подробнее: [Фрейд: 2022]), – идея неотвратимости вины после преступления – была известна Адамову (работа Фрейда «Тотем и табу» (“Totem und Tabu”) впервые издана в 1913 г.). Самоубийство отца стало сокрушительным для Адамова событием: в символическом смысле Адамов словно оказался внутри одного из четырех ключевых цивилизационных сюжетов, выделенных Хорхе Луисом Борхесом (Jorge Luis Borges, 1899–1986), – сюжета о самоубийстве бога (см. подробнее: [Borges 1972]; новелла «Четыре цикла» (“Los cuatro ciclos”) была написана в 1972 г., через два года после смерти Адамова). Вариация этого сюжета в данном случае является отца как бога вместо бога как отца. Концепт «богооставленность» преобразовывается в «отцеоставленность»: тот, кто покинут отцом, обречен на существование с виной – неизбывной и приносящей боль. Инеральность, которую создает Адамов-художник и на территории которой оказывается его пробудившийся от сна герой, такова, что и здесь невозможно избавиться от собственной вины.

Герой в пьесе «Какими мы были» сакрально обвинен трижды: Матерью, отцом и Тетей. Мать обвиняет сына в том, что тот «позволил уйти» [Adamov 1957: 125] отцу, что сын плохо следил за отцом, – и потому, оставленный без присмотра, отец совершил самоубийство. Отец перед смертью обрушивает всё свое негодование на сына – за то, что ребенок рассказал матери о фатальном проигрыше отца, предал отца, разболтав отцовскую тайну; в отчаянии Луи кричит сыну: «Моя жизнь разрушена только из-за тебя!» [ibid.: 125]. И даже Тетя, которая прежде выказывала

всяческое сочувствие малышу Андре, в finale описанного выше полилога, после слов «На сегодня достаточно», достает игрушечный поезд – как напоминание о том поезде, под колеса которого лег Луи: «Разве не красота? С настоящим двигателем!» [ibid.: 124].

Разоблачение вины есть тема, перманентно осмыслиемая Адамовым и раскрывающая «еще более полно идею родовой человеческой уязвимости» [Османова 2016: 63]. Вина индивидуальна и неотвратима, она предопределена. Вина определяется Адамовым, вслед за Кафкой, как имманентная категория; вина – это то, что внутренне присуще каждому человеку, каждый является носителем своей обязательной вины. Возможно, что и общая вина человечества за свое пребывание на земле разделяется между людьми.

Любопытно, что отец обвиняет сына в том, что тот не сумел сохранить отцовскую тайну – как не сумел сохранить (в трактовке Камю) тайну богов Сизифа, за что и был обречен на муки тщетности. В «Мифе о Сизифе» Камю замечает: «Просто различны взгляды на причины, из-за которых он <Сизиф> оказался бесполезным тружеником преисподней. Его винят прежде всего в непозволительно вольном обращении с богами. Он будто бы разглашал их тайны» [Камю 2010: 137].

А. и Андре похожи. А. – это и Андре (имя происходит от греческого “άνδρας”, что означает «мужчина»), но и множество других имен: Артур (имя самого Адамова), Артем (так подписывал свои ранние сочинения Адамов: “Artem Adamov”), наконец, Адам – первый человек, совершивший первородный грех. Самого ребенка зритель не видит – или, конечно, видит, постепенно догадываясь, кто здесь потерянный Андре. Постепенное соединение А. и Андре, срацивание их в одну фигуру подчеркивается динамическими сценами актуализации воспоминаний. Подобный прием можно было бы назвать «пинг-понгом памяти»: Мать (или Тетя) начинает воспоминание (с которым, казалось бы, у А. не должно быть ничего общего – он ведь не знает этих случайно зашедших к нему женщин), и по какой-то неизвестной причине, словно подчиняясь неведомому внутреннему механизму, А., поначалу удивляясь сам себе, а ближе к finale уже совершенно покорно, это начатое воспоминание продолжает (см. подробнее: [Adamov 1957: 123]). Соответственно, прием работает и в обратную сторону: Мать знает какие-то вещи об А., которые он даже не успел озвучить; А. начинает рассказывать о своем прошлом – Мать этот рассказ продолжает (см. подробнее: [ibid.: 120]).

Впечатляющей реализацией описанного приема становится воплощение героем продолжения

Материнского воспоминания о последних часах жизни Луи. О произошедшем в тот роковой день, в частности о содержании последнего разговора отца и сына (трагической точкой этого разговора стало обвинение родителем ребенка), читатель и зритель узнает из уст А., исполняющего и партию родителя, и партию ребенка (реплика «детским голоском» [ibid: 125]).

Для реципиента запускается интерпретационная программа, работающая на «пересечении значений». Герой словно обретает дополнительное измерение, является в новой ипостаси – ребенка. Какой-то период А. – и взрослый, и ребенок одновременно, пока одна из этих ипостасей не побеждает другую, культивируемая Матерью. По замечанию Эсслина, «эти пьесы снов содержат скрытый психологический смысл и направлены против типа матери, стремящейся оградить взрослого сына от других женщин» [Эсслин 2010: 115].

В книге «Человек и дитя» Адамов рассказывает о двух своих главных страхах, которые зародились в нем в период раннего детства: страх бедности и страх взросления («Не хочу быть бедным», «Не хочу расти» [Адамов 2022: 13]). Адамов полагает, что по причине второго страха ему с трудом давались взрослые поступки, даже когда он формально перестал быть ребенком. Фрейд при анализе сновидений подчеркивал, что часто субъект «к удивлению своему, замечает, что в сновидении он якобы продолжает свою жизнь ребенка с его желаниями и импульсами» [Фрейд 1991: 151]. Юнг, говоря о психологии сновидений, выделяет «мифологические компоненты, которые в силу их типичной природы мы можем назвать “мотивами”, “праобразами”, “типами” или – как назвал их я – архетипами. Превосходный пример – архетип ребенка» [Юнг 2019: 183]. Территория инореальности в художественном мире Адамова – это в том числе территория реализации человеческих страхов.

Следует отметить, что страх становиться взрослым (присущий мальчику) и запрет на становление взрослым (исходящий от матери мальчика) — вещи противоречивые: хотя бы потому, что запрет существует как ответ на желание (иначе он не является запретом). Однако специфика бессознательного как раз и состоит в том, что там не существует противоречий, поэтому для мира Адамова подобная парадоксальность органична.

Мать в художественном мире Адамова будет являть собой мощную необоримую силу, направленную на возвращение Сына в родительское лено, – на присвоение герою чувства вины и на инфантилизацию героя. В начале пьесы «Какими мы были» А. восклицает: «Нужно что-то

делать!», «...я принял решение изменить свою жизнь» [Adamov 1957: 117]. А. предстает решившимся на перемены человеком: он – в свадебном костюме, собирается на собственное бракосочетание. В финале же Мать снимает с А. пиджак, укладывает вновь обретенного сына в кровать, укрывает одеялом и баюкает. Мотив вины зачастую у Адамова связан не только с разоблачением в значении «выявление», но и с разоблачением в буквальном смысле: герой, признающий вину, снимает с себя одежду (см. подробнее: [Османова 2016: 63]). Также нужно подчеркнуть, что одна из частей «Признания» – «Время позора» – завершается следующим выводом: «Сегодня человеку остаётся только одно: содрать с себя всю омертвевшую кожу, разоблачиться, чтобы обнаружить себя внутри Часа великой наготы» [Adamov 1946: 115]. В пьесе «Какими мы были» героя разоблачает Мать: «Мать. Но мы снимем с него одежду (*произнося это, снимает с А. пиджак*) ... и уложим его в кроватку» [Adamov 1957: 126]. В начале «Обретений» Эдгар декларирует: «Мужчина в моем возрасте имеет право действовать по своей воле, так мне кажется» [Adamov 1988: 74]. Эдгар взволнован предстоящими планами, он носит костюм и галстук-бабочку, он шутит с дамами и размышляет о будущем. В финале «Обретений» Мать восклицает: «Мой взрослый мальчишка вернулся ко мне! (*Целует его в лоб.*) Устраивайся поудобнее, снимай пиджак. (*Эдгар повинуется, снимает пиджак и бросает его на пол.*)» [ibid.: 93]. Позже Мать заталкивает Эдгара, нелепо и бесполезно отбивающегося, в детскую коляску и увозит.

Таким образом, тема невозможности становления взрослым в «пьесах снов» достигает своего апогея. Герой – сын властной матери – проходит процесс, обратный естественному процессу взросления, возмужания, и в итоге молодой, не утративший надежд (имеющий, к тому же, матриональные намерения) мужчина, представший перед читателем или зрителем в начале пьесы, в финале оказывается беспомощным ребенком.

В «Обретениях» мотив сна в высокой степени связан с выражением идеи фрагментарности – идеи для природы «пьес снов» весьма актуальной. Идея эта, по признанию самого Адамова, унаследована им от Стриндберга. Прочтя «Игру снов», Адамов обрел способность находить материал для театра в повседневной жизни. Оптика Адамова изменилась, он фиксирует, что при наблюдении за людьми его особенно поражает их разобщенность, одиночество – даже внутри процесса коммуникации: «...из поразительного многообразия разговоров мне нравилось улавливать лишь обрывки, но именно эти обрывки, связываясь между собой, казалось, и составляли

единое целое — фрагментарный характер которого гарантировал символическую истину» [ibid.: 8]. Один из главных принципов драмы абсурда — невозможность осуществления подлинного общения между людьми — формируется именно здесь. Фокус внимания Адамова перемещается на такую особенность человеческого существования как дискретность. Лоскутный характер целого становится залогом некоей «символической истины» (“la vérité symbolique”), от которой Адамов не в силах отказаться.

Мартин Эсслин, говоря об Адамове, заявляет: «Адамов не только замечательный драматург, но и мыслитель» [Эсслин 2010: 95]. Безусловно, качественное философское прочтение текстов Адамова — задача, для решения которой сделано пока очень мало, однако, в контексте данной работы необходимым представляется отметить следующее. Существует мысль, которая (в разные периоды — с разной степенью интенсивности) так или иначе занимала Адамова всегда, вне зависимости от того, например, какой художественный метод интересовал его в конкретный момент. Мысль эта максимально обобщенно может быть сформулирована так: человек не спраивается с жизнью. Человек не может освоить жизнь, удержать одновременно все нити жизни — и прожить ее по-настоящему.

Сам Адамов будто бы являл собой блестящий пример для иллюстрации этой мысли. Он запишет в дневнике: «Жизнь <...> сложна, просто очень сложна. Всё требует огромных, несоизмеримых усилий» [Адамов 2022: 99].

Для художественного же освоения этой идеи — бессилия человека перед жизнью — поэтика «полусна» (“un demi-rêve”) подходила как нельзя лучше. И А., и Эдгар в «пьесах снов» — герои, максимально не присвоившие себе жизнь в ее привычном понимании, герой невозможности действия.

Сон у Адамова — это пространство антидействия. Сновидец, пересказывая сон, часто особенное внимание уделяет эпизодам, когда во сне хочет сделать что-то (например, убежать от опасности, закричать и т. д.), но не может (ни пошевелиться, ни издать ни единого звука). В мире Адамова всякое действие — неисполнимо. Герои его пьес имеют намерение действия, но осуществление этого намерения всегда терпит крах. Воплощение идеи принципиальной невыполнимости важного для человека действия и необоримости жизни вообще наиболее полно можно наблюдать именно в «пьесах снов».

Мотив вины, подробно разрабатываемый в пьесе «Какими мы были» в сопряжении с мотивом сна, обнаруживает себя и в «Обретениях». Разумеется, здесь герой тоже обвинен женщи-

ной: Луиза оповещает Эдгара, что ее уволили из-за него («отчасти по твоей вине»), поскольку именно Луиза порекомендовала Эдгара на место курьера, а Эдгар не появлялся на работе («до тебя им было не дотянуться — они отыгрались на мне» [Adamov 1988: 88]).

Если в «Какими мы были» «невидимый» ребенок, малыш Андре, появляется в самом начале, постепенно превращаясь во вполне видимого А., — то в «Обретениях» явление некоего безымянного ребенка (которого зритель также не видит и о котором не имеет представления) может быть отмечено в finale: Эдгар приезжает домой, выслушивает от Матери новость о трагической гибели Лины (до этого, в поезде, выслушав от Счастливейшей из Женщин новость о трагической гибели Луизы); далее Мать, указывая на стоящую неподалеку детскую коляску, сообщает Эдгару: «Видишь, у нас дома теперь ребёночек (смеётся). О! Успокойся: это только на каникулы. Твоя кузина, Жанин, накануне экзаменов была так занята — вот и доверила нам своего малыша; у нас, у меня и у Лины, духу не хватило отказать ей в этой маленькой услуге. (Услышав имя «Лина», Эдгар вздрагивает.) Лина его очень полюбила, твоего маленького кузена, только она его слишком баловала. Ну да ты знаешь Лину! (Эдгар машинально присаживается на бортик детской коляски.)» [ibid.: 93]. До момента, когда сам Эдгар окажется затолкан Матерью в эту коляску, остаются считанные мгновения. Из этого монолога уже всё становится ясным: сын кузины не является кузеном Эдгару, эта оговорка матери дает довольно внятную расстановку: «маленький кузен» здесь — только Эдгар, именно Эдгара Лина слишком баловала и всё ему прощала из желания обладать им. Но теперь обладать Эдгарам будет только Мать.

Сам Адамов, как известно, говорил об «Обретениях» как о тексте, где вещи и явления обретают свою «повседневность» (“une réalité quotidienne”) именно внутри сна. Рассуждая о таком методе, Адамов вводит понятие «ложная конкретность» (“des faux détails concrets”) [Adamov ibid.: 15]. «Ложная конкретность» становится одной из характеристик сна, придуманного — а не пересказанного — Адамовым (“un faux rêve”). Примером такой «ложной конкретности» служит город, в котором живут Мать и невеста Эдгара, — Кеви (“Quevy”). С одной стороны, вне сомнений, это почерк Адамова, пытающегося освободиться от власти метафизического (как известно, и «Профессора Таранна» Адамов ценил именно потому, что не преследовал при написании этой пьесы аллегорических целей). С другой стороны, Адамов говорит: «Кеви — это всего лишь один из

примеров ложной конкретности, должных ввести в заблуждение» [ibid.: 15]. И далее: «Пример: Эдгар падает с велосипеда, который не подходит ему по габаритам, более того, этот велосипед женский и без руля. Я ничего не имею против этого образа; однако, не должно быть так, чтобы падение Эдгара означало его неспособность повзрослеть» [ibid.]. Это важное заявление. Здесь нужно вернуться к уже упомянутому понятию «пересечение значений» (“un carrefour de sens”) как к ключевой характеристике поэтики Адамова. По сути, Адамов предупреждает: не всё конкретное – конкретно; не всё иносказательное разгадывается инерционно и построено по принципу единого (очевидного) варианта толкования.

Точнее было бы сказать, что падение Эдгара означает *не только*, а может быть даже и *не столько* его неспособность повзрослеть – в противном случае «Обретения» представляли бы собой не самодостаточное художественное произведение, а домашнюю заготовку для сеанса психотерапии. Так, например, лежащий на поверхности вариант интерпретации – «неспособность повзрослеть» – лишь инициирует размышления об экзистенциальной проблеме человеческого бессилия, о которой частично было сказано выше. Для Адамова художественное произведение никогда не становилось высказыванием, которое возможно расшифровать раз и навсегда – как загадку, у которой есть только один ответ.

Итак, Адамов, чье художественное творчество оказывается в масштабном значении областью, где он продолжает свои философские поиски, обращается в начале 1950-х гг. к мотиву сна, чтобы трансформировать мировидение, опирающееся на метафизическую составляющую. Работая в технике «полусна» (“un demi-rêve”), автор конструирует сон как инореальность своеобычной природы, обладающую в качестве отличительных особенностей: изменчивостью гранец (между сновидением и действительностью, между безопасностью и угрозой и т. д.); невозможностью самоопределения для героя, получившего запрет на взросление; формальной и содержательной мозаичностью. С концептом сна как таковым связан ключевой для философии Адамова концепт вины. Инореальность в «пьесах снов» Адамова в рамках психоаналитического подхода может быть истолкована как пространство человеческого бессознательного. Кульминационного пункта достигает разработка экзистенциальной проблемы имманентного человеческого бессилия.

Список литературы

Адамов А. Человек и дитя / пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Jaromír Hladík press, 2022. 240 с.

Друскин Я. С. Сны // Даугава. 1990. № 3. С. 114–121.

Камю А. Миф о Сизифе. Калигула. Недоразумение. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 317 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2010. 704 с.

Мазин В. А. Сновидения кино и психоанализа. СПб.: Скифия-принт, 2012. 256 с.

Османова К. П. Два «процесса»: к типологии образа человека в литературе абсурда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2016. № 182. С. 58–66.

Подорога В. А. Кодекс сновидца // Границы знания: наука, философия, культура в XXI в.: в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Н. К. Удумян. М.: Наука, 2007. С. 275–309.

Руднев В. П. Культура и сон // Даугава. 1990. № 3. С. 121–124.

Фрейд З. Разделение психической личности // Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекция 31. М.: Наука, 1989. С. 334–349.

Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991. 448 с.

Фрейд З. Тотем и табу. М.: Эксмо-Пресс, 2022. 224 с.

Эсслин М. Театр абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное: пер. с нем. А. Чечиной. М.: АСТ, 2019. 496 с.

Adamov A. L' Aveu. Paris: Sagittaire, 1946. 162 p.

Adamov A. As we were / Trans. R. Howard // Evergreen review. 1957. Vol. 1, № 4. P. 113–126.

Adamov A. Théâtre II. Paris: Gallimard, 1988. 192 p.

Borges J. L. El Oro De Los Tigres. Buenos Aires: Emecé, 1972. 168 p.

Freud S. Schriften über Träume und Traumdeutungen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. 210 s.

Gaudy R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris: Stock, 1971. 187 p.

References

Adamov A. *Chelovek i ditya* [Memoirs of a Man and a Child]. Transl. from French by A. Zakharevich. St. Petersburg, Jaromír Hladík Press, 2022. 240 p. (In Russ.)

Druskin Ya. S. Sny [The dreams]. Daugava, 1990, issue 3, pp. 114–121. (In Russ.)

Camus A. *Mif o Sizife. Kaligula. Nedorazumenie* [The Myth of Sisyphus. Caligula. The Misunderstanding]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., Poligrafizdat Publ., 2010. 317 p. (In Russ.)

- Lotman Yu. M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo SPb Publ., 2010. 704 p. (In Russ.)
- Mazin V. A. *Snovideniya kino i psikhoanaliza* [The Dreams of Cinema and Psychoanalysis]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2012. 256 p. (In Russ.)
- Osmanova K. P. Dva ‘protsessov’: k tipologii obrazov cheloveka v literature absurda [Two ‘trials’: typology of a human character in the literature of the absurd]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2016, issue 182, pp. 58-66. (In Russ.)
- Podoroga V. A. Kodeks snovidtsa [The dreamer’s code]. *Grani poznaniya: nauka, filosofiya, kul’tura v XXI v* [The Facets of Knowledge: Science, Philosophy, Culture in the 21st Century]: in 2 books. Ed. by N. K. Uдумян. Moscow, Nauka Publ., 2007, vol. 2, pp. 275-309. (In Russ.)
- Rudnev V. P. Kul’tura i son [The culture and the dream]. *Daugava*, 1990, issue 3, pp. 121-124. (In Russ.)
- Freud S. Razdelenie psikhicheskoy lichnosti [The anatomy of the mental personality]. In: Freud S. *Vvedenie v psikhoanaliz*. Lektsiya 31 [Introductory Lectures on Psychoanalysis. Lecture 31]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 334-349. (In Russ.)
- Freud S. *Tolkovanie snovideniij* [The Interpretation of Dreams]. Yerevan, Kamar Publ., 1991. 448 p. (In Russ.)
- Freud S. *Totem i tabu* [Totem and Taboo]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2022. 224 p. (In Russ.)
- Esslin M. *Teatr absurda* [The Theatre of the Absurd]. Transl. from English by G. Kovalenko. St. Petersburg, Baltiyskie sezony Publ., 2010. 528 p. (In Russ.)
- Jung K. G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel’noe* [The Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, AST Publ., 2019. 496 p. (In Russ.)
- Adamov A. *L’Aveu* [The Confession]. Paris, Sagittaire, 1946. 162 p. (In Fr.)
- Adamov A. As we were. Trans. by R. Howard. *Evergreen Review*, 1957, vol. 1, issue 4, pp. 113-126. (In Eng.)
- Adamov A. *Théâtre II* [Theatre II]. Paris, Gallimard, 1988. 192 p. (In Fr.)
- Borges J. L. *El Oro De Los Tigres* [The Gold of the Tigers]. Buenos Aires, Emecé, 1972. 168 p. (In Span.)
- Freud S. *Schriften über Träume und Traumdeutungen* [Writings on Dreams and Dream Interpretations]. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. 210 p. (In Germ.)
- Gaudy R. *Arthur Adamov (Essai et document)* [Arthur Adamov (Essay and Document)]. Paris, Stock, 1971. 187 p. (In Fr.)

The Dream Motif in the Plays ‘As We Were’ and ‘Gatherings’ by Arthur Adamov

Kira P. Osmanova

Assistant in the Department of Foreign Literature
Herzen University

48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia. kafedraza-lit@yandex.ru

SPIN-code: 3390-9654

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

ResearcherID: NBX-4347-2025

Submitted 06 Aug 2024

Revised 13 Oct 2024

Accepted 22 Jan 2025

For citation

Osmanova K. P. Motiv sna v p’esakh Artyura Adamova “Kakimi my byli” i “Obreteniya” [The Dream Motif in the Plays ‘As We Were’ and ‘Gatherings’ by Arthur Adamov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 125–134. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-125-134. EDN JAINYM (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the dream motif in works by French writer Arthur Adamov. The research material is the plays *As We Were* (Comme nous avons été) and *Gatherings* (Les Retrouvailles), traditionally called ‘dream plays’ and marking a transitional phase in Adamov’s writings. The article describes

the genesis of the dream motif: in particular, Adamov was influenced by studies in the field of art (surrealism; *The Dream Play* by J. A. Strindberg) and psychological science (S. Freud, K. G. Jung). The place of the dream motif is defined in Adamov's poetics as central, the motif itself – as one of the main instruments for creating a special 'other-reality' space. Adamov's artistic world is characterized by the following features: fragility of borderlines (between dream and reality, between friendly and enemy forces etc.); the absence of obvious self-identification of the hero, who is incapable of action; fragmentary architectonics; the inevitable realization of deepest fears. The autobiographical nature of Adamov's texts leads to a conclusion that it is important for the writer to establish connections between the individual and the universal, the subjective and the objective, the unconscious and the consciousness. Two aspects are considered: Adamov's poetics in creating 'dream plays' and their philosophical and historical context. The psychoanalytic method makes it possible to interpret Adamov's 'other-reality' territory as the territory of the human unconscious. The dream motif in Adamov's worldview is linked to the guilt motif. In 'dream plays', the theme of the impossibility of becoming adult escalates to the existential problem of human powerlessness toward life. The dream in Adamov's philosophical system turns out to be a supporting idea in rethinking the problem of the human existence borderlines.

Key words: Adamov; the unconscious; dream motif; psychoanalysis; existential guilt.

УДК 821.111(73)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-135-145
<https://elibrary.ru/zqiuyy>

EDN ZQIUYY

O restless restless race: пионерство как единица идеологической системы Уолта Уитмена (на примере стихотворения “Pioneers! O Pioneers!”)

Погадаева Евгения Владимировна
аспирант кафедры мировой литературы и культуры
преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. motus.animi.continuus13@gmail.com

SPIN-код: 2250-7410
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1655-2673>
ResearcherID: IUO-1215-2023

Статья поступила в редакцию 02.05.2025
Одобрена после рецензирования 13.05.2025
Принята к публикации 15.05.2025

Информация для цитирования

Погадаева Е. В. O restless restless race: пионерство как единица идеологической системы Уолта Уитмена (на примере стихотворения “Pioneers! O Pioneers!”) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 135–145. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-135-145. EDN ZQIUYY

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа онтологических и аксиологических основ «американского» на примере стихотворения Уолта Уитмена “Pioneers! O Pioneers!”. Актуальность исследования обусловлена значением Уолта Уитмена для мировой литературы, а также недостаточной изученностью в его творчестве пионерства, неразрывно связанного с «американским». В работе делается вывод о том, что под пионерством Уитмен понимает, скорее, не продвижение фронтисменов на Запад, а полноту освоения человеком мира, открытие новых горизонтов, переустройство мира. Пионерство, общеамериканская культурэма, выходит в поэтическом пространстве Уитмена на вселенский уровень: пионеры становятся новой расой людей, способных вести за собой весь мир и реализовать демократические идеалы свободы, равенства, братства, счастья. Пионер, настоящая Человеческая Личность, предстает в художественно мире Уитмена идеальным гражданином Нового Мира – творческим, созидательным, трудолюбивым, смелым, гордым, сильным, молодым, настоящим гигантом, вышедшим из природы и способным на все. Стихотворение проникнуто Уитменовской идеологией радости, выражющейся в бесконечной вере в американцев и всех людей планеты, в светлое будущее Америки, авангард мира, и «американскую мечту». Америка в стихотворении, являясь некой вечно эволюционирующей, направленной в будущее и конгруэнтной космосу бытийной субстанцией, становится в произведении *бытием вообще для человека вообще*. Это бытие находится в процессе формирования и становления, как и национальное сознание Уитмена, отраженное в его поэзии.

Ключевые слова: «американское»; Новый Мир; онтологические основы «американского»; аксиологические основы «американского»; пионерство; Уолт Уитмен; Pioneers! O Pioneers!

Введение

В анализируемом нами стихотворении Уолта Уитмена «Пионеры! О, пионеры!» (“Pioneers! O Pioneers!”, 1865) отражен период освоения фронтисменами (скваттерами, охотниками-пионерами, лодочниками, паромщиками) территорий, находящихся на западе от Аппалачей и принадлежащих до победы тринадцати британских колоний в революционной войне за независимость 1775–1783 гг. Великобритании. Освоение Запада окончательно закончилось лишь в 1890 г., и Уитмен, можно сказать, был свидетелем этого уникального американского исторического процесса.

Ведущие отечественные исследователи творчества Уитмена либо вообще не обращались к стихотворению «Пионеры! О, пионеры!», либо комплексно не анализировали его. Из существующих работ, посвященных поэзии Уитмена, в которых упоминается, но детально не изучается это стихотворение, можно выделить книгу «Жизнь и творчество Уитмена» (1965) М. О. Мендельсона, в которой отмечается, что Уитмен романтизирует пионеров, представляет их в утопическом ключе, а также выходит за границы Америки и обращается к творческой деятельности человека вообще,двигающего прогресс [Мендельсон 1965: 152–153]. Среди последних работ российских ученых можно выделить диссертацию И. В. Никитиной «Мифопоэтика листвьев травы» (2012), в которой автор утверждает, что Уитмен в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!» создает образ национального героя Америки, храброго, упорного, чувствующего бесконечные радость и оптимизм, являющегося человеком, равным богу, движущегося к достижению демократической мечты [Никитина 2012: 159–160; 161]. Кроме того, А. Л. Логинов в диссертации «Концепт “American dream” в творчестве Уитмена» (2013), обращаясь к стихотворению Уитмена, указывает на ключевую роль в нем темы труда, являющейся неотъемлемой частью всей поэтики Уитмена в целом: на примере образа пионера-первопроходца «поэт воспевает труд, который неотделим от борьбы и познания окружающего мира» [Логинов 2013: 64–65].

Зарубежных исследований, посвященных стихотворению «Пионеры! О пионеры!», также не очень много. Среди трудов, в которых предлагаются некоторые замечания по метрике и ритмике стихотворения, можно отметить исследования “*Pioneers! o Pioneers!*” Э. Г. Флетчера [Fletcher 1947] и “*On the Trochaic Meter of Pioneers! O Pioneers!*” Г. У. Аллена [Allen 1949]. Кроме того, среди работ, в которых упоминается, но детально не изучается «американское» в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!», можно вы-

делить книгу “*A Critical Guide to Leaves of Grass*” Дж. Э. Миллера. Ученый предлагает некое религиозное трактование этого стихотворения Уитмена: по его мнению, образ пионера в произведении участвует в развертывании идеи «мистической эволюции» (*mystic evolution*) Америки, стремящейся навстречу идеальному и универсальному, а движение на Запад является кульминацией этой эволюции [Miller 1966: 211–212]. Другой уитменовед, Р. Асселино, в работе “*The Evolution of Walt Whitman*” отмечает, что в художественном мире стихотворения «Пионеры! О, пионеры!» появляется новая раса, которая в своем единстве способна выполнить ее предназначение – реализовать демократическую мечту [Asselineau 1999: 155–156].

Несмотря на то что российские и зарубежные ученые выделяют характерные особенности тематики и проблематики стихотворения «Пионеры! О, пионеры!», одного из ключевых в творчестве Уитмена, в котором выразились его мировоззренческие установки, оно до сих пор до конца не исследовано и ранее комплексно не изучалось с точки зрения онтологических и аксиологических основ «американского».

Историко-литературный контекст

Уитмена нельзя назвать первоходцем в обращении к теме пионерства среди американских писателей: в какой-то мере поэт продолжает идеи Дж. Ф. Купера, разрабатывающего национальную тему «границы» (фронтира) в своей пенталогии о Кожаном Чулке (“*The Leatherstocking Tales*”, 1826–1841). Однако, безусловно, тема пионерства раскрывается писателями по-разному: если Купер рассматривает продвижение пионеров на запад как «разбойный налет хищников» [Ковалев 1989: 559] и размышляет о трагической судьбе коренных жителей континента, безжалостно истребляемых пионерами, то Уитмен, наоборот, превозносит доблестных пионеров,двигающих Америку вперед, и, создавая собственную мифологию, обходит стороной индейскую тему, которая так и не стала основополагающей для североамериканской культуры, в отличие от второй Америки, Латинской, где индейский «субстрат» стал неотъемлемой частью латиноамериканского художественного сознания [Зверев 1999: 46–47].

Стихотворение Уитмена «Пионеры! О, пионеры!» (“*Pioneers! O Pioneers!*”) впервые было опубликовано в 1865 г. в сборнике стихотворений «Барабанный бой» (“*Drum-Taps*”). В дальнейшем произведение «Пионеры! О, пионеры!» было помещено без изменений в последующие издания «Листьев травы» (“*Leaves of Grass*”) 1867, 1871, 1876 гг. в раздел «Маршируем! Вой-

на закончилась» (“Marches Now the War is Over”). В последних двух изданиях 1881 и 1892 гг. оно также не подверглось изменениям, но публиковалось уже в разделе «Перелетные птицы» (“Birds of Passage”). Помещение произведения в новый раздел, стихотворения которого объединены темой миграции, движения американца и человека вообще во времени и пространстве, как отмечают исследователи (см., например, [Asselineau 1999: 132]), придало специфически американскому опыту универсальный масштаб.

Стихотворение вышло в печать в год окончания Гражданской войны, которая затронула жизнь каждого американца. Уитмен, в довоенных стихах воодушевленно выступавший за дело Севера, сам в войне не участвовал, скорее всего, поскольку, как замечают исследователи, он, убежденный, что «враги в этой войне не южане и северяне, а народ Америки и торгаши, политики, рабовладельцы, прочие паразиты, к нему присосавшиеся» [Венедиктова 1982: 104], не мог примкнуть ни к одной стороне в этой раздирающей Америку войне, которая привела к тому, что «мечта человечества, славный союз, который мы считали таким крепким, непоколебимым, – вдруг разлетелся вдребезги, как фарфоровая тарелка!» [Уитмен 1954: 257] – пишет Уитмен в «Избранных днях» (“Specimen Days”, 1882). Однако он не стоял в стороне от национальной катастрофы, с 1862 по 1865 г. день и ночь работая в военных госпиталях и лазаретах и выхаживая раненых солдат. Постоянное подвергание своего здоровья, как физического, так и ментального, опасности, не могло не сказатьсь на поэте: он навсегда остался невротиком и, в конечном счете, сделался инвалидом, после того как его в 1873 г. разбил паралич (см. [Pattee 1915: 172–173]). Опыт тех лет, безусловно, повлиял и на все последующее творчество Уитмена. Как писал он сам: «Если бы не те три или четыре года и все, что я тогда пережил, “Листьев травы” сейчас не существовало бы» [Whitman 1888: 14].

«Героическая мечта и воспоминание – вырвались всепоглощающим пламенем и переросли в пожар, быстро и неистово распространяющийся и бушующий, покрывающий собой все», – пишет Уитмен о войне в «Ноябрьских ветвях» (“November Boughs”, 1888) [Whitman 1964: 706]. Под «воспоминанием» поэт, вероятно, имеет в виду память об Американской революции 1775–1783 гг., обогнавшей Французскую революцию и закончившейся успехом, в отличие от европейских революций 1848–1849 гг., в чем Уитмен видит явное превосходство передовой Америки по сравнению с Европой. Примером тому служат не только прозаические произведе-

ние поэта, но и, например, стихотворение «Европейскому революционеру, который потерпел поражение» (“To A Foil’d European Revolutionaire”, 1856).

Несмотря на то что, как утверждает поэт, после войны стало ясно, что «демократия нашего Нового Мира <...> обернулась почти полной неудачей», что «...общество в этих штатах гнилое, покрытое язвами, незрелое, полное суеверий...» [ibid.: 370], Уитмен продолжал поддерживать принципы «американизма» Т. Джефферсона и Т. Пейна, яростно выступающих против феодализма, выражавших интересы народа.

Возможно, именно с памятью об успехах прошлого, с утопичной верой в «американскую мечту» и ничем не омраченное будущее Америки, страны избранных Богом, связано нежелание Уитмена при публикации новых изданий «Листьев травы» вносить какие-либо изменения в стихотворение, наполненное радостью и оптимизмом, провозглашающее священную миссию американцев раздвигать для всех остальных существующие границы, упорно двигаться к достижению демократической мечты.

Ритмическая, звуковая и графическая организация стихотворения

Уже в возвышенно-патетическом названии *Pioneers! O Pioneers!*, содержащем два восклицательных знака, Уитмен вводит тематический образ пионера, на развитии и трансформации которого построена лирическая композиция стихотворения. Всему произведению в целом присущ эмоционально-повышенный торжественный тон, сближающий стихотворение с песней.

Говоря о форме стихотворения, исследователи отмечают, что «Пионеры! О, пионеры!» в плане размера является одним из самых «регулярных» произведений Уитмена [Allen 1975: 241]. Несмотря на то что построенное на хореическом ритме стихотворение, действительно, выделяется на фоне всех остальных написанных верлибром произведений «Листьев травы», в полной мере регулярным его назвать нельзя: в нем отсутствует рифма, строки различны по слоговому объему и порядок их смены непредсказуем, спорадически в нем возникает ямб.

Уже в патетическом зачине-обращении с помощью хореической инерции, задающей стихотворению марширующий тон, императивов *come, follow, get*, а также риторических вопросов лирический герой призывает не только американцев, но и всех людей планеты последовать за ним и принять участие в походе пионеров, с помощью топора (*sharp-edged axe*), образ-символа пионерства и Америки в целом (см. об

этом: [Погадаева 2024: 78–97]), прорубающих себе путь на Запад, а значит, расширяющих горизонты мира.

Однако ритмическая основа постоянно меняется: ударение может падать и на четные слоги,

Come, my tan-faced children,
Follow well in order, get your weapons ready,
Have you your pistols? have you your sharpedged axes?
Pioneers! O pioneers! [Whitman 2011: 371]

Несмотря на отсутствие постоянной меры в стихотворении, его архитектонический каркас, в рамках которого происходит логико-смысловое развитие лирического сюжета и развертывание образа пионера, чрезвычайно прочен, что достигается с помощью использования поэтом системы симметричных строф, завершающихся повторяющим название стихотворения рефреном *Pioneers! O pioneers!* и состоящих из четырех стихов: коротких первой (по 6–9 слов) и четвертой строк (по 7 слов) и длинных или сверхдлинных второй и третьей строк (по 12–17 слов) с цезурой посередине. Кроме того, стихи наполнены многочисленными синтаксическими параллелизмами, подхватами, анафорами, повторами (как лексическими, так и фонетическими), структурирующими стихотворение, скрепляющими участвующие в развертывании тематического образа пионера смысловые связи стихов и строф, придающие стиху напевность. Приведем в пример вторую строфиу стихотворения (в скобках указано количество слов):

For we cannot tarry here, (7)
We must march my darlings, we must bear
the brunt of danger, (14)
We, the youthful sinewy races, all the rest
on us depend, (16)
Pioneers! O pioneers! (7) [ibid.]

Обе разделенные цезурой части второго стиха начинаются с анафорического повтора *we must*, апеллирующего к моральному долгу американцев не стоять на месте (*tarry here*), а двигаться вперед, преодолевая все опасности (*march; bear the brunt of danger*). Используя анафору *we*, которая объединяет вторую и третью строки и с помощью которой в стихотворении выражено лирическое «я», воплощающее собой всеобщность, поэт побуждает не только американцев, но и людей всего мира присоединиться к пионерам. Образ пионеров «оркестрован» на *r* (*tarry, here, march, darlings, bear, brunt, danger, races, rest, pioneers*), что придает ему воинственность и усиливает

благодаря чему ритм становится менее предсказуемым и менее однообразным, напоминая собой естественные взмахи топором, естественный – не искусственный, не выверенный – марш пионеров:

Ударные слоги
ÚUÚUÚU
ÚUÚUÚUÚUÚU
ÚUUÚUÚUÚUÚU
ÚUÚUÚUÚ

I, III, V
I, III, V, VII, IX, XI
I, IV, VI, IX, XI
I, III, IV, V, VII

«ореол» центрального слова-образа *pioneers*, которое «окружается родственной звуковой средой» (подобное явление обнаружил Ю. Н. Тынянов, анализируя лирику Ломоносова [Тынянов 1977: 227–252]).

На уровне клаузулы стремление к расшатыванию «строгой», предсказуемой хореической структуры проявляется в прихотливом чередовании окончаний разных родов, что можно увидеть, например, в приведенных выше первых строфах стихотворения, состоящих преимущественно из акаталектических стихов: только в третьем стихе второй строфы появляется мужское окончание (*depend*), концентрирующее на себе внимание читателя и еще больше подчеркивающее роль пионеров в раздвижении границ Америки и всего мира (*all the rest*), которое зависит именно от них, людей творческих, предприимчивых, смелых, решительных.

Как точно замечает С. Брэдли, для поэзии Уитмена характерен «органический ритм» (“organic rhythm”) [Bradley 1939: 437–459]. Исследователь, применяя этот термин по отношению к поэзии Уитмена, следует за С. Т. Кольриджем, разделяющим форму на механическую, «когда на данный нам материал мы налагаем заранее намеченную форму, которая не обязательно присуща самому материалу», и органическую – она «возникает из самого произведения и в полноте своего развития идентична совершенству его внешней формы» [Кольридж 1987: 285]. С этим нельзя не согласиться: даже если в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!» усматривается тенденция к использованию традиционного размера, поэт строго не следует его законам: ритм разрастается по всему произведению словно трава или ветви дерева, гармонично, естественно и природно.

Пионер – идеальный гражданин Нового Мира

Идея закономерности освоения земель Америки, на которой настаивает Уитмен и в стихотворении, и во всем своем творчестве, безусловно,

неслучайна: она была взращена распространенной в Америке в ту эпоху концепцией «Предопределения судьбы» или «Явного предначертания» (*Manifest Destiny*), подчеркивающей исключительность американцев, их особую судьбу, безгреховность их деяний перед Богом (см.: [Сиротинская 2017: 101–113]). Используя для описания американцев синекдоху *youthful sinewy races*, Уитмен подчеркивает их избранность и исключительность: американцы – народ молодой, сильный, состоящий из множества рас и народностей, он превосходит все другие народы, и именно ему предначертано вести за собой весь остальной мир.

В третьей и четвертой строфах поэт развивает мотивы, которые он вводит в первых двух четверостишиях: трижды повторяя слово *youths*, Уитмен вновь указывает на молодость американской нации по сравнению в первую очередь с дряхлой Европой, для обозначения которой поэт использует синекдоху *the elder races*. Используя повтор слова *full* (“...full of action, full of manly pride and friendship...” [Whitman 2011: 371]), Уитмен выводит качества, присущие американцам, на новый уровень: они максимально, до предела решительные, гордые, дружелюбные, именно они представляют собой авангард мира (“...tramping with the foremost...” [ibid.]), именно они способны извлечь урок из прошлого много векового опыта европейцев (что заметно в третьем стихе четвертой строфы, где повторяется союз *and*), и именно им суждено выполнить предназначение всего человечества, что выражено эпитетом *eternal* в словосочетании *task eternal*, – двигаться вперед и вести всех за собой.

С пятого четверостишия по пятнадцатое темп стихотворения усиливается, становится более резким и прерывистым за счет преобладающих мужских клаузул над женскими. Слова, находящиеся на финальной поэзии стихов и полустиший с мужскими клаузулами, представляют собой ряд слово-образов, концентрирующих в себе многие образно-тематические векторы и участвующих в трансформации центрального образа стихотворения – образа пионера: *behind, world, seize, march, steep, ways, within, we, plateaus, come, intervein'd, race, all, exult, rear, ranks, dead, filled, defeat, on, die, us, beat, front*.

Первое слово в этой части стихотворения, обращающее на себя внимание, – наречие *behind*, которое связано с категорией времени в поэтике Уитмена: для пионеров, американцев не существует прошлого (“All the past we leave behind...” [ibid.: 372]), есть лишь сегодняшний день, *to-day* (“...We to-day's procession heading, we the route for travel clearing...” [ibid.: 374]) и устремленность в будущее.

Второй слово-образ *world* охарактеризован поэтом эпитетами *newer, mightier* и *varied* и связан с образом Нового, наиболее могущественного и разнообразного из всех существующих мира, который строят американцы-пионеры, приехавшие из Европы на новую землю. Кроме того, в этом четверостишии появляется также мотив насильственного захвата земель Северной Америки, чем лирический герой гордится – американцам удалось завоевать первозданный, наполненный жизнью мир (“We primeval forests felling...” [ibid.]), найти рай на земле, что выражено эпитетами *fresh* и *strong*: “...Fresh and strong the world we seize...” [ibid.].

Следующее ударное слово-образ *march* стоит в паре со слово-образом *labor* (“...world of labor and the march...” [ibid.]), указывая на то, что Америка в художественном мире Уитмена стоит на двух столпах – труде и движении вперед. Мотивы труда и движения неразрывно связаны с образом пионера – человека в первую очередь созидающего и устремленного вперед.

Слова-образы *steep* (“...up the mountain steep...” [ibid.]) и *ways* (“...go the unknown ways...” [ibid.]), которыми заканчиваются второй и третий стихи шестой строфы, а также перечисления с устойчивым единобразием концовок *throwing, conquering, holding, daring, venturing* эмфатически подчеркивают быстрый безостановочный темп пионеров, для которых не существует никаких преград в завоевании новых земель.

Наречие *within*, заканчивающее второй стих седьмой строфы и выделяющееся ударением на последнем слоге, указывает на устремленность пионеров в глубь континента и вновь подчеркивает отсутствие видимых для них границ, что усиливается с помощью синтаксического параллелизма во втором и третьем стихах четверостишия:

We the rivers stemming, vexing we and piercing deep the mines within,

We the surface broad surveying, we the virgin soil upheaving... [ibid.]

Местоимение *we*, вынесенное в конец первой строки восьмой строфы с инверсивным положением слов “Colorado men are we...” [ibid.] и в конец синтаксически параллельного ей полустишья “...Central inland race are we...” [ibid.] в девятой строфе, а также ударные слова *plateaus, come* и *intervein'd* связаны с образом пионеров-американцев, двигающихся на Запад из разных уголков Америки – их число бесконечно увеличивается с помощью анафорического повтора *from*. На своем пути они (из Европы – в Америку, с востока Америки – на Запад) сроднились друг с другом (“...continental blood intervein'd...” [ibid.]): вне зависимости от того, что американцы

двигутся из разных частей континента и мира, они едины в поэтическом мире Уитмена:

Colorado men are *we*¹,
From the peaks gigantic, from the great sierras
and the high *plateaus*,
From the mine and from the gully, from the hunting
trail we *come*,
Pioneers! O pioneers!

From Nebraska, from Arkansas,
Central inland race are *we*, from Missouri, with
the continental blood *intervein'd*,
All the hands of comrades clasping, all the
Southern, all the Northern,
Pioneers! O pioneers! [ibid.]

Слово-образ *race*, употребленное в десятой строфе впервые в стихотворении в единственном числе, указывает на смысловой сдвиг, произошедший в развитии тематического образа: американцы, состоящие из разных рас и народностей, окончательно начинают рассматриваться как одно целое – раса пионеров. Кроме того, ударное слово *race* становится частью сложного образно-звукового комплекса: в первом стихе десятой строфы “O restless restless race!” [ibid.] возникает локальная звукопись: повторяется скрежещущее, шипящее сочетание звуков *rssstss-rstress-rs*, усиливающие решительность, непобедимость, энергичность, силу американцев, которых ничто не остановит на пути к их цели. Уитменовским стремлением к трансцендентной радости проникнуто все стихотворение, но в особенности эти строки десятой строфы:

O restless restless race!
O beloved race in all! O my breast aches with
tender love for all!
O I mourn and yet exult, I am rapt with love for
all... [ibid.]

Американский народ экзальтированно восхваляется и превозносится как с помощью анафоры, выраженной междометием *O!*, и повтора *all*, так и с использованием антitezы *mourn – exult*, указывающей на неоднозначные чувства лирического героя к американцам.

Во вновь повторяющемся ударном слове *all* в сверхдлинном втором стихе одиннадцатой строфе, одном из немногих стихов стихотворения, имеющих двойную цезуру, виден призыв служить Америке, вечно соблюдая идеалы, заложенные в Конституции. Америка в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!», как и во всей поэзии Уитмена, предстает в художественном мире поэта в виде женщины, матери:

Raise the mighty mother mistress,
Waving high the delicate mistress, over all the
starry mistress, (bend your heads all,)
Raise the fang'd and warlike mistress, stern, im-
passive, weapon'd mistress... [ibid.]

Однако в произведении добавляется новое измерение в образе Америки: она олицетворяется и предстает женщиной-предводительницей пионеров, воительницей, ведущей их за собой, что подчеркивается пятикратным повтором слова *mistress* в строфе. Именно персонифицированный образ Америки олицетворяет идеального американца-пионера: нежного, чувствительного (*delicate*) и сурового (*stern*), воинственного (*warlike*), холодного (*impassive*) одновременно, наделенного природными чертами (*fang'd – клыкастый*).

Следующее ударное в этом выделяемом нами блоке стихотворения слово *rear*, заканчивающее первое полустишие второго стиха двенадцатой строфы и незапрограммированно рифмующееся с *pioneer*, вновь связано с мотивом избранности американцев, которые не могут подвести надеющийся на них весь мир: они не уступят европейцам, никогда не остановятся, оставляя всех далеко позади.

Тринадцатая строфа переполнена ударными словами *ranks, dead, fill'd, defeat*, получающими в ней особую эмфатическую силу. Четверостишие построено на выступающих здесь как параллельные конструкциях (*on – on, with – with, through – through*), еще сильнее подготняющих пионеров идти вперед: остановка немыслима в поэтическом космосе Уитмена, несущемся вперед со скоростью света (“Lo, the darting bowling orb!..” [ibid.: 374]). Активными организующими инструментовку в этой строфе являются согласные звуки *r* и *d*, на протяжении четверостишия как будто бы ведущие между собой борьбу: образ пионера, мотивы бесстрашия и движения вперед вновь оркестрованы на *r* (*ranks, accessions ever waiting, through the battle, through defeat, never stopping, pioneers, pioneers*), мотивы поражения, смерти – на *d* (*dead, fill'd, defeat*). Получающийся в строфе таким образом звуковой узор *r-r-dd-d-r-r-d-r-r* отражает смысловой сюжет стихотворения: звук *r* окончательно поглощает звук *d* – даже смерть не способна остановить вечный ход пионеров.

Этой строфе семантически параллельна следующая за ней четырнадцатая строфа с ударными словами *on, come, die, fill'd*, в которой Уитмен вновь обращается к мотиву смерти. Смерть в ней начинает восхваляться (как и в десятой строфе возникает междометие *O!*): умереть пионером – значит умереть героем:

O to die advancing on!
Are there some of us to droop and die? has the
hour come?
Then upon the march we fittest die, soon and sure
the gap is fill'd... [ibid.]

В пятнадцатой, завершающей этот блок строфе заметно единение лирического героя со всем миром. Ударные слова располагаются в строфе следующим образом: *world – us – beat – front – us*. Смещением репризы с начальной части строфы в заключительную достигается эффект обратного интонационного движения, которым строфа и замыкается: реприза появляется именно тогда, когда она менее всего ожидается, после второй – обычно не вводимой поэтом в стихотворении – цезуры. Весь мир поддерживает пионеров, и весь мир марширует вместе с лирическим «я», выраженным коллективным местоимением *us*.

В следующем блоке стихотворения, начинаясь с шестнадцатой строфы, темп произведения немного замедляется: лирический сюжет подходит к своему завершению. Заключительная часть начинается с использованием Уитменом приема каталогизации и повтора *all*, с помощью которых поэт перечисляет всех существующих в мире пионеров. При этом это перечисление построено на оппозициях (*the righteous – the wicked, the joyous – the sorrowing, the living – the dying*), усложняющих образ пионера, становящийся еще более универсальным.

Лирическое «я», воплощающее в поэтическом мире Уитмена одновременно и индивидуальность, и всеобщность, на мгновение выходит из ряда пионеров: оно предстает впервые в стихотворении единством «я», тела и духа, вместе составляющих единое «мы»: «I – my soul – my body – we»:

I too with my soul and body,
We, a curious trio, picking, wandering on our
way,
Through these shores amid the shadows, with the
apparitions pressing... [ibid.]

Только после окончательного осознания в себе нераздельности личного и всеобщего, лирический герой становится способен полностью присоединиться ко всему миру, слиться с ним – со всеми американцами, всеми людьми, живущими на земле, выходя за ее пределы на космический уровень. Мир Америки Уитмена становится конгруэнтным миру космоса:

Lo, the brother orbs around, all the clustering
suns and planets,
All the dazzling days, all the mystic nights with
dreams,

Pioneers! O pioneers!.
These are of us, they are with us... [ibid.]

В конце стихотворения Уитмен отдельно обращается к женщинам-пионерам, женщинам-матерям и женам пионеров («O you daughters of the West! ... O you mothers and you wives!» [ibid.]) – в идеальном демократическом обществе, к которому движутся пионеры и к которому должен стремиться весь мир, все равны между собой. «В молчании, не торопясь, демократия вынашивает свой собственный идеал не только для искусства и литературы, не только для мужчин, но и для женщин. Сущность американской женщины (освобожденной от того допотопного и нездорового тумана, который облекает слово «леди»), женщины вполне развитой, ставшей сильным работником, равным мужчине, – ее сущность не только в работе, но и в решении жизненных и государственных вопросов. И кто знает, может быть, благодаря своему божественному материнству женщины станут даже выше мужчин» [Уитмен 1954: 278], – утверждает Уитмен в «Демократических далях» («Democratic Vistas», 1871).

Особую, самую важную роль в этом свободном обществе играют поэты, творцы – певцы нового американского эпоса. Как пишет Уитмен в «Демократических далях»: «Штатам еще никогда так, как сейчас, не требовался современный поэт или современный литератор <...> национальная литература должна стать оправданием и опорой (в некотором смысле единственной опорой) американской демократии» [Whitman 1964: 365–366]:

Minstrels latent on the prairies! <...>
Soon I hear you coming warbling, soon you rise
and tramp amid us... [Whitman 2011: 374].

Находясь под влиянием романтиков, в первую очередь трансценденталиста Р. Эмерсона, провозгласившего ценность человеческой личности своей концепцией «доверия к себе» (Self-Reliance), предполагавшей избранничество, уникальность каждого человека, веру в его способности, будущее Америки Уитмен видел в обычном американце, обычном человеке, которого он противопоставлял «самому вредному, отвратительному, что может появиться на земле» – «огромному, разнородному обществу, разжигавшему от изобилия денег, товаров, деловых авантюров, развитому и в чисто интеллектуальном отношении, но совершенно лишенному здоровой моральной и эстетической основы, которая важнее всех на свете денег и интеллектуальных ценностей», – пишет Уитмен в эссе «Поэзия в со-

временной Америке – Шекспир – будущее» («Poetry To-day in America–Shakspeare–The Future», 1881) [Уитмен 1955: 164]. Свободным и счастливым Новый человек, Новый гражданин идеального демократического общества может быть, только слившись с природой: «Демократия наиболее тесно связана с открытым воздухом, она солнечная, и храбрая, и разумная только в союзе с природой», – пишет Уитмен в «Избранных днях» [Whitman 1963: 294]. Подтверждение этим идеям мы видим в следующих строфах:

Not for delectations sweet,
Not the cushion and the slipper, not the peaceful
and the studious,
Not the riches safe and palling, not for us the
tame enjoyment,
Pioneers! O pioneers!

Do the feasters glutinous feast?
Do the corpulent sleepers sleep? have they lock'd
and bolted doors?
Still be ours the diet hard, and the blanket on the
ground,
Pioneers! O pioneers! [Whitman 2011: 374].

Лирическое напряжение к концу стихотворения на первый взгляд спадает: пионеры останавливаются передохнуть, темп стихотворения еще больше замедляется за счет медитативной интонации, создаваемой рядом риторических вопросов о возможности реализовать пионерами поставленную перед ними задачу: “Was the road of late so toilsome? did we stop discouraged nodding on our way?..” [ibid.: 375]. Однако лирический герой не допускает мысли о неудаче: конец стихотворения после небольшого затишья гремит еще яростнее и сильнее, кольцевая композиция произведения, начинаящегося и заканчивающегося призывом маршировать вперед, замыкается, подчеркивая цикличность времени в художественном мире Уитмена, где все повторяется и идет по кругу, где новые и новые пионеры, и уже находящиеся в пути, и еще не родившиеся, пионеры-эмбрионы из будущего (“...the followers there in embryo wait behind...” [ibid.: 374]), стремятся вперед навстречу жизни, счастью, радости, равенству, свободе и братству, лежащими в основе собственной демократии Уитмена.

Как отмечает И. В. Никитина, если идеологии свободы и равенства были свойственны и американской, и французской революции, то идеология братства не стала основополагающей в Декларации независимости США, а «стремление к счастью» – в Декларации прав человека и гражданина [Никитина 2012: 175–176]. Уитменовская демократия, как думается, включает в

себя одновременно идеалы Декларации независимости США и французской Декларации прав человека и гражданина.

Заключение

В стихотворении «Пионеры! О, пионеры!» Уитмен обращается к общемировым аксиологическим аспектам – концепциям мира, жизни. Под пионерством, являющимся необходимой единицей идеологической системы Уитмена, поэт понимает не столько открытие первоходцами западных земель Америки, сколько полноту освоения человеком мира. Америка Уитмена, существующая в его художественном мире в виде некой бытийной субстанции, представляет собой *бытие вообще для человека вообще*, включает в себя весь мир и в то же время она никогда не оторвана от реальной Америки. Это бытие, как и национальный тип мышления Уитмена, отраженный в его поэзии, еще находится в процессе формирования и становления.

Пионеры в художественном пространстве поэта представляют собой новую расу людей предпримчивых, творческих, созидательных, смелых, решительных, гордых, молодых и сильных (в отличие от европейцев), способных преодолеть любые трудности и преграды. Несмотря на то что пионеры – плавильный котел культур и народностей, в своем разнообразии они едины. Пионеры представляют собой авангард мира, это люди, избранные Богом, вышедшие из природы, и их предназначение – вести за собой весь мир, приобщая его к демократическим идеалам. Темы открытия новых сил и горизонтов, переустройства мира придают произведению по-настоящему эпическое дыхание. Единый «звуковой сюжет» стихотворения дублирует его смысловой сюжет: естественный «органический» ритм усиливает природность пионеров.

Идеология радости Уитмена, которой проникнуто стихотворение и вся его поэзия, выражается в бесконечном оптимизме, вере в американца и всё человечество и торжестве жизни, которая берет верх над всеми невзгодами и смертью.

Время в стихотворении Уитмена и во всей его поэзии существует без прошлого и направлено в будущее. Пионеры находятся в непрестанном движении и существуют вечно эволюционирующем, наполненном нескончаемыми жизненными силами – витальностью – «космосе».

Пионерство, общеамериканская культурема, в поэзии Уитмена принимает по-настоящему вселенский характер: для поэта, как верно заметил Л. В. Ващенко, «последняя граница» становится «финалом всечеловеческого исхода с Востока (чуть ли не с библейских времен) до Америки (“Моление Колумба”), и дальше – на Дикий Запад» [Ващенко 1999: 366].

Осознавая ведущую роль поэта в жизни народа, Уитмен понимал, что его долг – разъяснить своим читателям, что значит быть настоящей Человеческой Личностью (Personality): «...всмотримся в Человеческую Личность. Внимательно изучая ее, мы задаем вопрос: существуют ли здесь у нас на самом деле мужчины, достойные этого имени? Существуют ли атлетически сложенные люди? Где совершенные женщины, которые были бы под стать нашим материальным роскошествам?» – задается вопросами Уитмен в «Демократических далаях» [Уитмен 1954: 273]. Своими пионерскими стихами Уитмен предлагает образ идеальной Человеческой Личности, способной служить примером для подражания и для американцев, и для всех людей в мире. Это, вероятно, стало еще одной, помимо бесконечной веры в «американскую мечту» и наилучшее будущее Америки, и самой главной причиной, по которой за всю свою жизнь, не раз разочаровавшись в том, каким образом американским обществом осуществлялось достижение желаемой поэтом Демократии, Уитмен так и не изменил проникнутое радостью и оптимизмом, написанное в духе романтико-утопической традиции стихотворение, стоящее, таким образом, неким особняком в его поэзии, не лишенной социальной критики общественного уклада того времени.

Примечание

¹Здесь и далее выделение курсивом наше.

Список литературы

Вашенко А. В. Фронтир // История литературы США / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Наследие, 1999. Т. 2. С. 349–375.

Венедиктова Т. Д. Поэзия Уолта Уитмена. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.

Зверев А. М. Американский романтизм // История литературы США / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Наследие, 1999. Т. 2. С. 13–50.

Ковалев Ю. В. Литература США // История всемирной литературы: в 9 т. / под ред. Ю. Б. Виппера. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 551–582.

Кольридж С. Т. Лекция / пер. с англ. Г. В. Яковлевой // Кольридж С. Т. Избранные труды / под ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1987. С. 283–285.

Логинов А. Л. Концепт «American dream» в творчестве Уолта Уитмена: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 198 с.

Мендельсон М. О. Жизнь и творчество Уитмена. М.: Наука, 1965. 368 с.

Никитина И. В. Мифопоэтика «Листьев травы» У. Уитмена: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 238 с.

Погадаева Е. В. Топор как воплощение американского в «Песне о топоре» (Song of the Broad-Axe) Уолта Уитмена // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. № 3. С. 78–97. doi 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97.

Сиротинская М. М. Идея «Предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 101–113.

Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

Уитмен У. Избранное / пер. с англ. М.: Худ. лит., 1954. 306 с.

Уитмен У. Из статьи «Поэзия в современной Америке – Шекспир – будущее» / пер. с англ. И. А. Кашкина // Иностранная литература. 1955. № 1. С. 162–164.

Allen G. W. On the Trochaic Meter of Pioneers! O Pioneers! // American Literature. 1949. № 4. P. 449–451.

Allen G. W. The New Walt Whitman Handbook. New York: New York University Press, 1975. 423 p.

Asselineau R. The Evolution of Walt Whitman. Iowa: University of Iowa Press, 1999. 392 p.

Bradley S. The Fundamental Metrical Principle in Whitman's Poetry // American Literature. 1939. № 4. P. 437–459.

Fletcher E. G. Pioneers! O Pioneers! // American Literature. 1947. № 3. P. 259–261.

Miller J. E. A Critical Guide to Leaves of Grass. Chicago: University of Chicago Press, 1966. 268 p.

Pattee F. L. A History of American Literature since 1870. New York: The Century Co., 1915. 449 p.

Whitman W. November Boughs. Philadelphia: David McKay, 1888. 140 p.

Whitman W. Prose Works 1892 / ed. by F. Stovall. New York: New York University Press, 1963. Vol. 1. 358 p.

Whitman W. Prose Works 1892 / ed. by F. Stovall. New York: New York University Press, 1964. Vol. 2. 803 p.

Whitman W. Leaves of Grass. New York: Library of America, 2011. 757 p.

References

Vashchenko A. V. Frontir [Frontier]. Istorija literatury SShA [The History of the U.S. Literature]. Ed. by Ya. N. Zasurskiy. Moscow, Nasledie Publ., 1999, vol. 2, pp. 349–375. (In Russ.)

Venediktova T. D. Poeziya Uolta Uitmena [Walt Whitman's Poetry]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1982. 128 p. (In Russ.)

- Zverev A. M. Amerikanskiy romantizm [American Romanticism]. *Istoriya literatury SShA* [The History of the U.S. Literature]. Ed. by Ya. N. Zasurskiy. Moscow, Nasledie Publ., 1999, vol. 2, pp. 13-50. (In Russ.)
- Kovalev Yu. V. Literatura SShA [The Literature of the USA]. *Istoriya vsemirnoy literatury* [The History of World Literature]: in 9 vols. Ed. by Yu. B. Vipper. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 551-582. (In Russ.)
- Coleridge S. T. Lektsiya [Lecture]. Transl. from English by G. V. Yakovleva. Coleridge S. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Ed. by M. F. Ovsyannikov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 283-285. (In Russ.)
- Loginov A. L. *Kontsept 'American dream' v tvorchestve Uolta Uitmena*. Diss. kand. filol. nauk [The 'American Dream' concept in works of Walt Whitman. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2013. 198 p. (In Russ.)
- Mendelson M. O. *Zhizn' i tvorchestvo Uitmena* [The Life and Works of Walt Whitman]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 368 p. (In Russ.)
- Nikitina I. V. *Mifopoetika 'List'ev travy' U. Uitmena*. Diss. kand. filol. nauk [The mythopoetics of W. Whitman's Leaves of Grass. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2013. 238 p. (In Russ.)
- Pogadaeva E. V. Topor kak voploshchenie amerikanskogo v 'Pesne o topore' (Song of the Broad-Axe) Uolta Uitmena [The broad-axe as a symbol of Americanness in Walt Whitman's Song of the Broad-Axe]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2024, issue 3, pp. 78-97. doi 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97. (In Russ.)
- Sirotinskaya M. M. Ideya 'predopredeleniya sud'by' v vospriyatiii amerikanskikh sovremenников: середина XIX в. [Idea of 'manifest destiny'. Perception by American contemporaries (mid. 19th century)]. *Vestnik RGGU. Seriya 'Politologiya. Istoriya. Mezdunarodnye otnosheniya'* [RSUH/RGGU Bulletin. Series 'Political Science.
- History. International Relations'], 2017, issue 2, pp. 101-113. (In Russ.)
- Tynyanov Yu. N. Oda kak oratorskiy zhanr [The ode as an oratorical genre]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 227-252. (In Russ.)
- Whitman W. *Izbrannoe* [Selected Works]. Transl. from English. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1954. 306 p. (In Eng.)
- Whitman W. Iz stat'i 'Poeziya v sovremennoy Amerike – Shekspir – budushchee' [From the Article 'Poetry To-day in America – Shakspere – the Future']. Transl. from English by I. A. Kashkin. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1955, issue 1, pp. 162-164. (In Russ.)
- Allen G. W. On the Trochaic Meter of Pioneers! O Pioneers! *American Literature*, 1949, issue 4, pp. 449-451. (In Eng.)
- Allen G. W. *The New Walt Whitman Handbook*. New York, New York University Press, 1975. 423 p. (In Eng.)
- Asselineau R. *The Evolution of Walt Whitman*. Iowa, University of Iowa Press, 1999. 392 p. (In Eng.)
- Bradley S. The fundamental metrical principle in Whitman's poetry. *American Literature*, 1939, issue 4, pp. 437-459. (In Eng.)
- Fletcher E. G. Pioneers! O Pioneers! *American Literature*, 1947, issue 3, pp. 259-261. (In Eng.)
- Miller J. E. *A Critical Guide to Leaves of Grass*. Chicago, University of Chicago Press, 1966. 268 p. (In Eng.)
- Pattee F. L. *A History of American Literature since 1870*. New York, The Century Co., 1915. 449 p. (In Eng.)
- Whitman W. *November Boughs*. Philadelphia, David McKay, 1888. 140 p. (In Eng.)
- Whitman W. *Prose Works 1892*. Ed. by F. Stovall. New York, New York University Press, 1963, vol. 1. 358 p. (In Eng.)
- Whitman W. *Prose Works 1892*. Ed. by F. Stovall. New York, New York University Press, 1964, vol. 2. 803 p. (In Eng.)
- Whitman W. *Leaves of Grass*. New York, Library of America, 2011. 757 p. (In Eng.)

O Resistless Restless Race: Pioneering as a Central Ideological Concept in Walt Whitman's Poetic World (Based on the Poem 'Pioneers! O Pioneers!')

Evgeniia V. Pogadaeva

Postgraduate Student at the Department of World Literature and Culture

Lecturer in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. motus.animi.continuus13@gmail.com

SPIN-code: 2250-7410

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1655-2673>

ResearcherID: IUO-1215-2023

Submitted 02 May 2025

Revised 13 May 2025

Accepted 15 May 2025

For citation

Pogadaeva E. V. O resistless restless race: pionerstvo kak edunitsa ideologicheskoy sistemy Uolta Utmena (na primere stikhhotvoreniya "Pioneers! O Pioneers!") [O Resistless Restless Race: Pioneering as a Central Ideological Concept in Walt Whitman's Poetic World (Based on the Poem 'Pioneers! O Pioneers!')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 135–145. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-135-145. EDN ZQIUYY (In Russ.)

Abstract. The article attempts to analyze the ontological and axiological foundations of Americanness in Walt Whitman's poetry using the example of his poem *Pioneers! O Pioneers!*. So far, the phenomenon of pioneering, which is inextricably linked to Americanness, is insufficiently studied in the poetry of Walt Whitman, an important figure in world literature. The paper shows that pioneering is understood by Whitman not merely as the westward expansion of frontiersmen, but rather as the reconstruction of the world and the discovery of its new horizons. In Whitman's poetic universe, pioneering, an all-American cultureme, acquires a cosmic dimension: pioneers become a new race of people leading the world and pursuing the democratic ideals of freedom, equality, brotherhood, and happiness. The pioneer, the Personality long sought by Whitman, becomes an ideal citizen of the New World: creative, industrious, courageous, proud, strong, young – a giant that emerges from nature and succeeds in everything they do. Whitman's ideology of joy can also clearly be seen in the poem: it is manifested in his infinite faith in Americans and mankind as a whole, in the bright future of America, the vanguard of the world, and in the American Dream. In the poem, America is presented as an ontological substance congruent with the cosmos, it is ever-evolving, future-oriented, and in a state of constant flux and amelioration. This substance is the place of existence for all humanity. The image of America, as well as Whitman's national consciousness reflected in his poetry, is in a continuous process of change and formation.

Key words: Americanness; New World; ontological foundations of Americanness; axiological foundations of Americanness; pioneering; Walt Whitman; *Pioneers! O Pioneers!*

УДК 821.111(73)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-146-153
<https://elibrary.ru/yaegve>

EDN YAEGVE

Особенности нарративной организации в мини-романе Генриха Сапгира «Сингапур»

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Челябинской области
«Цифровая социализация детей и подростков XXI века: потенциал воздействия
книжной и игровой индустрии» (24-28-20177)*

Семьян Татьяна Фёдоровна

д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы
Южно-Уральский государственный университет
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина 76. semiantf@susu.ru

SPIN-код: 7666-2753
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-1509>
ResearcherID: K-4818-2018

Клопотюк Данил Ильич

магистрант кафедры русского языка и литературы
Южно-Уральский государственный университет
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина 76. klopotyuk01@mail.ru

SPIN-код: 3686-1903
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4114-2956>
ResearcherID: LTE-1295-2024

*Статья поступила в редакцию 16.01.2025
Одобрена после рецензирования 08.04.2025
Принята к публикации 05.05.2025*

Информация для цитирования

Семьян Т. Ф., Клопотюк Д. И. Особенности нарративной организации в мини-романе Генриха Сапгира «Сингапур» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 146–153.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-146-153. EDN YAEGVE

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей нарративной организации романа «Сингапур» Генриха Вениаминовича Сапгира, одного из ключевых авторов русского литературного процесса второй половины XX в. Известный широкому кругу читателей в первую очередь как автор стихотворений для детей, Генрих Сапгир создал также значительный корпус прозаических текстов, характеризующихся многослойной организацией повествования, сменой повествовательных оптик. Основное внимание в исследовании уделено анализу фокализационных особенностей романа, его системы нарративных инстанций и субъектной организации, которая определяется наличием активного грамматически выраженного повествовательного «я». Авторы приходят к выводу, что в поле зрения нарратора зачастую попадает алогичный мир, несостоятельность которого в художественном пространстве выражается сюжетными, композиционными или языковыми деформациями. Пространственно-временные трансформации, определяющие темпоральный модус романа Генриха Сапгира, напрямую выражают компонент частичной случайности событийной цепи нарратива, реализуемый «вероятностной» картиной мира. В этом отношении абсурдистская эстетика, экзотизм, пронизывающие все уровни произведения, во многом определяют поэтику «мини-романа» «Сингапур», причем

экспликация нарратора в повествовании является частью художественной стратегии, предполагающей тесную, автобиографическую спаянность со своим персонажем. Данная стратегия реализуется также в анаграмматическом названии романа (Сингапур – Сапгир) и ситуативных визуально-графических экспериментах с расположением текста на пространстве страницы, заключающихся в формировании семиотических «пустот», что характерно в первую очередь для поэтики Сапгира как поэта.

Ключевые слова: Генрих Сапгир; нарративная организация; повествование; субъектность; роман; художественная инстанция.

Генрих Вениаминович Сапгир по праву считается одной из самых значительных фигур русского литературного процесса второй половины XX в. По мнению Ю. Б. Орлицкого, Сапгир собственным инновационным подходом к слову, его бытованию и поэтическому функционированию «открыл так много путей в русской поэзии, что некоторые только сегодня начинают потихоньку осваиваться. Правильнее говорить даже не о путях, а о возможностях русского поэтического слова, которые он опробовал впервые» [Орлицкий 2023]. Можно сказать, что сапгировская художественная синтетическая стратегия, предлагающая экспериментирование с различными компонентами архитектоники, жанровой принадлежностью собственных текстов, предполагает аккумуляцию «языков» различных литературных школ и традиций.

Известный широкому кругу читателей в первую очередь как автор стихотворений для детей, Генрих Сапгир создал также значительный корпус прозаических текстов, характеризующихся многослойной организацией повествования, сменой повествовательных «оптик». Подобная художественная стратегия прослеживается во всем творчестве писателя. Неслучайно Анатолий Кудрявицкий – поэт и переводчик – в одном из интервью подчеркивал, что Генрих Сапгир дал «возможность для одного поэта смотреть на мир с разных точек. То есть возможность неодинакового взгляда. В одном стихотворении он один, а в другом стихотворении он другой. То же самое в прозе» [Кудрявицкий 2000]. Однако уникальность сапгировской прозы определяется не только специфическим фокусом ее персонажей, но и субъектной организацией, а точнее, целостной системой структурированного повествования с эксплицитно выраженным нарратором.

Подобная ситуация не является типичной для литературы второй половины прошлого столетия, в целом характеризующейся девальвацией статуса внутритекстового субъектного начала, что представляет исследовательский интерес в контексте анализа прозы Генриха Сапгира с точки зрения художественных инстанций, нарративных пластов, пространственно-временных

текстуальных «оптик», а также других компонентов, конституирующих повествование.

Исследователи не раз акцентировали внимание на экспериментальном, авангардном начале поэзии Генриха Сапгира [Орлицкий, Павловец 2018], заключающемся в активной преемственности приемов футуристической традиции, а также указывали на сложную субъектную организацию его текстов [Бокарёв, Адриан 2023; Артёмова 2014]. Можно сказать, что значительный объем исследований, посвященных творчеству Генриха Сапгира, приходится на рассмотрение поэтических текстов, однако его прозаический корпус произведений в контексте нарративной организации, повествовательных инстанций и фокализационных особенностей не подвергался научному анализу.

К настоящему времени в литературоведческом дискурсе сформировалось три основных подхода к исследованию феномена нарратива: классический, дифференцирующий тексты по признаку коммуникативной структуры (Ф. Штанцель [Stanzel 1989]); структуралистский, включающий понимание текста как иерархии инстанций, формирующих повествование (Ж. Женетт [Женнет 1998], Цв. Тодоров [Todorov 1966]); синтезированный, предполагающий объединение некоторых положений предыдущих концепций. В этом отношении теория нарратива В. Шмида представляет собой наиболее развернутую систему, предлагающую комплексный подход к анализу художественных произведений.

Синтезированный подход исследования текстового нарратива основывается на анализе ряда перманентных параметров, конституирующих повествование в художественную систему. К этим параметрам хрестоматийно относятся:

- 1)fabульная система, в которой ключевым становится факт события;
- 2)точка зрения, или фокализация, детерминирующая предметные акценты и топографические позиции в повествуемом событии;
- 3) temporальный «виртуальный» мир;
- 4) иерархия абстрактных инстанций, участвующих в акте повествования.

В. И. Тюпа, анализируя природу нарративных стратегий, замечает, что определяющими параметрами нарративной модели являются «картина мира, типовая форма героя и тип слова (типовая форма контакта между субъектом и адресатом наррации)» [Тюпа 2018: 20]. Однако при исследовании наррации значимую роль играют и темпоральные качества текста, поскольку любое повествование (его внутренняя «картина мира») формируется на основе синтаксических единиц с наличествующими в них временными маркерами. Эти маркеры не только указывают на какие-либо промежутки времени, но и создают его художественный модус в рамках «виртуальной реальности». Именно эти элементы вкупе с языковыми дейктическими маркерами пространства формируют хронотопный регистр художественного произведения, темпоральный мир, фиксирующийся нарратором в рамках рассказываемой им истории.

Все исследователи нарративных структур подчеркивают, что концептуально образующим компонентом наррации является факт наличия события. Само событие можно трактовать как явление онтологического порядка, заключающее изменение характеристик личностного, субъектного бытия. Очевидно, что в повествовательном акте, возникающем в пределах коммуникативной ситуации, относящейся к виртуальному миру, само по себе казуальное изменение не является причиной возникновения события, только если оно не обладает, как указывает В. Шмид, фактичностью (качественной трансформацией субъектного мира, не способного регрессировать до начального – дотрансформационного – состояния) и результативностью (окончанием этой трансформации в пределах нарративной структуры) [Шмид 2003: 15].

В этом отношении художественный текст представляет собой совокупность событий, качественно изменивших рассказывающего или им рассказывающее в установленных границах виртуального времени и пространства. Исходя из этого все параметры текста, то есть композиция, хронотоп, образная система (в отношении собственной динамической изменчивости), детали и т. д., являются необходимыми элементами анализа нарративной структуры.

Важной особенностью прозаических текстов Генриха Сапгира является концентрированное и грамматически эксплицированное субъектное начало, причем в поле зрения нарратора зачастую попадает алогичный мир, несостоительность которого в художественном пространстве выражается сюжетными, композиционными или языковыми деформациями. В этом отношении абсурдистская эстетика, экзотизм, пронизываю-

щие все уровни произведения, во многом определяют поэтику «мини-романа» «Сингапур». Герои романа – Андрей Сперанский и его жена Тамара – обладают уникальной способностью перемещаться из Москвы в Сингапур, который становится для них пространством индивидуальной утопии, духовного рая:

Не знаю, мы даже не туристы, обыкновенная женатая пара, москвичи не первой молодости, к тому же у тебя отказали ноги – и мы не можем путешествовать и ходить в походы, как бывало в студенческие годы. Может быть поэтому мы научились попадать в разные места, обычно от нас удалённые, другим способом [Сапгир 2023: 174].

Художественный мир романа, ограниченный московским и сингапурским пространствами, дуалистичен. Стоит сказать, что Сингапур как автономная топонимическая единица произведения не является герметичной ментальной проекцией Андрея и Тамары – объекты обоих миров вслед за персонажами могут перемещаться из одного пространства в другое как по собственной воле, так и совершенно случайным образом. Подобные пространственные трансформации в романе напрямую выражают компонент частичной случайности событийной цепи нарратива, реализуемый, по мнению В. И. Тюпы, «вероятностной» картиной мира, которая «разворачивает перед героем спектр потенциальных возможностей» [Тюпа 2011: 12]. Каждая из этих возможностей при своей реализации определяет уникальное изменение героя, неспособное быть тождественным другому изменению при иных обстоятельствах. Подобная картина мира полностью отражает специфику сапгировского нарратива, предполагающего поливариативное течение жизни персонажей (в логике буддистских представлений о душе). Реализация конкретных, предложенных Андрею и Тамаре нарративных возможностей определяет выбранную ими событийную жизненную цепочку. Неслучайно нарратор замечает, что жизнь Андрея является лишь одной версией из «многих других». Главные герои, являясь активными нарративными акторами, участвуют в конструировании собственных судеб. Именно поэтому в рамках нарратива, во многом определяемого сюрреалистической поэтикой, они наделены способностью перемещаться из одного пространства в другое, трансгрессировать в различных животных и даже в других людей, что дает им возможность существовать в рамках нескольких жизней, «примеряя» чужой опыт как потенциальный событийный материал:

Уже наполовину мальчишка-погонщик, я подошла ближе.

И тут же стала забавным слонёнком, который подталкивал кустистым лбом худенькую немку в корзине, полной свежих бананов [Сапгир 2023: 218].

Значимым в отношении «спектра потенций» также становится факт наличия альтернативного художественного топоса. Использование «виртуального» Сингапура у Генриха Сапгира как пространства альтернативного «московскому» не случайно. Огромное влияние на писателя, жившего в Москве, оказало прямое взаимодействие с восточными культурами. Виктор Кривулин в одной из бесед подчеркивал, что «Генрих приехал оттуда [из юго-восточной Азии] совершенно перевернутым человеком» [Кривулин 2000]. В художественном Сингапуре время становится категорией условной, подчиняющейся собственным сюрреалистическим законам и принципам, которые значительно отличаются от представлений «московского» мира. Этим подтверждается и частотное упоминание образа сансары (и одновременно актуализация мотива цикличности жизни) как компонента «экзотического» топоса. Данный символ во временной структуре «Сингапура» символизирует не только метафизическую концепцию вечного перерождения, но и внутреннюю динамику персонажей, их стремление к самопознанию, в частности через эмпирический опыт других объектов сингапурского пространства:

Позолоченные львиные морды, яйцеобразные головы старцев с лукавыми щелочками, изгибы, извины, завитушки, финтифлюшки – яшмовая пена направленной фантазии: мгновение – вечность. Отрицание времени [там же: 182].

Однако ключевым элементом в подобном конструировании событийной цепочки – выборе именно той, что составляет сюжетно-повествовательный центр произведения, – является нарратор. Стоит отметить, что сама фигура нарратора – доминанта и общее место конституирования мировоззренческого, бытового, религиозного и эстетического центра текста – во многом определяет художественную стратегию повествования. В. И. Тюпа указывает, что «речевое поведение нарратора может быть ориентировано на условную, внутритекстовую фигуру слушающего или читающего (так называемого «нарратора»), однако по существу своему коммуникативное «событие самого рассказывания» (Бахтин) связывает не эти эксплицитные инстанции, но имплицитные – автора и потенциального адресата нарративного дискурса» [Тюпа 2012: 338].

Нарратор, участвующий в отборе необходимых ему элементов (в частности, как мы указывали выше, темпоральных характеристик), организует тем самым определенную повествова-

тельную стратегию, ориентируясь на своего потенциального читателя. М. Фуко утверждал, что подобная художественная «выборка» объектов – это «авторская интенция, замысел, выражавшийся в категориях картины мира, интриги и модальности» [Фуко 2004: 92]. Можно сделать вывод, что сама выявленность нарратора является частью этого замысла, художественной стратегии, позволяющей расставлять концептуальные акценты, выстраивать идеиный пласт произведения. В этом отношении игровое начало романа Генриха Сапгира выражается в активной экспликации нарратора. Текстуально повествование насыщено визуально маркированными фрагментами, в которых грамматически проявляется инстанция повествуемого «я», хотя и указывающая на некоторые внешние, поведенческие или мировоззренческие сходства с главным героем Андреем, но одновременно подчеркивающая собственную экзистенциальную «кинаковость». Фрагментарная экспликация нарратора выявляет сапгировскую повествовательную стратегию, предполагающую тесную спаянность со своим персонажем – своеобразную визуально-эстетическую синонимию. Генрих Сапгир надеялся Андрея Сперанского множеством автобиографических черт, однако в то же самое время нарратор, будто бы опечатываясь или, наоборот, целенаправленно уточняя, по мере повествования факультативно выявляется для указания собственной онтологической нетождественности с Андреем:

– Так получилось, извини, – соврал я, то есть он [Сапгир 2023: 180].

Причем интересным является то, что поливариативный финал романа, предполагающий множество альтернативных событийных цепочек жизни обоих героев, в одной из версий определяет нарратора не просто как когнитивную, языковую инстанцию, но как персонифицированного антропоморфного субъекта:

Потом с меня содрали шкуру и нащёлкали кошельков и бумажников, один из которых попал автору повествования, и тот сунул в моё рифлёное плоское нутро пачку денег – свой гонорар [там же: 273].

Такое указание на автобиографичность некоторых черт нарратора и персонажа отражено и в анаграмматическом названии романа («Сингапур» – «Сапгир»). При этом субъектная самоидентификация главных героев, имеющих собственный нарративный фокус, определяется в первую очередь перцепцией самого нарратора (нетождественного Андрею Сперанскому субъекта), участвующего в процессе синтезирования повествовательного материала. Нарратор в романе Сапгира не является всеведущим, его ста-

тус событийной осведомленности не определяется «вне»-позицией собственного нахождения. Нарративная организация «Сингапура» сконструирована на основе повествовательной модальности понимания, которое «в отличие от мнения, не субъективно, хотя и не может быть нейтрально объективным, оно – интерсубъективно» [Тюпа 2012].

Именно поэтому самопрезентация сапгировского нарратора («повествователя обрамляющей истории» [Шмид 2003: 79]), который играет архитектоническую, конституирующую роль, редуцирована и служит для обозначения и оформления вставных нарраций. Вторичная и третичная наррации (повествования персонажей в границах предлагаемого первичным нарратором мира) отводятся в романе Сапгира для реализации событийного поля главных героев – Андрея и Тамары. Участвуя лишь в экзегетическом плане текста, первичный нарратор конституирует общее повествование, точки зрения своих персонажей, чьи «голоса» изначально маркируются отдельными сюжетными главами (например, в главе шестой повествование происходит от лица Тамары; в седьмой – от лица Андрея). Однако эффект психофизической спаянности, практически полной синонимии нарратора и Андрея, Андрея и Тамары создается за счет короткого расстояния между повествуемым и повествующим: Сапгир искусно сплетает несколько нарративных слоев, принадлежащих разным акторам, старается стереть не только пространственно-временную грань мира московского и сингапурского, но и субъектную. Именно поэтому Тамара и Андрей мыслят себя как части одного целого, что выражается в смешении грамматических форм в границах одной синтаксической конструкции:

Я не была счастлива, больше – я была привычно голодна. Но есть мне, как всегда, не хотелось. Я спешила, вернее, спешил к приятелю уложитьсь, у него, я знал, есть, пусть плохо очищенная [Сапгир 2023: 214].

Стоит сказать, что общая нарративная стратегия Сапгира реализуется и в языковом регистре. Генрих Сапгир использует визуально-графические техники письма, прибегает к прозиметризации, усиливая общую стратегию стирания жанровых, композиционных и темпоральных границ. В принципе для Генриха Сапгира значимую роль играет текстуальная наполненность страницы. Всевозможные отклонения от визуальной хрестоматийности в оформлении текста и формирование из-за таких сдвигов графических пустот – важные компоненты художественной стратегии Генриха Сапгира. В романе «Сингапур» с подобным приемом мы можем встретить-

ся в шестнадцатой главе, который выполняет как минимум две функции: с одной стороны, стилистико-эстетическую, то есть создает эффект умалчивания, хаотичности во время интимной близости Андрея и Тамары, предлагая читателю обширное интерпретационное пространство, заключенное как раз в этих «пустотах»; с другой стороны – концептуальную, за счет слияния в один речевой поток разносубъектных нарративных пластов, что подчеркивает духовное единство главных героев.

Однако ситуативно подобные нарративные фокусы в романе могут разряжаться грамматической экспликацией нарратора, отражающейся и в визуально-графическом облике текстовых промежутков. Интересным является то, что стратегия Сапгира, заключающаяся, как мы уже указывали, в стирании темпоральных, субъектных и жанровых границ, реализуется и в плане композиционного оформления. Так, глава шестая заканчивается поэтическим фрагментом, в рамках которого происходит градационная (за счет тавтологии) номинация объектов сингапурского мира. Причем с точки зрения метрической структуры конечные стихи этого стихотворения представляют постепенное разрушение ритмической урегулированности:

...часы, часы, часы, часы,
ткани, ткани, ткани, ткани
золото, золото, золото, золото,
всякие мелочи и всякие мелочи [там же: 190].

Синтаксически эта фраза не является завершенной и продолжается уже в следующей главе после объемного фрагмента текста, относимого к повествованию первичного нарратора, на что указывает его последующая экспликация:

...Но вернёмся назад, если вы уже не позабыли, туда – к моему мужскому, вкупе с Таней, варианту Сингапура. Итак, вечерняя, лучащаяся золотом улица продолжается:

Всякие мелочи и всякие мелочи,
Фотоаппараты и парфюмерия,
Парфюмерия и конфеты... [там же: 191].

В то же время языковой регистр романа сложен и наполнен концентрированным использованием средств выразительности, среди которых наибольшее значение отводится метонимии, способствующей концептуальным сдвигам, основанным на всё том же смешении разных пластов текста с последующей синтезацией всех художественных дихотомий – Москвы и Сингапура, Андрея и Тамары, восточной культуры и европейской и т. д.:

– Это была параллельная жизнь, – возразил я книге с чёрным тиснёным переплётом.

Новый завет моментально превратился в конферансье [там же: 236].

Концептуальные сдвиги характерны для всех художественных уровней «Сингапура», в особенности для сложного нелинейного сюжетного уровня текста. Это подтверждается также тем, что Андрей Сперанский со временем перестает осознавать границы реального и ирреального – финал романа представляет собой, как было указано ранее, одну из множества возможных версий жизни главного героя. Ставяясь описать эмпирические ощущения собственной смерти-перерождения, Андрей прибегает к использованию общекультурных образов, ассоциирующихся с утерянным раем – тем же утопическим пространством, которое для него играл Сингапур:

Беру чашку, но там на донышке чёткая картина: мужчина-новорождённый лежит обратно в женщину, которая кричит от боли. Не хочу такого чаю.

— Прежде чем ты станешь этим звонким фарфором, — продолжает Таня. — Узнай, что мы два начала — одно существо [там же: 265].

Таким образом, проза Генриха Сапгира представляет собой уникальный феномен в контексте русской литературы второго русского неоавангарда, характеризующийся сложной организацией нарративной структуры. Для прозы Сапгира, что было показано на материале «мини-романа» «Сингапур», характерно существование активного грамматически выраженного нарратора, который наделен автобиографическими чертами, что находит выражение даже в анаграмматическом названии произведения. Нарративная стратегия Генриха Сапгира, включающая размытие темпоральных границ «виртуального» мира, существование нелинейной событийной цепочки, наличие активно сменяющихся повествовательных инстанций, многосложна и пронизывает все уровни произведения. Роман «Сингапур» представляет собой трехплоскостной художественный мир с первичной, вторичной и третичной наррациями, последняя из которых отводится главным героям произведения — Андрею и Тамаре. Такое сложное художественное оформление выражается и в языковом регистре текста: Сапгир использует различные поэтические техники письма, прибегает к фрагментарному изменению типичного визуально-графического облика текста и прозиметризации, усложняя текст романа и стирая жанровые и композиционные границы.

Список литературы

Артёмова С. Ю. «Пустота» в поэзии Г. В. Сапгира // Вестник Тверского государственного университета. 2014. № 3. С. 9–12.

Бокарёв А. С., Адриан Ю. В. От «фонографа» к «паноптикуму»: о субъектной структуре «Голосов» Г. Сапгира в контексте советского дис-

курса // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2(33). С. 41–49. doi 10.20323/2499_9679_2023_2_33_41

Женнет Ж. Фигуры. В 2 томах. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. 944 с.

Кривулин В. Б. «От него исходили поразительные лучи любви». 2000. URL: <https://sapgir.narod.ru/talks/about/krivulin01.htm> (дата обращения: 06.01.2025).

Кудрявичкий А. И. Не здесь и не сейчас. 2000. URL: <https://www.sapgir.narod.ru/talks/about/kudriavizky.htm> (дата обращения: 31.12.2024).

Орлицкий Ю. Б., Павловец М. Г. Наследники Хлебникова: Генрих Сапгир, Геннадий Айги, Александр Кондратов, Сергей Бирюков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. №1. С. 94–110. doi. 10.21638/11701/spbu09.2018.108

Орлицкий Ю. Б. «Поэт, который не ныл». 2023. URL: <https://gorky.media/intervyu/poet-kotoryj-ne-nyl/> (дата обращения: 11.01.2025).

Сапгир Г. В. Собрание сочинений. Том 2: Мифы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 760 с.

Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2(52). С. 19–24. doi. 10.26170/fk18-02-03

Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3. С. 8–24.

Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков, его время и мы. Krakow: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012. С. 337–348.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманистическая Академия: Университетская книга, 2004. 416 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Stanzel K. F. Theorie des Erzahlens. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprech, 1989. 339 s.

Todorov Tz. Les catégories du récit littéraire // Communications. 1966. № 8. P. 125–151.

References

Artemova S. Yu. ‘Pustota’ v poezii G. V. Sapgira [‘Emptiness’ in the poetry of G. V. Sapgir]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Tver State University], 2014, vol. 3, pp. 9–12. (In Russ.)

Bokarev A. S., Adrian Yu. V. Ot ‘fonografa’ k ‘panoptikumu’: o sub’ektnoy strukture ‘Golosov’ G. Sapgira v kontekste sovetskogo diskursa [From ‘phonograph’ to ‘panopticon’: on the subjective structure of G. Sapgir’s ‘Voices’ in terms of Soviet discourse]. Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik [Verhnevolzhskiy Philological Bulletin], 2023, vol. 2(33), pp. 41–49. doi 10.20323/2499_9679_2023_2_33_41. (In Russ.)

- Genette G. *Figury* [Figures]: in 2 vols. Moscow, Publishing House of the Sabashnikovs, 1998. 944 p. (In Russ.)
- Krivulin V. B. 'Ot nego iskhodili porazitel'nye luchi lyubvi' ['He emanated amazing rays of love']. 2000. Available at: <https://www.sapgir.narod.ru/talks/about/kudriavizky.htm> (accessed 06 Jan 2025). (In Russ.)
- Kudryavitskiy A. I. Ne zdes' i ne seychas [Not here and not now], 2000. Available at: <https://www.sapgir.narod.ru/talks/about/kudriavizky.htm> (accessed 31 Dec 2024).
- Orlitskiy Yu. B., Pavlovets M. G. Nasledniki Khlebnikova: Genrikh Sapgir, Gennadiy Aygi, Aleksandr Kondratov, Sergey Biryukov [Khlebnikov's successors: Heinrich Sapgir, Gennady Aygi, Alexander Kondratov, Sergey Biryukov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2018, vol. 1, pp. 94-110. doi 10.21638/11701/spbu09.2018.108. (In Russ.)
- Orlitskiy Yu. B. 'Poet, kotoryy ne nyl' ['The poet who didn't whine']. 2023. Available at: <https://gorky.media/intervyu/poet-kotoryj-ne-nyl/> (accessed 11 Jan 2025).
- Sapgir G. V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2023, vol. 2. Mify [Myths]. 760 p. (In Russ.)
- Tyupa V. I. Zhanrovaya priroda narrativnykh strategiy [The genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2018, vol. 2 (52), pp. 19-24. doi. 10.26170/fk18-02-03. (In Russ.)
- Tyupa V. I. Narrativnaya strategiya romana [Narrative strategy of the novel]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New Philological Bulletin], 2011, vol. 3, pp. 8-24. (In Russ.)
- Tyupa V. I. Narrativnaya strategiya romana 'Master i Margarita' [The narrative strategy of the novel 'The Master and Margarita']. *Mikhail Bulgakov, ego vremya i my* [Mikhail Bulgakov, His Time and We]. Krakow, Institute of Eastern Slavonic Studies, Faculty of Philology, Jagiellonian University, 2012, pp. 337-348. (In Russ., In Pol.)
- Fuko M. *Arkeologiya znaniya* [The Archeology of Knowledge]. St. Petersburg, 2004. 416 p. (In Russ.)
- Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003. 312 p. (In Russ.)
- Stanzel K. F. *Theorie des Erzahlers* [The Theory of Narrative]. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 339 p. (In Ger.)
- Todorov Tz. Les catégories du récit littéraire [The categories of literary narrative]. *Communications*, 1966, issue 8, pp. 125-151. (In Fr.)

The Narrative Organization in the Mini Novel 'Singapore' by Genrikh Sapgir

This research was funded by the Russian Science Foundation and the Chelyabinsk Region, project 'Digital socialization of children and adolescents of the 21st century: the potential impact of the book and gaming industry' (project No. 24-28-20177)

Tatyana F. Semyan

Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature
South Ural State University
76, propsekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia. semiantf@susu.ru

SPIN-code: 7666-2753
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-1509>
ResearcherID: K-4818-2018

Danil I. Klopotyuk

Master's Student at the Department of Russian Language and Literature
South Ural State University
76, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia. klopotyuk01@mail.ru

SPIN-code: 3686-1903
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4114-2956>
ResearcherID: LTE-1295-2024

Submitted 16 Jan 2025

Revised 08 Apr 2025

Accepted 05 May 2025

For citation

Semyan T. F., Klopotyuk D. I. Osobennosti narrativnoy organizatsii v mini-romane Genrikha Sapgira “Singapur” [The Narrative Organization in the Mini Novel ‘Singapore’ by Genrikh Sapgir]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 146–153. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-146-153. EDN YAEGVE (In Russ.)

Abstract. The article studies the features of the narrative organization of the novel *Singapore* written by Genrikh Sapgir, one of the key authors of the Russian literary process in the second half of the 20th century. Known to a wide range of readers primarily as the author of poems for children, Genrikh Sapgir also created a significant corpus of prose texts characterized by a multi-layered organization of the narrative, a change in narrative optics. The study focuses on the analysis of the focalization features of the novel, its system of narrative instances and subjective organization, which is determined by the presence of an active, grammatically expressed narrating ‘I’. The authors come to the conclusion that the narrator often sees an illogical world, the inconsistency of which is expressed in the artistic space by plot-related, compositional, or linguistic deformations. The spatiotemporal transformations that determine the temporal mode of the novel directly express the component of partial randomness of the narrative’s chain of events, realized by the ‘probabilistic’ picture of the world. In this regard, the absurdist aesthetics and exoticism, which permeate all levels of the work, largely determine the poetics of the mini novel *Singapore*, with the narrator’s explication in the narrative being part of an artistic strategy that assumes a close, autobiographical fusion with his character. This strategy is also realized in the anagrammatic title of the novel (Singapore – Sapgir) and situational visual-graphic experiments with the arrangement of the text on the page, consisting in the formation of semiotic ‘voids’, which is primarily characteristic of Sapgir’s poetics as a poet.

Key words: Genrikh Sapgir; narrative organization; narration; subjectivity; novel; artistic instance.

УДК 821.111(73)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-154-163
<https://elibrary.ru/vicdop>

EDN VICDOP

«Слово Даниила Заточника» – первое произведение духовной сатиры в русской литературе

Сыромятников Олег Иванович

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный научный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. pani_perm@list.ru

SPIN-код: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Статья поступила в редакцию 07.09.2024

Одобрена после рецензирования 24.11.2024

Принята к публикации 21.02.2025

Информация для цитирования

Сыромятников О. И. «Слово Даниила Заточника» – первое произведение духовной сатиры в русской литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 154–163.
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-154-163. EDN VICDOP

Аннотация. В статье проводится анализ формы и содержания памятника древнерусской литературы «Слово Даниила Заточника». Особое внимание обращено на ряд поздних вставок в первоначальный текст, придавших ему известный в настоящее время вид и создавших несколько ярких противоречий. Предпринимается попытка объяснить их путем обобщения имеющегося научного опыта исследования «Слова» и глубокого погружения в религиозно-культурный контекст его создания. Автор статьи полагает, что целью вставок было желание привлечь внимание читателя к таким чертам личности Даниила, как эгоизм, индивидуализм, гордость, тщеславие, самонадеянность. Некоторые вставки раскрывают детали личной жизни Даниила, показывая его склонность к нарушению общепринятых моральных и религиозных норм. В своей совокупности вставки создают целостный образ человека, пренебрегающего традиционными для русского общества XII–XIII вв. духовными и нравственными нормами. Подобный тип личности был нетипичен для этого времени и привлекал к себе внимание широких слоев общества, давая пример недолжного поведения. Автор статьи полагает, что это побудило представителей официальных (княжеских или церковных) кругов предпринять попытку компрометации образа Даниила в глазах читающей общественности. С этой целью и были сделаны вставки, превратившие послание Даниила в первое сатирическое произведение русской литературы, а поскольку предметом этой сатиры были не социальные или политические, а духовно-нравственные явления, то ее следует считать духовной сатирой. Известно, что произведения подобного рода появлялись и в литературе последующих веков, показывая тип ловкого пройдохи, добивающегося своих целей любыми средствами, поэтому автор статьи предлагает считать «Слово Даниила Заточника» первым произведением подобного рода.

Ключевые слова: русская литература XII–XIII вв.; «Слово/Моление Даниила Заточника»; Священное Писание; антиидеал; апостасия; духовная сатира; гомилетика.

Данная работа предлагает решение поставленной ранее проблемы, связанной со сложностью понимания идеиного содержания «Слова Даниила Заточника» – памятника древнерусской

литературы XII века¹. Его следует отличать от другого произведения – «Моления Даниила Заточника», которое большинство специалистов считают поздней переработкой «Слова»². По

форме «Слово» является обычным частным письмом (челобитной грамотой) – некий человек, названный в заглавии Даниилом, попал в бедственное материальное положение и обратился за помощью к некоему князю. Однако тон «Слова» и множество содержащихся в нем противоречий делают просьбу Даниила совершенно бессмысленной. Укажем наиболее яркие из них.

«Слово» создано в то время, когда христианство было доминирующим мировоззрением всех социальных слоев Руси. Разумеется, и тогда появлялись люди с несформированным или разрушенным религиозным сознанием, но открыто демонстрировать его, тем более в письме к князю, было совершенно невозможно. И тем не менее Даниил это делает: «...не ими другу вѣры, ни надѣйся на брата» (Слово... 1997: 270). Этот совет прямо противоречит главной заповеди христианства, говорящей о любви к Богу и к ближнему (Мф. 22:37-39).

Второе противоречие связано с тем, что видимой целью Даниила является намерение устроиться на службу к князю. Он много и странно намекает на это, но вдруг заявляет: «Не имѣй собѣ двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ княжа села: тивунъ бо его – аки огнь, трепетицо накладень, и рядовичи его – аки искры. Аще от огня устережешися, но от искорѣ не можеши устеречися и сождения порть» (Слово... 1997: 276).

Третье противоречие связано с «экономическим» советом, который Даниил дает князю: «Якоже бо неводъ не удержить воды, точио едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем» (там же: 274). Даниил явно считает князя (от которого, по его словам, зависит вся его дальнейшая судьба), глупее себя, ведь если князь исполнит его совет, то через некоторое время поменяется с Даниилом местами. Еще раз подчеркнем: это лишь малая часть противоречий, содержащихся в «Слове», и их понимание, на наш взгляд, позволит раскрыть идеиное содержание этого уникального памятника.

Из текста «Слова» следует, что его автор получил некоторое духовное образование, так как он многократно и свободно цитирует различные фрагменты Ветхого и Нового Завета. Это дает основание предположить, что им не мог быть простолюдин (вынужденный обеспечивать себя постоянным физическим трудом) или воин, не имеющий времени на богословские штудии. Им мог быть только свободный человек (не холоп), имевший доступ к «книжной премудрости», хранившейся в те времена в монастырях или княжеских библиотеках. Возможно, получив образование, Даниил какое-то время был советником (думцем) или писцом князя, но затем совершил

ничто, за что подвергся социальному ostrакизму и княжеской опале. Это «ничто» и стало причиной последующих комментариев (вставок) в первоначальный текст – они должны были предельно ярко выявить нравственный облик автора послания и показать его чуждость духовному строю русской жизни. Так у «Слова» появился второй автор³, придавший тексту тот вид, который он имеет в настоящее время.

Как уже говорилось, «Слово» в известном нам виде создано в христианскую эпоху истории Руси, создано христианином и для христиан. Христианин – тот, кто живет по заповедям Христа и канонам Христианской Церкви, однако во все времена были люди, принадлежавшие к христианству лишь по факту крещения, но жившие по своим собственным правилам. Согласно православной экклезиологии, от духовного состояния каждого отдельного христианина зависит здоровье всего христианского сообщества. В эпоху написания «Слова» ответственность за поддержание в народе христианской веры и традиций несли князь и епископ. Видя нарушение или неисполнение каких-либо христианских предписаний, они использовали имеющуюся в их распоряжении власть, а иногда обращались к людям со «Словами», «Поучениями», «Наставлениями» и «Посланиями»⁴, в которых простым и понятным языком излагали основы веры, уча своих подданных жить по-христиански. Они могли говорить непосредственно от своего лица, но в некоторых случаях поручали сказать о какой-либо важной проблеме своим приближенным, обладающим необходимыми знаниями и способностями. Этим объясняется насыщенность «Слова» фольклорными элементами – ни князь, ни епископ не могли *так* говорить, но хотели, чтобы их мысль дошла до сердца каждого, в том числе и самого простого, необразованного человека. Вероятно, настоящий автор находился на стыке официальной церковности и «мира» – был монахом, жившим при дворе князя и исполнявшим примерно те же обязанности, что и Даниил. Об этом говорит дважды повторенная оговорка: «Глаголеть бо в мирских притчах...» (там же: 278, 282), характерная для речи и некоторых современных монахов, а также обороты, контрастирующие с другими религиозными высказываниями Даниила: «Якоже Богъ повелить, тако будеть: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надѣяся на Господа яко гора Сионъ: не подвижится въ вѣки» (там же: 274) и др.⁵

Литература каждой исторической эпохи обладает определенной идейной целостностью, поэтому «Слово Даниила Заточника», несмотря на всю оригинальность формы, внутренне близко многим произведениям русской словесности. Этую

близость образует единое христианское мировоззрение, проявляющееся, в частности, в том, что причину всех бед (нашествий иноплеменников, усобиц, природных и социальных катаклизмов, эпидемий и пр.) христианин видел в отступлении от богоустановленных духовных законов. «По грехам нашим», «за грехи наши прогневался на нас великий Бог» и т. п. – лейтмотив многих произведений древнерусской литературы, поэтому важнейшей задачей древнерусских книжников и всех последующих христианских писателей было изображение причин и следствий *апостасии* – отступления человека от заповедей Христа. По словам Х. Бирнбаума и Р. Романчука, подобные «назидательные сочинения» были особенно распространены в русской литературе первых веков ее существования, чему способствовала византийская книжная традиция, согласно которой «текст организован вокруг христианских тем и мотивов, т. е. этических “правд”, и основан больше всего на христианских истоках» [Бирнбаум, Романчук 1996: 586, 593]. Борьба с грехом посредством слова – обычное явление для христианской литературы. На Руси первый подобный опыт предпринял митрополит Иларион Киевский, который в богословской части своего «Слова» выступил против уклонений от догматического учения Церкви и в поэтической форме раскрыл содержание ороса IV Вселенского Собора. Впоследствии учение Христианской Церкви воплощали в слове и другие русские епископы и князья, в результате чего появилось множество произведений различных жанров, объединенных общим гомильтическим пафосом. А. А. Пауткин справедливо полагает, что произведения подобного рода «нуждаются в особом толковании, встраивании в круг явлений, соответствующих “норме”. <...> Под таким углом зрения отчетливее видны судьбы литературной традиции, ее пересечения и развитие при переходе из одного центра книжности в другой, а также синтез различных элементов при формировании оригинальных текстов» [Пауткин 2014: 56].

Настоящий автор «Слова» увидел в послании Даниила признаки апостасии и, сознавая ее опасность для духовной жизни христианского сообщества, постарался предупредить о ней. Точно так же поступали и другие древнерусские книжники, наполняя летописи описаниями причин и следствий человеческих грехов. Гомильтическая направленность сближает «Слово» со многими памятниками русской литературы. Так, о его связи со «Сказанием о Борисе и Глебе» говорит А. С. Орлов: «Трудно допустить, чтобы упоминания о Святополке...» не было в «Слове» [Орлов 1937: 161–162]. Речь идет не о сюжетной, а о внутренней, духовной связи двух произведе-

ний. «Сказание» повествует о том, как князь Святополк поддался страсти сребролюбия и славолюбия и повторил преступление Каина [Сказание о Борисе и Глебе: 332]. Даниил также совершил некое преступление, за которое подвергся жестким социальным санкциям. «Сказание» показывает, как князь Ярослав применил силу для того, чтобы прервать цепь преступлений Святополка [там же: 345], а настоящий автор «Слова» с той же целью использовал свои литературные дарования.

«Сказание» сближает со «Словом» еще одна характерная деталь – и Святополк, и Даниил знали о существовании духовных законов, открытых христианством, но все же нарушили их. Так, убив Бориса, Святополк размышляет о том, что делать дальше: «Что сътворю? Аще бо до съде оставлю дѣло убийства моего, то дѣвоего имамъ чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше въздадять ми и горьша сихъ. <...> Зане егоже Господъ възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере моей грѣхъ да не оцѣститься и съ правдыными не напишуся, нѣ да потреблюся отъ книгъ живущихъ» [там же: 338]. О родовом грехе, передающемся из поколения в поколение, знает и Даниил, решившийся на продажу собственных детей: «Аще будуть родилися в матери, то, возрошиши, мене продадут» (Слово...: 282).

В «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» рассказывается, как князь Давыд Игоревич, поддавшись страсти властолюбия, отдал приказ ослепить своего брата Василька. Узнав об этом, князь Владимир Мономах горестно заметил: «Сего не было есть у Русской земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла» [Повесть временных лет 1997: 274]. Возник прецедент, легитимизирующий беззаконие, и князь Владимир применил силу, чтобы его пресечь. Его собственные взгляды, полностью соответствовавшие христианскому мировоззрению, нашли воплощение в известном «Поучении». По словам О. И. Скрипиля, уже «в последней трети XIX века <...> в статьях О. Ф. Миллера, Е. Модестова, И. Н. Жданова, И. Яхонотова, И. А. Шляпкина и др. <...> подмечается сходство взглядов автора “Слова” со взглядами Владимира Мономаха...» [Скрипиль 1955: 92]. На наш взгляд, «Поучение Владимира Мономаха» сближается со «Словом Даниила» прежде всего использованием биографического сюжета. Князь Владимир, обращаясь к современникам, на своем личном примере показывает, как следует жить в соответствии с православной верой, а настоящий автор «Слова» описывает детали биографии Даниила, которые, по словам Д. С. Лихачева, «мог-

ли быть вполне реальными фактами» [Лихачев 1979: 256], чтобы показать его отступление от норм христианской жизни.

О связи «Слова Даниила Заточника» со «Словом о полку Игореве» говорит Э. О. Кранк, замечая, что они созданы «приблизительно в одно время». Автор приходит к мысли о том, что «если повествование о походе Игоря Новгород-Северского на половцев можно назвать первым эпическим произведением древнерусской словесности, то “Слово Даниила Заточника” – первым лирическим произведением на Руси. Можно утверждать, таким образом, что Даниил Заточник – первый русский (или древнерусский) лирический поэт» [Кранк 2022: 54]. Думается, это всё же некоторое преувеличение. Автор «Слова о полку Игореве» устами князя Святослава Киевского и множеством художественных деталей осуждает поступок князя Игоря, который начал поход, поддавшись страсти славолюбия («Спала князю умь похоти...» [Слово о полку Игореве: 256]), но подчеркивает его личные положительные черты (мужество, храбрость, решительность и др.). Он указывает на прямую связь поступка князя со страданиями русских людей, потерявших своих отцов, сыновей, братьев и подвергшихся набегу половецких орд: «На рѣцѣ на Калятѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо...» [там же: 260]. В результате «Слово» стало художественным переложением важнейшего духовного закона, о котором говорит Священное Писание: «Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (Притч. 11:11)⁶. Святитель Василий Великий поясняет эту мысль так: «Итак, познаём, что за отпадение и нерадение насыщает на нас Бог удары не с намерением сокрушить, но с желанием исправить... <...> И за немногих приходят бедствия на целый народ, и за злодеяние одного вкушают плоды его многие» [Василий Великий 2008: 639, 641]. Об этом же говорит и св. Киприан Московский, обращаясь к ученикам: «Не вѣете ли, яко грѣх людъский на князи, и княжъский грѣх на люди нападает?» [Послание митрополита Киприана 1997: 414]⁷.

Грехи правителей обираются страданиями их подданных, поэтому русские летописи содержат описания множества преступлений, совершенных князьями и боярами. Это нельзя считать социальной сатирой, потому что цель христианских писателей состояла не в том, чтобы обличить социальный порок, а в том, чтобы выявить его духовные причины, а затем остановить его развитие в общественном сознании, так как преступление правителя служило примером для подчиненных ему людей, давало им, говоря сло-

вами Ф. М. Достоевского, «право на бесчестье». Еще в середине XIX в. С. П. Шевырев заметил, что «“Слово” содержит в себе множество намеков, как должно думать, на современные ему обстоятельства» [Шевырев 1846: 210]. Об этом же говорит и современный исследователь: «Появление “Слова...” в XII в., внимание к нему и переработка текста в XIII в. (“Моление...”), возможно, определены кризисным характером данной эпохи в истории русского народа...» [Бедина 2019: 106]. На наш взгляд, речь должна идти о кризисе религиозного сознания древнерусского мира, к началу XIII в. достигшего социально опасных размеров – в разных землях Руси появилось множество «даниилов», каждый из которых мог выглядеть жалким и смешным, но непрерывно распространял вокруг себя безверие, отравляя и заражая им церковный организм⁸.

В результате люди обособлялись, социальная атомизация захватывала уже не только княжеские «верхи», но и широкие слои русского народа, забывшего духовный закон, о котором говорит Священное Писание: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25). Расплатой за духовное беспамятство стало двухсотлетнее рабство.

«Слово Даниила Заточника» явилось первым произведением русской литературы, в котором описывалось апостасийное сознание человека, не принадлежавшего к привилегированным социальным слоям. Следует согласиться с мыслью Д. С. Лихачева, назвавшего Даниила «своего рода “интеллигентом” Древней Руси XII–XIII веков» [Лихачев 1979: 255]. Автор протографа «Слова» не принадлежал ни к духовному, ни к княжескому, ни к боярскому сословию, он – тот, кого во второй половине XIX в. называли разночинцем, а затем и интеллигентом. Даниил искренне верил, что само наличие разума и образования дает ему право на особое положение в обществе. Вероятно, он действительно направил князю некое послание, но сначала оно попало в руки какого-то княжеского «чиновника», который обратил внимание на особенности духовно-нравственного устроения личности Даниила, значительно отличавшиеся от христианских норм. Очевидно, некоторое время он старался понять, является ли это частным случаем или знаменует появление нового типа личности, потенциально опасного для христианского сообщества. Убедившись, что разного рода «даниилы» действительно появились в народе, он «разбрех» свои сомнения, «аки древняя – младенца о камень» и «вострубил» (Слово...: 269), чтобы привлечь общественное внимание к обнаруженной проблеме. Это позволило Н. Н. Воронину пред-

положить, что имя «Даниил» – только литературная маска, и считать «Слово» публицистическим и даже обличительным произведением, рассчитанным на широкую аудиторию [Воронин 1967: 72].

Вероятно, именно настоящий автор убрал из послания Даниила все реалии, указывающие на его автора и адресата. Это было связано, во-первых, с христианским требованием «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7:1-2). А во-вторых, автор говорил не о конкретном человеке, а о явлении, поэтому он использовал обобщение и типизацию, благодаря которым читатели легко узнавали «даниилов» в своих современниках. Этим объясняется широкая популярность «Слова» и его сращивание с фольклорной традицией.

Для того чтобы показать духовную и нравственную ущербность Даниила, настоящий автор сопроводил отдельные фрагменты его послания своими комментариями. Прежде всего он акцентировал внимание читателей на искажениях Даниилом слов Священного Писания и его откровенно антихристианских суждениях, а затем дезавуировал то, что Даниил считал своим главным достоинством – разум. С этой целью он профанировал его высказывания, создав противоречия, в своей совокупности рождавшие в сознании читателя вопрос: если ты действительно такой умный, то как попал в подобную ситуацию? И почему не можешь сам из нее выйти? Тем самым настоящий автор как бы напоминал читателям и самому Даниилу мысль ап. Павла: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1Кор. 3:18-19). Действительно, православный человек никогда не похваляется своим умом, искренне считая себя ничтожным и недостойным, потому что следует универсальной норме христианского самосознания, восходящей к словам Христа о том, что «блаженны нищие духом» (Мф. 5:3).

Гипертрофированная оценка человеком своих мыслительных и иных способностей, как правило, является следствием развития страсти гордыни, искажающей восприятие человеком себя и окружающего мира. В результате, замечает Э. О. Кранк, даже находясь в крайне бедственном положении, Даниил «не столько молит князя о его милости, сколько вытребывает себе признание по праву. Трудно представить себе в устах униженного повседневным неблагополучием, лишённого, видимо, всяческих прав человека более “кощунственного” по отношению к

средневековой субординации, вершину которой представляет на земле сюзерен, на небесах – Бог, более исполненное гордыни сравнение, до которого возносится Даниил, ставя себя на одну доску со своим пресветлым господином: “...егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлъбъ ядуща”...». Исследователь справедливо полагает, что «средневековый идеал служения вассала сюзерену, отстаиваемый Даниилом, сопряжён для него с осознанием своей исключительности» [Кранк 2022: 53].

Духовная проблема сочетания в одном человеке ума и гордости является важнейшей темой христианской литературы. «Слово Даниила Заточника» – первое произведение, в котором демонстрируется рационализм европейского типа, глубоко чуждый духовно-нравственному строю русского человека. Стремление настоящего автора скомпрометировать эту «добродетель» свидетельствует о появлении в русской литературе антирационализма, достигшего наивысшего развития в «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Еще через полвека против такого рационализма выступит Ф. М. Достоевский: «Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять – премиальная иногда вещица» [Достоевский, т. 5: 119]. Он же укажет и на духовную закономерность взаимодействия разума и гордыни: «Разум-то ведь страсти служит» [Достоевский, т. 6: 215].

Еще одну черту личности Даниила настоящий автор компрометировал с помощью сюжета о «злой жене», широко распространенного в средневековой литературе⁹. Он использовал этот сюжет не для украшательства или скоморошества, а с тем, чтобы показать алчность, слабость и неспособность Даниила организовать семейную жизнь в соответствии с христианской традицией, согласно которой «не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа» (1Кор. 11:8-9). Настоящий автор работал с материалом так, как это было ему необходимо для решения поставленной задачи, и в результате возникло впечатление, что этот фрагмент «Слова» «состоит из отдельных кусков, соединенных механически, <...> даже с нарушением логической последовательности» [Миндалев 1914: 144]. Мы же полагаем, что он служит композиционно продуманной пролегоменой к небольшому абзацу, завершающему основную часть «Слова»: «Нѣ у кого же умрѣ жена. Онъ же по малых днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: “Чему дѣти продаешь?” Он же рече: “Аще будуть родилися в матерь, то, возврощши, мене продадут”» (Слово...: 282). «Некий человек» – несомненно, Даниил, иначе объяснить наличие этой вставки невозможно, настолько она инородна по отноше-

нию к остальному тексту. Вероятно, настоящий автор не обладал достоверными сведениями о причине смерти жены Даниила, поэтому не стал обвинять его прямо, а использовал сюжет о «злой жене», чтобы показать духовную и психологическую логику происшедшего.

Он особо подчеркивает, что, вступая в брак, Даниил руководствовался абсолютно апостасийными мотивами. Христиане создают семьи, чтобы, став единым духом и «единой плотью» (Мф. 19:5), идти ко Христу, а Даниил женился «у богата ться чти великиа ради», чтобы жить в достатке, сытно есть и пить (Слово...: 280). Другой причиной брака было прельщение женской красотой, о чем Даниил вспоминает с крайним раздражением: «Аще который муж смотрить на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаеть, то дай Богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят» (там же). Характерно, что, вспоминая о прошедшем, Даниил явно пытался снять с себя ответственность за него: «Но по сему, братиа, расмотрите злу жену: и рече мужу своему: «Господине мой и свѣте очио мою! Азъ на тя не могу зресть. Егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и вѣздерьжат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю» (там же). Заметим, что прямая речь жены создает первую в русской литературе эротическую сцену, ярко рисующую состояние духовного мира Даниила и его жены.

Изначальное несоблюдение норм христианской жизни привело к деструкции семейных отношений – жена чувствовала себя весьма свободно и не спешила подчиняться Даниилу. Возможно, брак был нужен ей только для того, чтобы прикрыть некоторые неблаговидные наклонности (неслучайно в «Слове...» упоминается, что «дѣвица бо погубляеть красу свою бладнею...» (там же: 278)). Автор рассказывает, как она прямо при муже начала украшать себя, что вызвало его злой сарказм: «Видѣхъ жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: «Не зри в зерцало, видѣвшe бо нелѣпоту лица своего, зане большую печаль приимеши»» (там же: 280). Вероятно, в конце концов Даниил узнал, для кого украшала себя его жена, и с гневом поделился своим печальным опытом: «Аще который муж смотрить на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаеть, то дай Богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят» (там же).

Экспрессивными и инвективными вставками настоящий автор усиливает общий эмоциональный фон повествования и постепенно подводит читателя к мысли о том, что между мужем и женой произошлассора, закончившаяся трагедией. Вероятно, она случилась в присутствии детей –

об этом говорят опасения Даниила по поводу того, что когда они вырастут, то захотят отомстить ему. Следуя своей рациональной логике, он попытался избавиться от невольных свидетелей, но натолкнулся на сопротивление христианского социума: «Чему дѣти продаешь?» (там же: 282). Полагаем, именно это и стало настоящей причиной обструкции, на которую Даниилжаловался князю: «Друзи же мои и ближни мои и тии отвръгощася мене» (там же: 270).

Заметим, что благодаря настоящему автору Даниил сделался самостоятельным персонажем «Слова», обладающим биографией, духовными, нравственными и психологическими качествами. И вместе с тем он остался представителем духовно-нравственного типа, выражающего определенную идею, ключом к пониманию которой служат эпитеты, употребленные им для самохарактеристики: «нищий» и «убогий». Последнее слово обычно переводится как «бедный», однако в словаре В. И. Даля открываемый им синонимический ряд содержит весьма характерную коннотацию: «увечный, калечный, неисцелимо немощный» [Даль 1996, т. IV: 458]. В русском языке *бедный* – это тот, кто попал в *беду* и старается справиться с ней, поэтому «бедность – не покор», а при нищете человек уже не надеется на свои силы и полагается только на помочь извне¹⁰. В том же словаре читаем: «Нищий – до крайности бедный, убогий, неимущий, скучный; побирающийся, живущий Христовым именем, питающийся подаянием, ходящий по миру, просящий милостины» [там же]. Иными словами, обычный нищий – это больной или калека, не способный прокормить себя своим трудом, а Даниил молод, умен, образован и не жалуется на здоровье, однако при этом он ничего не делает для исправления сложившегося положения, а лишь пытается использовать его в своих целях.

Подобный тип личности станет предметом рассмотрения русской литературы XVII в. В «Повести о Шемякином суде» бедный брат нищенствует не из-за физического недостатка и не потому, что ему никто не помогает, а потому, что не хочет работать, предпочитая жить за чужой счет. Он калечит лошадь, становится причиной гибели ребенка и старика, обманывает судью и не только не несет за это ответственность, но еще и обогащается. Подобный тип ловкого, предприимчивого пройдохи показан в «Повести об Ерше Ершовиче» и в ряде других произведений, но вершиной его развития в древнерусской литературе стал образ Фрола Скобеева («Повесть о Фроле Скобееве»). Так же, как и Даниил, главный герой женился ради богатства, однако не только избежал наказания, но еще приобрел неправедным путем и богатство, и социальный статус.

Демократическая критика XIX в. и советское литературоведение называли эти произведения *социальной сатирой*, по идеологическим причинам полностью игнорируя гомильтический пафос древнерусской литературы и христианский мировоззренческий контекст эпохи ее создания. Между тем нетрудно заметить, что в центре каждого из этих произведений находятся не социальные проблемы и уж тем более не бунт против несправедливого социального устройства, а апостасирующее индивидуальное сознание. Христианские писатели внимательно исследуют мысли и чувства людей, противопоставивших нормам христианской жизни свои собственные правила, выявляют пороки и страсти, толкнувшие их на преступление Божьих и человеческих законов. Характерно, что в тех случаях, когда такие люди достигают своей цели, обогащаясь неправедным путем, автор несколькими художественными чертами создает атмосферу абсурда, ирреальности, тем самым подчеркивая, что описываемое событие не является нормой христианской жизни¹¹. Всё это дает основание считать указанные памятники литературы произведениями духовной сатиры, а «Слово Даниила Заточника» – первым в их ряду.

Различные преступления богоустановленных законов подавали пример недолжного поведения, расшатывая религиозное сознание русских людей. Для борьбы с подобными явлениями древнерусские книжники создавали образы антиидеала, осуждая не конкретного человека, а совершенный им грех и его причины – подчиненность страстям славолюбия, сластолюбия и сребролюбия. Так же поступил и настоящий автор «Слова» – создал образ маргинала, отщепенца, живущего по собственным, нехристианским, законам. Для этого он намеренно нарушил «логичность и последовательность <...> мысли» Даниила [Соколова 1993: 243], посредством своих комментариев приведя его высказывания к абсурду. В результате, пишет Н. Н. Бедина, настоящий автор «создал картину анти-мира, создал анти-текст, который со всей его образной системой целиком принадлежит сфере анти-поведения» [Бедина 2019: 105]. Создание образа антиидеала – характерный прием гомильтической литературы, однако «Слово» отличается от подобных текстов тем, что в нем нет образа положительного героя, несущего добро и справедливость. Полагаем, это было связано с особой остротой духовного кризиса конца XII столетия – реальная жизнь уже не давала положительных примеров. Поэтому настоящий автор сосредоточил все свои усилия на том, чтобы показать не то, как нужно жить, а то, как жить нельзя, и создал близкий и понятный современникам образ антиидеала. Для этого

он использовал ресурсы народной смеховой культуры, а также решился на смелый литературный эксперимент – трансформировал широко распространенную в античной и средневековой литературе форму диалога таким образом, что его голос иногда полностью сливался с голосом Даниила, а иногда резко отделялся от него. Полагаем, в этом художественном приеме нашло свое выражение христианское мировоззрение настоящего автора, считавшего, что «единичного греха нет», что он сам столь же (хотя и по-другому) греховен, как Даниил. На это указывают внезапные переходы изложения от первого лица единственного числа к безличному множественному: «...тако и мы, господине, желаем милости твоей...», «...ни нашим иманиемъ твоего дому истощити...» (Слово...: 270, 274).

Таким образом, внутренняя идея «Слова Даниила Заточника» полностью соответствует гомильтической традиции русской литературы – настоящий автор старается словом остановить развитие негативного духовного явления в жизни русского народа. С этой целью он создает особого рода *дифонию*, сливая свой голос с голосом автора протогофа, а также с помощью логических противоречий пародирует такие черты его личности, как гордость, тщеславие и pragmatism. В результате возникает образ антиидеала – человека, противопоставляющего свое персональное мировоззрение нормам христианской жизни. Средствами смеховой народной культуры настоящий автор снимает эсхатологическое напряжение, свойственное гомильтическим сочинениям, и делает образ Даниила смешным и нелепым, предлагая читателям посмеяться над ним. Этим и объясняется большая популярность «Слова Даниила Заточника» – первого памятника духовной сатиры в русской литературе.

Примечания

¹ См.: Сыромятников О. И. «Слово Даниила Заточника»: проблемы изучения и пути их решения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, № 3. С. 169–178.

² См., например: [Бедина 2019: 106].

³ В дальнейшем мы будем называть его *настоящим* автором.

⁴ Например: «Поучение Феодосия Печерского», «Поучение Владимира Мономаха», «Слова и поучения Серапиона Владими尔斯ского», «Наставление тверского епископа Семена» и др.

⁵ Одним из первых это мнение о личности *настоящего автора* выразил в 1880 г. Е. О. Модестов. Впоследствии ее разделяли В. И. Гуссов, Н. Н. Зарубин, Н. Н. Бедина, Х. Бирнбаум, Р. Романчук и некоторые другие исследователи.

⁶ Этот же духовный закон упоминается в зачале (своего рода «ключа» к идеиному содержанию) «Сказания о Борисе и Глебе» и представляет собой цитату из Пс. 111:2: «Родъ правыхъ благословиться, – рече пророкъ, – и съмъ ихъ въ благословлении будеть» [Сказание о Борисе и Глебе: 328].

⁷ Художественное воплощение этого закона впоследствии будет сделано А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове» и «Истории Пугачева». Еще через полвека герой А. К. Толстого скажет, обращаясь к царю: «Не скажут ли, что все невзгоды наши / (И, может быть, их много впереди) / Накликал ты на землю?» [Толстой 1980: 44].

⁸ Ср.: «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1Кор. 12:26-27).

⁹ С. П. Обнорский считал его основой новгородское «Слово о злых женах» [Обнорский 1946: 129].

¹⁰ Достоевский говорит об этом в монологе Мармеладова: «...бездность не порок, это истина. <...> Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с...» [Достоевский, т. 6: 13].

¹¹ Так, Фрол Скобеев трое суток предавался любовным утехам в доме соблазненной им девушки, переодевшись в женское платье, и никто не опознал в нем мужчину.

Список источников

Слово Даниила Заточника / Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 268–284.

Список литературы

Бедина Н. Н. Книжная пародия как факт средневековой культуры («Слово Даниила Заточника») // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 1А. С. 99–109. doi 10.25799/AR.2019.44.1.011

Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси) // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буландин, 1996. Т. 50. С. 576–602.

Василий Великий (архиеп. Кесарийский). Беседа 8 / Творения: в 2 т. М.: Сибирская благозвонница, 2008. Т. 1. С. 638–645.

Воронин Н. Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Наука, 1967. С. 54–101.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 4. 688 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Кранк Э. О. «Слово Даниила Заточника» – первое лирическое произведение в русской литературе // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2022. № 17. С. 51–54.

Лихачев Д. С. «Моление» Даниила Заточника // Великое наследие. 2-е изд., доп. М.: Современик, 1979. С. 241–258.

Миндальев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. 346 с.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: АН СССР, 1946. 199 с.

Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л., 1937. С. 161–162.

Пауткин А. А. Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы. Stephanos. 2014. № 6 (8). С. 55–60.

Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 62–316.

Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 6. С. 412–424.

Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 328–352.

Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника / Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 72–95.

Слово о полку Игореве / Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 254–268.

Соколова Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буландин, 1993. Т. 46. С. 229–255.

Толстой А. К. Смерть Ивана Грозного // Толстой А. К. Собр. соч. в 4 т. М.: Правда, 1980. С. 5–145.

Шевырев С. История русской словесности. Т. I, ч. II. М., 1846. С. 210–213.

References

Bedina N. N. Knizhnaya parodiya kak fakt srednevekovoy kul'tury ('Slovo Daniila Zatochnika') [Book parody as a fact of the medieval culture ('The Word of Daniel the Exile')]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2019, vol. 9, issue 1A, pp. 99-109. doi 10.25799/AR.2019.44.1.011 (In Russ.)

Birnbaum H., Romanchuk R. Kem byl zagadochnyy Daniil Zatochnik? (K voprosu o kul'ture chteniya v Drevney Rusi) [Who was the mysterious Daniil Zatochnik? (On the reading culture in Ancient Rus')]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*

[Works of the Department of Old Russian Literature (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 50, pp. 576-602. (In Russ.)

Vasiliy Velikiy (Basil of Caesaria, archbishop). Beseda 8. Tvoreniya [Conversation 8. Works]: in 2 vols. Moscow, Sibirskaya blagovzonnitsa Publ., 2008, vol. 1, pp. 638-645. (In Russ.)

Voronin N. N. Daniil Zatochnik [Daniel the Exile]. *Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s Novym vremenem. Issledovaniya i materialy po drevnerusskoj literature* [Old Russian Literature and Its Connections with the New Time. Research and Materials on Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 54-101. (In Russ.)

Dal V. I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. St. Petersburg, Diamant Publ., 1996, vol. 4. 688 p. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sochineniy [Fyodor Dostoevsky. Complete Works]: in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

Krank E. O. 'Slovo Daniila Zatochnika' – pervo liricheskoe proizvedenie v russkoj literature ['The Word of Daniel Zatochnik' as the first lyrical work in Russian literature]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts], 2022, issue 17, pp. 51-54. (In Russ.)

Likhachev D. S. 'Molenie' Daniila Zatochnika ['The Prayer' by Daniil Zatochnik]. *Velikoe nasledie* [Great Heritage]. 2nd exp. ed. Moscow, Sovremen nik Publ., 1979, pp. 241-258. (In Russ.)

Mindalev P. *Molenie Daniila Zatochnika i svyazannye s nim pamyatniki* [The Prayer by Daniil Zatochnik and Related Monuments]. Kazan, 1914. 346 p. (In Russ.)

Obnorskiy S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka starshego perioda* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the Old Period]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1946. 199 p. (In Russ.)

Orlov A. S. *Drevnyaya russkaya literatura XI-XVI vv.* [Ancient Russian Literature of the 11th-16th Centuries]. Moscow, Leningrad, 1937, pp. 161-162. (In Russ.)

Pautkin A. A. *Drevnerusskaya knizhnost': istoriko-literaturnye al'ternativy* [Ancient Russian bookishness: historical-literary alternatives]. *Stephanos*, 2014, issue 6 (8), pp. 55-60. (In Russ.)

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 62-316. (In Russ.)

Poslanie mitropolita Kipriana igumenam Sergiyu i Feodoru [Metropolitan Cyprian's Message to Abbots Sergius and Theodore]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 6, pp. 412-424. (In Russ.)

Skazaniye o Borise i Glebe [The Tale of Boris and Gleb]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 328-352. (In Russ.)

Skripil' M. O. 'Slovo' Daniila Zatochnika ['The Word' of Daniil Zatochnik]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955, vol. 11, pp. 72-95. (In Russ.)

Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4, pp. 254-268. (In Russ.)

Sokolova L. V. K kharakteristike 'Slova' Daniila Zatochnika (Rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachal'nogo teksta) [On 'The Word' by Daniil Zatochnik (Reconstruction and interpretation of the original text)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS]. Moscow, Dmitriy Bulanin Publ., 1993, vol. 46, pp. 229-255. (In Russ.)

Tolstoy A. K. Smert' Ivana Groznogo [The Death of Ivan the Terrible]. In: Tolstoy A. K. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]: in 4 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 3, pp. 5-145. (In Russ.)

Shevyrev S. *Istoriya russkoy slovesnosti* [History of Russian Literature]. Moscow, 1846, vol. 1, pt. 2, pp. 210-213. (In Russ.)

'The Word of Daniil Zatochnik' as the First Work of Spiritual Satire in Russian Literature

Oleg I. Syromyatnikov

Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. pani-perm@list.ru

SPIN-code: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Submitted 07 Sep 2024

Revised 24 Nov 2024

Accepted 21 Feb 2025

For citation

Syromyatnikov O. I. "Slovo Daniila Zatochnika" – pervoie proizvedenie duchkovnoy satiry v russkoy literature ['The Word of Daniil Zatochnik' as the First Work of Spiritual Satire in Russian Literature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 154–163. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-154-163. EDN VICDOP (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the form and content of *The Word of Daniil Zatochnik*, a monument of ancient Russian literature. Special attention is paid to a number of late inserts into the original text, which gave it the currently known appearance and created several striking contradictions. The article attempts to explain them by means of relying on the existing scientific experience of studies of *The Word* and through deep immersion in the religious and cultural context of its creation. The author of the article believes that the inserts were introduced with the aim of drawing the reader's attention to such personality traits of Daniil as selfishness, individualism, pride, vanity, and arrogance. Some of the inserts reveal details of Daniil's personal life, showing his tendency to violate generally accepted moral and religious norms. In their entirety, the inserts create a holistic image of a person who neglects the traditional spiritual and moral norms of Russian society of the 12th-13th centuries. This type of personality was atypical for that time and attracted the general public's attention, giving an example of inappropriate behavior. In the author's opinion, this prompted the representatives of official (princely or ecclesiastical) circles to make an attempt at compromising the image of Daniil in the eyes of the reading public. This is the reason why the inserts were made, turning Daniil's epistle into the first satirical work of Russian literature. Since the subject of the satire was not social or political but spiritual and moral phenomena, it should be considered a spiritual satire. It is known that works of this kind appeared in the literature of subsequent centuries, showing the type of a clever rascal who achieves his goals by any means. Therefore, the author of the article suggests that *The Word of Daniil Zatochnik* be considered the first work of this kind.

Key words: Russian literature of the 12th-13th centuries; 'The Word/Prayer of Daniil Zatochnik'; Holy Scripture; anti-ideal; apostasy; spiritual satire; homiletics.

Научный периодический журнал «**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «*Вестник Пермского университета*», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «*Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литературы; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «*Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/phiology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо сложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/phiology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляющей статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикаций в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редакции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещеных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 17. Выпуск 2 / 2025

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

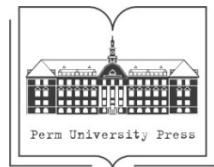
Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 28.06.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 19,18. Тираж 500 экз. Заказ 81

**Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности**
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/8963075/>

Распространяется бесплатно и по подписке